

556

Annotation

В этой книге не только воспоминания о работе под руководством Сталина, Кагановича, Маленкова, Булганина, Бериин, Хрущева, Брежнева, Косыгина, Андропова, Черненко, Тихонова, Рыжкова и Горбачева. Деловые и личные оценки руководителей и соратников. Здесь сравнение СССР и СНГ, плановой и рыночной экономики. Прогноз развития и предложения по организации экономики страны.

Книга адресована широкому кругу читателей.

- [СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 10 ТОМАХ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Был ли «застой»?](#)
 - [Знать ложь и правду о Сталине...](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Когда оживала история](#)
 - [На крутых поворотах](#)
 - [Говорить со Сталиным ...](#)
 - [Жизнь молодая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [И всё-таки внезапность нападения](#)
 - [«Вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин»](#)
 - [Битва за нефть нарастала](#)
 - [Великий опыт возрождения](#)
 - [Бериевщина](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Испытание веры](#)
 - [Жизнь продолжается](#)
 - [Нефть и сахар](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [В экономическом штабе страны](#)
 - [Реформа Косыгина](#)
 - [«Лучшая пятилетка»](#)
 - [Борьба за новые технологии](#)
 - [Поддержка талантов](#)
 - [Развитие внешнеэкономических связей](#)

- [Глава шестая](#)
 - [Жизнь раскололась на две части](#)
 - [Мой последний Пленум ЦК](#)
 - [Работа - до конца!](#)
 - [Роль личности в истории](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [С тревогой о судьбе Родины](#)
 - [Начало второго этапа](#)
 - [Ельцинский период реформ](#)
 - [ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ](#)
 - [Где и в чём выход](#)
 - [С верой в доброе завтра](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

К 100-летию со дня рождения

Н.К. БАЙБАКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 10 ТОМАХ
ТОМ 5
От Сталина до Ельцина

Глава первая НА ПЕРЕЛОМЕ

Вместо предисловия

Работая над этой книгой, я имел в виду изложить динамику экономического развития нашей страны — бывшего Советского Союза и Российской Федерации за период 1917-1998 годы.

Это вызвано тем, что нынешние «реформаторы» и «демократы» пытаются оклеветать всё, что сделано нашим народом, Коммунистической партией и советским правительством. Я уже предпринял попытку опровергнуть эту клевету. «Политиздат» выпустил в 1993 году мою книгу «40 лет в Правительстве». К большому сожалению, в связи с разрушением Советского Союза, финансовыми трудностями и реорганизацией «Политиздата» (на его основе создано издательство «Республика») представленный мною материал «В экономическом штабе страны», подготовленный с участием работников Госплана СССР, был значительно сокращён, что привело к исключению важнейших показателей развития экономики страны и роста жизненного уровня населения. Книга вышла в сокращённом виде, к тому же малым тиражом, и быстро разошлась. Кроме того, в ней освещён период от Сталина до Горбачёва и мало что сказано о периоде так называемой «перестройки», которая длится уже более 10 лет. Учитывая это, я решил озаглавить новую книгу «От Сталина до Ельцина». Мне многое пришлось пережить как человеку, прошедшему путь от рядового инженера до заместителя Председателя Совета Министров и Председателя Госплана СССР и продолжавшему работать советником при Президиуме Совета Министров СССР, затем главным научным сотрудником в Институте проблем нефти и газа Академии наук Российской Федерации. Так что мой трудовой стаж достиг 70 лет. Это даёт мне основание поделиться с читателями своими взглядами на прошедшие и происходящие события в нашей стране, особенно в период «перестройки», приведшие к развалу Советского Союза и глубокому кризису экономики Российской Федерации и других республик бывшего СССР.

Как бывший Председатель Госплана СССР я счёл также необходимым изложить в этой книге некоторые соображения по выводу страны из кризисного состояния.

Рассматривая в книге «От Сталина до Ельцина» период «перестройки и реформ», я строго руководствовался информационными материалами правительственных органов, а также заслуживающими внимания материалами, публикуемыми в средствах массовой информации.

Сорок лет в правительстве. Я хорошо осознаю, что этот факт говорит сам за себя.

И я, с соответствующей щепетильностью, задаю себе вопрос: «Что же заставило меня взяться за перо?». Желание ли поведать о своей причастности к великим событиям, к кругу крупных исторических лиц, и поэтому представить сегодняшним читателям свой жизненный путь не иначе как в лучшем свете?

Ни в коем случае! Никогда я не помышлял о мемуарах. Приводит в некое смущение само это понятие: от него веет праздной умиротворённостью, сознанием заслуженности покоя и собственной значимости, — мол, исполнил до конца свой долг перед временем.

Ничего подобного я сегодня не испытываю, не могу умиротворённо возвращаться в прошлое и бесстрастно обозревать всё, что было со мной и моей советской страной, чью историю и душу ныне усиленно перелицовывают вчерашние преподаватели с кафедр марксизма-ленинизма. Перелицевавшие себя перевёртыши вот уже более десяти лет ведут информационную войну со всем нашим народом.

Эти, вроде А. Яковлева, академики от упразднённых наук, давно втайне помышляли, чтобы мы, строители великой державы, добровольно уступили им и своё историческое место в прошлом как ревнителям «общечеловеческих ценностей» и «общемирового прогресса», от которого якобы отстало наше государство.

Они подводили под это «теоретическую» базу, начав кампанию против «административно-командной системы». Конечно, они не сами до этого додумались, — даже якобы новый термин взят ими у Троцкого, у Авторханова и более мелких перебежчиков. Так, ещё в начале своего выхода на политическую арену, скандально-отставной мэр Москвы Г. Попов в статье об «административно-командной системе» крикливо поставил вопрос о нас, опытейших кадрах управления страной: как, дескать, быть с функционерами этой системы? Не объяснил только, как должны мы исчезнуть — насильственно? Сам он откровенно признавался в своей некомпетентности и списывал на неё все провалы в работе. Вместо борьбы с коррупцией был озабочен тем, как разработать тарифы на отдельные виды взяток, рассматривая их как плату за те или иные «услуги», оказанные чиновниками. Об этом он говорил открыто, нисколько не стесняясь. Можно ли себе представить, до какой степени морального падения мог дойти глава администрации столицы великого государства... К сожалению, по своему интеллекту и поведению он далеко не одинок в высших коридорах власти.

Получается, что И.В. Сталин был прав, когда боролся с троцкистами и правыми «уклонистами». Вовсе не безобидный теоретический шёл спор. Это была война не на жизнь, а на смерть. Последыши на деле показали, какой путь они готовили советской стране. Вот пришли к власти, но ни одной, хотя бы малозначимой железнодорожной ветки не проложили. Растащили финансы. Остановили наполовину страну, работавшую на полную мощь. Судят по итогам, а они, увы, плачевные. А система какая? Административно-феодалная. Само перечисление всех их повседневных дел — обвинение им.

Значит, Сталин проникал глубже, видел дальше, спасая страну от такого будущего и вёл беспощадную войну с ними — отцами нынешних бракоделов. Потому так цепко держат в руках средства массовой информации, объявляя всех несогласных с ними «красно-коричневыми». А сами? Известно, что постоянного цвета у хамелеонов нет.

Заметно, как ведётся дело и с очернением всей советской истории. Уверяют, что все государственные награды, которыми когда-то были отмечены те или иные труженики, получены за служение «империи зла», «ложному пути» и прочее.

Вот почему я свою книгу адресую прежде всего молодым. Они должны знать, как их прадеды, деды, отцы и матери сумели «в горячке буден» построить самую великую за всю историю Руси державу.

Всё больше и больше людей обращается к нам, государственным деятелям, и лично ко мне с вопросами: «Что происходит? Что сейчас нужно делать, чтобы выйти из тяжёлого положения, в котором не по своей воле оказался народ? Кто виноват в этом в первую очередь?».

Я отвечаю, что прежде всего необходимо знать всю правду о сегодняшнем тяжёлом положении страны, внутреннем и международном. Мы, старая гвардия державы, знаем, какой чудодейственной силой, сплачивающей воедино весь народ, способна обладать такая правда, даже горькая и жестокая.

Россия уже подведена сегодня к самому краю пропасти. Что же, давайте вспомним почти безнадёжные, страшные дни и ночи Сталинграда, когда лишь считанные метры волжской воды отделяли от гибели нашу Родину.

Мы тогда устояли! Ибо правда была за нами.

Перед смертельной, точно указанной Сталиным опасностью наш народ сплотился воедино, стал насмерть. Напрягшись до предела сил, страна, потерявшая почти 40 процентов своего промышленного потенциала, обеспечила уже в тяжелейшем 1941 году просто невероятные

темпы производства всех видов вооружения. Так, например, в первой половине года произведено 8268 самолётов, во второй — 13413; танков в первой — 1178, во второй — 13268.

И вся эта громада техники была полностью обеспечена горючим, несмотря на потери нефтепромыслов Кубани и Украины.

О том, каких нечеловеческих усилий это стоило, рассказывается в моей книге. Кстати, уместно заметить, что у нас есть немалый опыт подлинной перестройки (слово это взято из того времени), переналадки с мирной продукции на военную, как и опыт конверсии, когда всё делалось с умом — в условиях жёсткого централизованного управления, твёрдой государственной воли.

Разумеется, я не призываю к выходу из нынешнего развала методами военного времени. Моя цель — чётко обозначить тот исторический факт, что в годину тяжёлых испытаний руководство страны не скрывало от народа горькой правды. И не ошиблось. Именно такого уровня государственная правда необходима нам сегодня.

Судя по многочисленным сведениям, теперешнее российское руководство страшится широкой огласки подлинного положения дел в стране. А состояние экономики и социальной сферы — катастрофическое.

Смотрите сами. За период с 1991 по 1997 год производство валового внутреннего продукта (ВВП) снизилось почти в 2 раза; общее падение промышленного производства достигло 53 процентов, в том числе в машиностроении — 60 процентов, в лёгкой промышленности 70 процентов. Капиталовложения в народное хозяйство резко сократились.

Объём сельскохозяйственного производства снизился на 35 процентов; поставки сельскому хозяйству техники и удобрений уменьшились более чем в 10 раз. Доля импорта продуктов питания достигла 50 процентов. Положение в сельском хозяйстве настолько критическое, что Россия уже потеряла продовольственную независимость.

Планомерно разрушается интеллектуальный потенциал страны. Доля государственных ассигнований на науку снизилась с 4 процентов до 0,3 процента. Из страны эмигрировало около 100 тысяч ученых.

Сложное положение в оборонной промышленности и в Вооружённых силах.

Доля населения, живущего в бедности и находящегося на пороге бедности, достигла почти 40 процентов. Растёт преступность.

И среди такого развала, в условиях непредсказуемого будущего находятся оптимисты из так называемых монетаристов, которым всё ясно и понятно, они улыбаются нам с телеэкрана. Они — реалисты, в который раз

они обещают через полгода — год стабилизацию, а затем подъем экономики. Любой, даже маломальский помысел о том, чтобы что-то исправить в их деяниях, что-то восстановить из разрушаемого, они тут же объявляют «ностальгией» по тоталитарному прошлому.

Один такой демократический бодрячок договорился до того, что, мол, пусть сегодня есть кое-какие трудности, но народ всё равно не желает вернуться назад в «лагерь». Он не уточнил, в какой лагерь. Возможно, имел в виду лагерь социализма? Но там отнюдь не было того беспредела, какой мы ныне наблюдаем в реформаторском обрубке государства. Видим, как с каждым днём скудеет и без того недостойный человека рацион питания. Видим, как люди роются в мусорных баках, объявляют голодовку не получающие многие месяцы зарплату академики, как бастующие шахтёры перекрывают железные дороги и стреляются офицеры, доведённые до отчаяния нищетой и унижением.

Но самое страшное то, что дети обрекаются на недоедание и явный голод.

И вот потрясающий душу факт: правительство Москвы отменило с 1993 года бесплатное питание в начальной школе. По данным Минздравмедпрома России, 4,5 миллиона детей в возрасте до двух лет не получают достаточного питания, то есть фактически голодают.

Население России за последние 5 лет уменьшилось на 3,5 миллиона человек и, по прогнозу демографов, ещё много лет численность населения будет снижаться.

Это физическая сторона явления. Но есть ещё и морально-нравственные аспекты процесса вырождения: преступность среди подростков ежегодно растёт.

Так преступное пренебрежение к детям мстит за себя, лишая страну будущего.

Был ли «застой»?

Блуждающие в оторванных от почвы экономических абстракциях проводники реформ тщатся прикрыть своё банкротство ложью о том, что им досталась в наследие от тоталитарного строя якобы разваливающаяся экономика. Был ли застой? Я этого никак не могу понять, никакого застоя я не видел. Было замедление темпов развития. Естественное, потому что велики его проценты, когда начинают с нуля, реальный же рост определяется количеством, а не в процентах.

Страна не топталась на месте, а двигалась вперёд, о чём будет сказано далее.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, установление политической власти рабочего класса в союзе с трудовым крестьянством, передача фабрик и заводов, банков, транспорта, земли и природных богатств в общественную собственность заложили основы социалистической плановой системы хозяйства. Согласно ленинскому плану создания основ социалистической экономики были поставлены и теоретически разработаны главные вопросы социалистической системы хозяйствования.

Думаю, что читателям книги, особенно молодёжи, будет интересно ознакомиться с историей развития экономики нашей советской страны со времени её создания. Хорошо об этом сказано в книге «Шаги пятилеток». Авторами книги, изданной в 1968 году издательством «Экономика», являются высококвалифицированные специалисты. Почти все они занимались разработкой народно-хозяйственных планов. Это — член-корреспондент Академии наук СССР Г.М. Сорокин, доктора экономических наук Л.М. Володарский, И.А. Гладков, Л.И. Залкинд, А.В. Курский и кандидаты экономических наук Ф.И. Котов и Е.А. Иванов. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Советский Союз — первая страна в мире, организовавшая общественное производство на основе перспективных государственных народнохозяйственных планов.

В нашей стране накоплен богатейший опыт планирования социалистического строительства. Советский народ с успехом выполнял и перевыполнял планы развития народного хозяйства СССР. Изучение и обобщение 70-летнего опыта нашей страны в области планомерного развития общественного производства имеют огромное значение.

Плановое ведение хозяйства — важнейшее преимущество социалистического общества, использованное советским государством с первых же лет установления власти трудящихся в интересах быстрого и непрерывного повышения благосостояния и культуры народа, построения социализма.

Известно, что планирование народного хозяйства началось с разработки плана электрификации страны как основы развития всех отраслей экономики и прежде всего тяжёлой промышленности, являющейся базовой в народном хозяйстве и укреплении обороноспособности страны. Практически задание по составлению государственного плана электрификации страны (ГОЭЛРО) В.И. Ленин дал в декабре 1919 года Г.М. Кржижановскому — руководителю электротехнического отдела Высшего совета народного хозяйства — ВСНХ. К разработке плана электрификации страны были привлечены все организации, имеющие отношение к этой проблеме.

Работа по составлению указанного плана была завершена в октябре 1920 года. После обсуждения его в правительственных органах план был принят 25 декабря 1921 года. По инициативе В.И. Ленина в феврале 1921 года был также создан Госплан. Его возглавил Г.М. Кржижановский.

Планом ГОЭЛРО намечалось восстановить промышленное производство и увеличить его за 10 лет вдвое по сравнению с довоенным, 1913 годом (в 1920 году промышленность давала лишь 1/7 довоенной продукции, а село — 2/3).

В результате успешного выполнения плана ГОЭЛРО промышленное производство было в основном восстановлено в 1926. году. Значительно увеличилось производство сельскохозяйственной продукции.

Новые задачи гигантского строительства и величайших преобразований требовали соответствующего перспективного плана. Такой программой работ явился первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1928-1932 годы).

Этот план составлялся на основе директив XV съезда ВКП(б), в которых давалась целевая установка на быстрый рост тяжёлой индустрии и коллективизацию сельского хозяйства, на укрепление оборонной мощи страны. Первый пятилетний план был утверждён V съездом Советов СССР в мае 1929 года. В основу пятилетнего плана был положен оптимальный вариант пятилетки.

Этот вариант резко отличался от перспективных первоначальных вариантов, составленных в 1927-1928 годах Госпланом и ВСНХ СССР, поскольку базировался на опыте разработки и осуществления плана

ГОЭЛРО, который получил высокую оценку В.И. Ленина.

Основная задача плана первой пятилетки состояла в том, чтобы создать в СССР мощную тяжёлую индустрию, способную реорганизовать всё народное хозяйство. Задания в области индустриализации страны значительно превосходили задания плана ГОЭЛРО, рассчитанного на 10-15 лет. Например, первым пятилетним планом намечалось сооружение 42 электростанций против 30 по плану ГОЭЛРО. Аналогичные темпы намечались по росту производства каменного угля, чугуна и т.д.

Осуществление первого пятилетнего плана было связано с преодолением громадных трудностей. Советская страна в технико-экономическом отношении отставала от развитых капиталистических стран на многие десятки лет. Необходимо было преодолеть это отставание в кратчайший срок, рассчитывая только на собственные силы и ресурсы. Каковы же результаты первой пятилетки?

Это была пятилетка строительства заводов, представляющих новую техническую базу промышленности для реконструкции всего народного хозяйства. Это была пятилетка и создания новых предприятий в земледелии — колхозов и совхозов, ставших рычагом для организации всего сельского хозяйства. В итоге реализации первого пятилетнего плана в СССР была создана мощная тяжёлая индустрия. Всего за годы первой пятилетки было сдано в эксплуатацию свыше 1500 новых фабрик и заводов. В конце пятилетки в СССР действовали районные электростанции общей мощностью 2,6 миллиона кВт. Мощность же всех электростанций возросла в 2,5 раза, выработка электроэнергии — в 2,7 раза.

В целом пятилетняя программа промышленного производства была осуществлена на 93,7 %. Недовыполнение было вызвано необходимостью переключить в 1932 году ряд заводов на оборонное производство, в связи с обострением международного положения и угрозой военного нападения на СССР. Промышленное производство увеличилось за 4 года и 3 месяца первой пятилетки более чем в 2 раза.

Основные силы и средства страны в первой пятилетке сосредоточивались на строительстве предприятий тяжёлой индустрии. В результате пятилетний план по тяжёлой промышленности был выполнен на 108 процентов. В итоге первой пятилетки произошли глубокие изменения в структуре всего народного хозяйства, сложились новые пропорции между его основными отраслями. Удельный вес промышленной продукции в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства поднялся с 43 процентов в 1927-1928 годах до 70 процентов в 1932 году. Советский Союз превратился в индустриальную державу.

Выдающаяся роль в осуществлении социалистической индустриализации принадлежит Орджоникидзе Григорию Константиновичу (Серго), который в 1930 году стал Председателем ВСНХ, а затем был наркомом тяжелой промышленности СССР.

Социалистическая промышленность явилась основой реконструкции всего народного хозяйства, базой перевода мелкотоварного крестьянского хозяйства на пути крупного коллективного производства. За короткий срок было организовано более 210 тысяч колхозов и 43 тысяч совхозов, создано около 25 тысяч государственных машинно-тракторных станций. К концу 1932 года совхозам и колхозам принадлежало почти 78 процентов посевных площадей страны. Они давали 84 процента товарного зерна. В 1932 году в сельском хозяйстве было уже почти 145 тысяч тракторов против 18 тысяч в 1928 году. За годы первой пятилетки посевные площади были увеличены на 21 миллион гектаров. Советский Союз из страны мелкокрестьянской превратился в страну крупного социалистического земледелия.

В годы первой пятилетки было многое сделано для подъёма благосостояния трудящихся. В результате социалистических преобразований в нашей стране была навсегда ликвидирована безработица, что явилось одним из основных завоеваний первой пятилетки, а также повысился жизненный уровень населения.

В итоге первой пятилетки был построен фундамент социалистической экономики. Однако задания пятилетнего плана по увеличению сельскохозяйственного производства не были выполнены. Необходимо иметь в виду, что первая пятилетка была для сельского хозяйства периодом коренной перестройки и создания предпосылок для роста производства в будущем.

Социалистическая индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства сопровождались значительным расширением культурной базы, ростом числа квалифицированных рабочих кадров и специалистов. Количество учащихся в высших учебных заведениях в 1932-1933 годах увеличилось по сравнению с 1927-1928 годами в 3 раза, в техникумах — более чем в 3 раза, удвоилось число учащихся в начальных школах.

А теперь кратко об итогах выполнения последующих пятилетних планов, базой которых явились планы ГОЭЛРО и первой пятилетки.

В результате выполнения второй пятилетки (1933-1937 годы) национальный доход вырос в 2,2 раза, объем промышленного производства — в 2,6 раза, сельскохозяйственного — в 2 раза.

Рост национального дохода в СССР и капиталистических странах в 1937 году превысил уровень 1913 года: в СССР — в 4,6 раза, в США — в 1,44 раза, в Англии — в 1,28 раза, во Франции — в 1,17 раза.

Выполнение третьего пятилетнего плана (1938-1942 годы) было прервано началом Великой Отечественной войны. Этот план за 3,5 года (к соответствующему уровню последнего года предыдущей пятилетки) был реализован по валовой продукции промышленности на 85 процентов (в том числе: группа «А» — 90 процентов; группа «Б» — 80 процентов).

Развитие народного хозяйства СССР в 1940 году по сравнению с 1913 годом характеризуется следующими данными: национальный доход вырос в 5,3 раза, объем произведённой промышленной продукции — в 7,7 раза (в том числе в машиностроении

— в 30 раз, в электроэнергетике — в 24 раза, в химической промышленности — в 169 раз), в сельскохозяйственном производстве — в 14 раз; грузооборот транспорта увеличился в 3,9 раза.

Надо помнить и иметь в виду, что во время нападения на СССР фашистская Германия располагала большими военно-экономическими ресурсами. Это в основном определило победы немцев в первые месяцы войны.

В четвёртой пятилетке (1946-1950 годы) ежегодный рост национального дохода составил: 1946 год к 1945 году — 20 процентов; 1947 год к 1946 году — 22 процента; 1948 год к 1947 году — 26 процентов; 1949 год к 1948 году — 20 процентов; 1950 год к 1949 году — 23 процента.

Пятилетний послевоенный промышленный план был выполнен за 4 года и 3 месяца. В 1950 году национальный доход увеличился по сравнению с 1940 годом на 64 процента, против плана на 38 процентов.

По итогам выполнения пятой пятилетки (1951-1955 годы) национальный доход по сравнению с 1940 годом вырос на 71 процент. Валовая продукция выросла в 1955 году по сравнению с 1950 годом на 85 процентов (при плане 70 процентов). Заработная плата рабочих увеличилась на 39 процентов (при плане 36 процентов), доходы крестьян — на 50 процентов, производительность труда — на 44 процента.

В шестой пятилетке (1956-1960 годы) национальный доход вырос на 54 процента, объем промышленного производства — на 64 процента; производительность труда увеличилась на 38 процентов.

За семилетний период (1959-1965 годы) рост национального дохода вырос по сравнению с 1955 годом в 2,1 раза, а по сравнению с первой пятилеткой — в 30 раз.

В восьмой пятилетке (1966-1970 годы) рост национального дохода

составил 41 процент, промышленного производства

— 50 процентов, а сельскохозяйственного — 21 процент, капиталовложений — 43 процента. Заработная плата увеличилась на 26 процентов. Товарооборот вырос на 48 процентов.

В девятой пятилетке (1971-1975 годы) национальный доход вырос на 28 процентов, промышленное производство увеличилось на 43 процента, сельскохозяйственное — на 13 процентов. Капиталовложения повысились на 40 процентов, реальные доходы населения — на 24 процента. Рост производительности труда составил 25 процентов.

В десятой пятилетке (1976-1980 годы) национальный доход вырос на 21 процент, объем промышленной продукции — на 24 процента, сельскохозяйственной — на 9 процентов. Капитальные вложения увеличились на 29 процентов; производительность труда повысилась на 18 процентов.

В одиннадцатой пятилетке (1981-1985 годы) рост национального дохода составил 16,5 процента, промышленного производства — 20 процентов, сельскохозяйственного — 11 процентов, производительности труда — 16 процентов, капиталовложений — 17 процентов.

Темпы развития экономики СССР за 1966-1985 годы (период моей работы в Госплане СССР) были следующие: рост национального дохода — в 3,8 раза, объема промышленного производства — в 4,3 раза, сельскохозяйственного — 1,8 раза, капиталовложений — 4,1 раза, основных производственных фондов — 6,8 раза; реальных доходов -2,6 раза, внешней торговли — 4,7 раза, почти в 3 раза увеличилось производство товаров народного потребления.

Среднегодовые темпы развития экономики (в процентах) в 1961-1990 годах составили:

	1961- 1965	1966- 1970	1971- 1975	1976- 1980	1981- 1985	1986- 1990
Национальный доход	6,5	7,8	5,7	4,3	3,6	2,4
Промышленность	8,6	8,5	7,4	4,4	3,7	2,5
Сельское хозяйство	2,3	3,8	2,3	1,7	1,4	1,9
Капиталовложения	5,4	7,3	6,7	3,7	3,7	6,1

Определённые силы эти показатели считают «застойными». Слово «застой» стало их идеологической дымовой завесой. Пресса, радио и телевидение на все лады склоняли его, обыгрывали, основываясь на

отдельных, частных недостатках.

Думаю, и одиннадцатую пятилетку (1981-1985 годы), которую объявили самой «застойной», так называть нельзя. Темпы роста национального дохода в ней хотя и замедлились, но были на уровне большинства развитых стран.

Что же касается двенадцатой, «горбачёвской» пятилетки (1986-1990 годы) и дальнейшего периода, то она оказалась не только застойной, но и во многом уже разрушительной, началом развала всей нашей экономики. Большой ущерб народному хозяйству был нанесён распадом Советского Союза, приведшим к разрыву межхозяйственных связей, грубым нарушениям принципа распределения по труду, росту теневой экономики и коррупции.

Сразу углубились социальные проблемы, прежде всего продовольственные и жилищные, что с особенной силой проявилось после разрушения Советского Союза.

Свидетельством этому стали пять лет (1990-1994 годы) «перестройки». Так, к 1994 году валовой внутренний продукт снизился по сравнению с 1990 годом на 47,2 процента, продукция промышленности — на 50 процентов, сельского хозяйства — на 24 процента, капиталовложения — на 67 процентов.

Таких темпов падения производства, как в России, за все времена не знала ни одна страна в мире! Даже в период Отечественной войны падение экономики составляло 40 процентов.

Падение производства во многих отраслях народного хозяйства продолжается и ныне, особенно в машиностроении, в оборонной промышленности и в отраслях, производящих товары народного потребления.

Обнаружились странные явления — нетвёрдость, нерешительность руководителей государства, тревожная неясность целей перестройки.

Само это понятие, под знаменем которого шла в те годы наша жизнь, с самого начала было сомнительным, двусмысленным. Что значит слово «перестройка»? В словаре Владимира Даля приведены пословицы, бьющие не в бровь, а в глаз. Например: «На всякую перестройку смело клади вполонину больше сметы» (какая экономическая и плановая мудрость!). Или другая, поразительно актуальная: «Прихотливые ломки да перестройки хоть кого разорят».

К середине 1980-х годов Советский Союз располагал мощной многоотраслевой экономикой, полностью обеспеченной практически всеми видами сырья, кадрами ученых, инженеров и рабочих. Производственный

потенциал был вполне высоким, чтобы вести эксперименты по переустройству экономики в нужном направлении, определяемом научно-технической революцией, и решать без перетряски жизни народа все насущные проблемы.

Всё это ведь признавал (только искренне ли?) и М. Горбачёв. Хорошо помню, как на встрече в ЦК 8 апреля 1985 года он бодро говорил: «Если сделать только одно: по-настоящему использовать то, что есть, можно добиться существенного улучшения положения дел в народном хозяйстве». Мысль совершенно здравая. Так почему же тогда не использовали мощный социально-экономический потенциал страны? Почему был объявлен и начат форсированный переход от плановой экономики к рыночной в нереально короткий срок? Переход, стало быть, любой ценой, авральный, что означало вовсе не переход и вовсе не к рынку? Почему Горбачёв в скором времени объявил перестройку... революцией? Привычка к громким словам? Вряд ли. Причина тут глубже: он знал, что делал, создавая хаос. Видимо, определённые силы, стоящие за его спиной, настойчиво толкали его к «подвигу» Герострата? Почему он оказался их заложником? Это, конечно, станет известным суду истории, и думаю, не очень отдалённому.

Нравственное и политическое двурушничество этого человека, его «подпольная» душа, по-моему, ныне видны каждому. Такая размытость убеждений, двойственность у большей части «цековской» верхушки, направившей страну к бездумной ломке всего и вся, является следствием давних, скрыто проходивших процессов внутри КПСС. И вышло так, что партия сама себя разрушила.

Вот об этом я постараюсь, на основе конкретных фактов, рассказать в последующих главах.

Мы, хозяйственные руководители, отвечавшие в своё время за положение дел в государстве (хотя и весьма ограниченные в возможностях), забили в середине 1980-х годов тревогу по поводу того, что снизились темпы роста экономики. А ныне реформаторы преподносят как некое достижение то, что на несколько мизерных процентов замедлились темпы спада производства. Нечто абсурдное. По логике этих горе-реформаторов удастся и полностью остановить экономический спад — видимо, в тот самый момент, когда не станет самой экономики.

Глядя на телеэкран, где маячит очередной банкрот с бодрым выражением лица, с улыбкой завязатого фразера, я невольно вспоминаю мрачное, вечно озабоченное лицо главы советского правительства А.Н. Косыгина, недовольного ходом дел, хотя те дела отличались от нынешних, как небо от земли.

Моё поколение руководителей жило в обстановке, когда приходилось отвечать головой за свои ошибки и промахи, если они наносили вред государству. Конечно, это жестокая цена.

А теперь? Ничто и никто им не грозит за бесчисленные провалы, а то и хозяйственные преступления, катастрофы, гибель шахтёров, аварии самолётов. Некому держать ответ, всё сходит с рук. В лучшем случае соглашаются: да, было! В одном из своих новогодних выступлений Президент России Б.Н. Ельцин, обращаясь к народу, всё же одну свою ошибку признал как, впрочем, вполне естественную. Он заверил, что все его расчёты по возрождению России верны, что рыночные механизмы монтируются в соответствии с этими расчётами и уже некоторые действуют; и лишь в одном он всё-таки допустил ошибку, а именно — дав (уже пресловуто известное) обещание лечь на рельсы (правда, эти «крылатые слова» он не повторил), если будут повышены цены на продукты питания и товары первой необходимости.

Но ошибка-то странная и, пожалуй, беспрецедентная в истории российской государственности. Ведь разница между расчётом Президента (обещанными ценами) и результатом — реальными ценами составила всего-навсего многократную величину.

Как же тут быть? Ведь народ не видит те неведомые механизмы рынка, возле которых суется и шустрят господа долларовые воротилы, а вот цены-то и только цены он видит хорошо, отчётливо. И никак народ не может взять в толк объяснение Президента насчёт естественности его ошибки, мол, все продиктовал рынок, а он для него, Президента, дело новое, не очень-то простое и приятное. Ельцин на рельсы не лёг. Но последствия сказанной им глупой фразы были поистине трагическими.

Вот что пишет об этом известный публицист Виктор Кожемяко: «В холодный осенний день 1992 года я приехал в Брест по горькому сообщению. Ветеран Великой Отечественной войны, защитник Брестской крепости Тимерян Зинатов специально прилетел из Усть-Кута Иркутской области, где он жил, лёг на рельсы, под поезд, оставив записку с проклятиями ельцинско-гайдаровскому правительству.

Это был, как я убедился, не просто импульсивный — это был продуманный шаг. Ельцин говорил неправду, обещав лечь на рельсы, если допустит ухудшение жизни народа. Старый солдат в знак протеста против издевательств над народом сделал это». («Советская Россия», 26 марта 1998 года).

Мера ответственности перед народом волнует меня с давних пор. Потому отвожу этой теме немало страниц книги.

Здравый смысл не по нраву сегодняшним «рыночникам без рынка». Привычка «чёрное» выдавать за «белое», а «белое» за «чёрное», кажется, крепко вошла в их кровь и проявляется весьма широко и многообразно.

Бросается в глаза, что маститые академики «зари» перестройки, авторитетно обучающие народ правильному пути к светлому рыночному будущему, как-то незаметно и бесславно сошли со сцены, спрятались в тень, когда явно обозначились признаки развала.

Сегодня же многие дела перешли в руки бывших «теневиков»-чернорыночников, людей хватких и жестоких, ибо они порождены уже свершившейся «криминальной революцией», взявшей под свой контроль более 50% национального капитала. Появились, опять перелицевавшись, и новые специалисты от экономики — монетаристы, проводники не самых лучших западных идей, революционеры реставрации.

Иногда их сравнивают с ... большевиками. Что ж, определённое сходство есть. Большевики ведь тоже брались за дела, в каких не были сведущи. Вспомним, к примеру, какое множество было «красных директоров». Но они, в отличие от нынешних деятелей, не имея никаких дипломов, всё-таки были сметливее их, хотя и обладали куда большей мерой власти. Их здравый смысл и убеждённость помогали им проводить политику консолидации всех сил и резервов нации для достижения поставленных ими, большевиками, целей, идти на компромисс с инакомыслящими, сотрудничать со «спецами», далёкими от сочувствия коммунистическим идеям, но верящими, что их зовут к себе люди деловые, заинтересованные в строительстве великой страны. В результате к началу индустриализации страна получила обученные толковыми специалистами кадры, способные мыслить и решать проблемы на уровне мирового прогресса.

Такова правда. А что же теперь? Разве наши «демократы», тоже плохо сведущие в делах, которыми они стали руководить, оказались людьми здравого практического смысла? Разве сумели они пойти на компромисс с опытными, не принимающими их идей кадрами? Напротив, похоже, что хотелось бы им ввести запреты на определённые профессии — на плановиков, разработчиков стратегических экономических программ по идеологическим мотивам. И вот бездумно разогнаны в высших органах управления кадры опытных хозяйственников, освободились от знающих своё дело, но идеологически неподходящих советников! И ... остались без опытных кадров.

Знать ложь и правду о Сталине...

Признаться, давно меня мучает вопрос: когда же произошёл первый толчок к развалу нашей державы?

Похоже, произошёл он в годы хрущёвской «оттепели». Хотя тогда во многом ещё объективно пытались разобраться в явлении культа личности Сталина. Такой культ, разумеется же, существовал, все мы об этом знали давно, но и не преувеличивали его значения и влияния на дела государства.

Новое время требовало критического и честного осмысления его истоков и последствий. Но вот вслед фактам подлинным, фактам по сути дела, начали пристёгивать и факты ложные или перетолковывать их в отрицательную сторону. Появились всевозможные домыслы, а потом и явная клевета в угоду мнению правящей верхушки. А потом пошло-поехало!..

Воображение рисует: если суммировать тираж всего, что написано и насочинено о «культе» со времен XX съезда до наших дней, то получится гора, едва ли ниже Кавказского хребта вместе с «холмиком» из писаний Волкогонова. А зачем всё это? Ярые, истеричные сторонники дальнейших «разоблачений» и ныне уверяют: они, дескать, стараются для того, чтобы тоталитаризм больше не воскрес. Но для меня лично совершенно очевидна вся их неискренность: им вместе с «культом» очень нужно было столкнуть в пропасть небытия всю страну.

Преследуя геополитические цели, в поте лица своего стараются очернить историю, потому что великая Россия им — поперёк горла. Особую ставку сделали они на тему репрессий. Пользуясь тем, что не публиковались подлинные архивные документы ГУЛАГа, они во много раз завысили численные данные о потерпевших, «доведя» количество репрессированных по политическим мотивам до совершенно абсурдных пределов — мнимых многих миллионов. Сегодня архивы открыты. И что же обнаружено?

В 1937 году по статье 58 в лагерях находилось 104 826 человек, или 12,8 процента от общего числа заключенных, в 1938 году -185 324 человека (18,6 процента). Это мало? Конечно же, много. И у меня нет сомнений, что большинство из этих заключенных — люди невинные. Я это знаю по собственному опыту: не раз находился на волосок от ареста, но об этом рассказ впереди. Сотни тысяч людей были осуждены по статье 58 с клеймом «враг народа». Это — тёмное пятно нашей истории. Но всё-таки

сотни тысяч, а не многие миллионы. К чему же такое преувеличение? Истинная правда в этом не нуждается. Правда, возведённая в квадрат, — уже не правда, а подлость. Вот и здесь, даже факты подлинной трагедии сфальсифицировали. А цель все та же: как можно гуще очернить сталинский период нашей истории.

Личность Сталина как человека и вождя до сих пор мало осмыслена, она будет привлекать к себе внимание всё новых и новых поколений, как и вся эпоха, связанная с его именем, — эпоха величайшего взлёта России.

Не в русском характере, не в правилах потомков православных помнить только зло, когда было и добро.

Как глубоко и правдиво сказано А.С. Пушкиным:

...Всех царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро,
А за грехи, за тёмные деяния
Спасителя смиренно умоляют!

Нам же старались навязать только память о «грехах» и «тёмных деяниях» Сталина. Но были и великие свершения, была державная слава, было сделано много доброго и полезного. И народ именно это помнит больше всего.

Я вижу свой долг в том, чтобы рассказать о Сталине объективно, показать, в чём заключалась его магическая сила вождя, умевшего владеть самыми драматическими ситуациями в стране и в мире, неотступно держать под личным контролем всё государственное руководство столько лет, в том числе и в годы, когда решалась судьба нашего Отечества. Его сила в том, что он умел сразу схватывать самую суть любого события или явления, судьбоносного для народа, искал истину путём сопоставления многих данных и мнений.

Сталин всегда был хорошо информирован и о сути, и о деталях каждого обсуждаемого в правительстве вопроса.

Многие поражались до мистической оторопи его осведомлённостью во всём. Он знал многих директоров крупных государственных предприятий и в лицо, и по имени-отчеству. Я иногда допускал мысль, что он мог иметь целую группу очень надёжных и толковых информаторов, глубоко законспирированных и действующих в любой точке, где вершились дела, в данный момент решающие для государства. Есть немало прямых и косвенных подтверждений тому в свидетельствах многих людей.

Но что же из этого следует? Что мы, ответственные руководители, находились у Сталина под «колпаком»? Если исходить из общих положений морали или, как мы сегодня говорим, общечеловеческих принципов, это обстоятельство может показаться ужасным, но, с точки зрения конкретно-исторической, оправданным.

Уверен, что для большинства народа такой недемократический контроль лучше, чем хаос бесконтрольной свободы и, как следствие, вседозволенность и произвол властей на местах. Да и речь я веду о честных и ответственных информаторах, чётко контролировавших достоверность сведений с мест.

Несколько страниц в книге я отвёл моим личным встречам и отношениям со Сталиным, подмеченным мною его привычкам, чертам характера.

Как выйти из экономической и духовной разрухи, из унижительного состояния, в котором оказалась наша ещё недавно такая великая держава?

Как и где искать выход? У наших сегодняшних заокеанских наставников? У кабинетных экономистов-перевертышей? У лидеров разных партий, занятых своей политической судьбой? Нет, эти люди могут вести лишь в ту сторону, где светит им, но не нам.

Нет, выход следует искать в нашем прошлом — героическом и трагическом, в самой сути нашего исторического пути. В мыслях и раздумьях великих русских людей, определивших наш духовный путь. В том, что сделано было нами, построившими великую державу. И каждый должен искать выход, раздумывая о самом себе, наедине со своей совестью и правдой.

Глава вторая ДЕЛО МОЕЙ ЖИЗНИ

Когда оживала история

Нынешнее время удивляет своими неожиданностями, своим движением вспять, а то просто — в никуда. Самые худшие предположения о реставрации капитализма стали за последние три-четыре года, увы, горькой реальностью. Все это и заставляет заново переосмысливать и наше недавнее и уже давнее прошлое, хотя ясно понимаю, говоря словами Сальвадора Дали, что «бежать впереди Истории гораздо интереснее, чем описывать её». И всё же невольно ищу необходимые ответы, сверяя прошлое с тем, что происходит сейчас. Так ли мы жили? Что утверждали и делом своим, и жизнью?

Чувствую, что всё пережитое мною неотделимо от тернистого пути моего поколения, которое построило великую державу, подняло страну из руин двух страшных войн, отстояло её от самого жестокого за всю историю человечества нашествия. Тогда почему она так быстро, почти без борьбы была разрушена и растерзана на «суверенные куски»? И не прав ли был Сталин, когда после войны предупреждал, говорил об «обострении классовой борьбы»?

И встаёт самый главный вопрос: так кто же мы такие, откуда взялись и как выросли строители великого государства, ревнители той самой общенародной плановой экономики, принципы которой втайне перенимали ведущие капиталистические страны, той экономики, которая обеспечила могущество нашей страны?

Мы — фанатики, «фантасты», как когда-то назвал нас Уэллс? Исторические слепцы, уверовавшие в утопию?

Но если жили «по утопии», почему же более 70 лет жили, строили и добились феноменальных успехов в экономике, образовании, культуре?

Ведь творения нашего ума и рук вполне реальны и зримы в своём несомненном величии, и только сделанным нами держится ещё на плаву брошенный в криминальный хаос корабль нашей экономики. И это чудо, если уместно употребить это слово в таком контексте, — любая страна уже давно бы рухнула, раскромсанная на куски, без управления, без цели, без финансов.

Но невозможно сокрушить до конца построенные нами гигантские заводы, мощные электростанции, нефтегазовый комплекс, ракетно-ядерный щит державы. Как нельзя в историческое «одночасье» сделать общество с тысячами ученых, с миллионами инженеров и учителей обществом

малограмотных «крутых» и босяков. Ведь это было общество почти единственное в мире с уже всеобщим средним образованием.

Так кто же мы?

Мы шли от станков и полей в рабфаки и рабочие академии, а наши отцы в это время учились в «ликбезах» и многочисленных кружках. Вся страна училась, а не переучивалась, как ныне. Мы знали — стране нужны специалисты, ученые, конструкторы, экономисты. И вот многие, ещё не достигнув тридцатилетнего возраста, пришли к управлению государством, стали во главе крупных производств. Но разве с ними можно сравнить так называемых нынешних «младореформаторов», «чикагских мальчиков»? Они пришли на политической волне — бывшие «завлабы» или средние журналисты, как Е. Гайдар, не знающие и никогда не работавшие в тех отраслях, которые они возглавили; для них Россия — «это страна», некое пространство для эксперимента.

Мы же были советскими патриотами, верящими во всеобщее интернациональное братство. Такова была идеология времени.

Начало своего жизненного пути я, как многие мои сверстники, считаю характерным и закономерным для всего поколения. Моя биография — в биографии моего поколения и потому не является исключительной.

Родился я 6 марта 1911 года в семье рабочего — кузнеца. Почти сорок лет проработал отец в кузнечных цехах, а в то время трудился в нефтяной компании «Братья Нобель», в Балахановском районе г. Баку. Вместе с моей матерью он приехал сюда из Белоруссии на заработки и обосновался здесь до конца своей жизни. Семья наша была большая, двенадцать детей, хотя помню лишь семерых. Ныне же остался лишь я один. Конечно, отцу с матерью трудно было прокормить такую ораву, выучить и «поставить на ноги». Вот почему уже с малых лет мы старались помочь родителям: на отцовские заработки прокормиться было нелегко.

Однако все мы дружно учились, и четверо из нас получили высшее образование, в том числе трое стали инженерами-нефтяниками.

В школе за партами сидели вместе и русские, и армяне, и азербайджанцы — одна семья, не знающая, что такое «национальный вопрос».

Хорошей школой для нас была общественная работа, многочисленные кружки по интересам, субботники. Один из них — по строительству набережной вдоль Бакинского бульвара, запомнился мне на всю жизнь. Я тогда был секретарём комсомольской ячейки нашего факультета и мне поручили руководить субботником. Весело и дружно спорилось дело, никто не отлынивал от работы: не боялся взяться за тяжёлую тачку с землёй или

лопату.

Теперь, бывая в Баку, я с большим удовольствием прохожу по этому красивому, затенённому зелёному бульвару и вспоминаю свою юность и своих друзей...

Я немного забегаю вперёд, но вспомнился один, может быть со стороны и не очень значительный, эпизод из школьных лет, который, наверное, помог мне сохранить здоровье и годы жизни.

Я рано пристрастился к курению. И, как все мальчишки, собирал для этого окурки — «бычки».

Как-то в выходной я и мой товарищ набрали в парке почти шапку окурков и решили посоревноваться, кто из нас больше выкурит. Мы смешали махорку из окурков с морской травой, скрутили «сигары Петра I» и, спрятавшись в пустой мусорный ящик, старались «передымить» друг друга. Я так яростно вдыхал в себя табачный дым, что меня затошнило, голова закружилась, и я потерял сознание. Меня полумёртвым вытащили из ящика, и только через несколько часов и то с помощью врачей, я пришёл в сознание. После этого года три не мог переносить табачного дыма. И ныне, когда нахожусь в «сфере» табачных облаков, меня не тянет к курению. Я, наоборот, выступаю противником курения в компаниях курящих, особенно курящих женщин, и охотно привожу данные Минздрава, что курение сокращает жизнь курильщиков на 20-25 лет. Тот случай многому меня научил и выработал антеникотиновую стойкость на всю жизнь.

Вот улыбнулся этому воспоминанию и опять вспомнил свои детские годы, давний быт моей семьи. Как бы трудно и голодно нам ни приходилось, считалось, что «семья Байбака» жила неплохо. Да, в ту пору рабочие-нефтяники находились в лучших бытовых условиях, чем рабочие других отраслей. Раз в неделю у нашей семьи на столе было мясо. А это уже достаток, если учесть, что кроме отца и матери в семье было ещё семь едоков. Да и квартира наша считалась доброй по тем временам: комната и кухня. И домочадцы, конечно же, исходя из обстоятельств, делили свой ночлег на две половины — мужскую и женскую. Отец и трое сыновей спали на кухне, а четверо сестёр с матерью — в комнате. Ныне такой быт может показаться ужасным, но тогда он воспринимался как вполне нормальный, даже благополучный. Ведь рядом с нами жила семья молотобойца, тоже девять душ, но комната и кухня были меньше наших.

Рабочий Баку — колыбель отечественной нефтяной промышленности — воспитал меня и дал мне путёвку в жизнь. Надо ли говорить, что рос я в трудовой советской вере в прекрасное будущее моей страны, потому что мой город и окружающие его нефтяные промыслы — кладёзь огромных

богатств, которые обеспечат это будущее.

Мальцом носил я отцу обеды на завод. И здесь моё мальчишеское любопытство не знало никаких границ. Значит, так получилось в моей жизни, что я стал очевидцем главных событий развития в стране нефтяной отрасли почти с самого начала.

В нашей стране нефть добывать начинали ручным способом — с рытья колодцев. И только этим способом она добывалась многие годы, вплоть до конца прошлого (19-го) века.

Родина колодезного способа добычи нефти — Азербайджан, что подтверждается удивительной находкой в Балаханах — районе г. Баку. Здесь с 35-метровой глубины заброшенного колодца был поднят камень с надписью о том, что этот колодец сооружён мастером Мамед Нур-оглы в 1594 году.

На смену допотопному, ручному способу добычи нефти приходили последовательно, один за другим, более совершенные, основанные в России методы. И всё же добыча нефти долгие годы оставалась делом очень трудоёмким и физически крайне тяжёлым. Основным ее способом являлось так называемое «тартание желонкой». Что такое желонка? Это почти обыкновенная труба, чаще всего диаметром 25 сантиметров, длиной 10 метров. Опускалась она в скважину лебёдками на канате и с помощью нехитрых механизмов поднималась с нефтью наверх. Можно представить, какова была производительность и экономичность этого способа. Довольно примитивной оставалась и техника бурения скважин.

И всё же темпы становления нефтяной промышленности в стране нашей для того времени нужно считать очень высокими. Будучи мальчишкой, я понимал, что жизнь нефтяников облегчается с появлением на нефтяных скважинах (1923-1924 годы) глубинных насосов и станков-качалок. Они быстро вытесняли устаревшую желонку.

Тогда же шла массовая замена ударного способа бурения более производительным — вращательным бурением с выносом на поверхность разрушенной породы глинистым раствором. Энергия пара и двигателей внутреннего сгорания быстро вытеснялась мощностью энергии электрической. Это в те годы казалось настоящим чудом. И все мы восторженно радовались тому. К середине 1928 года практически все насосные скважины в Баку работали на электродвигателях — таким образом, добыча нефти полностью электрифицировалась.

Вот в какое время в 1928 году стал я, к великой радости моего отца, студентом Бакинского политехнического института, пожалуй, самого престижного вуза республики. Тогда это было самой заветной мечтой

бакинских мальчишек, твёрдо усвоивших формулу индустриализации: «Нефть — это кровь индустрии», а значит, и самой жизни. Нефтяник — главный герой советского времени — такое осознание пришло ко мне настолько рано, что, кажется, с ним я и родился. С малых лет я слышал от старших многое об огромном значении «чёрного золота» (так называли нефть ещё в древности), о том, что российские нефтяники большие мастера в этом деле, одни из лучших в мире. Как же мне было не гордиться, что скоро и я им стану!

В первые же студенческие годы во мне ещё более утвердилась моя ставшая впоследствии непоколебимой вера в то, что я призван служить делу великому, что моей родине «природой и историей суждено» стать самой передовой страной в мире.

Нам, студентам, конечно же, преподаватели объясняли, что развитие нефтяного производства сдерживалось в России капиталистической системой и засильем иностранного капитала. И это утверждение не являлось беспочвенным, идеологическим положением.

Действительно, в России постоянно ощущался искусственно создаваемый нефтепромышленниками «нефтяной голод», несмотря на огромные запасы нефти. Оберегая монополию Кавказа в добыче «чёрного золота», они опасались, что открытие новых месторождений его в других местах страны сильно снизит цены на нефть и нефтепродукты, сведёт на нет искусственно нагнетаемый «нефтяной дефицит». Часто нефтяные монополии выступали открыто, тормозили развитие нефтедобычи в других регионах России. Так, фирма братьев Нобель каждый год выплачивала крестьянским общинам Урало-Волжского района огромные суммы денег, чтобы только они не сдавали в аренду свои земли для бурения скважин на нефть.

Не подлежит сомнению тот факт, что в нефтяной промышленности царской России господство монополий и иностранного капитала было особенно сильным. Перед Первой мировой войной три компании («Рашен дженерал ойл компани», «Шелл» и «Товарищество Нобель») владели 88 процентами всех акционерных капиталов отрасли и контролировали 60 процентов всей добычи нефти в России. Самыми крупными магнатами русской нефти стали Нобель и Ротшильд. И как итог — к 1917 году в руках иностранных фирм оказалось 75 процентов торговли нефтепродуктами в России.

Но, несмотря на всё, отечественные начала в развитии отрасли жили и действовали. Потенциал России как великой державы впечатлял и заставлял верить в её прекрасное будущее.

С юных лет я научился понимать, что благодаря развитию промыслов Бакинского района, на которые приходилась значительная доля всей отечественной добычи нефти, Россия вышла в начале XX века на первое место в мире по добыче «чёрного золота».

Великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев глубоко интересовался проблемами нефти, изучал положение дел и проблемы бакинских промыслов. Он первым в мире стал разрабатывать вопросы нефтяной промышленности во взаимосвязи со всем хозяйством страны. Не здесь ли великая научная догадка о выгодах планомерного развития всего хозяйства страны?

Менделееву принадлежит и идея создания трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов: он предложил и научно обосновал сооружение самого крупного в мире по тому времени продуктопровода Баку-Батуми диаметром 200 миллиметров, длиной 883 километра, который вместе с 60 насосными станциями и был построен в 1897-1907 годах.

Учился я увлечённо, стараясь не пропустить ни одной лекции, ни одного практического занятия, просиживая над книгами и конспектами дни и ночи. Я спешил как можно больше узнать, прочитать и стал чувствовать себя увереннее. И не я один, а все мы так жили и учились тогда.

Академическая программа была не столь обширной, как ныне, зато очень насыщена практикой на производственной базе. Часто сразу после лекций мы вместе с преподавателями отправлялись на промысел и там на месте могли конкретно изучать то, что нам говорилось на лекциях, увидеть своими глазами, пощупать руками детали.

В этом заключалась, безусловно, главная особенность вузовского обучения тех лет: мы знали, что нас, будущих инженеров, ждут на промыслах, и мы, ещё учась в институте, знали где, с кем и как будем работать.

Хотя в моих анкетах всегда значилось, что инженером Ленинского промысла я числюсь с 1 января 1932 года, на самом же деле уже с середины 1931 года я выполнял работу инженера на промысле. И только потом, получив диплом, был оформлен на службу официально. Вот так жизнь торопила нас, всё моё поколение, всю страну.

Моя студенческая юность совпала с годами начала первой пятилетки. Тогда в основном завершилось техническое перевооружение нефтяной промышленности — первой из всех отраслей Союза, когда десятки предприятий страны сумели изготовить новейшее по мировым стандартам оборудование для нефтепромыслов.

Газета «Бакинский рабочий» (где Сергей Есенин печатал свои стихи)

писала в 1927 году: «Станки и бурильные инструменты, изготавливаемые на советских заводах, не уступают по качеству иностранным. Сортовские станки, коломенский насос — любимцы каждого бурового мастера».

Динамика технического прогресса на бакинских промыслах просто ошеломляла воображение: только в 1928 году в «Азнефть» поступило с заводов России и Украины бурового оборудования на 4,1 миллиона рублей, а тогда это была немалая сумма. На следующий год сумма заказов на различное оборудование для Баку уже составила свыше 50 миллионов рублей. Огромные капиталовложения в крупное нефтяное машиностроение поступали и из самого Азербайджана, усиленными темпами строились здесь новые электростанции, а старые расширялись и переходили на прогрессивное оборудование.

На промыслах Баку не хватало рабочих кадров, не хватало высококвалифицированных специалистов, их готовили в вузах Москвы и Ленинграда. С такой всесторонней помощью бакинские нефтяники выполнили задание первой пятилетки за два с половиной года. Тогда же был превзойдён показатель добычи нефти 1901 года — самый высокий за весь период промышленной разработки бакинских месторождений.

Следом началось бурное освоение так называемой «подкирмановской нефтяной свиты» в Балаханах. Оно сулило огромные перспективы и ставило мой родной Ленинский промысел в число самых интенсивно развивающихся и ведущих.

В такое удивительное время всеобщего энтузиазма сбылась моя мечта — я стал инженером на этом промысле.

Нет, не всё, разумеется, шло гладко и хорошо. Новые, «подкирмановские» скважины преподнесли сюрприз — стали быстро обводняться. Причина была понятной: над нефтяным пластом находился мощный пласт, из которого под высоким давлением из-за ненадёжной цементировки обсадной колонны проникала в этот пласт не нефть, а вода. Всё вроде бы просто. Но что делать? Как и чем закупорить водяной пласт? Цементом под высоким давлением? Эта мысль пришла мне сначала как бредовая. Но вот стала она всё больше и больше обрывать реалиями, выстраиваться в технологическую систему.

Так дался мне первый, самый памятный и дорогой для меня успех в жизни, и проект, разработанный мной — молодым инженером, был принят и внедрён как новый метод закачки цемента в водяной пласт под высоким давлением. Он дал хорошие результаты, и с тех пор все наши нефтяники называют его «методом Байбакова».

Это окрылило меня, творчество увлекло. Вторая моя изобретательская

разработка — метод беструбной эксплуатации нефтяных скважин, при котором вместо остродефицитных в те годы насосно-компрессорных труб использовались обсадные колонны для подъёма нефти на поверхность. Метод этот, конечно, не блистал совершенством, но сыграл своевременно свою роль: множество скважин, простаивавших из-за нехватки насосно-компрессорных труб, было пущено в работу, что помогало выполнять план.

Ни эти, ни другие разработки и рационализаторские предложения тогда не были официально зарегистрированы. Дело в том, что в те времена нам, специалистам промыслов Азербайджана, было запрещено получать вознаграждение за разработки и внедрение в производство новой техники и технологий. Запрет исходил от первого секретаря ЦК партии Азербайджана Багирова, который в выступлении на Пленуме в Баку обвинил нас, специалистов, в том, что вместо благодарности государству, дававшему нам бесплатное образование, мы «обдираем» его, получая деньги за разработку технических новшеств. После такого обвинения мы стали отказываться по существу и от авторства вообще.

Многие предлагаемые нами новшества предварительно не были оформлены юридически. Но я считаю, подлинное авторство всегда должно иметь свой юридический паспорт. Иначе что же получилось? Иностранные нефтяные компании тщательно следили за всеми техническими новшествами у нас и часто оформляли их как свои собственные. Так «метод Байбакова» стал в США «методом Скотта», и все вроде бы законно, ибо американец — его юридический автор. А вообще получилось настоящее «скотство».

Теряли от этого не столько каждый из нас лично, сколько страна, её авторитет. Вот что значит самодурство высокопоставленного лица. И дело здесь не в премиях, а в моральном уроне для страны, идущей новым для мира путём. Лично я в те свои бакинские годы не чувствовал себя ни в чём ущемлённым или обделённым, душа была полна гордостью за то, что нужен коллективу, что товарищи верят мне, уважают и ценят моё мнение, мои предложения. Отношения с рабочими сложились добросердечные, а порой и братские: они видели во мне своего парня и гордились, что вот парень из их среды, вообще свой, стал инженером. Да и мне не могло прийти в голову, что есть какая-то разница между ними и мною. Почти все они — вчерашние крестьяне, бывшие батраки, люди малограмотные, а то и вовсе неграмотные. Были среди них и такие трудяги, что не имели никакой рабочей профессии. Считалось, что это не беда. На промысле всегда находилась незамысловатая работа, доступная для каждого. Освоил такую работу — приступи к более сложной. И вот, учась в деле, бывшие батраки

становились буровыми мастерами. Так воплощался в жизнь знаменитый лозунг «Догнать и перегнать!».

На крутых поворотах

Жизнь моя была ясна и пряма. И всё-таки появилась в ней тревожная тень. Она вдруг надвинулась на меня зловещим словом «вредительство».

За «вредительство» в одночасье сняли с работы и отдали под суд управляющего трестом «Лениннефть» А.И. Крылова. Та же судьба постигла и многих других известных мне дельных руководителей. На их место приходили новые люди, но и они быстро попадали «под подозрение» при первых же неурядицах на производстве.

Верные друзья под большим секретом осторожно сообщили мне, что я, тогда уже заведующий промыслом, тоже «подозреваюсь». За что, почему? Факты, дескать, налицо — за то, что покрывал «вредителей». К несчастью, случились на промысле у меня две аварии: из-за негодности подъёмного оборудования в скважины упали насосно-компрессорные трубы. Неужели кто-то может подумать, что это произошло по злему, вредительскому умыслу? Выходит, что может. Не зря уже шуток такой пополз среди людей. Начальство подозрительно косится. Верное знамение времени — известно, чем в таком случае кончается. А если вдруг ещё раз произойдёт что-нибудь на производстве? Лучше исчезнуть из поля зрения, уехать куда-нибудь; забудут о тебе, и тучи сами собой рассеются.

Так говорили мне мои опытные друзья и посоветовали не брать очередной отсрочки от призыва в Красную Армию (её давали специалистам, не прошедшим в институте военной подготовки, но работающим на руководящих должностях). Подумав, я от отсрочки отказался. И вот в течение 1935-1936 годов проходил красноармейскую службу на Дальнем Востоке. Нелегко здесь пришлось нам, южанам, в 40-градусные морозы. Но годы эти я и поныне вспоминаю как один из лучших периодов своей жизни. Армия помогла физически закалиться, выработать выдержку и выносливость, которые потом оченьгодились.

Вспоминаю, как служил в особом, 184-м артиллерийском полку рядовым красноармейцем, затем в звании командира. Артиллерия полка базировалась на конной тяге, и мы, как заправские конюхи, ухаживали за лошадьми, старательно чистили скребницами спины им и бока, засыпали в кормушки сено и овёс, купали в местной речонке летом. На каждую пушку приходилось шесть лошадей. Лошади были терпеливые и доверчивые, и мы привязывались к ним всем сердцем, отчего тяжёлая наша служба — воинские учения, ночные дозоры, походы через тайгу в 30-40-градусные

морозы — казалась нам легче.

Уже под конец службы, когда я был в офицерском звании, за мной закрепили строевого коня, которого звали Каштанкой. Конь был высокий и стройный, и я, выучившись верховой езде, любил погарцевать на нём, и что греха таить, покрасоваться, ибо и конь мой, как я заметил, любил показать себя, как говорится, и видом, и ходом. И до сих пор в моем домашнем кабинете висит на стене фотография, где я верхом на Каштанке. Вот какие тяжёлые годы прожил, много перевидал, а своего коня помню, как свою молодость.

А обстановка в дальневосточном приграничье была тревожная — впереди ожидали страну бои за Хасан. Словом, как поётся в песне: «На границе тучи ходят хмуро».

Вот тогда, в те напряжённые дни во время походов по тайге, полюбил я этот таёжный край с его соснами, птицами и зверями, впервые увиденными знаменитыми уссурийскими тиграми. Надо сказать, что нас в армии постоянно просвещали на этот счёт, чтобы мы, защитники страны, знали лучше свой край.

Опять время пролетело быстро. В январе 1937 года я вернулся в родной Баку, сразу же пришёл на промысел и стал работать заведующим промыслом, правда недолго: в августе того же года меня перевели на должность главного инженера треста «Лениннефть». Не прошло и года, как назначили управляющим этим трестом. Конечно, нужно помнить, что шёл 1937 год, с его арестами и перетасовкой кадров на крутых поворотах судьбы.

И вот внезапно новая перемена в моей жизни — я должен покинуть обжитые края, расстаться с родными, с коллективом, который стал для меня второй семьёй. Почему? С чего все началось? Судя по всему, с моего выступления в марте 1938 года на Всесоюзном совещании нефтяников, где речь шла о путях увеличения добычи нефти в стране и в том числе в её восточных районах. Это совещание возглавлял нарком топливной промышленности Л.М. Каганович, выступивший с большим докладом. Я, как управляющий трестом, рассказал об опыте работы своего коллектива, о борьбе с обводнением скважин, о внедрении новой техники, значительно увеличившей добычу нефти.

Честно и прямо, не кривя душой, сказал и о недостатках в работе, о недочётах, тормозящих развитие Ленинского треста. Я чувствовал, что зал слушает внимательно, понимающе и сочувственно.

Слушал меня и нарком Л.М. Каганович, опёршись в меня заинтересованным взглядом, порой что-то черкая на лежащей перед ним

бумаге. Как потом я узнал, моё выступление понравилось ему прямой поставленных вопросов и привлекло его особое внимание.

Через два месяца после совещания меня вызвал к себе М.Д. Багиров, угостил чаем и тут же без обиняков сообщил, что приказом наркома топливной промышленности Кагановича я назначен начальником недавно созданного объединения «Востокнефтедобыча» в Куйбышеве. Добавил от себя несколько малозначащих фраз, и мы попрощались. Надо ли говорить, сколь неожиданным, как снег на голову, явилось это для меня! И всё-таки, слегка опомнившись, я поймал себя на мысли: а ведь проблема новых нефтяных районов на Востоке давно притягивала меня, ведь не зря же я пристально следил за упорными спорами об их перспективности. Значит, судьба — на ловца и зверь бежит, как говорится.

И вот я в Куйбышеве на должности начальника объединения, призванного выполнить решение XVIII съезда партии о создании стратегического нефтедобывающего района между Волгой и Уралом — иначе говоря, «Второго Баку», в который включили новорожденные тресты «Башнефть», «Сызраньнефть» и «Эмбанефть». Наиболее работоспособный коллектив сложился сначала в Башкирии. Да это и понятно — большинство опытных буровиков прибыло сюда из Баку и Грозного. Они и пробурили здесь первые скважины и получили первые фонтаны нефти «Второго Баку». Они обучали вчерашних башкирских крестьян совершенно новым для них профессиям, по-братски делились с ними своими знаниями и навыками. Позднее их опыт оказался незаменимым при открытии и освоении крупных нефтяных месторождений на огромных пространствах между Волгой и Уралом.

В 1938 году объединение «Востокнефтедобыча» добыло около четырёх миллионов тонн нефти. Тогда ещё не знали о существовании мощных девонских нефтяных пластов, открытие которых через несколько лет коренным образом изменило ситуацию в этом районе, таком важном для хозяйства и обороны государства. Значит, в пристальном внимании руководства страны ко «Второму Баку» проявилась, я бы сказал, важнейшая государственная интуиция, во многом определившая судьбу страны в годы великих испытаний.

Волей судьбы я проработал в «Востокнефтедобыче» всего лишь около года. В 1939 году в Наркомате топливной промышленности было образовано Главное управление по добыче нефти в восточных районах страны. И это было вполне разумно, так как при сильной централизации управления экономикой все важнейшие вопросы и, конечно, «Второго Баку» решались в Москве. И я был назначен начальником этого главка. И

опять ненадолго: в 1940 году меня утвердили заместителем наркома топливной промышленности под «железным» началом Кагановича, с которым судьба, таким образом, связала меня тесно. Теперь я встречался с ним и на коллегиях, и на деловых совещаниях, и у него в кабинете, доводилось и беседовать лично с ним.

«Железный нарком» был фигурой во всех смыслах внушительной. Его известность, влияние и власть удивляли многих своей огромностью и могли приводить простых смертных в трепет и страх. Мы все знали, как близко он тогда стоял к Сталину. Нельзя сказать, что с фигурой такого государственного масштаба работать было легко и просто. Во времена тяжелейших физических перегрузок поражала его неистощимая работоспособность, но это было скорее всего проявление физической энергии и выносливости типичного руководителя силового стиля. Ему ничего не стоило грубо и часто ни за что обругать, обидеть и оскорбить подчинённого. А необузданная вспыльчивость зачастую вредила и делу. Мог он, толком не разобравшись, «под влиянием минуты» подмахнуть приказ о снятии с должности лично ему не угодившего в чем-то, но дельного работника. Хозяйственным управленцам наркомата нередко приходилось менять толстые стекла на его письменном столе, потому что он разбивал их вдребезги, швыряя на стол трубку в бешеной ярости после какого-нибудь неприятного разговора. А иногда до того раскалялся, что грозил карами и тюрьмой за невыполнение его, наркомовских указаний. Я догадывался, что это не пустые угрозы, что он вполне способен выполнить и выполнял их. Люди из его «аппарата» вдруг без всяких причин исчезали и больше нигде не появлялись. Доходило дело и до рукоприкладства.

Вспомнился мне один из таких случаев. На меня как на заместителя наркома возложили немалый груз определённых обязанностей; но приходилось ещё каждый день вертеться в адском кругу неожиданно возникающих и всегда неотложных дел и обязанностей. Нужно было везде успеть, исправить недочёты, помочь и техникой, и людьми часто в авральном (слово того времени) порядке. Вообще везде успеть, во всем суметь. Помню, по вине ответственных работников Наркомата путей сообщения была дважды подряд сорвана подача цистерн для вывоза нефти из Ишимбая, что привело к остановке промыслов. В этой тяжёлой ситуации я вынужден был обратиться к Кагановичу, чтобы при его содействии выйти из почти безнадёжного положения. Признаюсь — не без тревоги шёл к нему, зная его вспыльчивость и буйный нрав.

— Лазарь Моисеевич, опять сорвали отправку нефти из Ишимбая, не подали цистерны, остановили промыслы.

Каганович вспыхнул и тяжело поднялся из-за стола. Сообщение моё было явно неприятнейшее.

— А ты разговаривал с Арутюновым? Ты там был? — резко спросил он.

— Я не был, но по телефону говорил. И с другими товарищами говорил. Но должных мер не приняли.

Глаза Кагановича гневно сверкнули. Чувствовалось, что он изнутри всё больше накаляется.

— Чёрт бы вас побрал! — разъярённо закричал он, выходя из-за стола. — Это бюрократизм — говорить только по телефону! Надо съездить туда! Или вызвать сюда! Я что ли за всех вас должен работать?!

Голос звенел на предельных нотах, губы нервно дрожали, пальцы сжались в кулаки. В ярости нарком схватил меня за грудки — в этот момент он действительно был страшен и неуправляем — и с бешеной силой отбросил от себя. Я, скорее всего, упал бы, но успел ухватиться за край тяжёлого стола.

— Немедленно поезжай в наркомат. И чтоб цистерны были!..

Тут же яростно схватил трубку и на чём свет стоит распёк по телефону своего заместителя (по Наркомату путей сообщения) Арутюнова и со всего маху хватил трубкой о стол — брызнули осколки разбитого в очередной раз стекла.

С тяжёлым сердцем я вышел из его кабинета. Много раз задумывался я над этим эпизодом, он и поныне волнует меня. Как должно было тогда поступить? Каким способом поставить его на место? Ведь я был грубо оскорблён. С точки зрения общепринятых человеческих правил понятий о чести и достоинстве следовало тоже схватить его за грудки? Как-то нелепо и глупо так отвечать человеку, явно вышедшему из себя, да к тому же наркому. Или же, допустим, набраться решительности и доложить о его выходке в ЦК. Ну и что? Начнутся свары, разбирательство, вражда. Стыдно и негоже. Нет у меня ни желания, ни средств для адекватного ответа. Суть в том, что я никогда не поддавался личным обидам там, где речь шла о государственном деле. И был убеждён, что грубость наркома вредит не мне, а прежде всего делу. И поскольку в данное время я бессилен справиться с нею, то надо проявить выдержку и с ещё большим тщанием и напряжением сил служить делу, не допустить, чтобы оно пострадало. Такими уж мы были, таким было наше время — прямое и беспощадное к слабостям.

Моя работа в наркомате больше всего, может быть, осложнялась тем, что Каганович не очень знал нефтяное дело, поверхностно оценивал его проблемы, нередко игнорировал профессиональное мнение специалистов.

А ведь эта работа требовала много сил и нервов. Громадные физические и психологические перегрузки выработали в нас, руководителях, особый, беспощадный к себе стиль работы. Если наркомы работали в «сталинском режиме», то есть по ночам, то их заместители фактически и дневали, и ночевали в наркоматах. Иногда я не спал по двое суток подряд. Обычно в 4-5 часов утра Поскрёбышев, заведующий Секретариатом ЦК ВКП(б), звонил по телефону членам Политбюро и сообщал, что Сталин ушёл отдыхать. Только после этого расходились по домам Берия, Маленков, Молотов и другие.

Каганович же, следуя этому режиму работы, по обыкновению ночью собирал нас и давал задания подготовить к утру ту или иную справку или записку по интересующему его вопросу. Он уезжал, а мы весь остаток ночи спешили ко времени составить эту справку или докладную и тут же, уже ранним утром включались в свою насущную работу — и к 11 часам, к приезду Кагановича, требуемые им бумаги лежали на его столе. Бывало, читает он их, и по выражению лица видно, что смысл читаемого до него не доходит. Иногда, поморщившись, не сдержав себя, швырял эти бумаги в корзину и давал нам новое торопливое указание.

Говорить со Сталиным ...

Разумеется, с самой большой тщательностью и старанием готовили мы материалы для правительственных решений и лично для товарища Сталина, который требовал самой полной информации о состоянии дел в нефтяной промышленности.

Впервые мне довелось встретиться со Сталиным в 1940 году на совещании в Кремле, где обсуждались неотложные вопросы нашей отрасли. Мне было поручено сделать сообщение об обеспечении народного хозяйства и армии горючим в связи с нарастанием опасности войны. Надо ли говорить, как я волновался в приёмной Сталина, ожидая вызова на заседание! «Смогу ли взять себя в руки, не растеряться на этом высоком собрании под председательством Первого секретаря?». Но вот я вошёл в большой кабинет, где царила обстановка вовсе не торжественная, а вполне деловая и спокойная, и сразу почувствовал, как напряжённость моя спала, я перевёл дух. Кто-то показал мне место, где можно присесть, и уже успокоившись, я старался сосредоточиться на содержании записки, которую держал в руках. В ней — сжато суть проблем ускоренного развития промыслов за Волгой, особенно Башкирии — ведущем районе «Второго Баку». Работая в Москве, я не забывал об ишимбайских делах, всех начинаниях башкирских нефтяников и всемерно старался им помочь (может быть, поэтому мне впоследствии было присвоено звание почётного гражданина города Ишимбай).

Ещё раз внутренне уверив себя, что хорошо знаю порученные мне вопросы, я огляделся и увидел Сталина. Да, это он, знакомый облик, знакомый полувоенный френч человека, которого я знал по портретам. «Всё нормально, обыкновенно!», — совсем успокоился я. Тут мне предоставили слово, и голос мой зазвучал спокойно и деловито: видимо, и мне передалась атмосфера деловитости и дружелюбности этого кабинета.

Сталин, держа свою знаменитую трубку чуть-чуть вбок от себя, неторопливо и мягко ступая по ковру, прохаживался по кабинету, слушал внимательно, не перебив ни разу. А когда я смолк, он приостановился, словно что-то решая про себя, и после небольшой паузы начал глухим и негромким голосом задавать вопросы.

— Какое конкретно оборудование вам нужно?

Я отвечал уже совсем спокойно, вдаваясь в такие детали, в которые, готовясь к сообщению, не думал вдаваться. Сталин выслушал и опять

спросил:

— Какие организационные усовершенствования намерены ввести? Что более всего сдерживает скорейший успех дела?

Я подробно перечислил все наши дела и задумки, сказал и о «тормозах».

И опять Сталин, сделав несколько шагов по кабинету, не откладывая дела на потом, принял соответствующие решения.

Эта конкретность и переход сразу от слов к делу окрылили меня и обрадовали.

Проблемы развития нефтяной отрасли не раз рассматривались на совещаниях у Сталина и более широко — с привлечением руководителей нефтяных комбинатов и трестов. И мне стал понятен подход Сталина к принятию ответственных решений, основанных на изучении как можно большего круга фактов и мнений, чтобы из многочисленных, казалось бы, второстепенных звеньев извлечь главное звено, решающее.

Сталин был тут дотошен, вникал во все мелочи, умел выявлять то, что истинно думают его собеседники, не терпел общих и громких фраз. Чтобы говорить со Сталиным, нужно было отлично знать свой предмет, быть предельно конкретным и самому иметь определённое мнение. Своими вопросами он как бы подталкивал к тому, чтобы собеседник сам во всей полноте раскрывал суть вопроса.

— А как Вы смотрите, товарищ Байбаков (Сталин делал ударение на втором слог), на дальнейшие перспективы развития «Второго Баку»? Что ещё вам может потребоваться?

Он проницательно приглядывался к людям, к тому, кто как себя держит, как отвечает на вопросы. Чувствовалось, что всё это его интересует, и люди раскрывались перед ним именно через их заинтересованность делом.

Не всегда при обсуждении спорных вопросов Сталин высказывал свою точку зрения, но мы, участники кремлёвских совещаний, утверждались в уверенности: Сталин в любом сложном деле знает, что предпринять. Никогда, ни разу не принимал он пустых или расплывчатых директив, а с особой тщательностью продумывал и определял все пути к безусловному, верному решению и его выполнению. Только тогда, когда окончательно убеждался, что нужное решение найдено и оно реально выполнимо, Сталин твёрдо подытоживал:

— Итак, я утверждаю.

Не скрываю того, что я был в числе тех, кто учился у Сталина, считая, что его ясный и решительный стиль должен быть присущ руководителям

любого ранга. Где бы я ни работал и при Сталине, и после него, я, следуя его примеру, всегда в меру своих сил старался внимательно выслушать каждого, с кем работал, искать истину в сопоставлении различных мнений, добиваться искренности и прямоты каждого личного мнения, но, прежде всего, искать доступные, реальные пути выполнения поставленных задач.

В 1940 году Наркомат топливной промышленности поделился на два наркомата: один ведал нефтью, другой — углём. Наркомом нефтяной промышленности стал И. Седин, до этого работавший секретарём Ивановского обкома партии, я был назначен его первым заместителем.

В октябре того же года Седин доложил по телефону Сталину о том, что его задание выполнено — за сутки добыто 100 тысяч тонн нефти! Сталин поздравил с победой, а в декабре пригласил к себе на беседу руководителей наркомата, нефтекомбинатов и трестов в свой кабинет в 17 часов.

Помню, Сталин вышел навстречу опоздавшему Саакову — управляющему трестом «Ворошиловнефть» и подал ему стул, негромко сказав при этом: «Возьмите, надо экономить время». И этот жест запомнился как многозначительный, означающий одновременно и строгость, и шутку, и товарищескую теплоту. Я думаю, что он запомнился опоздавшему навсегда.

С информацией о текущем положении дел в нашей отрасли выступил я. На этот раз Сталин, внимательно слушая, расхаживал по кабинету и по ходу дела задавал вопросы, не перебивал, а уместно, как бы в продолжение моего сообщения, как бы ведя со мной диалог. Сталин очень интересовался ходом строительства нефтеперерабатывающего завода в Башкирии — первого на Востоке страны, тут же записывал наименования материалов и оборудования, недостающих для пуска завода, и тут же давал указания Берии и Вознесенскому — заместителям председателя Совнаркома.

Многие выступающие жаловались на качество труб и поставляемого оборудования. Особенно остро шёл разговор о срыве поставок утяжелённых бурильных труб, способных повысить скорость бурения скважин. Когда Сталин обратился к наркому Седину по этому поводу, тот сильно растерялся, почему-то встал навывтяжку, руки по швам, но ничего вразумительного сказать не мог. Да и понятно: он никогда не был нефтяником и на пост наркома был назначен совсем недавно, по рекомендации Маленкова. Чем больше Седин говорил, тем больше путался, сбивался. И бессильно замолчал. Наступило неловкое молчание. Сталин чуть-чуть покачал головой и деликатно ждал продолжения.

Пришлось мне, как первому заместителю наркома, подробно объяснять причины, вызывающие большое количество аварий при бурении

скважин. В частности, я посетовал на Наркомчермет, который срывал поставку качественных бурильных труб. Сталин тут же подошёл к столу и позвонил наркому чёрной металлургии И.Ф. Тевосяну:

— Вы не очень заняты? ... Тогда прошу прибыть ко мне ... Да, немедленно.

Буквально через считанные минуты явился Тевосян. Сталин кивком головы указал ему на свободное место за столом и, выждав паузу, сказал:

— На Вас жалуются нефтяники, — и, указывая погасшей трубкой в мою сторону, добавил:

— Товарищ Байбаков, уточните, пожалуйста, о чём идёт речь. Дело известное, человек, на которого жалуются, обычно сразу же начинает обороняться и немедленно переходит в атаку. Так поступил и Тевосян. Возникла перепалка. Сталин не перебивал и молча ходил по кабинету, слушал и взвешивал все наши доводы и контрдоводы; порой останавливался то перед одним, то перед другим из нас, пристально всматривался в лицо, щурился и, наконец, недовольно поморщился и негромко проговорил:

— Ладно, вы поспорьте, а мы послушаем.

Мы оба сразу взглянули на Сталина и замолчали. А Сталин, иронично улыбнувшись в усы, глядел на нас и ждал. В кабинете стало тихо.

— Трубы, о которых идёт речь, — первым прервал молчание Тевосян, но уже ровным, спокойным голосом, — получают при бурении скважин слишком большую нагрузку и лопаются. Пробовали изготавливать даже из оружейной стали — всё равно не выдерживают.

— Что же будем делать? — спросил Сталин.

— Будем осваивать, — мрачно и неопределённо ответил Тевосян.

Сталин строго посмотрел на него, но тут же, мягко усмехнувшись, с иронией произнёс:

— Не получается ли у Вас, товарищ Тевосян, как у того старичка, который женился на очень молодой, мучил её и сам маялся? Лучше скажите, что нужно, чтобы изготавливать эти трубы качественными?

Тевосян немного помолчал, что-то обдумывая, а потом попросил выделить 300 тонн молибдена.

— А что Вы скажете, товарищ Вознесенский? — Сталин повернулся в сторону Председателя Госплана, но тот чутко стоял на страже остродефицитных, редких материалов.

— Молибден весь распределён по наркоматам. Имеется лишь НЗ — неприкосновенный запас, — сухо ответил он.

Решение насущного вопроса явно заходило в тупик. Я почувствовал,

что нужно вмешаться в разговор, и сказал:

— Каждая поломка труб вызывает аварию, устранение которой обходится в десятки тысяч рублей, а иногда такая авария приводит вообще к ликвидации бурящейся скважины.

Этот довод показался Сталину убедительным, и он опять обратился к Вознесенскому с мягкой улыбкой, видимо, щадя его самолюбие и зная твёрдый, принципиальный характер Вознесенского:

— Товарищ Вознесенский, а для чего создается НЗ? — спросил Сталин и сам ответил:

— Для того создается, чтобы всё-таки есть, питаться, когда есть больше нечего. Не так ли? Давайте выделим 300 тонн молибдена, а Вас очень попросим восстановить это количество в НЗ.

Помолчав, Сталин посмотрел на озабоченного этим разговором непроницаемого Молотова:

— Вячеслав Михайлович, проголосуем? Молотов согласился. Дело было решено.

...О том, что Сталин всесторонне готовился к подобным советам, говорит множество фактов. Мне помнится, например, как во время выступления начальника Краснодарского нефтекомбината С.С. Апрыткина Сталин спросил его, каковы общие запасы нефти в Краснодарском крае. Апрыткин назвал цифру — 160 миллионов тонн. Сталин попросил его «расшифровать» эти запасы по их категориям.

Начальник комбината не помнил точных данных. Сталин изучающе посмотрел на него и укоризненно произнёс:

— Хороший хозяин, товарищ Апрыткин, должен точно знать свои запасы по их категориям.

Все мы были удивлены конкретной осведомлённостью Сталина. А начальник комбината сидел красный от стыда. Это был урок и ему, и всем нам.

Вспоминается и такой случай. Когда Х.М. Сааков, управляющий трестом «Ворошиловнефть», перечисляя нефтяные разрабатываемые месторождения, не уточнил их местонахождение, Сталин как бы мельком спросил:

— Это вдоль афганской границы?

— Да, товарищ Сталин, — подтвердил Сааков.

Бытует и доныне мнение, будто существовали некие особые запретные темы, например, тема репрессий, с которыми к Сталину обращаться опасно, а то и вовсе невозможно. Это, мол, могло повлечь за собой тяжкие последствия. Мол, Сталин не терпел таких обращений.

Я лично убедился на многих случаях, что, наоборот, Сталин уважал смелых и прямых людей, тех, кто мог говорить с ним обо всём, что лежит на душе, честно и прямо. Сталин таких людей слушал, верил им, как натура цельная и прямая.

Вот запечатлённый навсегда в моем сознании случай с тем же Сааковым. Окончив своё выступление, Сааков обратился к Сталину с жалобой на неправильные репрессии против руководящих работников его треста. Прямо сказал, как первый секретарь ЦК Узбекистана и нарком внутренних дел республики уговаривали его подписать акт о вредительских действиях целой группы работников, у которых он, Сааков, принимал дела треста.

Сталин сурово спросил:

— Вы подписали акт?

— Нет, не подписал! — ответил решительный Сааков.

После небольшой паузы Сталин медленно проговорил так, чтобы слышали все, кто сидел за притихшим столом.

— Это нам известно... Скоро состоится Восемнадцатая партийная конференция (Восемнадцатая Всесоюзная конференция ВКП(б), проходила в Москве с 15 по 20 февраля 1941 — прим. ред.), и вот там мы накрутим вашим деятелям хвосты.

Не могу вспомнить ни одного случая, когда Сталин повышал бы голос, разнося кого-нибудь, или говорил раздражённым тоном. Никогда он не допускал, чтобы его собеседник стушевался перед ним, потерялся от страха или почтения.

Он умел сразу и незаметно устанавливать с людьми доверительный, деловой контакт. Да, многие из выступавших у него на совещаниях волновались, это и понятно. Но он каким-то особым человеческим даром умел чувствовать собеседника, его волнение, и либо мягко вставленным в беседу вопросом, либо одним жестом мог снять напряжение, успокоить, ободрить. Или дружески пошутить.

Помню, как однажды случился такой казус: вставший для выступления начальник «Грознефти» Кочергов словно окаменел и от волнения не мог вымолвить ни слова, пока Сталин не вывел его из шока, успокаивающе произнеся:

— Не волнуйтесь, товарищ Кочергов, мы все здесь свои люди. Это было на том, памятном для меня приёме.

В тот вечер, когда мы возвращались из Кремля в наркомат, Христофор Мосесович Сааков заметил мне:

— Всех я слушал внимательно. И ведь, пожалуй, только Вы один вели

себя совсем спокойно. Так уверенно, ничуть не теряясь, как у себя дома, отвечали на вопросы Сталина.

Мне было тогда 29 лет и, конечно, услышать такое о себе от опытного и смелого человека, что ни говори — приятно.

Как же относился ко мне Сталин? То, что я действительно легко освоился в общении с ним, отвечал на его вопросы чётко и точно, отстаивая интересы своего дела, — заслуга прежде всего хозяина кремлёвского кабинета, создавшего на совещании доверительно-деловую атмосферу. И ещё — просто, я сумел взять себя в руки, скрыть своё внутреннее волнение. Видимо, Сталин это заметил и запомнил.

Как же относился Сталин к специалистам?

Ему нравились знающие своё дело люди, особенно «новая волна» специалистов, пришедших на производство в советское время, питомцы нового строя, которых он мог по справедливости считать и своими питомцами. И он слушал нас, как мне кажется, с особым чувством, — это нам, тогда молодым людям из рабфаков и институтов, предстояло обживать будущее. Вот почему, заметив чьё-нибудь дарование, присматривался к нему — каков сам человек, если трус — не годится, если дерзновенный — нужен. И он таких всячески поддерживал, выдвигал на руководящие посты, ведь не зря знаменитые «сталинские наркомы» — это 30-35-летние люди (в основном) с неизрасходованной энергией и верой, что будущее будет построено именно ими.

Он понимал, что специалисты новой формации открыты новым техническим и научным идеям, в чём не раз убеждался на многочисленных своих совещаниях, всегда деловых и конкретных. Здесь мы проходили выучку, как руководить своим хозяйством, как находить главные тенденции в производстве, как их осуществлять. И здесь Сталин требовал от людей смелости и принципиальности.

Конечно, работать с ним было непросто и нелегко — работать приходилось в зоне повышенной ответственности: Сталин от каждого требовал глубокого знания своего дела, конкретности. Он всегда проникал в самую суть исследуемой проблемы, обладая при этом какой-то мистической (не побоюсь этого слова) способностью чувствовать и находить наиболее слабые и уязвимые места в позиции собеседника. Было очень трудно понимать, что ты почти безоружен перед его сжатыми до самой сути доводами. Мы знали, какую огромную власть он держит в руках, но сколько власти, столько и тяжёлой ноши. И мы все — от Сталина до простого шахтёра — несли эту ношу, непомерную и гордую, каждый по своим силам.

Жизнь молодая

Жизнь теперешних высоких руководителей несравненно более на виду, внешне многообразнее и шире, чем была в своё время наша. Благодаря телевидению, ныне вездесущему, народ может видеть своих государственных мужей на теннисных кортах, на футбольном поле, в речной проруби, а то просто в майке в кругу семьи. И все это, чувствуется, с их согласия. С удовольствием они ещё совсем недавно демонстрировали своё физическое здоровье и бодрость, плясали среди толпы. Вообще саморекламировались, как это делают лидеры на Западе.

Ну, а у нас? Как это принимает наш народ? Думаю, плохо, невесело принимает, глядя на упитанных лидеров.

Совсем в иной нравственной атмосфере складывалась и проходила личная жизнь руководителей моего поколения. А чаще всего, особенно перед войной и в войну, на личную жизнь времени не хватало. Мы вроде бы и не жили этой удобной частной жизнью. Были поглощены работой, в «сплошной лихорадке бу-ден», как написал Владимир Маяковский.

Так было и со мной в годы моей работы первым заместителем наркома нефтяной промышленности СССР, которые можно было бы назвать «Наркомовские дни и ночи», годы конца второй пятилетки и начала предвоенной, третьей пятилетки. Страна спешно и упорно готовилась к неизбежной схватке с фашизмом, и военный аспект был определяющим в развитии нашей отрасли. Это мы обсуждали на строго закрытых совещаниях у Сталина: вещи назывались своими именами. Никто из нас не питал ни малейших иллюзий на тот счёт, что с фашизмом, мол, можно поладить, ужиться, избежать войны.

«Война не за горами» — эта фраза была для нас почти обиходной.

Сегодняшние фальсификаторы, клеветники России тщатся извратить смысл и задачи политики Советского Союза тех лет, доказать геополитический сговор Сталина и Гитлера, то, что, мол, коммунизм и фашизм — почти одно и то же. Это — клевета и на всех нас, и на историю страны. Достаточно одного сравнения: Гитлер — это превосходство одной нации, немецкой, над всеми народами мира, Сталин — это интернациональное братство людей. Мы всем своим существом ненавидели фашизм.

Направляемые волей Сталина, мы изо всех сил работали на оборону страны. В начале третьей пятилетки нефтяная промышленность достигла

наивысших, мировых показателей, обеспечив тем самым «в войне моторов» наше превосходство.

Что я мог в те дни накануне войны сказать о своей личной жизни? Пожалуй, мог сказать только так: «Моя личная жизнь — работа и ещё раз — работа». Даже в кино пойти было некогда, круг личных друзей сузился до тех, с кем я работал, но и с ними некогда было встретиться за накрытым столом. Мы не выделялись среди других ничем, даже одеждой.

Наверное, в душе моей всё-таки жило, таясь и смущаясь, всё то, что свойственно молодости, и прежде всего, конечно, желание нравиться девушкам. Ведь был же я ребячески счастлив, когда ещё в бытность управляющим «Лениннефтью» приобрёл первый в своей жизни костюм — настоящий, казавшийся в ту пору страшно дорогим! Но не знаменiem ли стал случай, из-за которого мне не пришлось пофорсить, покрасоваться в новом костюме? А дело было так.

В Балаханском театре шла пьеса К. Тренёва «Любовь Яровая», и мы с моим близким другом, главным инженером треста Гургеном Овнатановым собрались на спектакль. Приоделись, я — конечно, в новом костюме. Времени до спектакля было ещё много, и мы решили показаться на промыслах в «театральном» виде, тем более что одна из скважин нас беспокоила.

Уже на подходе к ней мы вдруг увидели, что через двадцативосьмиметровую вышку бьёт сильная струя нефти — фонтан. Раздумывать и переодеваться некогда. И мы в чём были, в том и полезли вместе с двумя рабочими перекрывать фонтан. О спектакле, разумеется, сразу забыли. «Плакал» мой костюм. Вконец был испорчен и костюм Гургена. Сбросив его дома, Гурген немедленно отправился в баню, а жена его, придя домой и увидев жуткую, залитую нефтью куртку мужа, решила, что он погиб, и упала в обморок...

С тех пор к дорогой одежде я относился как-то настороженно. Одним словом, щёголем не был.

Ну, а как складывались отношения с радостями жизни молодой? Например, с выпивкой? Признаюсь, всего один раз в те годы затащил меня в ресторан хваткий начальник хозуправления наркомата — отметить в дружеском кругу его день рождения. Пили сухое вино, и конечно, соблюдая меру. А наутро позвонил мне лично Берия (тогда первый заместитель Председателя Совнаркома) и без обиняков, запросто, «по-отечески» вкрадчиво спросил:

— Байбаков, где ты был вчера?

— Как где? Я был на работе.

— А после работы? — спросил уже не без ехидцы тот же «отеческий» голос.

— Был в «Национале» на дне рождения моего товарища.

— Что за бардак! Нам только и не хватало, чтобы наркомы и их замы шлялись вечерами по ресторанам!

— Но что особенного я себе позволил! — ответил я «отеческому» голосу.

— Чтобы этого больше не было! — зазвенели в трубке металлические нотки. — Такой порядок. Всё.

С тех пор я ни разу не бывал в ресторане. Не ходил, впрочем, в бытность моей работы с Кагановичем, ни в кино, ни в театр. Отдыхать доводилось только урывками, чтобы хоть чуть отдышаться, выспаться. Выходных и отпускных дней тоже не было. Все рабочие дни были расписаны буквально по минутам, и всё равно времени не хватало. День сливался с ночью.

В один из таких сумасшедших дней Каганович вдруг обратился к управляющему делами наркомата, показав рукой на меня, в своём обычном казённом тоне, без намёка на шутку или улыбку:

— Вот у нас молодой человек: ему уже стукнуло двадцать девять, а он до сих пор не женат.

— Лазарь Моисеевич, — решил я вставить своё слово. — Но вы же не даёте мне даже вечером отдохнуть.

— Ладно, — сказал Каганович, окинув меня цепким взглядом, и, обращаясь к управляющему делами, добавил:

— Байбаков чтобы в субботу вечером не работал.

А у меня на примете уже давно была одна симпатичная девушка. Встречались мы с ней второпях, мельком, я и сам не знал толком, всерьёз ли она нравится мне. Не было времени разобраться. Но в первый же свободный субботний вечер после полученного мной «благословения» Кагановича я встретился с ней, решив познакомиться с её родителями. Перед этим, согласно заведённому в наркомате порядку, я сообщил секретарю, куда ухожу, и назвал номер телефона той квартиры.

Вот я познакомился с родителями этой девушки, принят ими радушно, как долгожданный гость. Даже стол накрыт. Только стали мы усаживаться, как вдруг — телефонный звонок. Предполагаемая тёща, снявшая трубку, почти испуганно обратилась ко мне:

— Вас вызывают срочно, Николай Константинович. Звонил секретарь из наркомата:

— Товарищ Каганович просит, чтобы вы немедленно приехали. И

начались дни такой запарки, что стало не до свиданий. Как-то незаметно эта девушка отошла на второй план, забылась. Некогда было сожалеть или горевать и даже вспоминать о несостоявшемся сватовстве.

Видно, так и оставаться мне холостяком, если бы не нашлась невеста совсем рядом, здесь же, под крышей наркомата. Всё было настолько обыкновенным, хотя и очень характерным для судеб таких, как я, что и ныне, на отдалении такого времени — более полувека, кажется и чрезвычайно удивительным...

Однажды в комнату отдыха, где я в то время обедал, вошла девушка — новый работник наркомата. Окончив инженерноэкономический институт, она работала референтом заместителя наркома по строительству. Принесла на подпись срочный документ. На вид ей было всего лет двадцать, аккуратная, строгая, но и очень миловидная, с умными живыми глазами. Чем-то она меня сразу тронула, и я тут же выяснил, что зовут её Клавой; и совершенно неожиданно для себя предложил первое, что пришло в голову — глупее, как говорится, не придумаешь:

— Садитесь, Клава, обедать со мной.

— Нет, нет, что Вы! — вся вспыхнула она.

— Ну, если не хотите обедать, — уже осмелев, сказал я, — тогда вечером приглашаю Вас в кино. Пойдёте, а?

Она согласилась. И мы стали встречаться.

Как-то узнав об этом, Каганович сказал управляющему делами, чтобы он достал мне два билета в театр. После спектакля — была не была! — я пригласил Клаву в ресторан, заказал кахетинского вина и, обязав себя быть решительным, сказал ей:

— Вот что, Клава. Нет у меня времени на ухаживания. Совсем нет. И если я тебе нравлюсь — то вот моя рука. А если нет — прогони меня сейчас же.

— Можно подумать? — тихо спросила она.

— Можно. Даю тебе полчаса подумать.

Не помню, что думал и чувствовал я, говоря так, но говорил не в шутку, а вполне серьёзно. Я знал, что такого удобного случая для того, чтобы объясниться с Клавой, может, долго не будет, и ещё я знал, кому даю такой срок на обдумывание, видел по её глазам, по всему её милому, доверчивому облику: Клава — свой, надёжный человек, она понимает, в каком сверхжёстком режиме времени я живу, у нас — общие мысли и заботы.

На другой день мы с Клавой расписались в ЗАГСе, а на следующее воскресенье к пяти часам вечера решили созвать на свадьбу родных и

друзей.

Но воскресенье, как я уже говорил, ничем для меня не отличалось от будней: с утра я был в наркомате, уверенный, что к пяти часам вечера освобожусь. Однако во второй половине дня Каганович вызвал меня на совещание. Вот уже и пять часов. Гости, конечно же, собрались на даче нашего наркомата в Томилино, ждут-пождут меня, жениха. Как быть? Что предпринять? Надо ли говорить, что я сидел на том совещании, как на горящих углях! Но ведь обсуждали-то проблемы насущные, от решения которых зависело многое в работе, те, в которых я был кровно заинтересован, и без меня, моих ответов, моих проектов совещание во многом лишалось смысла. Никак не мог я уйти, отпроситься с совещания и по самой уважительной причине!

Вот пробило шесть часов, а совещание продолжается. Управляющий делами решил напомнить Кагановичу:

— Лазарь Моисеевич, Байбаков сегодня женится, у него сегодня свадьба. Надо бы его отпустить.

— Да? — рассеянно произнёс Каганович. — Хорошо. Мы это сделаем. — Он кивнул и тут же продолжил разговор о деле.

Совещание закончилось в семь часов, и только к восьми часам я добрался до дачи. Гости притомились, устали, но за стол без жениха не сажались. Наконец свадебное застолье началось. Нас поздравили, подняли бокалы, крикнули «Горько!». Я выпил рюмку водки, и сразу же, чего со мной никогда не было ни прежде, ни потом, у меня вдруг зашумело в голове и всё поплыло перед глазами:

— Клава, мне плохо... Не могу... Пойду лягу...

— Коля, неудобно, свадьба у нас, Коля, гости! — испуганно шепнула она.

— Ну, что ты хочешь, чтобы меня пьяным в стельку видели?

В дальнейшей жизни, долгой и разной, столько раз приходилось мне бывать на свадьбах, кричать с рюмкой в руке «Горько!» своим друзьям и родным, а вот о своей свадьбе и вспомнить нечего. И вспоминается только разве как урок: многие годы, будучи уже и наркомом, избегал я лишней рюмки.

Зато с Клавдией Андреевной, моей дорогой женой и другом, мы прожили вместе сорок три года, как сорок три дня, душа в душу и сердце в сердце, в согласии и любви. Она родила мне дочку и сына. А в те молодые, незабвенные дни супружества нам, молодым, полным сил и надежд, будущее казалось ясным, без единого облачка. Но впереди была гроза войны.

Глава третья

ОТВЕЧАТЬ ГОЛОВОЙ

И всё-таки внезапность нападения

Со времен так называемой «оттепели» всемерно пропагандируется расхожее утверждение, что якобы советское руководство поверило Гитлеру и не допускало возможности войны с Германией, относилось безответственно к укреплению обороноспособности страны, мол, надеясь в случае начала военных действий победить врага конницами и тачанками — против танков.

Кампанейская направленность фальсификаторов истории очевидна: широким разоблачением культа личности заслонить и исказить всю правду сталинского периода нашей истории. А правда была в том, и я тому очевидец, что мы готовились к войне заранее, готовились серьёзно, планомерно, с большим напряжением сил.

И стратегический курс этой работы был выверен — курс на прочную и быструю индустриализацию, на создание индустриальной основы обороны. Так, до начала войны уже в серийном производстве находился у нас знаменитый Т-34 — впоследствии лучший танк Второй мировой войны.

Мы создали и совершенствовали грозное ракетное оружие — «катюши», не имеющее аналогов в мире.

Строительство новейших, на уровне мировых достижений, нефтеперегонных установок обеспечило в стране переработку всей добываемой нефти. Мы готовились к войне мировой!

Мы готовились к войне, ибо она была неизбежна.

И всё же нападение Германии на нас 22 июня 1941 года оказалось внезапным. Враг получил благодаря этому тактический простор и успех на первом, трагическом для нас этапе войны — армия, вопреки всему, отступала. Мы стремительно теряли города.

Но как совместить всё это, столь, казалось бы, несовместимое и неизбежное, то есть ожидаемое, с внезапным? Удовлетворительный, ясный ответ, по моему мнению, не найден и поныне.

То, что мы будем воевать с Германией, мы знали, но что это произойдёт так скоро, никто не предполагал. Сообщение ТАСС от 14 июня, за неделю до войны, не успокоило, а, наоборот, насторожило. Я думаю, что оно было попыткой Сталина остановить Гитлера, заставить задуматься, не рассчитывать на фактор внезапности — все войны в Европе «Третий рейх» начинал с внезапного нападения. Однако, мне думается, мы и сами себя

успокоили, ибо считали глупостью начинать войну с Россией, уже воюя с Англией. Но Гитлер начал войну в том же месяце фактически день в день, что и Наполеон, что для Гитлера с его мистикой тоже было невероятным.

Утро 22 июня, выступление по радио Молотова, хмурое молчание людей у репродукторов на улицах заставило сжаться потрясённое сердце. «Как же так? — думал я. — Значит, Гитлер обхитрил нас?».

Я понимал, что вся наша дипломатия с рейхом была направлена на то, чтобы всеми мерами, в том числе и «дружеским» умиротворением Гитлера, максимально оттянуть, отодвинуть срок неизбежного столкновения, а главное — выгадать время, за которое мы успели бы достичь военно-экономического превосходства над военной машиной Германии. Исходя из темпов роста нашей индустрии, для этого было нужно так мало — два-три года мира.

Но ведь и гитлеровское руководство хорошо просчитывало нашу логику и стратегию, настороженно следило за всем происходящим у нас: и тайным, и явным. В этом нет никакого сомнения. Есть свидетельства, будто Гитлер как-то в частной беседе высказал, что якобы в июне 1941 года никто не желал мира так, как он, Гитлер. Звучит дико. Всё же я допускаю, что в определённом смысле фюрер высказался всерьёз — он несомненно знал: наша страна неизбежно встанет на его пути и для этого требуется ей совсем небольшой срок. Вот почему вопреки неблагоприятным для себя обстоятельствам, не столь уж и бредовым, последний шанс на победу давал ему только 1941 год.

Конечно, историческая ошибка Сталина в определении сроков войны очевидна. Но она, на мой взгляд, заключалась в том, что он не сумел проникнуть в логику Гитлера, авантюристскую и паническую одновременно. Несомненно, как в объективно-историческую истину, Сталин верил, что фашизму не одолеть СССР никогда, ни при каких обстоятельствах, что и подтвердилось в 1945 году. Этот стратегический вывод Сталина был верным, но он сделал тактическую ошибку, когда, запрещая всяческие меры по повышению состояния боевой готовности, приказывал: «Не отвечать на провокации немцев», очевидно, памятуя, что нападение германцев на Польшу началось с провокации.

Как я уже говорил, и мне верилось, что Гитлер на нас не нападёт в ближайшее время, что мы его дипломатически переиграем...

Но особенно неожиданными и непостижимыми стали сообщения о быстром продвижении фашистских армий вглубь нашей Родины, об огромных наших потерях в живой силе и технике. И только яростная, до полного изнеможения работа, не позволяющая ни на минуту расслабиться,

спасала от отчаяния и чёрных мыслей. А было такой работы у меня хоть отбавляй, не впрокорот. Надо было решать главное — как в резко меняющейся обстановке не только удержать отрасль на достигнутом уровне, но и в соответствии с новыми условиями придать ей ускорение, тем более, что уже в первые дни войны с наших нефтяных промыслов и предприятий добровольно и по мобилизации ушло на фронт большое количество работников.

Наркомату нужно было развернуть широкую работу по организованному набору добровольцев в нефтяную промышленность, разумеется, только тех, кого освободили от мобилизации. А кто именно это был? Подростки, женщины, пенсионеры — десятки тысяч. Наше счастье, что мы к тому времени обладали опытом самого ускоренного и массового обучения. Задача облегчалась тем, конечно, что к нам приходили на производство действительные добровольцы, движимые высоким чувством долга перед страной.

Новички нефтепромыслов и заводов были готовы к любой, даже физически неимоверно тяжёлой работе. Заменяя ушедших на фронт, шли в бригады по добыче нефти, бурению, подземному и капитальному ремонту скважин.

Они знали, в каких трудных условиях предстоит трудиться: по почину рабочих бакинских промыслов вся отрасль переводилась на 12-часовой рабочий график без выходных и отпусков до окончания войны.

Нефтяники нового призыва не роптали на сразу же свалившиеся на них тяготы. Их самоотверженность исходила из ясного сознания того, что от добытчиков горючего непосредственно зависит жизнь и смерть солдат на небывалой войне — войне моторов. Надо давать фронту горючее, ибо никакие моторы ему без этого не потребуются.

Эту простую истину на промыслах и в цехах разъяснять не требовалось. Люди объявляли свои вахты фронтовыми и часто несли их несколько суток подряд без отдыха.

В ходу ныне и такое утверждение, будто война явила расслоение в нашем обществе и морально-политическое, и социальное в народах СССР и, прежде всего — в русском и украинском. Опять ложь задним числом! Я сам воочию видел, как трудились у нас на промыслах и русские, и армяне, и азербайджанцы, и украинцы, жили вместе в бараках и пели песни и свои, и своих друзей. «Драчки народов», на каковую рассчитывал Гитлер, не произошло. Ведь и ныне кое-кто по гитлеровскому рецепту упорно организует рознь и вражду между народами теперь уже России.

Тыл Отечественной войны начал работать с первых же её дней в

тесной связке фронт — тыл. Но производство требовалось срочно переналаживать, переводить на военные рельсы. Необходимо было вывозить с захваченных немцами территорий оборудование заводов и промыслов и на новом месте заново строить заводы. Понятно, что в полную силу тыл заработал позже, через два года — к 1943 году.

И здесь надо сказать доброе слово о наших женщинах. Они пришли к станкам и в шахты без какой-либо квалификации, по-женски физически слабые, хрупкие. Иные пришли на работу в первый раз.

Модные туфли сменились тяжёлыми кирзовыми сапогами, вместо кокетливых шляпок — увесистые ушанки.

Вот они, женщины наших лет, женщины тыла: в стёганных фуфайках, с грубыми обветренными руками, стоят, ссутулившись от усталости, у станков или у замёрзшей скважины. Быстро овладели они профессиями. И всё равно красота их не увяла, только огрубела, только взгляд стал твёрже. На смену прежней хрупкой красоте явилась красота иная — зрелая, с серьёзно очерченными от голода и холода чертами лица. Вместо мягкого романтического взгляда — суровый, волевой взгляд женщины-труженицы.

Они не только заменили мужчин, встали на их рабочие места, но и возглавили с истинно женским прилежанием работу цехов и промыслов. Сам за себя говорит тот факт, что пять крупных нефтепромыслов из восьми в тресте «Орджоникидзенефть» возглавили женщины: Антонина Бакулина, Медина Везирова, Сурга Гайбова, Сакина Кулиева, Анна Плешко, а в моём родном тресте «Лениннефть» стала руководить промыслом София Крючкина.

В трагическом 1941 году наша нефтяная промышленность не только устояла, но и сумела шагнуть вперёд. Как могло случиться такое чудо? Основной предпосылкой его стала, конечно же, небывалая трудовая активность и самоотверженность людей, но и в не меньшей мере накопленный нами ценнейший опыт планового управления хозяйством державы. Показала свою гибкость и жизнеспособность та самая «административно-командная система», которая вот уже столько лет предаётся «демократической» анафеме как принципиально порочная и негодная для всех времен и народов. Сложившаяся к началу войны советская система управления яростно шельмуется, как не способная ни на что.

Штабы нашей экономики той поры, наоборот, были способны к живому, самому непосредственному взаимодействию с «низами», чутко реагировали на предложения с мест — так, с тем расчётом, чтобы всё лучшее, что дали народная сметка и инициатива, не пропало и входило в

практику немедленно и неукоснительно. Здесь система, конечно же, показала себя как самая что ни на есть командная — и слава богу, что так!

Помнится характерная черта такого взаимодействия, проявившаяся уже в первые месяцы войны. Трубные заводы тогда уже перешли на выпуск продукции прямого оборонного назначения. Возникла большая нехватка труб, необходимых для строительства нефтепромысловых объектов. Как быть? Вновь, но уже в обратном направлении, переналадить некоторые производственные мощности? На это нужно время, а строительство объекта не могло ждать. И тут сметливые бакинские нефтяники нашли выход из, казалось бы, тупикового положения. Они предложили, например, снарядить водолазные поиски возле острова Артём, обшарить дно — не на дне ли нужное? Предложение мы одобрили и обеспечили поиски всем необходимым. И в результате со дна Каспия было поднято много железного хлама, включая заброшенный трубопровод. Что в мирное время считалось негодным, теперь оказалось ценнейшим и спасительным. Поднятые со дна моря старые, заржавевшие трубы быстро отремонтировали и тут же с успехом пустили в дело.

Люди привыкли думать, что нет положений безвыходных, когда надо сделать «всё для фронта, всё для победы!». Росла волна рационализаторства и изобретательства.

А если говорить о трудовой дисциплине — она была жёсткой, как и требовала война. Беспрекословная, военная дисциплина. Любые задания на работе выполнялись как боевые. И мы, работники управления, полагались целиком на энтузиазм и железную дисциплину людей.

Требуется особо отметить, что это отнюдь не приводило к отрыву государственных заданий от реальной экономической основы. Ни в коем случае! Задания выверялись и просчитывались очень тщательно, прежде всего, исходя из задачи свести все узлы и связи к созданию единого оборонно-хозяйственного механизма страны.

Вот, например, почему в состав созданного при Наркомате нефтяной промышленности специального штаба, который поручили возглавить мне, уполномоченному Государственного Комитета Обороны (ГКО) по обеспечению фронта горючим, входили представители Наркомата обороны и Главнефтесбыта. Штаб собирался фактически каждый день и работал чётко и слаженно. Особое значение в штабе придавалось обмену оперативной информацией с мест — о возможностях и нуждах трудовых коллективов и особенно о потребностях фронтов, после чего принимались решения об обеспечении их горючим.

Из тех, кто никогда не боялся предложить штабу самые ответственные

и крупные решения, мне больше всех запомнился Андрей Васильевич Хрулев — начальник Главного управления тыла Красной Армии. Ноша ответственности была на него взвалена небывалая и непомерная, и всё-таки он нёс её спокойно и мужественно. Являясь одновременно и уполномоченным ГКО, он отвечал за все виды снабжения фронтов, в том числе и топливное. Я очень рад, что в немыслимо тяжкую годину мне довелось работать с такими людьми, как он, — прямодушными и обязательными в каждом слове.

Могу твёрдо свидетельствовать, что даже в самые критические моменты войны наше государственное руководство не принимало поспешных, импульсивных решений, не теряло самообладания и способности видеть перспективу.

В июле 1941 года, когда военная обстановка была тяжелейшей, в Правительстве был рассмотрен вопрос о планировании оборонно-хозяйственных усилий страны.

Постановлением ГКО от 4 июля было поручено комиссии во главе с Председателем Госплана СССР Н.А. Вознесенским выработать военно-хозяйственный план использования ресурсов и развития предприятий, перебазируемых в восточные районы страны. А ещё раньше, всего лишь через неделю после начала войны, был принят «Мобилизационный план на III квартал 1941 года» — первый план военного времени. Он и положил начало новому планированию. В августе были приняты «Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 года» и план по Поволжью и восточным районам страны на 1942 год.

На протяжении всей войны ГКО наряду с годовыми планами развития хозяйства рассматривал и утверждал квартальные и даже месячные планы: война уплотнила время так, что месяц равнялся году, а день месяцу. В те планы были включены сотни конкретных задач, сотни фамилий лиц, непосредственно отвечающих за их выполнение. Таким образом, они не являлись ни фикцией, ни плодами благих пожеланий, а законом — неотвратимым и предельно жёстким, жизненно необходимым сражающейся стране. И они строго и беспрекословно исполнялись!

Так, нефтяники Баку, тогда главного нефтедобывающего района СССР, с честью выполнили все государственные задания 1941 года и дали в первый год войны фронту и Родине 23,5 миллиона тонн нефти — показатель небывалый за всю историю нефтяного Баку!

«Вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин»

Какими бы тяжёлыми ни были наши поражения в начале войны, мы устояли перед силой, до того небывалой на земле, отбросили фашистов от сердца нашей Родины. Помню своё тогдашнее чувство после битвы под Москвой — с души была снята тяжесть какой-то безысходности: словно в тёмном коридоре где-то в конце сверкнул свет. В те дни некогда было даже вдуматься в себя, осмотреться и почувствовать все цвета жизни: все силы съедали заботы о деле, бесчисленные поездки и заседания. А тут — словно передышка, полегчало на душе, как у многих наших людей.

Но наступление немцев летом 1942 года вновь поставило нас на черту между жизнью и смертью. В июле гитлеровские армии вышли к Нижнему Дону. Начался как бы второй вариант «блицкрига», цель которого была всем ясна. Газета «Правда» в те дни писала: «... В предгорьях Кавказа идут невиданные по своим масштабам и ожесточённости бои. Над Советской родиной нависла серьёзнейшая опасность. Враг захватил важные районы нашей страны. Он хочет лишить нас хлеба, нефти. Он поставил перед собой задачу — отрезать от нашей страны советский юг».

Этот «новый» план Гитлера по существу был не нов. Нашему командованию было известно, что за несколько дней до начала войны с нами, Геринг, имевший неограниченные полномочия в области «максимального использования обнаруженных запасов и экономических мощностей» для Германии, утвердил документ с кодовым названием «Зелёная папка». В нём, в частности, отмечалось: «... необходимо принять все меры к немедленному использованию оккупированных областей в интересах Германии. Получать для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова экономическая цель кампании».

Проблема горючего являлась для Германии действительно важнейшей. К началу войны немцы производили лишь около 8-9 миллионов тонн бензина и дизельного топлива, в основном из угля, методом гидрогенизации его под высоким давлением. Своей нефти они практически не имели, в какой-то мере потребность в горючем восполнялась нефтью из союзной ей Румынии, но и её не хватало. Вот почему нацисты возлагали большие надежды на захват кавказских нефтепромыслов.

Ещё 3 июля 1941 года начальник генштаба сухопутных войск Гальдер записал в своём дневнике выступление Гитлера перед генералитетом вермахта: «Пришло время заглянуть вперёд. Речь идёт об открывшейся

возможности завладеть Донбассом и Кавказским нефтяным районом. Для операции на Кавказе потребуются крупные силы, но за нефть следует заплатить любую цену. Тем более что захват Кавказа позволяет оккупировать Иран, оседлать перевалы на ирано-иракской границе».

Итак, гитлеровцы начинали беспрецедентную в истории войн кампанию, имеющую планетарные военно-экономические цели. Ставка была велика. 1 июля 1942 года на совещании штабов группы армий «Юг» Гитлер снова заявил: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен покончить с этой войной». При всей истеричности этого выкрика виден в нём глубокий страх, рождённый чувством реальности.

В один из тех жарких июльских дней меня вызвал в Кремль Сталин. Неторопливо пожал мне руку, взглянул на меня спокойно и просто негромким, вполне будничным голосом проговорил:

— Товарищ Байбаков, Гитлер рвётся на Кавказ. Он объявил, что если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать всё, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам.

И чуть-чуть ужесточив голос, Сталин добавил:

— Имейте в виду, если Вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы Вас расстреляем.

Я до сих пор помню этот голос, хоть и спокойный, но требовательный, спрашивающий, его глуховатый тембр, твёрдый кавказский акцент.

Сталин не спеша прошёлся туда-сюда вдоль стола и после некоторой паузы снова добавил:

— Но если Вы уничтожите промыслы преждевременно, а немец их так и не захватит, и мы останемся без горючего, мы Вас тоже расстреляем.

Тогда, когда почти снова повторилось лето 1941 года, очевидно, иначе и нельзя было говорить. Я молчал, думал и, набравшись духу, тихо сказал:

— Но Вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин.

Сталин остановился возле меня, медленно поднял руку и слегка постучал по виску:

— Здесь выбор, товарищ Байбаков. Летите. И с Будённым думайте, решайте вопрос на месте.

Вот так, с таким высоким отеческим напутствием я был назначен уполномоченным ГКО по уничтожению нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий в Кавказском регионе, а если потребуется, и в Баку.

Разумеется, мне и в голову не могло прийти обидеться, осудить за жёсткость, не оставлявшую никакого выбора, сталинских условий, тем более воспринимать их как некую жестокость. Ведь речь шла о высокой

военной ответственности, о слишком тяжёлой цене возможной ошибки. Военное время сурово, потому что решается судьба страны, народа. Как же не отвечать своей головой за ответственное дело? Нет, нужно не колеблясь класть жизнь на алтарь спасения Родины.

Так я рассуждал, постепенно приходя в себя от огромного впечатления от встречи и разговора со Сталиным, и не только от слов, но и от всего облика человека в сапогах, с неизменной то и дело гаснущей трубкой в руке.

На другой день в Государственном Комитете Обороны состоялся разговор о срочном создании группы специалистов для проведения особых работ на промыслах Северного Кавказа. И здесь, в ГКО, и затем почти всюду на промыслах люди, отдавшие им все свои лучшие годы, задавали мне тревожно один и тот же мучительный вопрос:

— А нельзя ли сделать иначе? Изобрести секрет, чтобы немцы, в случае захвата ими промыслов, не смогли быстро наладить добычу нефти, а мы, вернувшись назад, могли бы быстро их восстановить?

Хотя люди страстно хотели услышать нужный им ответ, я хорошо понимал, что сеять напрасные надежды, говорить неправду никак нельзя.

— Таких способов нет, — решительно отвечал им я. — И выход у нас только один: если враг приблизится к промыслам, то демонтируем и отправим на восток страны всё ценное оборудование. Малодебитные скважины выведем немедленно, но особо богатые будем использовать до последней, критической минуты, а при самых крайних обстоятельствах промыслы уничтожим.

В ГКО согласились с этим моим подходом. Быстро была создана группа для особых работ, куда вошли опытные инженеры-нефтяники (Н. Тимофеев, Ю. Боксерман и др.), а также специалисты взрывного дела из Наркомата внутренних дел.

Специальным самолётом наша группа вылетела срочно в Краснодар. Рейс пролегал через Куйбышев, так как по обычной, прямой трассе добираться было уже опасно.

Мы прилетели в Краснодар жарким июльским днём. Здесь ничто не напоминало о войне: на улицах спокойно ходят люди, всюду цветы, молодая листва блестит на солнце; небо ясное, безоблачное — без чужих самолётов. Так тихо и мирно, что в сердце невольно закрадываются сомнения, не слишком ли рано прилетели мы сюда с такой мрачной миссией.

Но эти сомнения быстро рассеялись. Когда в тот же день на заседании бюро крайкома партии я сообщил о решении ГКО, то по взглядам,

осунувшимся, напряжённым лицам присутствующих тотчас понял: их не первый день мучает мысль о необходимости своими руками разрушить то, во что вложено столько сил, надежд, мечтаний и самой души. Люди давно уже здесь не радовались цветам, тишине и мирному покою, зная, что фронт неумолимо приближается.

Заседание закончилось поздно, и члены группы для особых работ разъехались по нефтяным районам, оставив в Краснодаре штаб, имеющий связь в любое время суток с командованием Южного фронта и руководством промыслов. На промыслах края мы разрабатывали технологию вывода из строя и методы долговременной консервации скважин. Работали напряжённо, не зная ни отдыха, ни сна, ни передыха, не давая покоя ни себе, ни другим.

Мы знали, что имеется зарубежный опыт ликвидации нефтяных промыслов в аналогичной обстановке. На острове Борнео, перед оккупацией его японцами в 1941 году, промыслы уничтожались так: взрывали вышки, ёмкости, а скважины забрасывали металлом вместе с цементом в бумажных мешках. По всей видимости, англичане рассчитывали, что мешки при падении разорвутся и цемент, смешавшись с водой и железным ломом, затвердеет и превратится в железобетон.

Меркулов, заместитель Берии, привёз к нам в Краснодар тех самых английских специалистов, которые уничтожали этим способом скважины на Борнео. Привёз, так сказать, для передачи важного опыта. Англичане уверяли, что на Северном Кавказе законсервированные по их методу скважины невозможно будет восстановить и, чтобы возродить нефтедобычу, нужно будет заново бурить рядом с уничтоженными другие скважины.

— Ну давайте посмотрим, попробуем что и как, — согласился я.

По моему указанию провели испытания этого метода в экспериментальной скважине со свободной эксплуатационной колонной. Через день мы подняли колонну, разрезали её нижнюю часть и увидели, что металл не схвачен цементом. Мешки по большей части не разорвались и не расслоились, и цемент затвердел прямо в них. В этом была суть ошибки. Закупоренные таким образом скважины можно было очень быстро восстановить. Английские специалисты пришли в ужас, схватились за головы: выходит, что оставили японцам на Борнео готовые скважины!

Вскоре мы разработали свой, наиболее радикальный и надёжный способ ликвидации скважин, который полностью себя оправдал.

Все работы по подготовке промыслов к уничтожению предписывалось вести только с ведома штаба Южного фронта, которому мы

непосредственно подчинялись. Мне сообщили, что штаб и командующий фронтом С.М. Будённый, после того как оставлен Ростов-на-Дону, находятся в Армавире, и я поспешил вылететь туда на «У-2».

С высоты развернулась страшная картина отступления наших войск. Внизу пылали хутора и станицы, по дорогам и просёлкам отходили наши армейские части — где редкими колоннами, где разрозненными группами, а где толпой вместе с беженцами. На задымленной земле рвались снаряды, стояла брошенная техника, валялось оружие рядом с убитыми и покалеченными людьми.

Над Армавиrom наш самолёт начал снижаться. Какое-то обострённое шестое чувство вдруг заставило пристально всмотреться в то, что было внизу на земле, и холодные мурашки поползли у меня по спине: на аэродроме — танкетки! Немецкие танкетки с белыми крестами на броне! А пилот тем временем уже вёл самолёт на посадку.

— Что ты делаешь, сукин сын! — закричал я, не слыша своего голоса в треске мотора. — Поднимайся! Немцы!

— Нет! — пилот обернулся — глаза его лихорадочно блеснули — и покачал головой. — Это наши!

Но я видел в бинокль: на бортах танкеток белые немецкие кресты. Медлить было нельзя ни мгновения, я выхватил из кобуры наган и приставил дуло к затылку пилота.

— Ах, мать твою так! — заорал я изо всех сил, должно быть, не своим голосом. — Если сядешь, застрелю!

Пилот сник, плечи его обмякли, он весь как-то понуро сжался и выправил руль. На аэродроме металась немцы, показывая на нас руками. «У-2» набрал высоту и взял курс на Краснодар.

— Что же ты делал, негодяй? — спросил я пилота на аэродроме. — Ведь ты вёз меня в плен?

— Товарищ Байбаков, — дрожащим, хриплым голосом произнёс, потупив голову пилот. — Простите, моя жена и дочь — в Армавире.

Пилота тут же на месте хотели расстрелять, но я вмешался, и его отправили на фронт, в штрафной батальон.

Только после долгих мытарств я отыскал штаб фронта в станице Белореченской. Там и встретился с героем Гражданской войны маршалом Будённым. Семён Михайлович в одних подштанниках и нательной рубашке (стояла невероятная жара) отдыхал у лесочка на свежем воздухе. В довоенное время мы с ним не раз встречались, когда он был заместителем наркома сельского хозяйства. Совместно решали вопросы снабжения села горючим, и отношения между нами сложились хорошие.

— Семён Михайлович, давайте команду на проведение спецмероприятия! — начал я с ходу.

— Коля, не торопись, — добродушно ответил Будённый. — Моя кавалерия остановила танки.

Когда мы шли к двухэтажному дому, где находился штаб Будённого, я слышал, как кутившие у плетня несколько кавалеристов возбуждённо переговаривались:

— Она-то вертится, проклятая, гусеницами скрипит, а я её за зад ловлю, чтобы горючкой её припечь. Как шарахнул!

— А я их шашкой достал! Вот так! — звонко зазвенел молодой голос. — Да чтобы они — нас? Ни в жисть.

Уже потом я более подробно узнал, как было на самом деле. Конники действительно смекнули, что как ни быстро может крутиться танкетка, не сравнится ей с быстротой и разворотливостью коня, и им удалось, закружив танкетки вокруг своей оси, поджечь бутылками с зажигательной смесью десять танкеток на подступах к реке Белой. На радостях или из-за понятной возбуждённости доложили Будённому, что уничтожено десять вражеских танков. Не обошлось, разумеется, без потерь с нашей стороны. И всё же, пусть не танки, а танкетки — небывалая победа.

— Семён Михайлович, — сказал я маршалу, — имейте в виду, что немецкие тылы, основные силы отстали, а вышли к нам лишь передовые части, которые сильно увлеклись. Я сам с самолёта видел.

Несмотря на мои доводы, Будённый медлил с разрешением на спецоперацию на промыслах. Семён Михайлович, видимо, продолжал верить, что его кавалерия в силах остановить немцев. Но положение было очень опасным. Я ведь видел, насколько спешно отходили наши войска. Не забыл я и того, как Сталин постучал пальцем в висок, произнося: «Выбор здесь...». Да, нужно думать самому, как теперь действовать, с учётом всей сложности ситуации. Ясно, что немцев сейчас мы никак не задержим, и если они захватят краснодарские промыслы в целости и сохранности, то, получив горючее для своей техники, с ещё большей яростью и силой ринутся к Волге и Кавказу, и тогда не сносить мне своей головы. Да что там моя голова!

По телефону из штаба фронта на свой страх и риск я отдал нефтяникам приказ — приступить к немедленному уничтожению скважин, а сам сел в машину и поспешил на промыслы. Не успел доехать до станции Апшеронской, как меня разыскал по телефону член Военного Совета Южного фронта Каганович и дал команду на ликвидацию промыслов.

Работа моей группы развернулась полным ходом под боком у немцев,

ибо они уже подошли к станице Апшеронской, откуда простирался на восток район нефтепромыслов Краснодарского края. Апшеронскую электростанцию мы взорвали уже под автоматным и пулемётным огнём врага.

Трудно передать состояние людей, разрушавших то, что строили сами, чему отдали все свои силы и считали делом и подвигом всей жизни. Когда взрывались первые (по графику) нефтеперекачивающие и компрессорные станции, люди, не скрывая слёз, плакали, метались в душевном смятении. Потом, как бы отупев от горя, примирились с необходимостью разрушать созданное ими. Ожесточённо и сурово думали, получая хоть какое-то облегчение: ничего, зато врагу не достанется ни капли нашей нефти!

Все намеченные спецработы выполнялись быстро и толково, мы ухитрялись укладываться в самые оптимальные сроки. До августа 1942 года успели отправить на восток страны около 600 вагонов с оборудованием, успели вывезти в Грозный всю добытую за последние дни нефть, подлежащую переработке.

В Хадыжах, нефтяном центре края, взрывники и специалисты-нефтяники «подчищали» последние «мелочи», когда сюда прибыл Каганович. Здесь уже находился и штаб Южного фронта. И Каганович на правах члена Военного Совета решил самолично осмотреть промыслы. Ни одна скважина уже не работала; значительная часть наземного оборудования — компрессоры, станки-качалки, электромеханизмы — всё было уже демонтировано и вывезено, а здания взорваны.

— Всё ли сделано как надо, — требовательно спросил «железный нарком», — надёжно ли забиты скважины?

— Надёжно, Лазарь Моисеевич! — заверил я его, спокойный за надёжность сделанного.

— Ну-ка, проверю.

И он стал бросать в ствол одной из скважин камешки, в надежде услышать близкий стук их падения. Невероятно, но он полагал, что скважины должны быть «забиты» на всю глубину. Мы сконфуженно молчали, только переглянулись друг с другом.

Всё же, выяснив из вежливых объяснений окружающих, как законсервирована избранная им скважина, Каганович поинтересовался:

— Сколько времени потребуется, чтобы снова пустить ее?

— Очень много, — ответил я. — Так много, что легче и быстрее будет пробурить рядом новую скважину.

Каганович хмыкнул то ли в знак согласия, то ли выражая недоумение, но расспросы прекратил.

Ровно через сутки наступила критическая минута, когда необходимо было немедленно уничтожить всё, что подлежало уничтожению в самую последнюю очередь. Мне передали, что в районе Кабардинки появились немецкие части, идёт перестрелка, уничтожаются последние объекты на промыслах. Я срочно сообщил Кагановичу о том, что возникла реальная угроза прорыва немцев в районе Хадыжей, где находился штаб фронта.

— Чего вы там паникуете? — загремел Каганович по телефону.

— Пошлите разведку, убедитесь!

— Войска надёжно удерживают район, — раздражался и упорствовал он.

Однако не прошло и пятнадцати минут, как поступил приказ о срочной эвакуации штаба фронта в Туапсе. Мы же быстро собрались, уничтожили остатки промыслов, взорвали последний объект — электроподстанцию и двинулись в путь, по Малому Кавказскому хребту. Из-за сильного обстрела и жестоких бомбёжек единственной магистральной дороги Хадыжи-Туапсе мы решили пробираться до Туапсе лесами и горными дорогами, уходили вместе с теми, кто должен был остаться в тылу врага вести партизанскую войну. Этот отряд возглавил секретарь Хадыжинского райкома партии Хомяков, человек, о подобных которому говорят: «С таким и у чёрта в аду не пропадёшь!».

Только через несколько тяжёлых, бессонных суток появились мы запыленные, небритые и голодные в Туапсе. К этому времени нас здесь успели «похоронить». На запрос Наркомата нефтяной промышленности, находящегося в Уфе, из Туапсе сообщили, что Байбаков вместе со своей группой специалистов, выполнявшей спецзадания, пали смертью храбрых. Каково было женам и матерям получить такое страшное сообщение на казённой, официальной бумаге! Моей жене, Клавдии Андреевне, жившей в то время в Уфе с маленькой дочкой Таней на руках, также пришлось принять и переживать мою «гибель».

Но, несмотря на все перипетии, мы выполнили главное задание Комитета Обороны, его председателя, лично товарища Сталина. Толстому Герингу устроили на Кубани великий пост — ни капель нашей нефти не будет утолён его захватнический аппетит. Сколько похоронили мы самых заветных фашистских надежд.

Нам сообщили, что в Германии уже было создано акционерное общество «Немецкая нефть на Кавказе». Но немецких главарей ждало самое позорное банкротство: почти за полгода оккупации Кубани прибывшим сюда из рейха специалистам по нефтедобыче не удалось восстановить ни одной скважины. Немецкие танки и самолёты остались на

скудном рейховском «пайке».

Уже после освобождения Краснодара нашими войсками мы, вернувшись на местные промыслы, обнаружили на их территории значительный запас труб, завезённых сюда из рейха для разработки нефтяных месторождений. Вот как далеко распространялись немецкие планы! А вышло иначе: не отдав ничего своего оккупантам, мы даже получили трофеи. Эти трубы, правду сказать, очень пригодились нам для восстановления промыслов.

Битва за нефть нарастала

Вскоре наша группа перебазировалась в Грозный, неподалеку от которого в районе Малгобека в начале августа 1942 года развернулись небывало ожесточённые бои: враг изо всех сил рвался к грозненской нефти, немцы уже заняли Моздок, вышли к узловой станции Червлёной. Но здесь они были остановлены во многом благодаря нашим свежим дивизиям, переброшенным из Сибири по Турксибу и далее через Каспий на Махачкалу.

Овладеть Червлёной — это овладеть сразу несколькими удобными для наступления направлениями и железнодорожными путями для подвода войск. Наши войска успели глубоко вкопаться в землю и дрались буквально за каждую пядь земли. Над станицей день и ночь стояли густые клубы дыма от артиллерийских залпов. Казалось, небо прокопtilось ими, а на земле не осталось ничего живого.

Это было то самое время, когда в войска пришёл знаменитый приказ наркома обороны № 227, ставший известным под названием «Ни шагу назад!», «Стоять насмерть!» — за спиной обороняющихся частей ставились заградотряды^[1], которые согласно приказу расстреливали всякого бегущего с поля боя.

Жесточайшая эта мера конечно же была вынужденной и сколько бы ныне задним числом ни спекулировали на её бесчеловечности, сыграла свою роль. К слову, немцы уже давно применяли заградотряды на Восточном фронте, когда впервые за годы Второй мировой войны им пришлось отступать. Позже нечто похожее использовали и американцы в нескольких случаях. Всё это говорится не для оправдания, а для того, чтобы стало понятно: в «войне моторов» человеческие силы порой не выдерживали.

Сменивший Будённого, ничем себя не проявившего на посту командующего фронтом, генерал Петров быстро овладел ситуацией — войска ещё больше укрепились на прежних рубежах обороны. Здесь добрым словом надо помянуть также подкрепление со стороны союзников — английские «мустанги», штурмовики, господствовали в небе.

Немцы же выдыхались, поддержки с воздуха у них фактически не имелось, горючее иссякло. Из всех своих главных стратегических задач на этом направлении военных действий им удалось выполнить лишь одну — частично захватить Малгобекский промысел Грозненского нефтекомбината,

уже выведенный нами из строя. Достался он им «пустым», к тому же вскоре наши части выбили их оттуда.

Однако ожесточённость боёв с каждым днём нарастала. Гитлер упорно рвался к майкопской и грозненской, вообще к кавказской нефти, не считаясь с потерей многих тысяч своих солдат.

Находясь на командном пункте одного из наших соединений, я видел из окопов две яростные массированные атаки немецких частей. Несмотря на плотный огонь нашей артиллерии и авиации, в результате которого изрытое бомбами и снарядами поле было буквально устлано телами убитых и раненых, они, не останавливаясь, шли и шли. Падали и снова вставали, бежали, ползли с фанатичным упорством с перекошенными от ужаса лицами, выныривали возле русских окопов и, расстрелянные в упор нашими бойцами, как бы отброшенные назад, падали навзничь. На моих глазах было уничтожено несколько тысяч немецких солдат. Этого страшного зрелища никогда не забыть.

Видимо, после поражения под Сталинградом, окончательно потеряв надежду захватить кавказскую нефть, Гитлер дал указание уничтожить нефтеперерабатывающие заводы Грозного. Десятки бомбардировщиков «фокке-вульф» с трёх заходов бомбили эти заводы, сбрасывая бомбы весом в 250 килограммов. Корпуса заводов обваливались; всё, что могло гореть, горело; вверх летели кирпичи и куски арматуры. В этой ужасной бомбёжке погибло много мирных жителей, задавленных кирпичами, разорванных на части. Под эту бомбёжку попал и я с начальником грозненского нефтекомбината Кочерговым. Когда мы ехали на машине с промыслов в Грозный через территорию нефтеперерабатывающих заводов, вдруг над нашими головами показались самолёты с чёрной свастикой. Они с гулом и рёвом начали свой третий заход над окутанными дымом заводами. Казалось, что «фокке-вульфы» пикируют прямо на нас. Мы выскочили из машины и укрылись в водосточной канаве. Только легли, как в тот же момент недалеко от нас грохнулась огромная бомба в траншею, где прятались 12 пожарников, мощным разрывом траншею вместе с людьми разнесло на части — ни один человек не уцелел, все погибли. Нас же сильно засыпало землёй и щебнем, но ни одним осколком не задело. Нам повезло — мы не успели добежать до той траншеи.

Наступление немцев на Кавказ захлебнулось у мощных рубежей нашей обороны. Чувствовалось, что противник, понёсший огромные потери в людях и технике, не способен уже вести наступление и под натиском наших войск стал отступать.

В сентябре я вернулся в Москву, к делам в наркомате. Не сразу,

признаюсь, удалось обрести рабочее состояние и душевное равновесие. Перед глазами неотступно стояли картины и сцены увиденного и пережитого мной во фронтовой полосе: кроваво-чёрные кусты взрывов, заживо заваленные землёй и щебёнкой люди, убитые, смертельно раненные стонущие солдаты, кровь, слёзы, разрушения.

А фронтовая обстановка по-прежнему оставалась тяжёлой и сложной, требовала максимальной рабочей сосредоточенности. Враг, выйдя к Волге в районе Сталинграда, отрезал все пути снабжения фронтов горючим, ранее проходившие от Баку через Ростов-на-Дону по железной дороге, а также по Волге. Положение становилось критическим. Ведь бакинские промыслы продолжали оставаться основными источниками нефтеснабжения страны!

Что могли тут придумать? Поскольку путь от Баку через Махачкалу и Астрахань оказался отрезанным, нефть пришлось транспортировать круглым путём через Красноводск и Гурьев, а потом по железной дороге через Среднюю Азию и Казахстан. Крюк преогромнейший! А чтобы обеспечить среднеазиатскую железную дорогу цистернами, пришлось переправлять их из Баку в Красноводск и обратно по морю, на плаву на буксирах. Всё это так и просится в документальные кинокадры, настолько впечатляет трудная и масштабная операция с перенаправлением потоков горючего фронту. Но тогда было не до этого. Тогда, наоборот, требовалась тщательная маскировка, — в небе господствовала немецкая авиация.

Такой комбинированный путь огромной протяжённости был поистине героическим. Воображение не может вместить в себя все его трудности. Такого ещё не бывало в мире!

Значительная часть перевозимого топлива уходила на транспорт, работающий на паровозной тяге. А когда на Каспии поднимался шторм, баржи и суда не могли выйти в море и транспортировка прекращалась. Но если штормило в средних баллах — перевозка ни на миг не прерывалась!

Вот тут проявилось с особой силой и важностью стратегическое значение «Второго Баку», строительство которого, как я уже говорил, началось ещё до войны, и жизненную необходимость его мы так остро ощутили. Хотя его доля в общесоюзном объёме добычи нефти была сравнительно невелика, но это была золотая добыча, золотая доля — нефть, перерабатываемая практически на месте добычи заводами Центра и Поволжья.

Из-за постоянных перебоев с вывозом нефти и нефтепродуктов бакинские нефтехранилища оказались переполненными, нефть девать стало некуда и большое количество скважин консервировалось. Что делать в такой фактически безысходной обстановке? Не прекращать же добычу

нефти, когда нужда фронта в горючем отчаянная. Требовалось незамедлительно использовать весь огромный трудовой опыт и потенциал бакинских нефтяников, техническую смекалку и умение находить неординарные решения.

И вот возникает невероятное, с точки зрения технологии, предложение: нефть добывать, не сбавляя прежних темпов, и гнать её по трубопроводам на перерабатывающие заводы в «Чёрный город», снимать там энергетическую верхушку, а остаток возвращать обратно и закачивать в нефтяной пласт. Конечно, такое предложение даже для бывалых знатоков нашего дела казалось нереальным. Но другого выхода не было. И, взвесив все условия экстремальной обстановки, все «за» и «против», я признал предложенный выход единственно возможным, полностью поддержал и санкционировал его реализацию.

Были выделены специальные скважины и через них закачали в нефтяные пласты около полумиллиона тонн отбензиненной нефти (её полностью вторично сумели добыть, но уже после войны).

Но чтобы задействовать весь нефтяной потенциал Баку, напрашивалось куда более масштабное и радикальное решение: нужно было обратить этот потенциал на быструю разработку нефтеносных районов между Волгой и Уралом, о чём мы думали ещё до войны и что явственно прочитывалось в решениях XVIII съезда партии. Условия 1942 года заставили нас форсировать наши планы и задумки, приступить немедленно к разработке и добыче нефти в этом районе.

И вот Государственный Комитет Обороны обратился к бакинским промысловикам с призывом срочно перебазироваться в необжитые районы для поднятия нефтяной целины, для ускорения добычи нефти в нужных нам объёмах.

Как первый заместитель наркома я был назначен уполномоченным ГКО по перебазированию большого количества нефтяников и техники кавказских районов на Восток.

Работа предстояла титаническая. Люди, непривычные к суровому северному климату, снимались с родных мест, порой не имея нужной зимней одежды, и двигались навстречу жестоким испытаниям. На дорогах они мёрзли, болели и случалось даже умирали. Но и прибыв на новое место, жили в землянках, наскоро сколоченных бараках, часто кое-как отапливаемых. И всё же сразу включались в работу женщины, старики, дети — гвардейцы тыла.

В течение трёх месяцев почти десять тысяч бакинских нефтяников, большинство с семьями, организовано выехали в восточные районы

страны. На колёсах оказался почти весь цвет нефтяной промышленности Азербайджана: прославленные бакинские мастера бурения, опытные инженеры и техники, мастера по добыче нефти и ремонту скважин.

Массовая и героическая одиссея! Прошло больше, чем полвека с той поры, а и ныне участники того небывалого «переселения», которые уже давно на пенсии, удивляются сами, как удалось в столь короткие сроки осуществить это при минимальных потерях в людях и технике и прямо «с колёс» начать бурение на новых площадях!

В невероятно тяжёлых условиях зимы 1942/43 года складывался дружный и сплочённый коллектив нефтяников «Второго Баку». Я смело могу назвать многих из них, приехавших из разных краёв нашего государства, людей разных национальностей единой семьи. Все они были один народ и по духу, и по устремлениям, и по делу, о чём хорошо сказано в обращении рабочих Ишимбаевского промысла к Сталину:

«Мы знаем, что значит нефть в войне. Пусть мы далеки от боевых действий фронтов, но мы являемся той же самой боевой армией и дадим стране нефти столько, сколько потребуется. Все силы на выполнение и перевыполнение плана! Каждая тонна нефти — это наш залп по Гитлеру!».

Об этом очень убедительно написал в своей книге Яков Михайлович Агарунов — бывший секретарь компартии Азербайджана, очевидец и участник эпопеи переселения. Факты, судьбы, сцены событий — все строго по жизни, все по памяти сердца.

Битва за нефть наполнена и подвигом, и драмой. И, как всякая битва, протекала неровно: успехи сменялись неудачами, имелись свои прорывы и критические ситуации. Когда гитлеровцам казалось, что теперь-то они перекрыли все пути поступления нефти на наши перерабатывающие заводы, снабжавшие фронт горючим, нефть неожиданными для них способами всё же на эти заводы поступала. И то, что у нас с невероятной быстротой нарастало количество танков и самолётов, полностью обеспеченных горючим и боеприпасами, ошеломляло врага, вносило смятение в его ряды.

Так, в невероятно короткие сроки был проложен нефтепровод Астрахань-Саратов, для которого, выше я уже писал, были частично использованы трубы и насосные станции демонтированного трубопровода Баку-Батуми. И построили его в напряжённые дни Сталинградской битвы! Немецкие стратеги никак не ожидали такого. По их расчётам, лишившись горючего из Баку, наши самолёты уже не должны были летать, а танки двигаться.

Не могли они предвидеть и того способа снабжать топливом

осаждённый Ленинград, какой мы нашли весной 1942 года, когда прервалась связь с городом. По льду Ладоги, по дну озера был проложен 28-километровый бензопровод, пропускающий 400 тонн горючего в сутки. Он обеспечивал топливом и Ленинградский фронт, и город. На прокладку его ушло всего 50 дней на глазах у немцев, взбешенных нашей дерзостью, но бессильных помешать нам. Новый бензопровод более двух лет действовал почти бесперебойно. Под шквальным артиллерийским огнем, под непрерывными бомбовыми ударами с воздуха, не боясь смерти, люди долбили землю, подводили под воду трубы, гибли от осколков и разрывов, на их место бесстрашно вставали другие.

В 1942-1943 годах была решена и невероятно трудная задача обеспечения природным газом оборонных заводов Поволжья. За счёт эвакуации предприятий из западных районов страны мы быстро создали промышленный центр Безымянка вблизи Куйбышева, где сосредоточились наши авиационные заводы. Для обеспечения их топливом в самые короткие сроки проложили газопровод от Бугурусланских месторождений до Безымянки, в район, дававший огромное количество военной техники, в том числе и знаменитые штурмовики «Илы», окрещённые немцами «Чёрной смертью».

В конце 1942 года впервые за войну большая группа нефтяников была награждена орденами и медалями. Я очень дорожу тем, что именно в это суровое время и я получил свою высокую награду — орден Ленина.

Исход великой Сталинградской битвы, победоносной для нас, поставил точку и в грозной эпопее битвы за нефть. Открылся свободный путь по Волге для бакинской нефти.

Благодаря героическому труду и подвигу народа уже в 1942 году был не только восстановлен, но даже превзойдён довоенный уровень производства вооружений. Именно это, в основе своей, и предопределило во многом исход войны.

Мне, как непосредственному участнику боевых действий на Северном Кавказе, хочется рассказать о наших лётчицах из отряда Марины Расковой, которые базировались в г. Грозном, куда я перебрался из Краснодарского края после уничтожения нами нефтяных промыслов. Был август 1942 года. В то время немецкие войска вплотную подошли к Грозненским промыслам и даже захватили Малгобекский промысел. Но, как я уже отмечал, благодаря переброске на Северный Кавказ двух дивизий из Сибири удалось остановить наступление немцев, а затем отбросить их на север. Штаб неприятельских войск оказался в Моздоке, оттуда шла команда немцам о наступлениях на г. Грозный и грозненские нефтяные промыслы.

Хочу отметить огромную роль авиационного отряда М. Расковой, который многократно срывал атаки немцев на Грозный. Этот отряд состоял из двадцати девушек в возрасте 18-23 лет. Обычно вечером, когда стемнеет, девушки клали в каждый самолёт «У-2» три-четыре бомбочки по 50 килограммов и бреющим полётом шли на Моздок, бомбили штаб немецких войск, их части, тем самым срывая атаки немцев. Не раз такие бомбёжки проходили в ночное время, а утром, немного проспав, девушки нередко пели песни и танцевали с бойцами. Как-то днём я побеседовал с двумя лётчицами и задал им вопрос: «А не боитесь ли вы, что во время бреющего полёта вас могут подбить немецкие стрелки?». Девушки ответили, что этого не может быть, так как они летят, когда уже темно и на очень низкой высоте. И действительно, за два месяца моего пребывания в Грозном из двадцати девушек погибла лишь одна, причём не от пули немцев. Идя бреющим полётом на очень низкой высоте, она врезалась в электрический столб. Такова деятельность отряда Расковой на Северном Кавказе, а таких отрядов на фронте было немало, и нам, мужчинам, нужно хорошо помнить героический подвиг Марины Расковой — организатора этих отрядов, внёсших большой вклад в победу над фашизмом.

Подводя итоги деятельности наших женщин в период войны, хочу ещё раз сказать, что без них мы не победили бы фашизм. Но и в мирное время, в послевоенный период, героизм наших женщин активно проявился на восстановлении разрушенного хозяйства страны.

Работая многие годы в Госплане СССР, я всегда внимательно относился к их деятельности, а их в этом органе трудилось почти полторы тысячи, или почти половина общего коллектива Госплана СССР. Этот коллектив женщин был трудолюбивым и дисциплинированным. И нередко, когда срочно требовалось подготовить какой-либо документ, я поручал это нашим женщинам. Глубоко уважая их, я знал, что они не подведут меня. Не помню ни одного праздничного дня 8 Марта, чтобы я не поздравил их, даже когда необходимо было быть на совещании в правительстве или на заседании политбюро. Вместо меня на этих заседаниях присутствовали мои первые заместители. Правда, в эти дни и женщины меня приветствовали, в связи с моим днём рождения. Так уж совпадало.

Моё назначение на пост наркома нефтяной промышленности в 1944 году предварительно со мною никак не обсуждалось. И только через три месяца после того, как меня назначили на этот пост, Сталин вызвал меня для беседы о состоянии дел в нефтяной отрасли.

В Кремле, в приёмной Сталина я появился точно в назначенное мне время. Заведующий сталинским секретариатом А.А. Поскрёбышев

попросил лишь немного подождать, сказав, что Сталин сейчас занят в своём кабинете поиском какой-то нужной книги. Больше он ничего не сказал, сосредоточенно копаясь в своей папке. Все знали, что Поскрёбышев говорит ровно столько, сколько нужно для ответа. Он молча дважды поднимался с места, заглядывал в кабинет и возвращаясь кратко сообщал: «Нужно подождать». Наконец, в третий раз, сказал:

— Товарищ Сталин, видимо, нашёл нужную книгу и читает, стоя на стремянке. Вы войдёте, ну, кашлянёте, чтобы услышал.

Я тихо вошёл в кабинет, уставленный книжными полками. (Сталин много читал, известно, что он прочитывал в день сотни страниц, даже на работе пользовался всей литературой, которая его интересовала. Стенка эта была вся забита книгами по истории, экономике, философии. Сейчас её нет — всё выбросили).

Вошёл — и остановился, смотрю, стоит Сталин, Верховный главнокомандующий, правда спиной ко мне. Ну, подожду, кашлянуть я всегда успею. Я смотрел, как он выглядит. А выглядел он так: одет в серый френч и мягкие сапожки, очень скромно для первого человека в государстве. (Впрочем, когда он умер и была создана комиссия для похорон, у него всего-то оказалось два жёлтых костюма, серый френч и форма генералиссимуса, естественно, нижнее бельё; плоская металлическая кровать; комната 12-15 квадратных метров.)

Представьте себе, я стою и рассматриваю его, а он, как стоял на стремянке спиной ко мне, так и стоит, что-то читает. И вижу на сапоге ... дырку, — меня это сразило. Вот чуть повернулся боком — и на втором сапоге дырка. «Как же так, — думаю, — Первый секретарь, Верховный главнокомандующий принимает в дырявых сапогах даже вызванных к нему людей. Понятно, страна находится в тяжком положении, у всех нехватки и в одежде, и в обуви. Но не до такой степени... И, в конце концов-то, дырки на сапогах можно было и залатать. Я всё-таки решился и кашлянул в кулак. Сталин неторопливо оглянулся и поставил книгу на место.

— А-а, Байбако, молодой человек! — медленно потянул он (назвал меня «Байбако» он как-то дружески, с каким-то душевным расположением). И повторил чуть-чуть официальнее:

— Садитесь, товарищ Байбаков, пожалуйста, вон там.

Он спустился со стремянки, пожал мне руку и, раскуривая трубку, начал ходить по кабинету.

— Товарищ Байбаков, мы назначили Вас наркомом нефтяной промышленности.

И хотя это сообщение не очень меня удивило, так как я уже

фактически управлял отраслью в качестве главы, но эти слова означали для меня окончательное утверждение в новой должности. Мне было известно, что прежний нарком Седин сильно проштрафился, к тому же он не знал толком промыслового дела. Да и Багиров — секретарь ЦК партии Азербайджана — подал в Москву «сигнал»: Седин, приехав в Баку решать нефтяные вопросы, сильно напился в ресторане, выводили его оттуда пьяным. Маленков вроде за него заступался, но безрезультатно.

Значит, назначая меня, полагаются на мой опыт и моё знание дела? Но ведь могли бы перед тем как назначать, спросить и меня самого? Смогу ли и хочу ли руководить наркоматом? В свои 33 года.

Я набрался решительности и спросил:

— Товарищ Сталин, но ведь перед этим никто даже не поинтересовался, смогу ли я справиться?

Сталин искоса с какой-то своей затаённой улыбкой взглянул на меня, затащился трубкой, откашлялся и негромко сказал:

— Товарищ Байбаков, мы хорошо знаем свои кадры, знаем, кого и куда назначать. Вы коммунист и должны помнить об этом...

Разговор зашёл о проблемах нефтяной индустрии.

— Вы знаете, что нефть — это душа военной техники?

— Товарищ Сталин, — подтверждая, ответил я, — это не только душа военной техники, но и всей экономики.

— Тем более, скажите, что нужно, — доверительным тоном подбодрил меня Сталин, — для развития отрасли.

— Надо «Второе Баку» осваивать, там мы открыли два крупнейших месторождения — ударили фонтаны. Это очень перспективные месторождения.

Сталин внимательно меня выслушал, прошёлся раз-другой вдоль стола и настойчиво повторил:

— А что нужно?

— Капиталовложения мне нужны, товарищ Сталин, оборудование. А ещё нужны знающие строители.

Я решился тут же изложить все свои наиболее принципиальные соображения о путях развития нефтяной промышленности. Сталин слушал вдумчиво, сосредоточенно.

— Хорошо! — наконец, сказал он. — Вы изложите все эти конкретные требования в письменной форме, я скажу Берии.

Сталин тут же взял трубку телефона и позвонил Берии, который как первый заместитель Председателя Совнаркома курировал топливные отрасли.

— Лаврентий, вот здесь товарищ Байбаков. Всё, что он просит, ты ему дай.

Кажется, самый трудный вопрос был оперативно, без всяких проволочек решён. Забегая вперёд, скажу, что наша отрасль вскоре получила всё — и материалы, и оборудование, и толковых строителей.

Разговор наш продолжался при полном взаимопонимании. И вдруг Сталин задал вопрос, сильно озадачивший меня:

— Товарищ Байбаков, Вы думаете, союзники нас не раздавят, если увидят такую возможность — раздавить?

— Да как же они смогут?

— Очень просто, — невозмутимо ответил Сталин. — Мы создали и танки, и самолёты, и машины — хорошие. Много у нас и трофейной техники. Но всё это не придёт в движение, если не будет бензина, дизельного топлива. И снова с нажимом повторил:

— Нефть — это душа военной техники.

Я предложил Сталину, назвав конкретные оборонные заводы, перевести их на выпуск буровых станков и другого нефтяного оборудования для промыслов. Сталин тут же через Поскрёбышева отдал необходимые и важные распоряжения. Так, говоря языком сегодняшнего дня, началась в стране конверсия предприятий, подлинная конверсия, а не уродливая, когда предприятия высоких технологий начинают выпускать сковороды и тарелки.

Полтора часа продолжался этот разговор, полтора часа Сталин непрерывно ходил по кабинету взад-вперёд, останавливался, разжигал потухшую трубку и опять туда-сюда. Я невольно поворачивался вслед ему, понимая, что так ему удобнее размышлять и что это привычка человека, работающего по ночам.

Сложный и одновременно ясный и насыщенный мыслями и решениями разговор. Один из определяющих, не боюсь сказать, судьбу нашего государства и особенно нефтяного дела в конце войны, в преддверии мирных послевоенных лет. Когда он закончился, Сталин на миг задумался и вдруг, опять неожиданно для меня, спросил:

— Вот Вы — такой молодой нарком... Скажите, какими свойствами должен обладать советский нарком?

— Знание своей отрасли, трудолюбие, добросовестность, честность, умение опираться на коллектив, — начал медленно и подробно перечислять я.

— Всё это верно, товарищ Байбаков, всё это очень нужные качества. Но о важнейшем качестве Вы не сказали.

Тут Сталин, обойдя вокруг стола, подошёл ко мне. Я решил подняться. Но он не позволил, коснувшись чубуком трубки моего плеча.

— Советскому наркому нужны прежде всего «бичьи» нервы (так характерно произнёс он слово «бычьи») плюс оптимизм.

Много лет прошло с тех пор, всякое было в жизни — и хорошее, и горькое, но эти слова запали мне в душу. В трудную, критическую минуту в моей судьбе они всегда вспоминались. «Бичьи нервы плюс оптимизм» — сколько раз приходили эти слова мне на ум и чаще всего на посту Председателя Госплана. Нужны они и сегодня, чтобы трезво, здраво и спокойно оценивать и понимать то, что произошло с нами и с нашим государством.

Выйдя из кабинета Сталина, я первым делом поинтересовался у Поскрёбышева, почему Верховный ходит в сапогах с дырками, неужели для него не найдётся новых?

— А Вы заметили, где эти дырки? — спросил меня Поскрёбышев. — Товарищ Сталин сам вырезал их, чтобы не досаждали мозоли. Так-то..., — с улыбкой добавил он.

Ехал я из Кремля окрылённым, но и с определённым беспокойством в сердце: стране нужно много, очень много нефти, иначе они нас раздавят.

Просто поражает до сих пор, с какой быстротой и неукоснительностью выполнялись тогда все правительственные решения и распоряжения, которые отдавал Сталин. После того памятного разговора наедине со Сталиным в короткие сроки наметился коренной перелом в освоении и развитии «Второго Баку» и восстановлении добычи нефти на Кавказе и в первом Баку. На помощь нефтяникам пришли коллективы многих предприятий тяжёлой индустрии. Самой «обжитой» для нас оказалась Горьковская область. Там, на заводе, где директором был генерал Елян, нефтяное оборудование стало основной продукцией, был создан специальный цех по Производству грязевых насосов для буровых станков.

Оборонный завод в Пермской области наладил выпуск глубинных насосов, высоко оценённых всеми нефтяниками. Очень помог нам в этом деле знаменитый «Уралмаш», где, кстати, начинал свою трудовую жизнь сварщиком Николай Иванович Рыжков, ставший затем начальником цеха, а впоследствии и директором этого завода. «Уралмаш» быстро наладил производство буровых станков — главного «оружия» буровиков. В качестве силового двигателя к ним уралмашевцы приспособили двигатель танка Т-34. Так «война» начала работать на мирную жизнь.

Сталин постоянно интересовался ходом всех наших дел и нередко давал советы по вопросам развития нефтяной промышленности.

Однажды, прочитав письмо главного геолога нашего наркомата В.М. Сенюкова, обосновывающего новый метод ускоренного открытия новых нефтяных и газовых месторождений путём бурения «опорных скважин», Сталин позвонил и спросил:

— Как Вы смотрите, товарищ Байбаков, на этот метод, предложенный Сенюковым? Что он может нам дать?

Сталин, как всегда, задавал вопросы по самой сути, и я ответил, что предлагаемый метод заслуживает внимания, хотя дело связано с немалым риском потерь средств, так как закладка скважин без детальных геологических исследований может оказаться безрезультатной. И всё же следует пойти на риск.

Сталин терпеливо выслушал и согласился со мной, видимо, эти доводы окончательно убедили его.

Обычно разведочные скважины на нефть и газ бурят вблизи районов, где они уже обнаружены, или в новых местах, исследованных геофизическими методами. Но геолог Сенюков, доктор наук, предложил бурить скважины сразу на огромной территории и на значительном расстоянии друг от друга, не прибегая к таким трудоёмким и «подробным» исследованиям.

Решение было принято, и, как мы вскоре убедились, метод бурения «опорных скважин» себя оправдал. Он помог значительно ускорить открытие новых месторождений. Забегая вперёд, отмечу: открытие в 1955 году крупнейшего Берёзовского газового месторождения на Урале было осуществлено именно этим методом, что позволило в короткие сроки обеспечить промышленность и население Урала газом.

Тем же путём была подтверждена нефтегазоносность недр Западной Сибири, о которых ещё раньше писал в своих научных трудах академик И.М. Губкин.

Памятны мне и доныне мои взаимоотношения со Сталиным, связанные с проблемами производства синтетического горючего.

В Германии ещё накануне войны гитлеровцы создали крупные по тому времени заводы по производству бензина и дизельного топлива из угля методом гидрогенизации под высоким давлением.

Как-то однажды в беседе со мной Сталин сказал, что мы должны использовать оборудование, которое будет поступать из Германии с этих заводов, и создать у нас промышленность по производству такого же синтетического моторного топлива. И тем более нужно это сделать, потому что мы располагаем огромными запасами угля.

У нас в стране, к слову сказать, уже велись исследовательские работы

по получению искусственного жидкого топлива, и уже в 1943 году при Совнаркоме начало действовать специальное управление — «Главгазтоппром», на которое возлагалась организация проектных и научно-исследовательских работ. Руководителями главка назначили В. Матвеева, Ю. Боксермана, П. Скафу. Этому главку поручили подготовить всё для использования трофейного оборудования на заводах Ангарска, Салавата и Новочеркасска.

На строительство такого рода заводов Сталин дал всего два года. Посоветовавшись с руководителями главков в своём наркомате, я обратился к Сталину с просьбой несколько отсрочить ввод этих объектов, однако Сталин не согласился с моими выкладками и твёрдо заявил, что окажет нам максимальную помощь в их строительстве. И действительно, вскоре он дал распоряжение направить на данные стройки строительные силы ГУЛАГа, а также привлечь к работе Министерство монтажных и специальных строительных работ, ряд машиностроительных министерств.

В скором времени в центре Сибири, вблизи Иркутска, на берегу Ангары в окружении густых лесов была выбрана площадка для химического комплекса. Здесь и началось строительство Ангарского комбината, который строили около 80 тысяч человек, в основном из ГУЛАГа. Это была безотказная и мобильная сила. Люди жили в наскоро сооружённых бараках и утеплённых палатках, в землянках, работали в любую погоду — в снег и дождь, мороз и жару, по 12 часов в сутки. Я впервые в жизни столкнулся воочию с фактом, чтобы такая рабочая сила использовалась на наших стройках...

С тяжелейшей задачей строители и монтажники справились: гигантский завод вступил в строй в 1949 году. Теперь это крупный нефтехимический комбинат, производящий самую разную продукцию. Рядом с ним на берегу реки вырос город Ангарск с населением более 200 тысяч человек. В такие же сжатые сроки вступили в строй и два других комбината — в Салавате и в Новочеркасске.

Сталин торопил всех нас. Ему была виднее, чем кому-либо, опасность того, что нас могут попытаться раздавить.

Страна вставала из руин с невероятной быстротой, одновременно направляя все силы на укрепление своей обороны. Достижения тех знаменитых лет известны и, конечно, будут ещё долго и долго вызывать удивление. Конечно же, надо понимать, что достигнуты они были во многом благодаря установлению во всей стране самой жёсткой партийной и государственной дисциплины. Все мы, государственные работники, относились к постановлениям и распоряжениям Партии и Правительства с

предельной серьёзностью и верой, так как под каждым пунктом этих документов значились имена отвечающих за их выполнение, отвечающих головой. В этих «железных» документах были вписаны, как впаяны, наши имена.

Мы знали, что Народный комиссариат государственного контроля никакую оплошность, даже малейшую, нам не простит и пощады просить у него бесполезно.

На ответственных постах в наркоматах стояли отнюдь не барственные начальники, а истинные, преданные делу работники.

Сталин делал ставку на нас, на руководителей — трудяг, воспитанных рабочей средой, знающих своё дело, — а это дело народное!

Великий опыт возрождения

Урон, нанесённый войною народному хозяйству, имел, казалось бы, катастрофические масштабы, после которых ни одна экономика в мире не смогла бы оправиться десятилетия. Но экономическая катастрофа у нас не могла произойти, поскольку была Победа, доказавшая жизненность нашей экономической системы и воодушевление народа, одолевшего небывалой мощи испытания на верность и духовную прочность. Самая главная сила экономики — энергия народа.

И вот сегодня мы, увы, опять присутствуем при разрухе, и ещё более сокрушительной, чем в войну. Экономика перелицована, перераспределена, разбита на мелкие ручейки и речонки.

Память о войне, о выстраданной победе и упорном восстановлении и строительстве — это большой духовный запас народа и всех нас, людей старшего поколения. Неужели же это и впрямь сравнимо: тогда и сегодня? Конечно, несравнимо... По результатам сегодня мы оказались в гораздо более тяжёлом и опасном положении. Под страну заложена мощная мина лжереформ. Даже техника отказывается работать — падают самолёты над Иркутском, заваливаются породой шахты в Кузбассе. Мы ныне пришли к вопиющей исторической нелепости: разгосударствление государства. Когда же государство начнёт восстанавливаться, а экономика работать? Трудно сказать, ибо всё это связано будет со сменой социального и экономического курса.

Должна быть разработана всеобъемлющая и тщательно обоснованная программа оздоровления экономики. Необходимо изыскать огромные средства для замены безнадёжно морально и физически устаревших основных фондов практически во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства. Однако никто из властей не принимает должных мер.

А тогда мы знали, как и что делать. Восстановление хозяйства на земле, которую жгли и разрушали оккупанты, увозившие всё, что можно увезти — «подчистую», начиналось сразу же, с первого дня её освобождения. И не нужно было никаких пропагандистских ухищрений, никаких самостоятельных «экономических рычагов», чтобы поднять народ на тяжёлые восстановительные работы. Народ был един в одном порыве — отстроить заново свой дом, свою державу. И основывалось это на прочной социальной базе: чувстве равенства и братства. Предвижу здесь скептическую усмешку нынешних «антиутопистов»: дескать, равенства

между людьми вообще быть не может, мол, природой не предусмотрено и, мол, не было его и тогда, при том руководстве, имевшем социальные привилегии.

Не спорю, руководящие работники тех лет, отнюдь, не подвергались уравниловке; но нельзя забывать, что это были в основном те руководители, на которых лежал груз самой тяжёлой ответственности, груз ни с чем не сравнимый по затратам нервной, невосполнимой энергии. К тому же смешно и нелепо время, например, министра тратить на «мелочи» быта, цена его — государственная. И это понимают во всех странах мира. И сравнимы ли наши «привилегии» с теми, какие имеют ныне крупные чиновники и «новые русские» — огромные особняки, счёта за границей...

Боевые командиры на фронте и командиры производства в тылу делили с простыми людьми все тяготы физических и моральных испытаний. А тот, кто не выдерживал, проваливал дело, — платил самой жестокой платой. Могу свидетельствовать о том с полным основанием.

Теперь этого единства нет. Да и какое единение может быть у банкира, одарённого властями капиталом в миллионы и миллиарды долларов, и полубезработного заводского рабочего! Голодающий фронтовик — пенсионер с пенсией, по старым денежным меркам, в 30-50 рублей и «новорусский» в «мерседесе» с наеденным и напитым лицом. Это и есть классическое «классовое расслоение», принявшее у нас невиданные в мире, безобразные формы!

Может быть, все упования стоит возложить на наш рабочий класс? На его известные в нашей истории традиции? Но и он сегодня не един, разделен искусственно как бы на социальные подклассы, не способен быть ответственным за судьбу всей России. Вот в июле 1993 года рабочие Кузбасса потребовали от правительства увеличить им зарплату до 700 долларов, то есть до 5 миллионов рублей (официальная зарплата Президента в 1997 году). Их совсем не интересует, как будут жить «бюджетники»: врачи, учителя, ученые, рабочие заводов, обречённые получать в 10 раз меньше этой суммы. Или пенсионеры — в 12-25 раз меньше?

А в 1997 году, не получая месяцами заработанного, в сущности, пошумев, кое-где побастовав, шахтёры получили зарплату и успокоились до очередной невыплаты. Если государство неспособно выплачивать зарплату, оно банкрот со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Так в чём же дело? Выходит, что сегодня самые опасные наши потери лежат и в сфере производственно-экономической, но и не в меньшей мере — в области духовной, нравственной. Человек как нравственная единица

ныне размывается, расчеловечивается, потеряв идейные ориентиры, заменив их сугубо личными «философиями выживания» и накопления: он не хочет ничего отдавать, он хочет только получать. Богатства страны перераспределены хищнически: у слабого забирается всё, даже личные сбережения в банке, сильному отдаётся всё. Наш банкир — это не американский. Ротшильды создавали своё богатство 200 лет, наши — за пятьсот дней. И не по уму, не по энергии деятельности, а по закону трутня. Оттого нынешний российский капитал неконкурентоспособен, не работает, а оседает в непроизводительные «ленивые» накопления.

Мы совершили чудо возрождения страны. Наиболее известный пример тому — второй подвиг Сталинграда: он восстал из руин, как каменный феникс. Центр города и вся его заводская, северная часть были разрушены и сожжены дотла. Не сохранилось ни одного дома, ни одного цеха. Весь в прахе лежал знаменитый Тракторный, первенец пятилеток. К гигантским руинам его цехов было не подступиться: они представляли собой один сплошной железный бурелом, хаотическое и неразъёмное сплетение искорёженных конструкций. Проще было бы возвести цехи на новом месте, что впрочем, и советовали американцы. Но нам были дороги родные руины, за которые было заплачено такой кровью. И цехи поднимались заново на старых фундаментах. Это казалось чудом: 2 февраля 1943 года в районе Тракторного отгремел последний выстрел, а уже 10 мая 1943 года от ворот завода ушёл на фронт первый эшелон отремонтированных танков с надписью на башнях: «Ответ Сталинграда». И через год почти ровно день в день с конвейера возрождённого завода сошёл первый после Сталинградской битвы трактор.

Небывальными усилиями и темпами восстанавливались нефтяные промыслы на освобождённой земле. Уже в феврале 1943 года появились первые группы наших специалистов на промыслах Кубани. Нужно было повторно разбуривать нефтяные площади, строить заново электростанцию, компрессорные станции, восстановить линии водоснабжения и электропередачи, почти с нуля создать всё нефтепромысловое хозяйство.

Но как подступиться к этому?

Остро не хватало техники. Её фактически не было. Вот почему, например, руководство Краснодарского нефтяного комбината, не имея ни одной землеройной машины, вынуждено было в отчаянии обратиться к населению, то есть к женщинам, детям, старикам. И они пришли.

И подобных примеров много.

Поражали жёсткая профессиональная хватка и сметка мастеров нефтяного дела. Бурились новые скважины рядом со старыми. Но и

некоторые старые скважины вводились в действие хитроумным способом, предложенным кубанскими промысловыми инженерами и мастерами. Суть его такая: прорезали «окна» в колонне выше места её закупорки и опускали так называемую «колонну хвостовика» до нефтяного пласта.

Здесь, на Кубани, ещё в дни войны родились самобытные методы скоростного бурения и прочие технические новшества, которые вскоре стали применяться с успехом и в других районах страны. Уже тогда нефтепромысловики поняли, что повышение добычи нефти связано с искусственным воздействием на нефтяной пласт для увеличения нефтеотдачи: с 1945 года на старых месторождениях управления «Хадыжнефть» начали применять закачку воздуха в нефтяные залежи, а с 1951 года в управлении «Черноморнефть» с той же целью стали использовать метод нагнетания воды в пласты.

В дальнейшем все вновь вводимые в эксплуатацию месторождения работали с поддержанием давления в нефтяных пластах путём нагнетания газа и воды. Нефтяная лепта Кубани снова заняла большое место в топливном комплексе страны: уже в 1949 году, всего через 6 лет после начала восстановления полностью разрушенных промыслов, уровень добычи нефти в крае превзошёл довоенный максимум 1939 года. И это после такой разрухи и нехватки рабочей силы и техники!

Уже в середине декабря 1942 года, когда фронт, во многом благодаря стойкости защитников Сталинграда отодвинулся от Баку, ГКО принял решение — возобновить работу временно законсервированных нефтяных скважин Азербайджана, ибо вынужденное снижение добычи кавказской нефти обескровливало нашу военную технику. Баку оставался главной топливной кладовой Союза. О его громадной роли в нашей победе маршал Г.К. Жуков сказал так, что лучше не скажешь: «Нефтяники Баку давали фронту и стране столько горючего, сколько нужно было для защиты нашей Родины, для победы над врагом».

Более 80 процентов горючего и смазочных материалов, поступивших для фронта, пришлось на долю Азербайджана. За эти годы бакинские переработчики нефти дали 22 миллиона тонн бензина и других видов топлива. Они намного перевыполнили установленные планы. Эти успехи в значительной мере были обеспечены гибким, умелым маневрированием и кадрами, и технической мощью бакинских промыслов. По решению ГКО в 1943 году сюда вернулась часть нефтяников, в первые военные дни переброшенных в восточные районы. Вернулась и часть оборудования и технических средств — большое подспорье! Всё это было тщательно продумано, взвешено: что необходимо для первого Баку, и что — для

«Второго Баку».

С конца 1943 года на бакинских промыслах началась интенсификация буровых работ, возродились и работы по дальнейшей разведке нефти. В последние месяцы 1944 года бакинские заводы по выпуску нефтяного оборудования почти полностью обеспечили нефтяную промышленность техникой. И всё это сделано было при огромной нехватке квалифицированных рабочих. Кадры подбирались из ветеранов пенсионеров, а также вернувшихся с фронта инвалидов. Бурильщиками и их подсобниками, как и в начале войны, продолжали работать женщины и подростки.

Но вот настал тот момент, когда у ГКО появилась наконец возможность поправить это положение. Обстановка на фронтах теперь позволила освободить от воинского призыва тысячи юношей для работы на промыслах и заводах. ГКО принял нужное решение о досрочной демобилизации из действующей армии специалистов-нефтяников, высококвалифицированных рабочих. Из госпиталей воины-специалисты направлялись на трудовой, нефтяной фронт.

Надо представить себе, насколько ответственными являлись эти государственные решения, с какой взвешенностью обстановки в тылу и на фронте готовились они и в высших военных органах, и в нашем наркомате. Ведь люди были нужны для фронта, накал сражений не снижался, а нарастал: каждый человек был на счёту. И решения принимались как в расчёте на послевоенные годы, так и на тот, согласно сталинскому предвидению, вероятный случай, если они, вчерашние союзники, попытаются нас «раздавить».

Дальнее государственное видение сказалось и в том, что уже в 1944 году в Баку стал создаваться трест морского бурения для поисков и освоения новых нефтяных запасов, скрытых под водами и дном Каспийского моря. Для бурения скважин глубиной 2-3 тысячи метров с морской части нефтеносной складки Бухты Ильича был применён метод инженера В. Рачинского. В 1943 году Рачинский предложил заготавливать для морских буровых оснований крупные блоки строительных конструкций на берегу, а затем «перебрасывать» их на морские месторождения, что явилось началом нового вида строительства морских оснований в море.

Было взято верное направление в развитии всей нефтяной промышленности Азербайджана. Это помогло открытию в 1949 году крупного морского месторождения Нефтяные Камни, имевшее огромное значение для развития экономики страны. За короткий срок в 100

километрах от берега создали крупные морские промыслы. Они и сыграли решающую роль в постоянном наращивании добычи азербайджанской нефти в 1950-е и последующие годы.

В июне 1944 года произошло такое важнейшее событие, определившее судьбу нашей энергетики, как открытие в Яблоновом Овраге Куйбышевской области скважиной № 41 нефтяных девонских отложений. Тем самым подтвердились настойчивые прогнозы академика И.М. Губкина и было положено начало промышленной разработке невиданных по тому времени запасов нефти во «Втором Баку». Это дало возможность нашему государству уже через четыре года после разрушительной войны восстановить довоенный уровень добычи нефти.

А как было дело? Скважину № 41 начали бурить 26 сентября 1943 года как эксплуатационную. Проектная глубина бурения составляла 1050 метров на уже известный эксплуатационный горизонт. Однако когда забой этой скважины достиг 1014 метров и угленосная свита была вскрыта полностью, оказалось, что скважина как эксплуатационная не представляет особой ценности. Но у старшего геолога промысла И.С. Квиквидзе, убеждённого приверженца прогнозов Губкина относительно запасов нефти в этом районе, возникла счастливая мысль продолжить бурение скважины как разведочной, до полного вскрытия песчано-глинистой пачки среднего девона. По существовавшему положению, решение о бурении каждой скважины могло принимать только Геологическое управление наркомата. А тем более, если речь шла о скважине девонской! Ни одна из подобных пробуренных ранее не дала положительных результатов. С одной стороны, риск напрасной траты времени и средств был велик: идёт война, каждая копейка на учёте. С другой стороны, никто из серьезных специалистов не сомневался в душе в верности гипотезы Губкина.

И вот позвонил мне в наркомат секретарь Куйбышевского обкома партии Я.М. Агарунов, ведавший вопросами нефтедобычи, и попросил поддержать энтузиастов, санкционировать перевод скважины в разведочную категорию, объяснив, что потребуется для проверки гипотезы пройти ещё 500-600 метров. Дело, мол, трудоёмкое, рискованное, но зато сулящее очень многое. «Риск должен оправдаться», — подумал я и решил взять на себя ответственность, дал «добро» губкинцам, пожелав им успеха. Весь этот телефонный разговор приводится в содержательной книге Я.М. Агарунова «Нефть и Победа!»...

Дал разрешение, а душа болела: как там? Рука сама тянулась к телефонной трубке, но я крепился, надеясь на удачу бурильщиков. И...вот свершилось изумительное событие, а для нас, нефтяников, поистине

великое: девон был открыт! 9 июня 1944 года первая в СССР девонская фонтанная скважина вступила в строй с дебитом 212 тонн чистой нефти в сутки.

Крупным событием, подтвердившим большие перспективы девонской нефти, явилось открытие девонских залежей на Туймазинском месторождении в Башкирии. В 1944 году скважина № 100 дала фонтан нефти с дебитом более 200 тонн в сутки. Новая нефтяная эра для нас началась. И не скрою того, что втайне горжусь своей причастностью к этому...

В жестокой борьбе с фашизмом, бросившим в топку войны почти весь потенциал покорённой Европы, наша страна несла огромные потери и разрушения. Но система была такой, что всё незамедлительно восстанавливалось. Наш опыт возрождения уникален во всей мировой истории, руководство страны заглядывало дальше, заботясь, чтобы после войны страна не оказалась обескровленной, неспособной на сопротивление. Мы имели перед собой как бы два фронта — настоящий, огнедышащий, и другой, пока холодный, возможный в недалёком будущем. Мы должны были закончить войну, сохранив весь потенциал страны для быстрого и решающего послевоенного роста экономики.

О том, что такие возможности мы сохранили и они велики, Сталин сказал стране в феврале 1946 года, в своей знаменитой речи перед избирателями в Большом театре. Страна услышала, что партия намерена организовать мощный подъем народного хозяйства, при котором уровень промышленного производства должен за короткий исторический срок подняться втрое по сравнению с довоенным. Добыча угля возрастет до 50 миллионов тонн в год, нефти — до 60 миллионов тонн. Только при таких условиях, подчеркнул Сталин, наша страна будет гарантирована от случайностей, но на это уйдёт, пожалуй, три пятилетки, если не больше.

Я был ошеломлен, услышав последнюю цифру. Я понимал, что это так и будет, что ничего пропагандистского нет. Наоборот, дорожа верой народа в то, что партия говорит ему правду и не даёт пустых и ложных обещаний, Сталин даже преуменьшил наши возможности, отводя для достижения намеченных рубежей срок более чем в три пятилетки.

Рубежа добычи не 60-ти, а даже 70 миллионов тонн нефти в год мы достигли уже в 1955 году, то есть почти в 2 раза быстрее срока, объявленного им, и в какое десятилетие — первое после страшной разрушительной войны! Национальный доход вырос в это время в 2,8 раза, объем промышленной продукции — в 3,2 раза, розничный товарооборот — в 2,1 раза, реальная заработная плата увеличилась в 1,8 раза.

Невиданные темпы, невиданный размах. Руководство Союза, будучи на высоте державности, сумело рассчитать этот рост, обеспечить его людьми, техникой, воодушевить. Я уверен, что всё это увиделось не просто, как некая возможность, а как живая реальность ещё из фронтовых лет, тех последних, победных...

И опять возникает не дающий покоя, неотступный вопрос: как же так получилось в многострадальной истории нашей страны, что и доньше столь проклинаемое либералами и кремлёвской обслугой сталинское руководство, даже ведя тяжёлую войну, умело быть расчётливым и дальнзорким, предвидеть послевоенное положение СССР в мире, и уже тогда работать заблаговременно на его упрочнение и даже готовить конкретные заделы. Это и есть то, о чём писал В. Маяковский: «Выволакивайте будущее».

Нетрудно предвидеть, что иной читатель, подвергнутый тотальной обработке средствами массовой информации, упрекнёт меня в благожелательности к «проклятому» советскому прошлому, в том, что я изображаю своё время не в чёрных, привычных для нынешних дней красках, а «по-старому»: дескать, и сам принадлежал к административно-командной системе; был и здравствовал Берия, и темная тень его легла на все советские годы. Насчёт такой тени не спору. Даже добавлю: был Ягода, осуждённый и расстрелянный по приказу Сталина за незаконные аресты и пытки, был после него Ежов с его «ежовыми рукавицами» и той же участью за те же дела. А после них тысячи людей реабилитировались и возвращались к семьям.

И я, как уже писал, был на волосок от ареста.

Бериевщина

С Лаврентием Берией под его неусыпным оком мне по роду моей деятельности пришлось долгие годы работать — как с первым заместителем Председателя Совнаркома (а позже — Совета Министров), он курировал ряд важнейших отраслей народного хозяйства, в том числе и топливную промышленность (был председателем Бюро по топливу). Вызывал он меня в Кремль или на Лубянку часто... Звонил всегда внезапно, редко здоровался и начинал разговор по обыкновению отрывистым вопросом: «Как дела, Байбаков?» (слово «товарищ» в таких разговорах не употреблял). Произнося мою фамилию, ставил, как и Сталин, ударение на втором слогe. Слушал меня внимательно, не перебивая, хотя потом вопросы задавал резко, порой крикливо и даже грубо, прибегая и к крепким выражениям, — это было в его стиле общения с теми, кто был в той или иной мере ему подчинён и от него зависим. Он как бы постоянно напоминал об этой зависимости и о том, кто он.

Характерен случай, памятный мне ещё с довоенных лет. Заболев ангиной, с температурой под сорок, я лежал дома в постели. Вдруг по «вертушке» позвонили. Трубку сняла моя жена, Клавдия Андреевна, озабоченная и расстроенная моей болезнью. Там кто-то отрывисто сквозь зубы назвался, но супруга моя не расслышала и сказала: «Кто это? Повторите».

— Дура, Берия говорит! — раздался в трубке разъярённый голос Лаврентия Берии. — Мне нужен Байбаков. Пусть подойдёт.

— Он болен, простудился, лежит с высокой температурой, — замялась Клавдия Андреевна.

Берия в том же резком, раздражённом тоне ответил, что каждый дурак может простудиться — нужно носить галоши (из всех членов Политбюро в то время, насколько помню, галоши носили только Берия и Суслов). Когда я с трудом поднялся и взял трубку, Берия, не справляясь о моем здоровье, категорически приказал вылететь вместе с наркомом внутренних дел Кругловым в Уфу, где на нефтеперерабатывающем заводе произошла серьёзная авария. И уже через несколько часов, так и не сбив высокую температуру, я очутился в Уфе.

Конечно же, было обидно до слез. Ну ладно, со мной можно поступать и так, я мужчина. Но зачем оскорблять жену, женщину, она-то здесь при чём и какая её вина? Вот знал бы об этом Сталин... И не только мне

приходила в голову такая мысль, что Сталин многого не знает о поведении и методах работы Берии. Но как-то все забывали свои обиды, примирялись с грубостью, — одни считали это простотой, другие, как я прощали, относя это к издержкам характера Берии, а иные оправдывали сами же: ведь, мол, за дело болеет Лаврентий Павлович, ночей не спит, сжигает свои нервы, — здесь легко и сорваться, так чего же щадить наши...

Властными полномочиями Берия обладал огромными. И до сих пор толком не разобрались в явлении, которое носит имя «бериевщина». Один из историков нашего времени однажды заметил: «О Берии написано и много, и почти ничего». Сын Берии — Серго замечает в своей книге «Мой отец — Лаврентий Берия»: «В сокрытии государственной тайны бывшего СССР явно заинтересованы и сегодня определённые политические круги в России. Достаточно вспомнить, что так называемое «Дело Л.П. Берии» до сих пор засекречено. К чему бы это?». И действительно, к чему: государства нет, а тайны остаются. Пока не раскроются архивы, запечатанные ещё Хрущевым, мы не будем знать всей правды.

Чем Берия заслужил особое, полное доверие Сталина? Волкогоновского толка вымыслы и о каком-то тайном родстве натур, национально окрашенном, о том, что Берия умел Сталина обольщать, играть на потайных струнах его души, — крайне нелепы и фальшивы. Вполне убеждённо свидетельствую: заслужить доверие Сталина можно было исключительно реальными результатами при выполнении крупных, ответственных, истинно государственных задач, и ничем кроме, никакими царедворскими ухищрениями, ни лестью. А Берия был способен достигать важных для государства результатов.

Известен такой, почти анекдотический в высокой государственной практике случай. По решению Политбюро предстояло разделить Наркомат угольной промышленности, которым руководил В.В. Вахрушев, на два наркомата: один — для западных районов страны, другой — для восточных. Руководить первым оставался Вахрушев, а второй должен был возглавить О니ко. Разделение предстояло очень сложное, сотни возникающих спорных вопросов требовали уйму времени и сил. И вот Берия, которому было поручено всё это дело, предложил наркомам решить все проблемы самим, так сказать, полюбовно. Определил для них твёрдый срок, а когда он истёк, вызвал к себе обоих. Первым спросил о результатах Вахрушева. Тот ответил, что доволен, раздел произведён справедливо. Но Онико был настроен иначе, считая, что Вахрушев перетянул к себе лучшие кадры, забрал лучшие санатории (в западных-то, восстанавливаемых районах!) и т.д.

— Ясно, — сказал, загадочно глядя на них, Берия, — один недоволен. Тогда сделаем так: вы поменяетесь местами, Вахрушев будет наркомом восточных районов, а О니ко — западных.

Не успели опешившие наркомы прийти в себя, как он закрыл на том совещание.

В требовательности к подчинённым Берия отличался мёртвой хваткой, не допуская никаких просьб «войти в положение, в обстоятельства», — так что часто шла на пользу дела его грозная, беспощадная властность, но, думаю, ещё чаще она выходила за тот предел, когда страх перед нею сковывал людей, травмировал души. Страх навевался не только Берией как личностью, но и его карательным постом. Это тоже нужно учитывать в понимании бериевщины как явления, во многом обусловленного историческими обстоятельствами страны, живущей во враждебном окружении. Как бы то ни было, в руководстве страны, да и в более широких партийно-государственных кругах, сложилось и было твёрдым убеждение, что успех любого дела обеспечен, если оно возглавляется Берией. И Сталин видел его несомненные способности и его успехи. Высоко ценил. А эти успехи были настолько важны и самодовлеющи, что Сталин, может быть, не считал обязательным уяснять, какими методами и средствами они достигнуты, какие человеческие драмы за ними стоят. Следует учесть, что основным каналом такой информации являлись органы внутренних дел, целиком подчинённые Берии.

Размышления обо всём этом приводят к одному из «вечных вопросов», ответ на который, казалось бы, ясен давно: благородная цель должна достигаться только подобными средствами. Но не так проста была данная истина в своём историческом применении, когда сама жизнь ставила перед нами жёсткие дилеммы: сумеем ли мы в короткие сроки индустриализовать страну или останемся безоружными перед неизбежной смертельной схваткой с фашизмом; победим ли в грядущей войне или погибнем; добьёмся ли военного паритета с США и остальным западным миром или подвергнемся смертельному удару в атомной войне, — они раздавят нас.

Когда речь идёт о жизни или смерти страны, тогда уже не до общих соображений о морали и гуманизме. Как бы нам ни хотелось обратного, но это так. Что такое заградотряды НКВД за спиной наших войск? Или приказ: сдавшихся в плен считать врагами Родины? А сознание каждым ответственным работником того, что за провал дела его ждёт расстрел? С какими правами человека всё это совместить? Подавляюще преобладало в тогдашней нашей жизни право государства — и мы тогда воспринимали это как вполне понятную нравственную норму. Время было и великим, и

неповторимым, но с определённым основанием его можно назвать и жестоким, и беспощадным. А время и родину, как известно, не выбирают. Только всем, о чем я сказал, вместе взятым и можно объяснить загадочный феномен Берии.

Те, кто почему-то поверил, что весь тот период нашей истории сводится к истории «сталинского тоталитаризма», могут нетерпеливо возразить, что о Берии вообще нечего говорить, что с ним всё ясно: миллионы людей загнал в ГУЛАГ, и Сталин знал об этом, за что и должен нести полную ответственность.

Сталин доверил Берии святая святых послевоенной оборонной стратегии страны — работы по проекту создания советского атомного оружия и обеспечения их всем необходимым вплоть до сведений нашей разведки в этой области. Доверие отнюдь не случайное и вовсе не вопреки желанию специалистов — учёных, причастных к проекту, а по всем признакам и свидетельствам, как раз напротив. Назначенный 11 февраля 1943 года руководителем научно-исследовательских работ по использованию атомной энергии И.В. Курчатов, тогда профессор, смело выражал своё недовольство некомпетентностью и нераспорядительностью В.М. Молотова, который вначале осуществлял общее руководство советским атомным проектом. Показательно, что в сентябре 1944 года Курчатов обратился лично к Берии с письмом, где выражена необычайная острота вставших проблем. Вот письмо:

Заместителю Председателя
Совета Народных Комиссаров Союза ССР
товарищу Л.П. Берии

В письме М.Г. Первухина и моём на Ваше имя мы сообщили о состоянии работ по проблеме урана и их колоссальном развитии за границей.

В течение последнего месяца я занимался предварительным изучением новых весьма обширных (300 стр. текста) материалов, касающихся проблемы урана. Это изучение ещё раз показало, что вокруг этой проблемы за границей создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившаяся ценнейших результатов.

У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943-1944 годах, положение дел остаётся совершенно неудовлетворительным.

Особенно неблагоприятно обстоит дело с сырьём и вопросами разделения. Работа лаборатории № 2 недостаточно обеспечена материально-технической базой. Работы многих смежных организаций не получают нужного развития из-за отсутствия единого руководства и недооценки в этих организациях значения проблемы.

Зная Вашу исключительно большую занятость, я всё же, в виду исторического значения проблемы урана, решился побеспокоить Вас и просить Вас дать указания о такой организации работ, которая бы соответствовала возможностям и значению нашего Великого Государства в мировой культуре.

И. Курчатов г. Москва 29 сентября 1944 г.

Можно не сомневаться, что столь принципиальному мнению, касающемуся действительно первоочередных, жизненных интересов государства, Берия дал ход и оказал всемерную поддержку. В начале 1945 года И.В. Курчатов написал ему и прямую жалобу на Молотова. И, конечно же, это должно было иметь последствия. Берия тянулся к главным рычагам управления государственной машиной, важнейшим из которых становился рычаг атомный. С приходом Берии к руководству атомным проектом в 1945 году дело получило тот «русский размах», с каким призвал вести его Сталин. Вопрос был поставлен «грубо и зримо»: успеть создать советскую атомную бомбу раньше, чем такая бомба, только американская, упадёт на территорию нашего Института атомной энергии.

Берия был мастер не только нажимать, торопить и подстёгивать людей, но и обеспечивать успех дела. Оперативнее, чем он, едва ли какой другой организатор смог бы снабжать учёных всем необходимым, доставать требуемое из-под земли — в прямом и переносном смысле. Он умел быть внимательным к мнению ученых, вплоть до веротерпимости. Так, когда Л.В. Альтшулера, как неблагонадёжного, из соображений его приверженности генетике, служба безопасности решила отстранить от работы на атомном объекте, академик Ю.Б. Харитон позвонил лично Берии и сказал, что это нужный и ценный работник. «Он вам очень нужен?» — спросил Берия. «Да, очень», — был ответ. И Берия спокойно подвёл итог: «Ну, ладно...». Не раз, когда после аварий или каких-либо неувязок на объекте службой безопасности учинялось следствие (не диверсия ли тут?), Берия внимал заступническим доводам И.В. Курчатова, «виновные»

освобождались от подозрения...

Берия обеспечил сверхнадёжную охрану и предельный, какой только можно себе вообразить, режим секретности работ по атомному проекту. При известном «железном занавесе», да ещё за множеством стен и рядов колючей проволоки работы были абсолютно недоступны ни для одной из разведок. И когда 29 августа 1949 года грянул взрыв первой советской атомной бомбы, для американцев это было ошеломляющей неожиданностью. Быстро иссякли воинственные амбиции Трумэна, прекратился атомный шантаж. Соблазн лёгкой победы над нашей страной более не мог являться запалом для новой мировой войны. Значит, деятельность Берии и в этой области заслуживает доброго слова, ведь есть и его личная доля в исторической победе нашей нации. И здесь роль Берии не только как организатора, но и главы нашей разведки, работающей над секретами американцев в области атомного оружия, огромна.

Ветераны атомной отрасли, в частности и один из «отцов» советской атомной бомбы Ю. Харитон, утверждают, что если бы атомный проект страны был не в руках Берии, а оставался под руководством Молотова, то очень трудно было бы рассчитывать на столь результативный и быстрый успех в деле новом и поистине грандиозном.

Берия был председателем Государственной комиссии при проведении нашего первого атомного взрыва. Некоторые участники тех событий не боятся называть его «отцом советской атомной бомбы». Отцом — это, может быть, и слишком. Но вот роль повивальной бабки при рождении бомбы принадлежит ему.

В то же время не следует вдаваться и в другую крайность, забывать, что при всех своих несомненных заслугах и высоких организаторских способностях Берия оставался человеком жестоким и властолюбивым, переоценивающим свои реальные силы, нетерпимым к заслугам своих соперников. Но это была уже другая борьба, — тайная и коварная, за сталинское наследство власти. И потому он был опасен. Эта опасность возрастала по мере того, как он всё больше и больше завоёвывал доверие Сталина и всё больше использовал его для усиления своей личной власти в партии и правительстве. Во всем руководстве страны только он один решался дезинформировать вождя, тасовать перед ним факты, выстраивать их в выгодном для себя свете — главным образом для того, чтобы скомпрометировать неугодных ему людей, потенциально опасных для его личных целей, а таких было немало — тех, кто не желал угодничать перед ним или сопротивлялся его всевластию.

В числе его дел, ничем не оправданных, на его совести расправа над

видным деятелем нашего государства, Председателем Госплана СССР Н.А. Вознесенским, возможным преемником Сталина. Личные свидетельства этого дела поведал мне Ю.И. Боксерман — человек умный и правдивый, не склонный к политическим преувеличениям.

Он, тогда ещё работая в наркомате, ведал вопросами развития газовой промышленности, и поэтому именно ему в 1945 году было поручено руководить проектированием газопровода Саратов-Москва. Газопровод строился, в основном, организациями, подведомственными МВД СССР. Возглавляли строительство генерал-лейтенант Л.Б. Сафразян и генерал-майор инженерной службы В.А. Панкин. Этот газопровод, как объект особой важности, находился под пристальным вниманием руководства страны. Несмотря на отсутствие опыта, строительство газопровода протяжённостью 800 километров было осуществлено в короткие, как и предусматривалось, сроки, — в течение года. Но были допущены и ошибки, главная из которых — опрессовка труб водой, на отдельных участках — грязной водой, в результате чего потом, когда стали качать газ, образовались гидратные пробки. Это вызвало большую тревогу Правительства. В декабре 1946 года И.В. Сталин, вернувшись из Сочи, где проводил отпуск, спросил встречавших его на вокзале руководителей:

— Как работает газопровод Саратов-Москва?

Секретарь ЦК партии, председатель Моссовета Г.П. Попов ответил:

— Плохо, с перебоями.

Сталин обрушился на Берия:

— Нашумели на весь мир об этом газопроводе, а теперь он не работает. В Сочи я получил рапорт строителей, собирался подписать приветствие, начал подписывать, и вдруг капнули чернила из ручки, образовалось пятно: плохая примета... И я решил подождать.

Сталин предложил Берии немедленно принять надлежащие меры по ликвидации недостатков. В тот же вечер Берия срочно собрал у себя всех руководителей МВД и Главгазпрома. На совещание были приглашены Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян и Г.П. Попов.

Берия сидел мрачный, окидывая всех входящих быстрым, испытующим взглядом, и тут же сходу устроил крикливый разнос, начал громить строителей, всех и вся, и в гневе предложил министру внутренних дел Круглову тут же при всех сорвать погоны с Панкина.

Все сидели молчаливые, подавленные. А Берия продолжал громить и обличать. Наконец, Вознесенский, видимо, устав от пронзительного и однообразного крика, предложил заняться существом дела. Берия, не ожидавший такого вмешательства, казалось, весь позеленел и, не ослабляя

крика, заявил, что следует помнить — он выполняет поручение Сталина. И всё же вскоре поутих и потребовал доклада о работе газопровода.

По предложению Попова слово предоставили Боксерману. Два часа подряд Боксерман докладывал о причинах аварии, но Берия нетерпеливо без конца перебивал его, одёргивал, обвиняя в том, что докладчик берёт под защиту строителей, которых надобно отправить в лагеря. Кое-как, с нервами на взводе, Боксерман закончил своё выступление.

Вся ночь прошла в утомительных спорах и обвинениях, пока, наконец, не подготовили решение, в котором были определены меры по устранению неполадок в эксплуатации газопровода. Ю.И. Боксермана назначили начальником Управления газопровода Саратов — Москва, сохранив за ним и прежнюю должность заместителя начальника Главгазпрома. На следующий день это решение было утверждено на заседании Президиума Совмина СССР, которое вёл Н.А. Вознесенский.

Более года ученые и специалисты, весь коллектив строителей и эксплуатационников трудились дни и ночи, не покладая рук, чтобы обеспечить бесперебойную подачу газа из Саратова в Москву. И вот летом 1947 года газопровод был выведен на проектную мощность. Работа оказалась настолько успешной, что наиболее отличившихся наградили орденами и медалями. А группа руководящих ученых и специалистов получила Сталинскую премию.

Кому хвала, как говорится, а кому была уготована кара. Нет, не забыл, не запаматовал не прощающий ничего Лаврентий Павлович резковатую, обидную, на его взгляд, реплику Вознесенского, посмеявшегося в присутствии подчинённых напомнить ему, вершителю человеческих судеб, о том, что надо заниматься делом. Такое Берия никому не прощал. С непоколебимым, как у ловчей птицы, хладнокровием терпеливо и зорко следил он отныне за Вознесенским в ожидании, когда тот «сорвётся» и «подставится» на своём посту Председателя Госплана, следил, чтобы осуществить свой коварный план.

Конечно, не только это двигало Берией. Были и иные, более важные причины. Берия, как известно, ревновал Сталина ко всем, к кому тот хорошо относился, выделял, прислушивался. Как раз в то время среди партийных и государственных кругов стало бытовать мнение, что Сталин, думая о преемниках, видел на посту Генерального секретаря ЦК Кузнецова, а на месте Председателя Совета Министров СССР — Вознесенского. Берию, разумеется, это никоим образом не устраивало. А потому, поскольку он был мастером интриг и подлогов, провести «операцию» против Вознесенского для него не составляло великого труда.

В качестве компромата была им использована докладная записка Председателя Госснаба СССР М.Т. Помазнева о занижении Госпланом СССР плана промышленного производства на первый квартал 1949 года. Для тех времен это серьёзное обвинение, хотя по сути дела сезонные колебания производства неизбежны. Так был дан сигнал для начала несправедливой и губительной травли Вознесенского.

Назначенный в Госплан на должность уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам Е.Е. Андреев в 1949 году представил записку об утере Госпланом СССР нескольких секретных документов второстепенного характера за 1944-1949 годы. А в записке на имя Сталина об утерянных документах, составленной Берией, Маленковым и Булганиным, было сказано: «Товарищ Сталин, по Вашему указанию Вознесенского допросили и считаем, что он виновен».

Обвинения были явно надуманными и совершенно неадекватными тому, что произошло на самом деле. Однако Сталин посчитал их достаточно серьёзными. «Госплан должен быть абсолютно объективным и на сто процентов честным органом», — сказал он. И это решило участь Н.А. Вознесенского.

Талантливый организатор и теоретик, руководитель экономического штаба страны не стало...

Сосредоточив в своих руках никем, кроме Сталина, не контролируемую власть, Берия самоуправно распоряжался судьбами не только отдельных людей, но и целых народов. И беда в том, что не всегда и не во всём контролировал его Сталин, доверял и не успевал вникнуть в детали многих, менее главных дел. Всё более наглея, Берия бесконтрольно расправлялся даже с теми, кому до этого лично доверял Сталин.

Об этом очень убедительно свидетельствует в своих воспоминаниях и маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, бывший начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ). Он приводит такой эпизод в пересказе маршала артиллерии Н.И. Воронова:

«Сталину бросились в глаза цифры: «Для НКВД — 50 000 винтовок». Он забросал нас вопросами, кто конкретно дал ему заявку, зачем столько винтовок для НКВД? Мы сказали, что сами удивлены этим, но Берия настаивает. Тотчас же вызвали Берию. Тот попытался дать объяснение на грузинском языке. Сталин с раздражением оборвал его и предложил ответить по-русски: зачем и для чего ему нужно столько винтовок!

— Это нужно для вооружения вновь формируемых дивизий НКВД, — сказал Берия.

— Достаточно будет и половины — 25 тысяч.

Берия стал упрямо настаивать. Сталин дважды пытался урезонить его. Берия ничего не стал слушать.

Тогда раздражённый до предела Сталин сказал нам:

— Зачеркните то, что там значится, и напишите десять тысяч винтовок.

И тут же утвердил ведомость.

Когда мы вышли из кабинета, нас догнал Берия и бросил злобно:

— Погодите, мы вам кишки выпустим!

Мы не придали тогда должного значения его словам, — пишет Н.Д. Яковлев, — считали их своего рода восточной шуткой. Только позже стало нам известно, что этот выродок и предатель обычно приводил свои угрозы в исполнение...

Угрозу Берии «выпустить нам кишки» я вспомнил уже после войны. Жаловался на меня Сталину и Мехлис за то, что я не слишком почтительно обходился с ним. После одной такой жалобы Сталин как-то сказал мне:

— Вас надо судить за неподчинение начальству.

Это или что-то другое сыграло свою роль, но в последние годы жизни Сталина я очутился в тюремной одиночке...».

Как видим, перед нами два совершенно однозначных эпизода, определивших судьбы двух людей. Бесспорно, Берия уготовил маршалу Яковлеву ту же судьбу, что и Вознесенскому. «Сотру в лагерную пыль!» — любимое изречение Берии. Немало моих личных друзей было отправлено в лагеря. Чем-то не понравился Берии и мой заместитель по наркомату Б.М. Рыбак, и его вскоре осудили...

В 1953 году Берия снял с работы начальника Главгаза Ю.И. Боксермана только за то, что тот накануне был несколько часов на беседе в горкоме партии у Хрущева, которого Берия, как возможного претендента на ещё более высокий пост, ненавидел. Берия направил Боксермана на строительство завода по сжижению газа, оборудование для которого, по его мнению, было «вредительски» закуплено в США при участии Боксермана, и обещал сослать виновных в лагерь, но не успел, так как сам вскоре был арестован.

Рвался ли Берия к высшей власти в стране после смерти Сталина? Думаю, безусловно, рвался. Для этого он пытался смягчить в руководстве страны впечатление о себе как человеке жёстком и деспотичном.

Своё истинное лицо, своё подлинное отношение к Сталину Берия проявил уже на следующий день после смерти Сталина, на похоронах, не стесняясь поносить его пока ещё шепотком. Некоторые склонны утверждать, что это не так, но вот живое свидетельство дочери Сталина

Светланы Аллилуевой:

«Дом в Кунцево пережил после смерти отца странные события. На второй день (подчёркнуто мной — Н.Б.) после смерти его хозяина — ещё не было похорон, — по распоряжению Берии созвали всю прислугу и охрану, весь штат обслуживающих дачу и объявили им, что вещи должны быть немедленно вывезены отсюда (неизвестно куда), и все должны покинуть это помещение.

Спорить с Берией было никому невозможно. Совершенно растерянные, ничего не понимающие люди собрали вещи, книги, посуду, мебель, грузили со слезами всё это на грузовики, — всё куда-то увозилось, на какие-то склады... подобных складов у МГБ — КГБ было немало в своё время. Людей, прослуживших здесь по десять-пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу. Их разогнали всех, кого куда: многих офицеров из охраны послали в другие города. Двое застрелились в те дни. Люди не понимали ничего, не понимали — в чём их вина? Почему на них так ополчились? Но в пределах сферы МГБ, сотрудниками которого они все состояли по должности (таков был, увы, порядок, одобренный самим отцом), они должны были беспрекословно выполнять любое распоряжение начальства».

Зачем был этот разгром? Явно не нужный ни с какой точки зрения, да ещё на следующий день. Ясно — начиналась посмертная борьба со Сталиным, одним из зачинщиков которой был Берия, конечно же, со своим вчерашним неприятелем Хрущёвым. Это косвенно подтверждает и сын Берии — Серго в своей книге, говоря, что Лаврентий Берия был всё время врагом «системы» (то есть сталинских порядков).

О том же, как неожиданно Берия повёл себя после смерти Сталина, я узнал из статьи Александра Фролова «113 дней из жизни верного ученика и ближайшего соратника, или Неизвестная перестройка», опубликованной в газете «Советская Россия» 11 апреля 1992 года.

Став первым из четырёх заместителей Председателя Совета Министров СССР Маленкова и возглавив одновременно новое, объединённое с органами Госбезопасности Министерство внутренних дел, Берия три с половиной месяца буквально фонтанировал различного рода инициативами.

«Зачем тебе МВД?» — спрашивал Берию Микоян, на что тот отвечал: «Надо восстановить законность, нельзя терпеть такое положение в стране. У нас много арестованных, их надо освободить и зря людей не посылать в лагеря». 24 марта он направляет в Президиум ЦК КПСС записку об амнистии, а уже 27 марта издаётся соответствующий Указ Президиума

Верховного Совета СССР. Из 2,5 миллиона заключенных было освобождено 1,2 миллиона.

Затем наступил черёд политзаключенных. 4 апреля (эту дату многие люди старшего поколения считают началом «оттепели») в газетах было опубликовано «Сообщение МВД СССР». В нём говорилось, что МВД провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства. Выдвинутые против них обвинения являются ложными. Работники следственной части бывшего КГБ использовали недопустимые и строжайше запрещённые советскими законами приёмы ведения следствия. Берия обвинил в этом Сталина.

Стремление дискредитировать Сталина, развенчать культ его личности было поставлено в вину Берии рядом членов Президиума ЦК КПСС. Каганович, например, рассказал, как ещё во время похорон, стоя на трибуне Мавзолея, Берия оскорблял Сталина, понося его самыми неприличными словами. И всё это преподносилось под видом того, что нужно жить теперь по-новому. Берия враждебно относился к заявлениям о том, что Сталин — великий продолжатель дела Маркса — Энгельса — Ленина.

Берия явно не собирался ограничиваться «департизацией» одного только МВД. Его планы были значительно шире и нацеливались на перенос центра власти из партийных в государственные органы под предлогом «разграничения функций».

Для своих инициатив Берия безошибочно выбирал проблемы кардинальной важности и потому просто не мог пройти мимо межнациональных отношений. Он предлагал шире выдвигать национальные кадры, заменяя ими присланных из центра русских, принять меры к возвращению эмигрантов, не форсировать коллективизацию и выселение хуторов, добиваться взаимопонимания с местной интеллигенцией. Не меньшее внимание Берия уделял и международным делам. По свидетельству Микояна, он резко критиковал работы Совета Экономической Взаимопомощи, экономическую и военную политику стран народной демократии.

Берия высказывал предложение отказаться от строительства социализма в ГДР и взять курс на объединение Германии в миролюбивое, нейтральное буржуазно-демократическое государство. Это подтверждает и Серго Берия, что, мол, действительно хотел, как и сменить аппарат руководства (он им был недоволен), то есть шла, увы!, привычная борьба за власть, когда на побеждённого списывались все недостатки правления, все

жертвы репрессий.

Созданная Хрущёвым и хрущёвцами легенда о Берии, как единственном после Сталина виновнике злодейств и репрессий, дожила и до сегодняшнего дня. Ведь, повторяю, ради правды архивы не захотели открыть.

Кто такой Берия и что такое бериевщина — мы вынуждены только догадываться. Даже обстоятельства его смерти до сих пор затемнены или искажены согласно хрущевской легенде «злодея до конца». Вот и зять Хрущева Аджубей писал: «Перед казнью Берия отправил письмо в ЦК Хрущёву — просил о пощаде, просил дать возможность искупить вину в каких угодно, пусть даже каторжных условиях».

Не думаю, что это было так, но подождём, когда откроются архивы, а они обязательно откроются. Хотя, конечно, «нет дыма без огня». Вот и сын Серго невольно признался:

«Но провозглашённая на весь мир перестройка оказалась всего лишь неудачной реализацией идей, выдвинутых им за три десятилетия до «исторического» Пленума 1985 года».

Если это так, если Берия намечал то, что сделано горбачёвской перестройкой, значит, вина Берии перед той системой была! Одно ясно мне, что и Хрущёв, и Берия в отношении прошлого, Сталина, были вольными и невольными единомышленниками, а Горбачёв продолжил дело Берии, вернее его замыслы.

Как видим — пути истории, судьбы, жизнь и смерть, ложь и правда обильно перемешаны, перепутаны, где намеренно, где случайно, но смысл всего совершенного и содеянного с каждым днём яснее. Но каковы люди — такова и эпоха.

Прочитав статью Фролова, воспоминания С. Аллилуевой, я задался вопросом опять: где правда? Был ли Берия действительно дальновидным человеком? Ведь получается так: многое из того, что он предлагал после смерти Сталина и до самого ареста, было реализовано впоследствии — реабилитация огромного количества заключённых и политзаключённых, восстановление дружеских отношений с Югославией, объединение ФРГ и ГДР (правда, на условиях нейтрального государства) в единое германское государство, признание преступлений Сталина перед народом, определённая суверенизация республик (свидетельство С. Берии). Что это? Желание реабилитироваться в глазах общества или прорыв к власти? Думаю, и то и другое. Одним они дышали, видимо, одним желанием жили: всё переиначить по-своему хотели и Хрущев, и Берия. На суде истории — они единомышленники.

Во всяком случае Берия был опасен для государства как честолюбивый и властолюбивый человек, пользующийся жестокими средствами в борьбе за власть и несомненно мог повторить путь такого человека, как Хрущёв.

Глава четвертая «ОТТЕПЕЛЬ»

Испытание веры

Выдвижение Н.С. Хрущева на первую роль в партии, а значит, в государстве для многих было неожиданным. Всё-таки он до этого не входил даже в первую «пятерку» членов Политбюро, над ним ещё витала тень сталинской полуопалы. Но встречено это назначение было «в обстановке полного единодушия», как говорили привычно в те годы. Не числилось за Никитой Сергеевичем ни громких всенародных деяний и заслуг, ни теоретических работ, только голод на Украине, о котором старались не помнить, как и о сдаче Киева в 1941 году. Зато бытовало мнение — крепок, хватист, хороший хозяйственник, то есть типичный партийный практик, умеет вызвать к себе симпатию простой речью и обхождением, располагал к себе и внешний облик: простецкое лицо и жесты, простодушие как знак добропорядочности. И то, что он словоохотлив не в меру, тороплив в делах — это мы тоже знали.

Но, видимо, в нас, в нашей социальной психологии жило скрытое желание человеческой простоты, распахнутости и новизны, поэтому и старались не замечать ни грубости его характера, ни авантюристичности его решений. Может быть, и хватит с нас непреклонности и суровости вождей, постоянного, почти на пределе напряжения сил...

Конечно, такие чувства владели и мной, когда я в августе 1955 года неожиданно был вызван в ЦК, к Н.С. Хрущёву. Помню, он встретил меня, уверенно стоя на ковровой дорожке своего кабинета, по-простецки засунув руки в карманы просторного, мешковатого пиджака, широко и приветливо улыбаясь. Он дружески пожал мне руку и широким хозяйским жестом пригласил располагаться. Сам сел за стол, а я в кресло у стола. Уже в том, как он встретил меня, было что-то от нового, «хрущевского» стиля — намёк на равенство в этом кабинете, на простоту отношений, — мол, нет ни подчинённого, ни начальника — вождя, а есть деловое партийное содружество.

Разговор начал Хрущев, вернее заздравную речь обо мне с перечислением всего сделанного мной — мол, помним, ценим. Говорил по-дружески, тепло, излучая глазами и лицом добродушие и понимание. Более всего неожиданным было то, что он хвалил меня как руководителя отрасли, в короткие сроки достигшей крупных успехов в увеличении добычи нефти и газа. Не успел ещё я подумать, к чему это он — ведь сюда вызывают не затем, чтобы хвалить, он без всякого перехода, как бы не желая тратить

лишних слов, вдруг заключил, положив обе руки на стол:

— Президиум ЦК считает целесообразным назначить вас Председателем Госплана СССР.

Это было и вовсе неожиданное предложение. В таких случаях полагается благодарить за доверие, а мне и не вспомнилось об этом от растерянности и волнения. По силам ли мне такое огромное и новое для меня дело? — думал я.

— Никита Сергеевич, я не экономист. И с планированием народного хозяйства страны не справлюсь.

Мне казалось, что я нашёл нужные доводы для отказа.

Хрущев вроде бы и не удивился моему ответу. Он прищурился то ли хитро, то ли негодуя. И рукой с широко растопыренными пальцами нажал с силой на стол.

— А я? А я разве экономист? — живо отпарировал он. — Я, что ли, разбираюсь в планировании? А ведь вот руковожу всей экономикой страны. Приходится. Ну, так или не так?

Несмотря на этот «весомый» аргумент, я решил защищаться до конца, не боясь показаться дерзким и неуступчивым.

— Да ведь одно дело давать указания по отдельной, той или иной отрасли, и совсем другое — сбалансировать все отрасли. Всё просчитать: взаимосвязи и тенденции, ресурсы. И найти оптимальное правильное решение.

Не убедил. Хрущёв и не подумал изменить тон разговора доброжелательной твёрдости.

— Ничего, — вёл он свою линию. — Поработаете со своим коллективом. Вживётесь — и будете выдавать правильные решения.

Доводов он не принимал: за меня уже всё было решено им.

А я в те минуты, действительно, не представлял, как я, «коренной нефтяник», возьмусь за планирование такого огромного хозяйства в масштабах всей страны. Разберусь ли, не завалю ли дела? «Честь велика, да ноша тяжка» — не зря ведь сказано. К тому же я целиком был поглощён развитием родной отрасли. В ней — моя жизнь, мои знания. Она теперь на крутом подъёме, осваиваются новые месторождения «Второго Баку». Уйти сейчас — не измена ли делу всей жизни? Прирос я к нему всеми корнями.

А Хрущёв, не обращая внимания на моё смятение и слова, уже объяснял мне в привычном, официальном тоне, что теперь нужно лучшие силы государственно мыслящих хозяйственников направить и сосредоточить на разработке плана шестой пятилетки. Что эта пятилетка будет, безусловно, новаторской, лучше, чем прежние. А под конец сказал с

нажимом: «ЦК знает, кто может руководить работой Госплана».

Однако разговор продолжался, но уже были попутные вопросы, детали, но главный вопрос о Председателе Госплана тяготил меня и я несколько раз повторил просьбу:

— Никита Сергеевич, дайте на размышление хотя бы один день!

— Ну ладно, если просите — даём Вам этот один день! — благодушно, с лукавой улыбкой согласился, наконец, Хрущев.

Я вздохнул с облегчением, — есть ещё время подумать, и направился в своё министерство на той же площади Ногина, где я только что был. Поднялся в свой кабинет и тут же увидел кремлёвского курьера с красным конвертом — знак срочности и важности. Тут же на пороге кабинета вскрыл конверт и с большим изумлением прочёл постановление Верховного Совета СССР о назначении меня Председателем Госплана и освобождении от обязанностей министра нефтяной промышленности.

Ясно, что постановление было подписано ещё накануне моей встречи с Хрущёвым. И он, конечно же, знал об этом, обещая дать мне время подумать. Как же так? Разумеется, не забывчивость или несогласованность отделов ЦК. Как ни невероятно, но это было так — чёрточка нового стиля руководства.

И поскольку решение такого уровня для коммуниста — закон, я приступил к исполнению обязанностей Председателя Госплана СССР.

Надо сказать, что ещё в июне 1955 года Госплан был разделен на две государственные комиссии: перспективного планирования, сохранившей название Госплан СССР, и текущего планирования (Госэкономкомиссия), председателем её был назначен М.Г. Первухин.

Итак, я должен был отвечать за разработку плана шестой пятилетки, иметь дело со всем народнохозяйственным механизмом страны, улавливать, направлять и прогнозировать все потоки социально-экономического развития, находить главные перспективные узлы. В сущности, нащупывать, определять и обеспечивать путь экономики страны. Конечно же, ряд важных узлов этого сложного механизма я знал, и особенно хорошо топливно-энергетический комплекс — основу и «тяговую силу» всей экономики страны. Но вот с другими отраслями был знаком слабо.

Вся трудность для меня состояла в том, что нужно было быстро и основательно постичь сложнейшую механику сбалансирования всех отраслей экономики, постичь таинственные силы гармонии всех составляющих единого, многовекторного организма, уловить и обозначить в плане тенденции его развития. Отделить главное от временного.

Задача невероятно трудная, и снова время потребовало от меня огромного напряжения сил: приходилось спать 4-5 часов в сутки, расписывать и планировать каждый час, одновременно и работать, используя свой прошлый опыт, и учиться, чтобы постичь государственное планирование как науку.

Прежде всего требовалось овладеть огромным теоретическим наследием Н.А. Вознесенского и, конечно же, его учением о планировании народного хозяйства. Я знал, что это был умный человек, я бы сказал, тонкий «психолог экономики». Все ещё помнили его глобальный научный труд «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Этот труд оценён был Сталиным, наградившим Н.А. Вознесенского самой высшей премией тех лет — Сталинской премией I степени.

Главным же в его работе было то, что он обосновал необходимость опережающих темпов роста производительности труда по отношению к заработной плате как важнейшее условие социалистического накопления и расширенного воспроизводства. Мне эти принципы были понятны. Я и раньше внимательно следил за практической и научной деятельностью Николая Алексеевича, особенно в годы войны, когда он с предельной точностью и оперативностью руководил важнейшими экономическими процессами: переключением гражданских отраслей на нужды обороны, перераспределением всех экономических и трудовых ресурсов страны в интересах фронта, созданием системы снабжения фронта и тыла.

Одиннадцать лет Николай Алексеевич был Председателем Госплана СССР. Основные принципы его — научная, всесторонняя обоснованность планов экономики, высококвалифицированные кадры в каждой отрасли. Он ценил в своих помощниках опыт и ум, знание сложной науки планирования.

Несмотря на огромную занятость, он находил время для регулярного посещения рабочих кабинетов сотрудников, беседовал с ними, интересовался их делом, всегда помогал в трудную минуту, быстро продвигал по служебной лестнице наиболее способных. Госплановцы знали и очень ценили такое отношение.

Теперь мне пришлось занять место Н.А. Вознесенского. Я убедился, что здесь его помнят, ценят и любят, что стиль и методы его работы сохранились и чётко проводятся в жизнь. Это, конечно, радовало и облегчало моё «врастание» в коллектив: не нужно было перестраивать и перенастраивать людей, надо было только продолжать и совершенствовать прежние наработки. И я, учитывая это, старался использовать возможно полнее научный и интеллектуальный капитал специалистов, стремился

учиться у коллектива и вести его дальше.

Люди откровенно делились своими воспоминаниями, имевшими для меня неоценимое практическое значение. И я старался, как когда-то при Вознесенском, проводить заседания Госплана так, чтобы были воедино увязаны вопросы практики и теории, не топить теорию в отвлечённостях, а практические вопросы — во второстепенных частностях. Стратегия экономики — в «чувстве направления», определении и обосновании решающих течений в экономике и жизни.

Н.А. Вознесенский был непреклонно строг и последователен, требуя от работников дисциплины, ясной логики, быстроты и гибкости мышления. Важна была не внешняя дисциплина, не столько она, сколько дисциплина как внутренняя организация ума и характера. И потому он добивался обязательно того, чтобы все его поручения выполнялись не по приказу, а по убеждению.

Одной из больших заслуг Вознесенского было создание института уполномоченных Госплана по важнейшим экономическим районам страны. Они персонально назначались Правительством. Им был придан небольшой, но весьма квалифицированный аппарат. Уполномоченные выполняли наиболее важные, требующие рассмотрения на месте поручения Госплана и Правительства. Они не подчинялись местным органам власти и поэтому могли объективно и глубоко вникать в суть проблемы. Доклады уполномоченных рассматривались на самом высоком уровне. Их сообщения вооружали Госплан и высшее руководство страны ценнейшим анализом истинного положения дел на местах, особенно в годы войны, повышали научную обоснованность планов и оперативность управления экономикой.

После гибели Вознесенского институт уполномоченных Госплана был ликвидирован.

Стремясь освоить и сохранить стиль Вознесенского, я часто вспоминал встречи с Николаем Алексеевичем в годы войны. И передо мной вновь представал спокойный, внутренне сосредоточенный человек с осунувшимся лицом и складками под глазами — требовательное время рождало и требовательных людей. Да, он был подчас резок в суждениях, решительно настаивал на своих требованиях, даже во время встреч со Сталиным. Он без личных амбиций, а строго ради дела мог возразить и Сталину, и Берии. Особенно резкие стычки были у него с Кагановичем. Это отсутствие дистанции, сосредоточенность на государственных интересах невольно вызывали уважение у тех, кто имел с ним дело.

Как-то он вызвал к себе меня и наркома угольной промышленности

В.В. Вахрушева. Речь шла о том, как обеспечить топливом запросы фронта и тыла. Наша информация явно не удовлетворяла Вознесенского. Он нахмурился, как-то весь подобрался и потребовал увеличить проектные задания по добыче нефти и угля.

— Но для этого нужны дополнительные материальные ресурсы! Вот цифры, вот показатели! — ответили мы, отлично зная, что наши отрасли работают на пределе.

— Таких ресурсов у нас сейчас нет, и мы ничего дать вам не можем.

Напряжённость в кабинете возрастала: Вахрушев яростно настаивал, чтобы ресурсы всё-таки были выделены, доказывал свою точку зрения, сыпал цифрами. А Вознесенский с прежней твёрдостью отказывал.

И вдруг, то ли в запальчивости, то ли из-за перенапряжения нервов, горячий спор перешёл в нечто невообразимое: Вахрушев, побледнев, вскочил со стула, схватил Вознесенского за лацканы пиджака и начал трясти его, выкрикивая уже совсем скандальные «доводы». Я опешил: Вознесенский, тоже ухватив разъярённого собеседника за лацканы, тряс его, что-то крича. Тут подоспел заместитель Председателя Госплана Панов, и нам с трудом удалось разнять и развести «бойцов». Разошлись мы, так и не получив требуемой помощи.

После этого случая Вахрушев ожидал самых неприятных для себя последствий, но шли дни и годы, а ничего не происходило. Сильный и благородный человек Николай Алексеевич не придавал случившемуся никакого значения. Пусть он был резок и жесток в своих оценках людей и поступков, но всегда оставался интеллигентным, душевным, отзывчивым человеком. Вознесенский умел терпеливо и тонко вникать в текущие вопросы планирования, не пренебрегая никакими мелочами, где одно упущение, даже, казалось бы, незначительное, способно нанести непоправимый ущерб. И никакие частности при этом не заслоняли ему масштабное видение экономических вопросов, он всегда мог сделать нужные выводы. Экономика — это корабль со сложным управлением, а он был его дальновидным капитаном.

И я продолжал настойчиво учиться по его теоретическим разработкам и намёткам. Много давало мне и непосредственное общение с его учениками и соратниками — опытными специалистами, работающими в Госплане экономистами, инженерами, разработчиками. Я вспоминаю с благодарностью их. Это Д.Г. Жимерин, Г.П. Косяченко, Г.М. Сорокин, И.Е. Опарин, Б.В. Савельев, Н.Н. Тарасов, В.Ф. Цырень, В.А. Каламкаров и много других умных и толковых.

Работа над планом пятилетки шла дни и ночи: нужно было вовремя

получить и обработать данные с мест, а туда, где дело застопорилось почему-то, посылали на помощь местным плановикам знающих специалистов. Сотни людей были командированы на места.

Важно было, чтобы отделы не замыкались в своём узком кругу, а включались в общий «поток» — шла непрерывная обработка сведений, регулярно проводились совещания, на которых обо всём, в первую очередь о недостатках, говорили открыто, ничего не скрывая.

В феврале 1956 года Госплан подготовил свой первый доклад об итогах рассмотрения предложений трудящихся по проекту директив шестой пятилетки, предложений, поступивших в ЦК партии, Совет Министров, Госплан и в редакции газет. Приходили тысячи писем с предложениями, проектами, замечаниями, касающимися нужд и забот простых людей. В частности, были предложения о сокращении рабочего дня, повышении заработной платы низкооплачиваемым работникам, упорядочении оплаты труда, увеличении пенсии. Всё ценное и нужное мы старались немедленно учесть. Так создавался и дорабатывался наш генеральный пятилетний план.

Именно в этом была одна из отличительных особенностей разработки шестого пятилетнего плана. А нам ещё предстояло тщательно изучить и учесть результаты обсуждения его на открывающемся XX съезде КПСС. И мы очень основательно готовились к нему, хотя, конечно же, не вполне представляли себе, чем он окажется для нас, для всей страны.

Главным событием и результатом XX съезда КПСС стал ошеломляющий доклад Н.С. Хрущёва на закрытом съездовском заседании. Доклад о культе личности Сталина.

Хорошо помню и свидетельствую, что не было тогда в зале ни одного человека, которого этот доклад не потряс, не оглушил своей жестокой прямой, ужасом перечисляемых фактов и деяний. Для многих это всё стало испытанием их веры в коммунистические идеалы, в смысл всей жизни. Делегаты, казалось, застыли в каком-то тяжёлом оцепенении, иные потупив глаза, словно слова хрущёвских обвинений касались и их, другие, не отрывая недвижимого взгляда от докладчика. С высокой трибуны падали в зал страшные слова о массовых репрессиях и произволе власти по вине Сталина, который был великим в умах и сердцах многих из сидящих в этом потрясённом зале.

Назывались десятки громких ещё недавно имён государственных деятелей, военных, дипломатов, учёных и писателей, невинно осуждённых и погибших. Вот названы маршал Тухачевский, писатель М. Кольцов. Хрущёв приводит свидетельства старого партийца А.В. Снегова,

рассказывает о жуткой обстановке даже в самом Политбюро, о странных обстоятельствах гибели Кирова. Приводил факты и свидетельства того, что большинство из осуждённых были людьми, преданными партии, соратниками Ленина, и что их осудили на основании полученных путём незаконных, преступных методов ведения следствия — иначе говоря, пыток.

Конечно, каждый из нас, делегатов, знал о судах и арестах, о «чёрных воронах», что уже много незаконно репрессированных людей вернулось домой из лагерей к 1956 году.

И всё же в то, что мы узнали из «секретного» доклада Хрущёва, не верилось. Но память подсказывала мне факты из собственной практики. Можно ли забыть, как на промысле, где я начинал свой путь инженера, несчастные случаи и аварии по техническим причинам вопреки явной очевидности объявлялись вредительством и происками врагов. На моих глазах бесследно исчезали люди, немало работников промыслов было арестовано за «вредительство» после аварий, по ложным доносам или по другим причинам. Арестовали и расстреляли невесту за что старого большевика с дореволюционным, ещё «подпольным» партийным стажем, — управляющего трестом «Лениннефть» Александра Ивановича Крылова, та же участь постигла и главного инженера А. Умблия... В то время никто не был застрахован от клеветы, навета и доноса, особенно, если кто-то кому-то мешал в карьере. Да и вредители, если не искажать правду, были, как и затаившиеся враги советской власти, «вчерашние люди».

Ведь и вокруг меня заваривалось «дело», уже были доносы в «органы», и ко мне начинали присматриваться, я чувствовал, что кто-то упорно копает под меня. Конечно же, арестовали бы, если бы я не уехал вовремя по совету друзей на военную службу на Дальний Восток. Они предупредили меня о том, что секретарь райкома партии уже донёс на меня в ЦК Азербайджана о том, будто я потворствую виновникам аварий на промысле и проявляю преступную халатность. А этого тогда было вполне достаточно, чтобы снять с работы и посадить в тюрьму.

Да, всё это я помнил, знал. Мы были все дети своего сурового времени. И всё же я никак не мог себе представить и поверить, что произвол и беззаконие все эти годы творилось в таких, как показывалось в докладе, масштабах. Но ведь Хрущёв был соратником Сталина, а теперь руководитель партии. Как же было не верить ему? Конкретные, жуткие факты, имена, названные им, безусловно проверены и точны.

И все же что-то смутно настораживало — особенно какая-то неестественная, срывающаяся на выкрик нота, что-то личное,

необъяснимая передержка.

Вот Хрущёв, тяжело дыша, выпил воды из стакана, воспалённый, решительный. Пауза. А в зале всё так же тихо, и в этой гнетущей тишине он продолжил читать свой доклад уже о том, как Сталин обращался со своими соратниками по партии, о Микояне, о Д. Бедном. Факты замельчили, утрачивая свою значимость и остроту. Разговор уже шёл во многом не о культе личности, а просто о личности Сталина в жизни и быту. Видно было, что докладчик целеустремленно «снижает» человеческий облик вождя, которого сам ещё недавно восхвалял. Изображаемый Хрущёвым Сталин всё же никак не совмещался с тем живым образом, который мне ясно помнился. Сталин самодурствовал, не признавал чужих мнений? Изощрённо издевался? Это не так. Был Сталин некомпетентен в военных вопросах, руководил операциями на фронтах «по глобусу»? И опять — очевидная и грубая неправда. Человек, проштудировавший сотни и сотни книг по истории, военному искусству, державший в памяти планы и схемы почти всех операций прошедшей войны? Зачем же всем этим домыслам, личным оценкам соседствовать с горькой державной правдой, с истинной нашей болью? Да разве можно ли в наших бедах взять и всё свалить только на Сталина, на него одного?

Выходила какая-то густо подчеркнутая правда. А где были в это время члены Политбюро, ЦК и сам Н.С. Хрущёв? Так зачем возводить в том же масштабе культ — только уже «антивождя»?

Человек, возглавлявший страну, построивший великое государство, не мог быть сознательным его губителем. Понятно, что, как всякий человек, он мог делать ошибки и принимать неправильные решения. Никто не застрахован от этого.

Невозможно было и представить, что он лично причастен к этим страшным беззакониям и мелочному изуверству!

Да и как представить, что он, Сталин, причастен к убийству Кирова, своего друга и соратника? Так зачем же обнародовать и выдавать как факт эти только догадки по косвенным уликам и подозрениям?

Замечу только, забегаая вперёд, что и ныне, когда открыты некоторые секретные архивы, когда тщательно работала комиссия по этому делу, — ничего вразумительного разоблачители не могут сказать и молчат, как будто в рот воды набрали. Значит, улики не найдены, а обвинение в убийстве так и не снято.

В сарказме Хрущёва сквозила нескрываемая личная ненависть к Сталину. Невольно возникала мысль — это не что иное, как месть за вынужденное многолетнее подобоострастие перед ним.

Так, в полном смятении думал я тогда, слушая хрущёвские разоблачения. Думал и много лет позже, но уже не сгорая, а анализируя всё новые и новые становящиеся известными факты советской истории. Можно сказать, что после XX съезда мне, как, пожалуй, и большинству его делегатов, и много лет спустя пришлось переосмысливать вновь и вновь выводы того доклада, сверять с новыми фактами и исторической ретроспективой.

Нам ныне стало известно много нового о борьбе за власть в партии, о выборе пути социального и политического развития страны в 1920-1930-е годы. Это была беспощадная в сложнейших условиях борьба, борьба не на жизнь, а на смерть, драма идей и людей.

Так что можно считать несостоятельным и поверхностным утверждение, что у Советской власти были только мнимые враги, а жестокость в этой борьбе объяснять мнительностью Сталина. Обстановку классовой нетерпимости, идейного психоза и доносительства во многом создавали те многочисленные группы партийных сектантов, что ещё в начале 1920-х годов рвались к власти. Они любыми способами старались оклеветать и убрать со своего пути всех, кто мешал им, всячески ослабить и распылить ядро сторонников «генерального пути».

Так, Н.П. Дудоров, бывший секретарь парткома Наркомтяжпрома рассказывал мне, как в наркомате орудовала крепко спаянная группа, которая целенаправленно и последовательно в течение 1936-1937 годов буквально «охотилась» за лучшими и честными работниками, чтобы оклеветать их, приписать им вредительство. И вот чёрный результат этого, — более ста партийных и хозяйственных работников, честных принципиальных людей были репрессированы и многие из них расстреляны.

Уникальные подлинники рабочих заметок Л.Б. Каменева, хранящиеся в архиве Троцкого (Гарвардский университет), прямо подтверждают, насколько острая и непримиримая развернулась в партии в те годы борьба, отражавшая не только интересы классов, социальных групп и прослоек, но и личные амбиции и претензии на власть политических авантюристов, «рыцарей карьеры».

Из этих материалов становится ясно, что действительно существовали силы, которые ставили цель свергнуть Сталина, захватить власть и изменить курс партии и страны. Так, в отчёте Каменева о беседе его с Бухариным 11 июля 1928 года читаем (см. «Огонек», 1990, № 28):

«Каменев: Каковы ваши силы?

Бухарин: Рыков плюс Томский плюс Угланов (точно) плюс я.

Петроградцы вообще с нами, но они испугались, когда появилась возможность сместить Сталина...».

За день до открытия в 1937 году Пленума ЦК партии, на котором его участники возмущённо обвинили Бухарина и Рыкова в измене принципам партийной дисциплины, в ведении скрытой борьбы против установленной партией линии Сталина, словом, во «фракционизме и расколе», на Политбюро (потом на Пленуме) выступил Бухарин с враждебными выпадами против Сталина, Молотова, Орджоникидзе; но не был фактически поддержан струсившими подельниками. Напротив, бывшие единомышленники Ленина, выступая в Политбюро, один за другим показывали, что Рыков давал «правым» директиву о необходимости насильственного устранения руководства ВКП(б) и прежде всего Сталина.

На Пленуме с большой речью, полной резких политических обвинений в адрес Бухарина и Рыкова, выступил А.И. Микоян. В протоколе заседания комиссии пленума по делу Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова от 27 февраля 1937 года сказано: «... Из двадцати членов комиссии за предание суду с применением высшей меры — расстрела голосовали Ежов, Буденный, Мануильский, Шверник и Косарев. Большинство поддержало предложение Сталина: «Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б), суду не предавать».

Интересная деталь: тут же рукой старательного Микояна размашистым почерком приписано: «а направить дело Бухарина — Рыкова в НКВД»!

Подобных свидетельств яростной борьбы противоборствующих сил, способной до крайности ожесточить противников, в наши дни известно немало. Не зря сказано: «Правда и та груба, а без правды беда». Правды не скрыть, как было невозможно в своё время сделать закрытым и доклад Хрущёва, хотя делегаты тогда на съезде и отнеслись с пониманием к предупреждению Хрущёва, чтобы этот сугубо доверительный разговор ни в коем случае не вышел за пределы съездовского зала и в особенности — не попал бы на страницы печати. И всё же, как ни странно, уже в июне этот «секретный» доклад был воспроизведён на страницах «Нью-Йорк Таймс» и тут же следом во французской газете «Монд». Весь западный мир шумно и суматошно обсуждал сенсационное сообщение, а у нас всё продолжало держаться в секрете, что рождало невероятные предположения и слухи. Почему, отчего? Не потому ли, что в результате расследований комиссии П.Н. Пospelова, представленных в своё время в ЦК, о роли многих руководящих лиц в совершенных преступлениях стало возможным догадываться? В том числе и о роли неистовых разоблачителей?

Правда очищалась от лжи.

Так, Сталину приписывались идея создания концлагерей, термин «враг народа» и ещё многое в этом роде. Но документальные данные неопровержимо свидетельствуют, что, например, идея создания концлагерей была предложена Троцким и закреплена в декрете Совнаркома в сентябре 1918 года, а сам декрет подписан В.И. Лениным.

Что касается термина — клейма «враг народа», то он изначально относился к спекулянтам. По тому декрету спекулянты подлежали «расстрелу на месте преступления» (!).

А чудовищная система заложников, когда расстреливали невинных, мирных людей по сословному признаку в ответ на «белый террор»? По приказу Троцкого и Свердлова! Этого нельзя было за явной очевидностью приписать Сталину. Старались замолчать. А как оценить действия внеюрисдикционного органа — «тройки» для экстренного рассмотрения дел арестованных и казнимых без суда и следствия — личного изобретения Л.М. Кагановича? Проект документа об образовании «троек» написан его собственной рукой. А ведь Каганович был в достаточной степени авторитетом для Сталина.

Руководителями «троек» автоматически становились партийные секретари горкомов, обкомов, краёв и республик.

Одного из таких руководителей я знал лично. Это М.Д. Багиров, который более 20 лет был первым секретарём ЦК партии Азербайджана, человек с тяжёлым, нелюдимым взглядом, вкрадчиво-властным голосом, а по натуре уголовник. Скольких прекрасных людей погубил он, особенно среди работников нефтяной промышленности. Во время суда над ним, проходившем в Баку, было сказано в обвинительной речи Генерального прокурора СССР Руденко, что Багиров не только санкционировал аресты безвинных людей, но и сам лично расстреливал осуждённых.

Ещё в годы работы в Наркомате нефтяной промышленности мне нередко приходилось обсуждать с Багировым различные вопросы работы объединения «Азнефть», в том числе и кадровые. Вот почему, несмотря ни на что, я решил обратиться к нему с просьбой помочь освободить из тюрьмы талантливого и честного человека, известного геолога «Азнефти» Никитина. Я сказал, что это тот самый Никитин, который предложил новую систему разработки многопластовых месторождений, дающую большую экономию государственных средств, человек порядочный и ответственный. Багиров согласно кивнул головой: «Конечно, если человек нужный и полезный стране, помогу!» В другой раз я опять напомнил о Никитине. «Да, я помню. Дам указание». Шло время. Я ещё и ещё раз напоминал ему о Никитине. И опять озабоченное лицо, и опять уверенное: «Да, да. Дело

трудное. Помню». А в итоге выяснилось, что Никитин уже давно был расстрелян.

На суде бледный и обмякший Багиров, признавшийся в тяжких преступлениях, заявил, что заслуживает за свои «злодеяния не просто расстрела, а четвертования». Вот, мол, сам осознал, чистосердечно оценил, чего заслуживает — пусть учтут и ... тут же попросил о снисхождении, «торжественно» обещая отдать остаток жизни служению Родине. И здесь, на краю смерти, он пытался выторговать смягчение приговора, хоть как, но лишь бы жить. Однако «вышки» ему избежать не удалось.

Такие, как Багиров, угодничали и лебезили перед Сталиным, с суетливой ревностью отталкивая друг друга локтями от врат высшей власти.

В хитром, изворотливом Багирове видел соперника сам Лаврентий Берия, у которого в таких делах был отменный «нюх». Как-то он неожиданно позвонил и сразу задал вопрос: «Где находится товарищ Багиров?». Я, удивлённый и звонком, и вопросом, ответил, что не знаю, и добавил, что Багиров секретарь ЦК и мне не докладывает, где он бывает. Как выяснилось позже, Багиров поехал в Мацесту, где Сталин принимал радоновые ванны. Этого было достаточно, чтобы Берия затаил ревнивую злобу на своего азербайджанского соперника. Он даже почти не скрывал её, в чём после я много раз убеждался.

Оба они были хитры и вероломны, способны на любой подлог и авантюру. Оба умели терпеливо выжидать удобного случая, чтобы нанести удар. И вот настал срок. Берия и его люди «раскопали» нужные материалы о том, что на дачах и в подсобных хозяйствах руководителей партии Азербайджана имеют место злоупотребления: фрукты и овощи нередко поступают на сторону, в продажу. Берия немедленно доложил об этом Сталину, который поручил Мехлису, главе Госконтроля, незамедлительно проверить факты и доложить лично ему. В Баку срочно выехала большая группа работников партийного контроля во главе с заместителем Мехлиса — Евдокимовым.

Проверка подтвердила, что значительная часть продукции подсобных хозяйств продавалась на сторону, «налево», как говорят.

Багиров понял, что спасения нет, Сталин за подобные дела жестоко наказывал. И теперь, в такой ситуации только решительные «чрезвычайные» меры могли отвести от него суровое наказание. И он пошёл на подлую провокацию. Проведав откуда-то, что высокий гость питает слабость к прекрасному полу, Багиров искусно организовал Евдокимову поездку в Махачкалу с одной из бакинских красавиц, а сам тут

же обо всем доложил Сталину, к письму же приложил интимные, красноречивые фотографии... Понятно, что Сталин был вне себя от негодования. Он приказал вызвать к нему Мехлиса и крепко отчитал его за то, что тот доверяет важные партийные дела морально неустойчивым людям.

Можно себе представить, что творил Багиров, являясь председателем одной из «троек», созданных по инициативе Кагановича, «троек», чьи решения обжалованию не подлежали.

На совести самого Кагановича гибель тысяч руководящих работников, членов ЦК партии, крупных учёных, талантливых инженеров. Он, наводя порядок, требовал списки «виновных», а иные списки и сам составлял, размашисто ставя под ними подпись.

Он многие годы общался и работал с ними вместе, как говорится, знал в лицо, и тем не менее спокойно и безжалостно обрекал их одним росчерком пера на смерть.

Н. Дудоров, при встрече со мной, вспоминая годы своей работы секретарем парткома Наркомтяжпрома, рассказывал, как Каганович дважды — весной и осенью 1938 года наезжал в Донбасс с любезно прикомандированным к нему Берией работниками НКВД. И начиналась поистине адская работа по уничтожению кадров. Там шли повальные аресты руководителей предприятий, комбинатов, угольных шахт. А вернувшись в Москву, Каганович любил хвастаться на совещаниях и заседаниях Коллегии Наркомата тем, как быстро разобрался и убрал сразу «два слоя» якобы орудующих в Донбассе вредителей, «врагов народа». Лицо его при этом самодовольно лоснилось, и он продолжал зорко и цепко оглядывать всех, запоминая реакцию каждого.

Арест множества специалистов и руководителей не мог не сказаться на работе индустрии и шахт Донбасса. В парторганизацию наркомата стало поступать все больше и больше жалоб и тревожных сигналов от местных парторганизаций: многие участки производства оказались оголены, стала снижаться производительность труда, люди нервничали.

А когда Дудоров поставил в известность о том Кагановича, тот заорал, нервно затопал ногами:

— Да это же форменная контрреволюция!

И теперь уже сам Дудоров оказался под подозрением. И не избежать бы ему ареста, если бы за него дружно не вступились член парткома В.М. Клементьев, заместитель наркома М.Г. Первухин и Л.А. Соснин. На резкий вопрос Кагановича: «Скажите, Дудоров — честный человек или враг нашей партии?» они дали ответ: «Честный». И тем спасли его, секретаря

парткома.

«Власть рождает то гениев, то монстров» — это сказано не мной. Каганович всё же настоял, чтобы Комиссия партконтроля занялась Дудоровым, авось какие-нибудь грешки найдутся. Емельян Ярославский, руководивший этой проверкой, доложил Комиссии и парткому Наркомтяжпрома, что «к его секретарю товарищу Дудорову никаких претензий нет»...

Не было в «секретном» докладе Хрущёва многих важных данных, объективно объясняющих возникновение и устройство дьявольского механизма массовых репрессий. Лишь только в 1990 году нам стали известны сенсационные материалы, перепечатанные «Советской культурой» из итальянской газеты «Республика», которая воспользовалась услугами человека, бывавшего у Кагановича в доме. Каганович, как известно, никого не пускал к себе в дом, никому не давал интервью. Захлопывал двери перед журналистами, которые пытались попасть к нему.

Так вот, упомянутый гость стал как бы ненароком, от себя лично задавать Кагановичу вопросы, интересующие итальянскую газету, скрытно записывал ответы на диктофон. Вообще, Каганович любил произносить речи по каждому поводу. На мой взгляд, в обилии пустых фраз Кагановича однажды проскользнуло очень важное заявление, в достоверности которого у меня никаких сомнений нет, ибо оно лежит в плоскости его деятельности прежних лет. Суть его в том, что Каганович, направленный Сталиным на Урал, вскоре сообщил ему оттуда о якобы вскрытых фактах вредительства: плохо строят, срывают сроки выполнения первой пятилетки. И потребовал права наказывать виновных на месте. Сталин же ему сдержанно ответил, что этого делать не надо...

От Кагановича вновь пришла телеграмма, но уже с подписью и секретаря обкома партии. Только после этого Сталин дал согласие на особые полномочия Кагановича, рекомендовав ему придерживаться Конституции. Так ли это было на самом деле, не знаю, но данная версия — версия самого Кагановича. Известно, что право решать все вопросы на месте Кагановичу было предоставлено! Ну, а при обладании таким правом уже не до Конституции, особенно если учесть вспыльчивый и злопамятный характер «железного наркома», — он любил, чтобы его так называли. Именно с тех пор «тройки» и начали играть свою страшную роль, сея аресты и смерть по всей стране.

Перекладывая всю вину за репрессии исключительно на одного Сталина, Хрущёв по существу отводил законные обвинения от себя, от Кагановича и ему подобных.

Как тут не вспомнить слова древнегреческого философа Эпиктета: «Настоящее зло не приходит извне, но находится внутри человека, и, следовательно, человек всегда может от него освободиться». От зла освобождает правда покаяния. Но этого, к сожалению, не случилось ни с кем из них. Наказание за свои злодеяния Каганович понёс почти символическое. И я был тому свидетель и даже неким образом причастен к этому.

В 1957 году, после того как на Пленуме ЦК Кагановича вывели из состава Президиума ЦК КПСС, мне позвонила секретарь ЦК Фурцева и передала просьбу Никиты Сергеевича, чтобы я, работавший ранее заместителем Кагановича, доложил о решении последнего Пленума на партийном собрании предприятия, где Каганович состоял на учёте около 30 лет. Зная вздорность и изворотливость бывшего наркома, я основательно подготовился к этому собранию, взял из архива некоторые материалы, связанные с его деятельностью на посту наркома топливной промышленности и наркома железнодорожного транспорта.

После моего доклада слово предоставили Кагановичу. Перед собранием предстал сутулый, с обвисшими плечами, совершенно сломленный человек без прежней твёрдой осанки и вызова в глазах. У него нашлось силы признать решение ЦК правильным. (Впрочем, так делали многие политически провинившиеся члены партии в те времена).

Но Каганович попросил его из партии не исключать и не высылать из Москвы. А затем, отыскивая глазами знакомые и сочувствующие лица в зале, стал перечислять, кому и что хорошее сделал когда-то: одному помог получить жилье, сыну другого содействовал в поступлении в институт, третьему устроил путёвку в санаторий, четвёртого продвинул по должности, — и всех по фамилии, а иных и по имени-отчеству. Словом, перечислял долго и нудно. Это, безусловно, повлияло на настроение упомянутых в его речи людей, некоторые заколебались, — людские сердца отзывчивы на добро, — а две женщины даже прослезились и, не выдержав, покинули зал... Что и говорить, мне пришлось снова рассказывать людям о том вреде, который причинил Каганович многим и многим работникам топливной отрасли и транспорта. Я зачитал некоторые приказы об отстранении от должности и аресте честных людей, известных многим из сидящих в зале. Зачитал страшные «расстрельные» резолюции. Указал, сколько невинных душ погублено им — убитых, сосланных в лагеря.

После второго моего выступления из зала раздались требования исключить Кагановича из партии. Но таких голосов было явно недостаточно для перевеса над упорно молчащими, поколебленными

«раскайанием» Кагановича. И при голосовании было принято решение — из партии его не исключать.

И только в 1962 году, на основании новых, ещё более разоблачительных документов, доказывающих особую личную причастность Кагановича к беззакониям, он уже на бюро Московского горкома был исключён из партии.

Кляня и понося Сталина и только его одного, кликушески разоблачая его культ, Хрущёв, как я уже сказал, отводил обвинения прежде всего от себя. Он, главный инициатор обличения культа личности, в 1936 году возглавил Московскую городскую и областную партийные организации, а в 1939 году был избран членом Политбюро. Именно он известен массовыми «московскими процессами» над «врагами народа», разоблачениями и расстрелами, в которых он был одной из самых ответственных инициативных фигур. Это он — главный зачинщик массового террора на Украине, где был первым секретарём партии, и требовал ещё больших репрессий. Это он скрывал голод на Украине, унёсший жизни многих тысяч людей: громче всех и яростней всех разоблачал, арестовывал и казнил людей как глава страшных и главных на Украине и потом в Москве «троек». Теперь ему нужно было отвлечь внимание людей от себя, от личной причастности к произволу, сфокусировав гнев делегатов XX съезда, а потом и всей страны на фигуре Сталина.

Думаю, после ареста и расстрела Берии, когда из лагерей и тюрем стали поступать письма от заключённых, а люди начали открыто говорить о беззакониях и их вершителях, опытный и хитрый Хрущёв сообразил, что его деятельность как председателя «тройки» будет когда-нибудь разоблачена и сам поспешил стать в позу некоего верховного судьи всего «сталинского времени». Да, это было так (а иначе — с чего бы это изъяты по его указанию многие архивы об украинских и московских «чистках», изъяты и уничтожены?). Возможно, и по этой причине был засекречен его доклад.

Памятны мне беседы с маршалом А.М. Василевским, бывшим начальником Генерального штаба, на наших совместных прогулках в дачном посёлке Архангельское под Москвой. Василевский — разработчик многих победных операций на фронте, талантливый стратег располагал к себе своей душевностью и простотой. Он был твёрд и прям в своих высказываниях, в нём чувствовались высокая культура и неподкупная честность. Он говорил неторопливо, взвешивая слова:

— Много я за эти годы передумал и перечувствовал. Какую чёрную ложь наплели вокруг имени Сталина. Глобус якобы заменял ему

оперативные карты фронтов! Чушь! Сталин был способен глубоко вникать в стратегические и даже оперативные вопросы, не раз находил наиболее верные их решения, держал в памяти сотни данных, цифр, имён.

Кто-кто, а Василевский в годы войны работал со Сталиным, общался с ним каждодневно, обсуждал различные вопросы тыла и фронта. Он не находил в нём подозрительности или намерений унижить кого бы то ни было.

— Да, бывал порою резок до грубости. Жесток. Но в том, кто чего стоит, хорошо разбирался.

Почти то же самое говорил и Георгий Константинович Жуков. Он был у меня в Госплане в 1956 году по вопросам финансирования Министерства обороны. У нас состоялась продолжительная беседа. И когда заговорили о Сталине, он твёрдо, почти как по писанному, сказал:

— С назначением Сталина на должность Верховного главнокомандующего все сразу почувствовали его твёрдую руку. Своей жёсткой требовательностью он добивался, можно сказать, почти невозможного. В стратегической обстановке умел найти главное звено и, ухватившись за него, наметить пути для оказания противодействия врагу. Несомненно, он был достойным Верховным главнокомандующим.

Интересны мысли маршала Жукова и о начале войны, о том, что наше поражение в 1941 году было неизбежным, даже если бы Сталин и не допустил известных ошибок. Так, в беседе с писателем К. Симоновым, маршал Жуков высказал соображения, что к 1941 году наша армия значительно уступала германской в количестве и качестве вооружения, опыте ведения военных действий, отмотилизованности и т.д.

Тем более что у нас, особенно на Западе, находились так называемые «территориальные войска» на уровне плохо обученного ополчения, которые на Халхин-Голе показали свою слабость.

Этих своих мыслей Георгий Константинович никогда не скрывал, что, конечно, не могло нравиться Берии, особенно мнение о, так сказать, стратегической направленности. Жуков рассказывал, что Берия не раз пытался его арестовать.

— Нет, Жукова арестовать не дам. Не верю в это. Я его хорошо знаю, — твёрдо отвечал Сталин, даже когда Жуков был отправлен командующим военным округом в Одессу.

Во время той нашей беседы Георгий Константинович отметил такой значимый факт:

— Несмотря на тяжёлую обстановку на фронте, Сталин повысил оклады командному составу армии. И эти высокие оклады мы получаем до

сих пор, уже в мирное, совсем другое время. Эти оклады нужно сократить в разумных рамках.

Последняя фраза была обращена непосредственно ко мне, и я ответил, что этот вопрос не в моей компетенции. Но, желая быть до конца понятым маршалом, добавил, что, по-моему, это нецелесообразно, так как командиры — фронтовики заслужили свои высокие зарплаты и не очень обременительные для общества привилегии.

Но Жукова, видимо, мои слова не переубедили, и он снова твёрдо заявил, что завышенные оклады военным нужно сократить, учитывая низкий уровень жизни населения. Тогда я порекомендовал Георгию Константиновичу обратиться по этому вопросу к Н.С. Хрущеву.

Прошло некоторое время. На каком-то очередном торжественном заседании, посвящённом, кажется, юбилею Советской Армии, я находился в президиуме рядом с хорошо знакомым мне маршалом Баграмяном. Я, вспомнив свой разговор с Жуковым, спросил о материальном обеспечении лиц, занимающих высокие воинские должности. Не долго думая, маршал достал свой партийный билет и раскрыл его на графе партвзносов, которые, как известно, взымались в размере трёх процентов от заработка. Увидев крупные цифры, я понял, о чём озабоченно говорил Г.К. Жуков. Естественно, я не стал объяснять маршалу Баграмяну причину моего вопроса.

Георгий Константинович видел сокровенный смысл своей жизни в служении народу, без громких слов, без привлечения к себе лишнего внимания, а каждодневно, просто и честно, как истинный коммунист; он очень многое сделал для Родины в самую трудную, смертельно опасную пору. Маршалом Победы стал в народном сознании Георгий Константинович Жуков.

Здесь уместно вспомнить и другого государственного деятеля, который тоже многое сделал для сохранения мира, но уже в послевоенные годы, особенно в период «холодной войны» США с Советским Союзом. Речь идёт об Андрее Андреевиче Громыко, которого я знал как честного и умного человека, скромного в быту.

Я высоко оцениваю роль А.А. Громыко в жизни нашего государства, мне импонирует, не боюсь сказать, сталинская выучка его активного волевого руководства, не исключающего тактической гибкости, умения находить выгодные для страны компромиссы.

Он всегда держался скромно, выслушивал собеседника вежливо и терпеливо, не навязывая ни своего мнения, ни своих оценок. Человек дела, человек большой политики и большой жизни, он прочно и объёмно вошёл в

политическую и дипломатическую историю XX века, заняв в ней достойное место.

Сорок трудных и противоречивых лет он занимался активной политической и государственной деятельностью, в том числе более 28 лет возглавлял внешнеполитическое ведомство одной из величайших держав мира, а последние три года своей жизни находился на высшем государственном посту страны — Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Но это как бы одна сторона медали. Есть такие основополагающие моменты деятельности Андрея Андреевича, как его участие в самых главных международных конференциях века, которые на десятилетия вперёд определили ход бурной истории мира и до сих пор влияют на него.

В 1939 году А.А. Громыко был назначен советником посольства нашей страны в США, а в 1943 году, в возрасте 34 лет, стал послом Советского Союза в США, совмещая этот пост с обязанностями посла в Республике Куба. Это были очень сложные годы нашего военного партнёрства с Америкой. Но ещё сложнее и труднее стало вести дипломатическое дело после войны, когда США при Трумэне начали почти открыто готовиться к атомной войне против нас.

В 1946-1948 годах Андрей Андреевич возглавляет в ООН постоянное представительство Советского Союза, твёрдо, наступательно отстаивая наши интересы. Молодой, сильный и умный он олицетворял силу и дух нашей державы. Я до сих пор помню его яркие, немногословные речи с трибуны ООН, тонко анализирующие мировую ситуацию, ставящие принципиальные вопросы с позиций борьбы за мир, так нужный нам в те годы.

В 1949-1952 годах он первый заместитель министра иностранных дел, а с 1957 по 1985 годы — министр.

Андрей Андреевич фактически руководил нашей дипломатией более трёх десятилетий, начав ещё при Сталине, а закончив при Горбачеве. Громыко был высокоэрудированной и компетентной личностью, патриотом, преданным до конца интересам Отечества.

Мне, как председателю Планового комитета Совета Экономической Взаимопомощи социалистических стран, приходилось часто встречаться с Андреем Андреевичем по внешнеэкономическим делам. Мы всегда находили с ним нужные, согласованные решения по тем или иным вопросам.

А теперь, возвращаясь к периоду хрущёвской «оттепели», хочу ещё раз подчеркнуть, что в годы «холодной войны», особенно когда

противостояние США и СССР достигло высшей критической точки, А.А. Громыко, нужно считать, находился на самой передовой.

Жизнь продолжается

Государственное планирование в годы «оттепели» находилось под постоянным вниманием и контролем Хрущёва, который уже был одновременно главой партии как Первый секретарь и главой Совета Министров СССР.

Спустя три месяца после моего назначения на пост Председателя Госплана он вызвал меня и поручил разработать генеральный план реконструкции железнодорожного транспорта СССР.

Нужно было за три пятилетки перейти полностью по всей стране с паровозной тяги на электровозную и тепловозную.

Вопрос был поставлен правильно и своевременно, так как потребности страны в перевозках значительно превышали возможности паровозного транспорта. КПД электровозов и тепловозов был в несколько раз больше, чем у паровозов, что очень повышало эффективность работы железных дорог.

Давая мне поручение, Хрущёв добавил:

— Только об этом ничего не говори Кагановичу. Имей дело с Вещевым. Для подготовки нужных документов даю вам три месяца срока.

Немедля я встретился с Вещевым в моём госплановском кабинете. Бещев в то время занимал пост министра путей сообщения. Я рассказал ему о разговоре с Хрущёвым относительно реконструкции железнодорожного транспорта.

— Это же замечательно! — загорелся Бещев.

— Ну вот, тогда давай готовь все предложения. И будем действовать.

Вдруг Бещев задал мне вопрос:

— Николай Константинович, а Никита Сергеевич говорил об этом с Кагановичем?

— Он-то как раз и предупредил меня, чтобы я ничего не говорил Кагановичу... И вообще, требовал соблюдать абсолютную секретность.

— Но ведь Каганович как зампред Совмина владеет вопросами транспорта и связи.

Не на шутку встревожился Бещев и взгляд его потускнел.

— Не-ет, тогда я не возьмусь за это дело. Если узнает Каганович, мне несдобровать, убьёт!

— Да ты что, наберись смелости. Ведь нам поручено большое государственное дело, — уговаривал я его.

— Нет, нет, я не буду участвовать в этом, — решительно отказывался он.

— Значит, дрейфишь? Договоримся — ты даёшь мне материалы, все данные по этому вопросу и кого-нибудь из своих подчинённых. А если Каганович и узнает, скажешь, мол, ты здесь ни при чём.

— Нет, уволь меня от этого дела. Сделай так, что я вообще якобы ничего не знаю и что это целиком инициатива Госплана, — испуганно уговаривал он меня.

— Ладно, — согласился я, вспомнив о непомерном самолюбии Кагановича. — Ты только подготовь мне все записки и пришли из своего аппарата надёжного человека.

Я понимал его: у Бещева были веские основания опасаться Кагановича, он ещё внутренне не освободился от власти «железного наркома», заместителем которого был много лет. Знал, что Каганович — ярый противник электровозов и тепловозов. И, конечно, никогда не простит Бещеву участия в деле, против которого он выступает. Как-никак Каганович и ныне оставался в силе: в отсутствие Хрущева, совершающего поездки по стране, Каганович часто вёл заседания Президиума ЦК, и скрыть от него нашу работу было нелегко.

Столь крупная государственная задача требовала от работников Госплана, и прежде всего от машиностроительных отделов, предельного напряжения сил, широты действий и больших знаний. В частности, нужно было определить, где и сколько изготовить электровозов и тепловозов, в какие сроки и в каких количествах. В решении столь масштабной задачи должна быть задействована вся система народного хозяйства — ведь потребуются металл, моторное топливо, новые шпалы, новые конструкции для опор.

А нам на составление технических и экономических обоснований по переходу на новые виды тяги, на поиски соответствующих возможностей машиностроения, на решение кадровых вопросов нетерпеливый Хрущёв дал всего три месяца, да ещё всё это делать требовалось как бы подпольно.

Работа над проектом генерального плана электрификации железных дорог шла день и ночь. Особенно мне помог мой заместитель А.Ф. Зеленовский, ведавший вопросами транспорта. Он мало говорил, но много делал. Помогли нам и специалисты из Министерства путей сообщения, которые были посвящены в суть дела, прежде всего в подборе кадров.

Судя по всему, информация о нашей работе до Кагановича не доходила. Правда, проект мы выполнили не за три, а за пять месяцев, зато был тщательно изучен и зарубежный опыт. Мы теперь твёрдо были

убеждены в правильности разработанного проекта.

И вдруг накануне очередного заседания Президиума ЦК, где должен был рассматриваться этот вопрос, мне позвонил Каганович и, не поздоровавшись, обрушился на меня с обвинениями: «Вы доставили в ЦК вредительский документ! Понимаете ли, что в случае войны противник уничтожит первым делом электростанции и нефтяные промыслы. А без энергии и горючего работа железнодорожного транспорта будет полностью парализована!».

Голос его в трубке звенел от негодования. Я попытался успокоить Кагановича:

— Лазарь Моисеевич, в равной степени и шахты могут быть разрушены и паровозы останутся без угля.

— Я был и буду категорически против этой затеи!

— Но послушайте меня, — попытался объяснить я ему, — развитые страны уже перешли на эти виды тяги как наиболее эффективные.

Он нервно перебил:

— Кто вам дал такое задание?

— Первый секретарь.

— Почему вы мне не сказали?

— Не хотел вас затруднять.

— Всё! Я буду против! — и, как часто бывало, Каганович, по-видимому, бросил трубку.

А примерно часа два спустя позвонил Хрущёв:

— Хороший документ вы представили. Надеюсь, что завтра на Президиуме ЦК ваш проект будет одобрен. Подготовьтесь для доклада.

Ответив ему на ряд вопросов, я под конец сообщил о разговоре с Кагановичем.

— Э-э, не обращайтесь внимания. Он консерватор. Я ожидал подобной реакции, потому и просил держать в секрете подготовку проекта.

На следующий день наш проект был одобрен всеми членами Президиума ЦК, кроме одного Кагановича, который высказал претензии, что его не поставили в известность и всё делалось без его ведома.

— Лазарь, — примирительно произнёс Хрущёв, — я тебя знаю многие годы, особенно по совместной работе на Украине, и был уверен, что ты встретишь в штыки замену паровой новыми видами тяги. Поэтому не стал посвящать тебя в это дело.

Результаты принятой программы общеизвестны.

Хрущев оказал также большое влияние и на создание отечественной газовой промышленности. В 1955 году я, как министр нефтяной

промышленности, обратился с письмом в Правительство, доказывая необходимость создания самостоятельной государственной структуры для обеспечения ускоренного развития в стране газовой индустрии, хотя и знал, что многие и в Правительстве и в ЦК недооценивали значение газа, не видели перспектив его применения. Моё предложение было одобрено, и в 1955 году был образован Главгаз СССР.

Но не прошло и двух лет, как появилось решение ликвидировать министерства и образовать совнархозы. Касалось это и Главгаза; его руководителя А.Г. Шмарева утвердили председателем совнархоза Татарии.

В те дни в Главгаз позвонил Хрущёв и попросил Ю.И. Боксермана, одного из руководителей этого главка, заняться строительством газопровода Татария-Горький. На другой день Боксерман был у Хрущёва и сказал, что ликвидировать Главгаз нельзя, поскольку он только что начал работать, и разрезать единую систему газопроводов на участки по совнархозам невозможно.

Хрущев позвонил заведомо промышленности ЦК Кузьмину и спросил его мнение, но тот и слышать не хотел о сохранении Главгаза.

Вопрос вынесли на Президиум ЦК партии, и по настоянию Хрущёва Главгаз был сохранен. Я радовался тому, что поступили правильно. Работа этого главка, а затем и Мингазпрома СССР, создание единой системы газоснабжения всех республик протяжённостью более 250 тысяч километров позволило увеличить добычу газа с 3,5 миллиарда кубометров в 1945 году до 850 миллиардов кубометров в 1990 году!

Надо сказать, что реконструкция производства, проводимая Хрущевым, ускорила темпы строительства производственных объектов и особенно жилья. Ныне ругают знаменитые пятиэтажки, называют их «хрущобами». А ведь только благодаря им в короткие сроки удалось переселить миллионы почти бездомных людей из бараков и развалюх. И простые люди в те годы были от всей души благодарны за это.

Немало и других полезных и хороших дел на счёту Никиты Сергеевича. Но вместе с тем его импульсивность, порой некомпетентность и безапелляционность в последние годы привели к ряду срывов и ошибок. А началось всё с не продуманной до конца, бесшабашной перестройки управления народным хозяйством.

В 1956 году Н.С. Хрущёв объявил о создании совнархозов и ликвидации министерств, мотивируя это необходимостью децентрализации управления, обеспечения большей самостоятельности республик и областей страны. Это волновало всех и в ЦК, и в Совмине.

Как-то, беседа со мной, Хрущёв спросил:

— Как Вы, Председатель Госплана, смотрите на создание совнархозов вместо министерств?

Я ответил:

— Нельзя ликвидировать министерства топливно-энергетические, оборонной промышленности, транспорта, сырьевые и машиностроительные. А если нужно проверить целесообразность создания совнархозов, то лучше начать с отраслей, производящих товары народного потребления и продовольствие, то есть с местной и пищевой промышленности.

— Ради только этого не стоило бы создавать совнархозы, — сказал Хрущев.

— Но если мы ликвидируем министерства, то потеряем бразды правления в экономике, — возразил я, — не будет управления отраслями, развалим хозяйство, разбалансируем экономику.

— Вы — ведомственники, привыкли руководить через министерства, не считаясь с мнением республик и областей. А им виднее...

Хрущёв явно нервничал, он не любил, чтобы его излюбленным планам перечили, но дело шло о главном: обо всём всесоюзном хозяйстве, и я продолжал объяснять, что ведомственность в этом случае сменится местничеством и неизвестно, что лучше.

У Первого (так звали в ЦК Хрущёва) явно не было никакого желания выслушивать мои доводы, и наш разговор закончился ничем.

На февральском (1957 года) Пленуме ЦК Н.С. Хрущев в своём докладе оправдывал введение совнархозов как возврат к экономической политике, проводимой Лениным.

Когда же началось обсуждение доклада, я выступил с предложением об организации Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Я понимал, что вопрос о совнархозах предрешён, возражать бесполезно и предложил создать орган, который решал бы централизованно важнейшие вопросы развития народного хозяйства, находившиеся ранее в ведении министерств. Но мои соображения так и не учли. Министерства, кроме оборонных и путей сообщения, ликвидировали. Так произошёл переход от отраслевого принципа управления хозяйством к территориальному. Так был нанесён стране, её экономике первый, тяжёлый удар...

Дня через два после Пленума мне позвонил секретарь ЦК КПСС Маленков:

— Мы решили назначить Вас Председателем российского Госплана и Первым заместителем Председателя Совмина РСФСР, учитывая, что из 104 совнархозов 74 находятся на территории РСФСР и Вам предстоит

руководить ими.

В Госплане Российской Федерации в течение года я занимался в основном организационными вопросами совнархозов. За время этой реорганизации выявились серьёзные недостатки: управление промышленностью раздробилось, нарушились хозяйственные связи между районами страны, усилились местнические настроения в республиках.

Госплан много раз предупреждал правительство о возможности возникновения подобных тенденций. Так, в июне 1957 года А.Ф. Засядько, заведующий топливным отделом Госплана, представил в Правительство записку о своей поездке в Донбасс. В записке был специальный раздел «о борьбе с местничеством», о невыполнении совнархозами обязательств по поставкам оборудования. И всё это подтверждалось фактами нарушения плановой дисциплины, под видом «местных интересов».

Некоторые совнархозы произвольно уменьшали выпуск своей продукции, как, например, Новосибирский совнархоз, резко снизивший производство дефицитного литейного оборудования.

В своей записке о фактах местничества и других недостатках в работе совнархозов, направленной в Совмин РСФСР, специалисты Госплана писали, что новые организации — карликовые, нередко дублируют друг друга, есть тенденция в хозяйствах к самоизоляции, что зачастую местные совнархозы сокращают выпуск продукции, которую они поставляют в другие экономические районы (говоря сегодняшним языком, шла уродливая экономическая «суверенизация»).

Как председателю российского Госплана, мне пришлось участвовать в создании структуры управления экономикой России и республиканского Госплана.

Мы разработали новую структуру Госплана, где сочетались не только сводные, но и отраслевые отделы. И представили свои предложения комиссии Оргбюро ЦК во главе с А.И. Микояном. А когда этот проект дошёл до Хрущёва, то он не высказал никаких возражений.

В феврале 1958 году в Большом Кремлёвском дворце состоялось совещание руководителей Совнархозов и Госпланов всех союзных республик. С докладом выступил Председатель Госплана СССР И. Кузьмин и, отметив положительную в целом работу совнархозов, высказал целый ряд критических замечаний, в том числе и в мой адрес за приверженность отраслевому принципу планирования, который якобы не соответствует проводимым реформам.

Затем выступили представители с мест, почти все одобряли создание совнархозов и отмечали их хорошую работу, а некоторые критиковали

работу планирующих органов, особенно российский Госплан и его структуру. А ещё выступавшие сетовали на то, что при защите своих планов им приходится обивать пороги отраслевых отделов Госплана вместо того, чтобы решать все вопросы в одном сводном экономическом отделе.

Находясь в первых рядах зала, я заметил пристальный взгляд Хрущёва, он нервно передвинул на столе президиума какие-то бумаги и, не выдержав, крикнул в зал:

— Товарищ Байбаков, Вы собираетесь выступать?

— Да, я готов.

— Ну, тогда я Вам предоставляю слово.

Едва я начал свою речь, как Хрущёв, вдруг побагровев, яростно обрушился на меня за неправильные, как он выразился, действия Госплана РСФСР, тормозящие работу совнархозов, и прежде всего отметил непродуманную структуру Госплана. К явному удивлению Хрущёва, не привыкшего к возражениям, я твёрдо настаивал:

— Структура Госплана правильная, и она одобрена... Но он резко прервал меня:

— Кто создал такую структуру?

— Я предложил, а Совет Министров России утвердил. Мы также передали материалы в комиссию Оргбюро ЦК. И она тоже одобрила.

Тогда Хрущёв повернулся к Микояну и, не сбавляя резкого тона, спросил:

— Ты, Анастас, почему утвердил такую негодную структуру? Ты же знал, что мы боремся с ведомственностью.

— Я считаю структуру правильной, — твёрдо сказал обычно дипломатично уступчивый Анастас Иванович.

В зале возникло оживление. По выражению многих лиц было ясно, что зал с интересом ждёт, чем закончится эта перепалка. Тут Хрущёв снова обратился ко мне:

— Кто же окончательно утвердил?

— Никита Сергеевич, Вы и утвердили, как председатель Оргбюро ЦК, — ответил я, ободренный поддержкой Микояна.

— Так что же, я что ли виноват? — развёл Хрущёв руками под весёлый смех зала.

— Нет, Никита Сергеевич, ни Вы, ни я, ни Анастас Иванович не виноваты. Структура правильная. Одно дело — отраслевое планирование, другое — отраслевое управление, и я его не предлагаю, хотя, как вам известно, был против ликвидации министерств.

Так, давая объяснения главе страны, я простоял на трибуне не менее

сорока минут и сошёл в зал под дружные аплодисменты, не понимая, чем же могло так понравиться моё выступление. Но когда Хрущёв в своём заключительном слове вновь обрушился на меня с критикой той же структуры управления и раскритиковал даже Микояна, его речь также была встречена шумными аплодисментами. Я понял, что попал в немилость.

Так совещание в Кремле предопределило мою дальнейшую судьбу. Примерно через месяц моим первым замом был назначен В.Н. Новиков, при этом, конечно, не спросили о моем согласии. Впрочем, я знал Новикова как председателя Ленинградского совнархоза и был высокого мнения о нем.

Как-то за чашкой чая я спросил его:

— Володя, я знаю, что тебя «подсадили» под меня.

— Да, Николай, — не увиливал от прямого вопроса прямодушный Новиков, — так мне сказали наверху.

В начале мая 1958 года меня вызвали к секретарю ЦК А.Б. Аристову. Там находился Д.С. Полянский, только что назначенный Председателем российского Совмина. Состоялась деловая беседа, мне предложили должность председателя Куйбышевского совнархоза.

— Почему именно туда собираетесь меня направить? — не удивляясь превратностям судьбы, поинтересовался я.

— Ты ведь нефтяник, а там в этом плане большие перспективы. Мы помним, что ты активно создавал «Второе Баку».

— Нефть есть и на Сахалине. Я готов поехать туда.

— Ну, зачем же так далеко? — примирительно улыбнулся Аристов, отличавшийся доброжелательной мягкостью к людям.

А я уже настаивал, мне, в сущности, нечего было терять:

— Если есть право выбора, то просил бы назначить меня в Краснодарский край, с которым связана часть моей жизни.

Аристов задумался, а потом сказал, что у него нет иных указаний, но он доложит Хрущёву о моей просьбе.

На том разговор закончился, и я вернулся к себе в Госплан. Вскоре мне позвонил Полянский и сообщил:

— Никита Сергеевич удовлетворён Вашим согласием работать в совнархозе, хотя и ожидал, что будете сопротивляться, как иные министры. Хрущёв согласен с назначением Вас в Краснодар и считает, что это будет для Вас хорошей хозяйственной школой, поскольку, по его мнению, Вы несколько оторвались от жизни.

Через два дня на том же самолёте, которым доставили в Москву супругу и вещи Полянского, я вылетел к месту моей новой работы.

Нефть и сахар

В Краснодаре, в крайкоме партии меня приняли радушно и тепло, и в дальнейшем всегда помогали.

Поселился я на Красной улице, вблизи здания местного совнархоза. Среди его сотрудников я встретил много старых знакомых, людей, знающих своё дело, готовых помочь мне всем, чем могли.

Предстояла огромная работа по развитию производительных сил края, подъёму добычи нефти и газа, и особенно по строительству сахарных заводов. Мой предшественник Д.Д. Королев, бывший помощник Микояна, не скрывал своей радости, что его отзывают в Москву, где и удобнее, и меньше забот. Здесь же в совнархозе дел было невпроворот. Повседневные проблемы переплетались с перспективными, а решать те и другие приходилось одновременно.

Опираясь на опыт работы в нефтяной промышленности, когда приходилось строить промыслы на голом месте, я каждый день, часов с шести утра, с двумя-тремя специалистами, которые обеспечивали стройки людьми и оборудованием, выезжал на строительство сахарных заводов, держал связь со всеми участками работ, вместе со всеми изыскивал средства для ускорения работ. Потом возвращался на «пульт управления» в совнархоз, где ждали меня люди, запросы, телеграммы, необходимость быстро принимать решения.

Всемерное содействие в решении «сахарной проблемы» на Кубани оказал мне Михаил Алексеевич Яснов — первый заместитель Председателя Совета Министров России. С ним у меня был постоянный контакт.

Работа по строительству сахарных заводов чрезвычайно увлекла меня, — и я, и мои товарищи с утра до ночи находились на стройках. В результате всего за три года вступили в действие 13 сахарных заводов и два завода были полностью реконструированы. Возле них мы построили благоустроенные посёлки для рабочих. Таких рекордно коротких сроков создания целой отрасли в отдельном регионе ещё нигде не знали, причём затраты окупились тоже быстро.

Когда я приехал на Кубань, там два заводика выпускали всего 40 тысяч тонн сахара, а по окончании строительства ещё 13 заводов - 800 тысяч, а затем и более 1 миллиона тонн в год. Вошли в строй за это время ряд машиностроительных заводов и других предприятий, возвели мебельный

комбинат — один из лучших в стране.

Большое внимание пришлось уделять и социальной сфере: в крае строилось много жилья, детских садов, прокладывались асфальтированные дороги. Благоустраивались Краснодар, другие города и посёлки края. В общем, дел и трудных, и самых разных было хоть отбавляй.

Но основным являлось развитие нефтяной и газовой промышленности Кубани, разведка и разработка новых месторождений. В результате добыча газа за годы работы совнархоза возросла с 1 миллиарда до 25 миллиардов кубометров в год, что позволило экспортировать «голубое золото» в другие регионы страны по новому газопроводу Кубань — Ростов — Донецк — Москва — Ленинград.

За время работы в совнархозе пришлось заниматься и другими вопросами хозяйства; львиная доля моего рабочего времени здесь, в крае неоглядных полей, густых садов и виноградников, уходила на сельское хозяйство и развитие пищевой отрасли. Благодатная земля Кубани издревле славилась обильными урожаями зерновых и других культур, вот почему пищевой сектор края занимал свыше 50 процентов всего хозяйства. На территории нашего экономического района находилось более 60 совхозов различных специализаций: по виноградарству, по производству фруктов и овощей, свекольные, зерновые и т.д.

При благоприятной погоде богатый кубанский чернозём позволял собирать небывалые урожаи зерновых, свёклы, фруктов. Но при засухе — значительно меньше. Такие перепады и не позволяли нам реализовать знаменитый лозунг кубанцев: «Догнать и перегнать Айову по производству кукурузы!»

Суть дела заключалась в том, что кубанцы, борясь за высокие урожаи «королевы полей», не учли всех особенностей штата Айова, где урожаи кукурузы достигали 50-55 центнеров с гектара, а на Кубани — всего 25-30. По моей просьбе специалисты проанализировали причины такого разрыва в показателях. Оказалось, что качество почв Айовы и Кубани, количество вносимых удобрений, солнечный градиент — идентичны. Но по количеству осадков разнятся сильно, — в Айове их выпадает в 3-4 раза больше, чем на Кубани. Это и сказывалось на урожаях кукурузы в Краснодарском крае.

Учитывая это, я на одном из пленумов крайкома предложил заняться более активно мелиорацией земель под посевы, используя для этого водоёмы сахарных заводов и тонкостенные трубы, изготавливаемые на местных предприятиях.

К сожалению, на моё предложение отозвался лишь секретарь Малороссийского райкома. На следующий день он пришёл в совнархоз, и

мы с ним обсудили, как и в какие сроки оросить 40 гектаров его угодий под посев кукурузы. Прикидывали и так, и эдак, спорили, доказывали друг другу целесообразность использования тех или иных способов, а вскоре приступили к делу. Проложили водопроводы к этому участку от насосных станций сахарного завода, сделали два полива: сначала в феврале, когда завод закончил переработку свеклы, затем в августе, перед началом переработки. И что же? К удивлению скептиков, урожай кукурузы оказался очень хорошим: на контрольном участке — 27 центнеров с гектара, а на нашем, орошаемом — 83 центнера, то есть в три раза больше!

Американский фермер Росуэлл Гарот отнёсся к успехам кубанских кукурузоводов с недоверием и приехал на Кубань, чтобы своими глазами убедиться, как всё обстоит на самом деле. Во многих местах он побывал здесь: на полях — взвешивал на руках весомые кукурузные початки, в конторах — дотошно выпрашивал цифры и сверял их со своими; встречался с крестьянами, с начальством, побывал и на наших 40 орошённых гектарах. Не знаю, убедили ли Гарота наши результаты в чём-нибудь, но опыт в Малороссийском районе выявил огромные возможности мелиорации земель. Оказывается, у нас, на Кубани, можно получать урожаи даже больше, чем в штате Айова.

Почти во всех южных районах страны кукуруза прижилась и давала стабильные урожаи в 60-80 центнеров с гектара; в средней же полосе страны, где климатические условия были хуже, лето короче, земли беднее — по 40-60 центнеров. Всё это способствовало тому, что табунов коней и овечьих отар становилось больше.

К сожалению, кукурузу решили сеять и на Севере, где лето короткое и кукуруза не успевала вызревать. Этим не в меру ретивым радетелям кукурузы говорили:

— Кукуруза — южное растение. Какой толк от неё на Севере? Не успевает вызреть и идёт на корм.

— Эге! — отвечали они. — Кукуруза — гордость Хрущева. Ну и что, если заваливаем ямы силосом? Так требуют. Не знаете, что ли, анекдот, что нашего узнали на Луне по тому, что посеял там кукурузу.

Внедрение этой культуры везде, во всех районах страны, нередко за счёт проверенных культур, вызвало в народе насмешки, пошли «кукурузные» анекдоты, самого Хрущёва стали звать «кукурузником».

В Краснодарском крае по существу заново были созданы газовая и сахарная отрасли, расширилось машиностроение, обновилась пищевая промышленность, заработали предприятия искусственной кожи, хлопчатобумажных изделий, значительно увеличилось производство

шампанских вин.

Но в тот период выявились и крупные недостатки в деятельности совнархозов: они тянули «одеяло» экономики каждый на себя. Это и было то самое «местничество» — порождение децентрализации, ведущей к хаосу, а позднее, в ельцинское время — и к распаду.

К чести Хрущёва надо сказать, что он довольно быстро понял свою ошибку, «рассыпав» единое хозяйство на составные элементы: экономика стала «делиться» на отдельные отрасли, отрасли — на отдельные производства.

И вот в 1962 году ЦК КПСС и Правительство приняли решение об укрупнении совнархозов. Так, на Северном Кавказе, где находилось шесть совнархозов, стал один — Северо-Кавказский совнархоз с центром в Ростове-на-Дону, и я им должен был руководить.

Опять новое назначение, снова снимай семью с обжитого места, снова в путь. В общем, чем не кочевье? Никто мне не звонил, никто меня не спрашивал, хочу ли я работать в этом совнархозе? Но я согласился. Мне очень нравилось трудиться в совнархозе. Почти за пять лет работы на Кубани я многому научился, и что особенно важно — принципу управления сразу несколькими отраслями.

Помню, когда я впервые в 1958 году приехал на «Абрау-Дюрсо», этот завод высококачественных шампанских вин производил 1,2 миллиона бутылок в год. С директором подробно обсудили, как расширить производство. Директор сказал, что самое главное, по его мнению, это построить подземный туннель, где можно выдерживать вино при 14-15 градусах Цельсия. Помогли метростроители Москвы. И завод стал выпускать 3,5 миллиона бутылок в год. Шампанское «Абрау-Дюрсо» считалось лучшим в мире. И не случайно королева Англии заказывала и покупала шампанские вина именно этого завода. (При Горбачёве этот уникальный завод стал выпускать лимонад и «шипучки» — так шла борьба с пьянством!)

Я и ныне с теплотой вспоминаю этот благодатный край, яркое его солнце, зелёные с обильными плодами яблоневые и грушевые сады, добросердечных людей. Здесь прошли мои зрелые годы.

За работу в Краснодарском крае, за несомненные успехи меня наградили орденом Трудового Красного Знамени, а за открытие и разработку газоконденсатных месторождений я был удостоен Ленинской премии.

Опыт работы на Кубани, непосредственно на месте, в столкновении с ежедневными мелочами, суетой, всей жизненной конкретикой

впоследствии очень пригодился мне в период деятельности в Госплане СССР.

А пока я наскоро собрался и вместе с небольшой группой работников, которых хорошо знал как честных людей и отличных специалистов, прибыл в Ростов-на-Дону руководить Северо-Кавказским совнархозом.

В марте 1963 года мне в Ростов позвонил П.Н. Демичев — тогда он был председателем Бюро ЦК по химии:

— Срочно возвращайся в Москву. С тобой хочет побеседовать Никита Сергеевич.

— По какому поводу?

— Я не могу тебе сказать... — замешкался он.

Летел я и думал, зачем меня так спешно вызывают, с чем это связано, ведь и трёх месяцев не прошло, как меня назначили председателем Северо-Кавказского совнархоза.

Надо признать, что Хрущёв при всём своём максимализме умел признавать свои ошибки и считаться с фактами и, как я уже писал, в 1962 году пошёл на значительное укрупнение совнархозов. Теперь Северо-Кавказский совнархоз объединял шесть совнархозов этого региона, равного по своей территории Франции. Понятно, что мне предстояла более сложная и трудная работа, чем раньше, о чём я никогда не забывал.

Хорошо мне запомнились приезды Хрущёва на Кубань. Встречи были мимолётными, разговоры — на ходу, два-три вопроса, все мельком, проходя. Он окружён хлопотливой толпой сопровождающих его высокопоставленных лиц.

Запомнился его пристальный, со стальной прищуркой взгляд, а то искоса внимательно взглянет, словно пытается определить, не держу ли я на него обиды.

Запомнилась и настороженность Полянского в его первый приезд в Краснодар, и нескрываемая радость при последнем посещении.

— О-о-о, Николай Константинович! — радостно пожимал он мою руку. — Какую большую работу провели. Знаете, как Никита Сергеевич этим доволен!

Значит, Хрущев интересовался моей работой, моими делами. Так зачем же он меня вызывает?

...Хрущев поднялся из-за стола и, чуть переваливаясь, сделал несколько шагов навстречу мне. Простодушная улыбка тронула его губы, приветливо протянул мне руку — вся его коренастая фигура излучала добродушие и простоту. Присели.

— Вы проделали большую работу, — с внушительным,

государственным выражением лица произнёс он. — Хотел бы назначить Вас председателем Госкомитета по химии.

Это было так неожиданно для меня, что я даже растерялся — химией я никогда не занимался, и я проговорил, не очень выбирая слова:

— Никита Сергеевич, не трогайте меня, мне там нравится, тем более что мы организовали региональный совнархоз.

Хрущев пытливо посмотрел мне в глаза:

— Вы что, обиделись, что ли, на меня, когда я Вас освободил тогда от Госплана и послал на Кубань?

— Наоборот, спасибо Вам! — искренне, как мог, отозвался я. — За пять лет я очень многому научился. Никита Сергеевич, не трогайте меня, — повторил я опять. — До этого я знал только газ и нефть, а теперь я знаю, как варить сахар, делать шампанское, как сеять кукурузу и пшеницу.

— Нам Ваши заслуги известны, — сухо перебил он меня. — И что Вы принципиальны тоже знаем. Мы же с Вами не расставались... Вас назначили Председателем Госплана России, но Вы повели себя не так, как нужно.

— Я вёл себя так, как подсказывала моя совесть, — в тон ему, в объяснение его упрёка, сказал я.

— Вы что? — спросил с некоторым раздражением Хрущев. — Думаете, что ли, отказаться!?

Хрущев начал сдаваться — был он всё же отходчивым человеком. И я, поблагодарив его за лестное предложение, сказал:

— Нет, я не могу отказаться. Если я нужен здесь, то остаюсь. Но председателем Госкомитета по химии? Увольте, я же не химик!

— Но Вы же нефтяник и занимались добычей нефти и газового конденсата, а это — ценное сырьё для химической промышленности.

(Конденсат — действительно прекрасное сырьё для производства бензина, ксилола, этилбензола, из которых вырабатываются пластмассы, капрон и другие синтетические материалы.) Как выяснилось, Хрущёв внимательно следил за моей работой в Краснодарском крае. Читал он и мою статью в одной из центральных газет, в которой я доказывал настоятельную необходимость создания нефтеперерабатывающего комбината на Кубани, где стоимость нефтепродуктов будет в два-три раза ниже, нежели в других регионах.

Поговорили о совнархозах, — это долгое время была любимая тема Хрущёва, — о том, что они разбудили инициативу на местах. Полтора часа длился разговор. В кабинете было душно. Хрущёву уже четыре раза приносили соки, и он жадно утолял свою жажду. Мне же даже чашку чая

забыл предложить. Знаменательная деталь, говорящая о «народности» вождя...

Итак, в марте 1963 года я приступил к исполнению обязанностей Председателя Государственного комитета по химии при Совмине СССР, а в 1964 году по моей просьбе был назначен Председателем Государственного комитета по нефтедобывающей промышленности при Госплане СССР.

Работа в Госкомитетах представляла для меня большой интерес, так как теперь я стоял ближе к делу своей жизни — к нефти и газу и вплотную мог заняться внедрением новых технологий в этих отраслях.

Главным направлением деятельности Госкомитета по химии был контроль за химизацией народного хозяйства, о чём постановил ещё майский пленум ЦК в 1958 году, развитие производства минеральных удобрений и химических средств защиты растений... Но были и другие проблемы.

В центральные органы стали вдруг всё чаще поступать жалобы об отсутствии реактивов и реагентов, необходимых для изыскательских работ. Нашему Госкомитету надо было подготовить предложение по решению этого вопроса, чтобы помочь производству. Собрал я специалистов и обратился к ним с просьбой: «Подумайте и скажите, что здесь можно сделать?». Все почти в один голос — ведь вопрос давно наболевший! — стали объяснять: «Чтобы создать базу расширенного производства, нужно 19 совнархозовских предприятий отдать нашему Госкомитету!».

Наше предложение поддержали все инстанции, и я внёс его в Президиум ЦК КПСС.

Никита Сергеевич на том заседании Президиума был чем-то очень недоволен, даже взвинчен, а когда дошли до нашего вопроса на его широком лице появилась гримаса:

— Ну, что будем делать с предложением Байбакова? — И он обвёл взглядом членов Президиума.

— Правильное предложение! — поддержали почти все меня. — Так и нужно!

Но вдруг Г.И. Воронов, председатель Совмина РСФСР, резко вскинул голову:

— А я считаю, что это недопустимо!

Воронов был из тех людей, кто не молчал и всегда имел своё мнение. Он явно был заинтересован, чтобы эти 19 предприятий оставались в его ведении. И потому был не только против передачи их нашему комитету, но и обвинил, с расчётом на реакцию Хрущёва, меня в том, что я веду подкопы под совнархозы.

— Это безобразие! — возмущался он, глядя в сторону Хрущёва просительно и цепко. — Это начало развала совнархозов! Сегодня заводы по производству реактивов этому Комитету, а завтра своего потребуют и другие Комитеты.

Хрущев изменился в лице и перебил выступавшего:

— А мы что, не знаем, чьих рук это дело? Вот сидит товарищ Байбаков! Его телега переехала, но не задавила. Вот он и продолжает разрушать совнархозы, ведя работу по их дискредитации.

Трудно передать словами, что чувствует человек, когда на него возводят напраслину. В такие моменты очень нужна поддержка честных единомышленников. Но члены Президиума, только что бурно поддерживавшие меня, молчали, как воды в рот набрали, все старательно отводили глаза в сторону. А Демичев — один из активнейших сторонников этого проекта, протолкнувший его «наверх», теперь как бы отстранился от меня, отгородился непроницаемой маской на лице, мол, он-то к этому делу не причастен.

— Пал Нилыч, что же вы? — спросил я его, на что-то ещё надеясь.

Но Демичев молчал и в испуге покосился в сторону Хрущёва, боясь, что тот увидит, как я с ним переговариваюсь. Что-что, а в числе моих единомышленников ему теперь никак не хотелось оставаться. Это уже начинал действовать «хрущёвский стиль» руководства.

Наше предложение не прошло. На том обсуждение и закончилось. Может быть именно тогда с особой силой был явлен мне этот новый стиль руководства: как скажет вождь — так и ты ему вслед говори.

Я хорошо понимал: после того, что произошло на этом заседании, да и учитывая мои взгляды, подходы и характер, мне вряд ли сработаться с Хрущёвым, примириться с его сумасбродством и бестолковой стихийностью действий.

По тому, как затем менялись мои взаимоотношения с секретарями ЦК и членами Президиума, я чувствовал, что вокруг меня опять сгущались чёрные тучи. Хрущёв считал, что я упорно веду прежнюю политику возврата к старой, ведомственной системе. Ведь переход хозяйственных предприятий в подчинение Госкомитету означал бы возрождение министерства, — значит этот «плановик Байбаков» тянет назад, к «ведомственной экономике» (был в те годы и такой термин!). Не забыл я и язвительно-грубую фразу: «Его телега переехала, но не задавила!».

И теперь всё чаще и чаще стали вокруг поговаривать о разделении нашего Комитета на два: по химической промышленности и по нефтяной. Подумал: «Наконец-то предложение сочли целесообразным!». Но на всякий

случай предупредил супругу, что Хрущёв обязательно «вышибет» меня и нам следует готовиться (решил по наитию) в Западную Сибирь в «Главтюменнефтегаз». Но ошибся! Меня назначили председателем Комитета нефтедобывающей промышленности. Я со спокойной душой взял отпуск и поехал с женой в Сочи.

Как-то в санаторий, где мы отдыхали, позвонил Николай Григорьевич Игнатов — он был тогда Председателем Верховного Совета России — и пригласил к себе на дачу, мол, нужно повидаться перед его отъездом в Москву.

Я познакомился с ним ещё в 1939 году, когда он был секретарём Куйбышевского обкома партии, а я — начальником объединения. При встречах Игнатов всегда интересовался нашими разработками, связанными со строительством нефтеперерабатывающего завода в Куйбышеве. Как человек, привыкший жить в гуще событий, он не терпел кабинетных людей и всегда был полон новых идей. Он первым поддержал бригадный подряд, договорные отношения с колхозами и совхозами, — тогда он руководил Госкомзаготовок СССР.

В Краснодаре мне рассказывали: когда проходил субботник на трамвайных линиях ул. Красной, Игнатов, будучи секретарём крайкома, тоже пришёл в рабочей спецовке и весь день работал наравне со всеми, что, конечно, понравилось многим.

Итак, я пришёл на этот раз один, без жены, в гости к Игнатовым; здесь уже были секретарь Краснодарского крайкома Воробьев и председатель крайисполкома Качанов. Словом, пришли люди, которые когда-то работали в Краснодарском крае, так или иначе были связаны с ним.

Разговор сразу пошёл о делах насущных, волнующих край, — об урожаях кукурузы, свёклы, о причинах «охлаждения» кубанцев к кукурузе. Игнатов вспомнил, как по жёсткой команде из Москвы их заставили растить хлопок и во сколько это обошлось государству. Краснодарцы, смеясь, вспоминали:

— А что делать? Николай Григорьевич только и спасал край «партизанскими» методами. Цены на рынке держал под контролем. Не позволял драть с жителей «три шкуры».

Каждому было что вспоминать. Дела, дела... Даже наши жены давно привыкли к тому, что мы только о производстве и говорим. Спohватившись, уселись за стол.

Утром следующего дня Воробьев и Качанов поехали в Пицунду, где в то время отдыхал Хрущёв.

А.И. Качанов после рассказывал мне:

— Хрущёву доложили: «Приехали, мол, Качанов и Воробьев, привезли индюшат», а он никак не принимает. Два часа сидели на первом этаже особняка, все ждали приёма, не зная, что и подумать. А когда Хрущев спустился вниз, не пожал руки ни мне, ни Воробьеву. Туча тучей, смотрит на нас:

— Где вы вчера были?

— Были в Сочи у Игнатова. Он приглашал нас на ужин в связи с отъездом.

— А кто был ещё?

— Ну кто? Сам Игнатов, Байбаков...

— А-а-а, тогда всё ясно. Ну и что там болтали обо мне?

— Мы ничего там не говорили о Вас, Никита Сергеевич.

— Увиливаете. Проваливайте к черту!

Вот и теперь, спустя более тридцати лет, задаю себе вопрос: почему Хрущёв думал, будто я что-то плохое против него замышляю?...

С Николаем Григорьевичем Игнатовым мы встречались нечасто. В последний раз видел его года за два до сочинской встречи. Он, как Председатель российского Верховного Совета, приехал в Краснодар вручить правительственные награды. Его тогда очень интересовало, сколько получили кубанцы на трудовень. Обычно люди такого ранга не спрашивали о таких «пустяках». Мой ответ его обрадовал. Удивило его и то, что мы за короткий срок построили 13 сахарных заводов. Чувствовалось, что это не «дежурные» вопросы, а глубоко волнующие Игнатова, так как беседа была частной, на даче за столом для гостей. И я, «вдохновленный его вниманием», рассказал о том, как мы построили в Новороссийске нефтеналивной причал, что Аджиский газобензиновый завод сооружается с большими трудностями — не хватает средств и материалов. Игнатов обещал помочь (и помог!).

Больше мы не виделись, но я сохранил навсегда к нему симпатию за прямоту, за отзывчивость и умение держать слово. И вот — Сочи... Разве мог я, хоть и «опальный», отказаться от такой встречи?

Потом, гораздо позже я узнал, что Хрущёв на основании каких-то известных ему слухов и сведений, полученных от коменданта санатория «Россия», где отдыхал Игнатов, распорядился начать против нас следствие. Как-то не верилось в такую мелочную злобность, ведь Хрущёв казался мне широкой натурой. Да и тот факт, что он разоблачил на XX съезде «подозрительность» Сталина, должен был свидетельствовать о том, что сам Хрущёв осуждает подобное, как и всяческие доносы. Так я думал.

Однако все оказалось иначе. В публикации «Огонька» (№ 40-43 за

1988 год) «Пенсионер всесоюзного значения» сын Хрущева — Сергей подробно описывает, как бывший начальник охраны Игнатова Голуков звонил на квартиру Хрущёва и, попав на сына, заявил: «Мне стало известно, что против Никиты Сергеевича готовится заговор! Об этом я хотел сообщить ему лично. Это очень важно. О заговоре мне стало известно из разговоров Игнатова. В него вовлечён широкий круг людей».

И вот в автомобиле Сергея Хрущёва Голуков информирует его о встрече в Краснодаре: «Вечером того же дня приехали Байбаков, Качанов, Чуркин и другие руководители...».

А вот информация бдительного «слухача» о другой встрече: «Чуть позже приехал Байбаков. Все вместе сели завтракать. После завтрака Байбаков заторопился по делам и уехал, а остальные пошли гулять в парк».

Как видим, здесь несколько раз упоминается моё имя. Скажу прямо, я был далёк от этого, даже из приведённого текста видно. Если и организовывался заговор, то на самом высоком уровне — Президиума ЦК, а я к тому времени был выведен из состава ЦК. Некоторые считают, что, поскольку я был у Хрущёва в опале, то должен был быть настроен резко отрицательно к нему. Но это не так. Несмотря на то, что он меня «не только переехал телегой», я по-прежнему считаю его во многом смелым и активным руководителем страны, не путаю плохое с хорошим. Он искал новые пути и формы хозяйствования, подчас сумбурно и поспешно, но никто его не остановил, не объяснил, а напротив, иные непродуманные решения его принимались на Президиуме ЦК единогласно. По-моему, он стал в чём-то заложником собственного стиля руководства, когда соединил в одном лице все главные посты государства, забыв, что за то же самое он уже критиковал Сталина.

Спустя много лет, в приватной беседе с министром обороны Д.Ф. Устиновым я напомнил ему, как Хрущёв, указывая на меня перстом, сказал о телеге, ещё не задавившей меня. На что Устинов сочувственно заметил: «Э-э-э, да ты, видимо, не знаешь всего... Против вас было затеяно дело. Вроде ты вместе с Игнатовым готовишь заговор против Хрущёва».

Не знаю, было ли такое дело, меня никогда никуда не вызывали, а вот Устинов, оказывается, знал. Он в то время был первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Как выяснилось позже, не Игнатов и Шелепин были основными фигурами, устранившими Хрущева от власти, а Брежнев и Подгорный, — люди ближайшего его окружения, друзья, бывавшие у него дома как свои. Поддакивающие «первому» соратники толкали его на неверные шаги, оставаясь при этом в тени.

Сейчас, когда шахтерам по полгода не выплачивается зарплата, когда

они выходят и перекрывают Транссибирскую железнодорожную магистраль или, как на Воркуте, спускаются в забой от отчаянья и объявляют бессрочную голодовку, я поражаюсь терпению шахтеров, работающих в тяжелейших и опасных условиях за «ничто».

В этой связи вспоминаю посещение шахт Донбасса (в 1956 и 1980 годах).

В Донбасс я приехал по поручению главы правительства Н.С. Хрущёва.

Вызвав к себе в кабинет, Никита Сергеевич сказал:

— Вот Вы, как Председатель Госплана, должны побывать в Донбассе, спуститься в угольные шахты и выяснить причины надвигающейся забастовки шахтёров и представить свои предложения о предотвращении её.

— Я нефтяник, — ответил я Хрущёву, — и мне трудно будет разобраться в причинах назревающей забастовки. Это нужно сделать руководящим деятелям угольной промышленности...

Я сослался на угольную промышленность, хотя тогда министерство этой отрасли было уже ликвидировано.

— Побывайте в шахте и поймёте сами, что нужно сделать, — настойчиво повторил Хрущев.

И вот, прилетев в Донбасс, я спустился в одну из глубоких шахт, где добывали коксующийся уголь. Условия работы здесь были тяжелейшие: мощность угольного пласта не превышала одного метра, и шахтёрам приходилось работать в очень стеснённых условиях, что я испытал на себе, находясь в этой шахте. Весь потный, я поднялся наверх, принял душ и провёл беседу с шахтёрами и украинскими властями.

В Москве я представил Н.С. Хрущёву докладную записку и предложения о необходимости улучшения условий работы шахтёров и повышения их зарплаты. Предложения были приняты и сыграли положительную роль.

Второй раз я побывал в Донбассе вместе с главой украинского правительства А.И. Ляшко и Госплана Украины В.А. Мо-солом, и ещё раз убедился, как трудна и опасна для здоровья и жизни шахтёрская работа. Бывал я и в шахтах Норильска и Воркуты.

По данным Госгортехнадзора России, на угольных шахтах только в одном 1995 году погиб 221 человек, произошло 94 аварии, 15 из которых сопровождались взрывом метана.

При всех неровностях и «загибах» своего запальчивого характера, самоуправства и т.д., Хрущев «по обязанности» всё-таки заботился о

тружениках, о шахтёрах, людях опасной профессии.

И это — положительное в его деятельности.

Но подлинное его лицо, которое он тщательно прятал от всех, мы узнаём только сейчас. Он тщательно уничтожал все документы, свидетельствующие о его палаческой деятельности. Так, летом 1957 года к директору Института партии МК и МГК КПСС Г.Д. Костомарову, нашедшему в архивах документы о расстрелянных с подписями Хрущёва, приехали его помощники и изъяли их. А вот данные его кровавой деятельности.

«Комиссия Политбюро ЦК КПСС, занимавшаяся изучением репрессий 30-40-х годов, в своей записке от 25 декабря 1988 г. (опубликовано только в 1995 году) установила, что при руководстве Хрущёва в Московской парторганизации был репрессирован в 1936-1937 гг. 55 741 человек. Приехав на Украину и став там первым секретарём ЦК в 1938-1940 гг., он способствовал уничтожению 167 585 человек» (Хрестоматия по отечественной истории 1948-1995 гг. — М., 1996. С. 317). Мало кто знает, что из-за Хрущева Москва лишилась многих своих культурных и исторических памятников. Разобраны церковь Никола — Большой Крест на Ильинке, Варварские ворота. Он издал постановление о сносе Сухаревой башни.

Он же был инициатором и разработчиком Указа Верховного Совета СССР от 2 июля 1948 года «О выселении в отдалённые районы лиц, злобно уклоняющихся от трудовой деятельности...», по которому было отправлено на спецпоселение 33 266 человек плюс 13 598 членов семей, следовавших за поселенцами.

Не зря журналист Сергей Константинов назвал одну из своих статей о Хрущёве «Кровавый кумир шестидесятников».

Бывший заместитель начальника 9-го управления КГБ СССР (Охрана высших должностных лиц) Герой Советского Союза Михаил Степанович Докучаев рассказывал, что Хрущёв поклялся отомстить Сталину после того как тот «отклонил его просьбу о помиловании его сына Леонида — лётчика, совершившего тяжкое преступление. Хрущев на коленях, рыдая, бился в конвульсиях у ног Сталина, но вождь был неумолим» («Труд», 23 января 1998 г. Интервью с Николаем Зеньковичем). «А ведь инициатором репрессий против семей бойцов и командиров, попавших в плен, вместе с Щербаковым и Маленковым был он, Хрущёв. Не взял Никита Сергеевич в толк и того, что Сталин отказался спасти собственного сына Якова Джугашвили путём обмена на Паулюса».

Такова правда о Хрущёве, исторический грим смыт с лица этого

человека, миф о его добрячестве развеялся, остались одни его дела, порой нужные, но и жуткие, и отвратительные по своей сути и лжи.

Таков человек и деятель — Никита Сергеевич Хрущев — предшественник и один из ранних разработчиков «перестройки» под псевдонимом «хрущевская оттепель».

Глава пятая

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

В экономическом штабе страны

Итак, к власти пришли новые люди: смена лиц — смена декораций эпохи.

В августе 1965 года меня вызвали в ЦК в кабинет к Брежневу, где уже находился А.Н. Косыгин.

— Возвращайся в Госплан! — сразу же объявил Брежнев так, словно вопрос был давно решён.

Я отказался, сославшись на то, что на этой должности уже работал и был освобождён, как не справившийся.

— Иди и работай! — повторил с нажимом Брежнев и дружески добавил. — А о твоих способностях не тебе судить.

Я продолжал отказываться, мол, слишком долгий перерыв в этой работе, трудно включаться в тяжёлое дело. Но Косыгин, выслушав мои доводы, заметил, что, напротив, проработав в совнархозе пять лет, я приобрёл ценный опыт, прошёл солидную школу управления различными отраслями промышленности и сельским хозяйством и мне не следует отказываться.

Разговор происходил за чашкой чая, как говорится, в доверительной обстановке. Брежнев рассказывал о трудном положении дел в стране, о том, что необходимо усилить централизацию управления и планирования, так как предстоит ликвидация совнархозов и восстановление министерств.

— Не только я, но и другие товарищи, — сказал Леонид Ильич, поглядев на Косыгина, — думали о Вашем перемещении. А то, что Вас сместили, — это не оттого, что не справились с работой, просто Ваши взгляды разошлись с хрущёвскими.

Косыгин внимательно и, как мне казалось, одобрительно слушал Брежнева, позвякивая ложечкой в своей чашечке чая.

— Впрочем, — заметил Брежнев, — Никита Сергеевич хорошо отзывался о твоей работе в Краснодарском совнархозе.

Очевидно, это было правдой, так как сам же Хрущёв назначил меня председателем укрупнённого Северо-Кавказского совнархоза, а затем перевёл в Государственный комитет по химии.

Разговор шёл непринуждённый. Доброжелательный Брежнев, видимо, уловил, что я не откажусь от поста. Не скрою, у меня было желание вернуться к прежнему, любимому делу — нефтяной и газовой индустрии. Но мне доверяют ответственный пост, где я должен определять

направления развития всей советской экономики, находить наиболее эффективные решения.

Я, конечно же, согласился.

А затем Косыгин ввёл меня в курс дел, выделив первоочередные задачи. Речь шла о серьёзной перестройке структуры Госплана.

Слушая Алексея Николаевича, с которым я впервые общался вот так близко, его неторопливые слова, вдумчивые обобщения, я невольно восхищался не только его простотой и сдержанностью, но и глубиной его экономического мышления. Я понимал, что передо мною самый крупный и эрудированный государственный деятель из всех, кого я знал. Он обладал многогранными знаниями в лёгкой и пищевой промышленности, финансах, экономике и планировании. Я был знаком с ним ещё со времен Отечественной войны, но знал его как бы со стороны, издали. Теперь же узнал ближе.

Понятно, что особое внимание Косыгин уделял деятельности Госплана, как важнейшего органа страны. Выступая перед его работниками в декабре 1972 года, он говорил:

— Госплан — это генеральный штаб страны в области экономики... Особенно важна роль Госплана в обеспечении пропорционального развития народного хозяйства и в повышении уровня сбалансированности плана...

А это, считал он, способствует росту производства, пропорциональному развитию его. Он был последовательным сторонником научно-технического прогресса. По его мнению, будущее страны решат наука и техника, которые надо планомерно и всемерно развивать. По инициативе А.Н. Косыгина Госплан стал разрабатывать специальную программу по внедрению в хозяйство новой техники и технологии. К этой работе были подключены Госкомитет по науке и технике, Академия наук СССР. По инициативе Косыгина создали вычислительный центр при Госплане, без которого в современных условиях мы работали бы по старинке. Забот у нас прибавилось, но работа пошла быстрее и стала качественнее. По предложению А.Н. Косыгина начальник вычислительного центра был одновременно назначен зампредом Госплана СССР.

Косыгин сам строго следил от начала до конца за нашими проектами, скрупулёзно изучал документы и нередко с точными пометками возвращал на доработку. Особо требовал соблюдения правильного соотношения производительности труда и заработной платы. Следует отметить, что при Косыгине за все годы без исключения не было роста заработной платы без опережающего роста объёмов производства. Это достигалось в результате

того, что деньги выдавались только под те задания, которые могли обеспечить повышение производительности труда, что очень улучшало снабжение страны товарами.

Пятнадцать лет проработал я в тесном контакте с Алексеем Николаевичем. Как водится, за столь большой срок случалось всякое. При мне не раз обсуждались очень острые проблемы развития государства, в том числе внешнеэкономических связей. И всегда Косыгин вдумчиво вникал во все вопросы, советовался со специалистами и прежде, чем поставить подпись, взвешивал все «за» и «против». Он не раз говорил мне:

— Ты, Председатель Госплана, до принятия решения взвесь все позитивные и негативные стороны дела. Ошибка директора предприятия может обойтись государству в тысячи рублей, ошибка министра — в миллионы, оплошность же Председателя Госплана или Совмина — в миллиарды рублей.

Приведу пример осмотрительности Алексея Николаевича. В начале 1970-х годов по заданию ЦК мы подготовили проект широкого производства микробиологического белка из парафинов нефти (БВК) для откорма птицы и скота. Эта проблема и доныне окончательно не решена. А дело архинужное, так как нехватка белка и аминокислот в кормах приводит к перерасходу 25-30 миллионов тонн зерна, время откорма возрастает более чем на треть.

Эта проблема стояла давно, так как опытное производство БВК началось ещё в 1965 году.

И вот, обсудив вопрос с соответствующими министерствами, Академией наук и Минздравом о безвредности белка из парафинов, Госплан представил в Политбюро проект.

На заседании все члены Политбюро одобрили его, кроме Алексея Николаевича, который счёл его преждевременным, так как, по его мнению, БВК не прошёл всестороннего испытания, безвредность его под вопросом. И хотя президент Академии наук А.П. Александров и министр здравоохранения Б.В. Петровский утверждали, что опыты проведены и нет никаких отрицательных последствий, Косыгин всё же от своего мнения не отступил.

Когда начался производственный выпуск этих белков, то, например, в г. Кириши под Ленинградом часто происходили выбросы ядовитых отходов. Сотни людей тяжело заболели, особенно дети. После протестов населения завод был остановлен. То же самое произошло и в других местах. Оказался прав Косыгин.

Или, к примеру, проект переброски сибирских рек в Среднюю Азию.

Косыгин считал, что это нанесёт невосполнимый ущерб экологии. После смерти Косыгина против этого проекта выступили известные писатели во главе с С. Залыгиным и В. Распутиным, широкая общественность, и работы были прекращены.

«Чёрное золото» и газ Сибири становились основной базой топливно-энергетического комплекса страны, крупным источником валюты. Тогда и развернулась острая борьба за выбор наиболее эффективного направления прокладки газопровода из Западной Сибири. Косыгин сам вылетал на место, в Тюменскую область, чтобы убедиться, какой вариант выгоднее: северный — по малоосвоенной территории или южный — по густонаселенным районам.

Не могу не вспомнить о забавном случае. Наш вертолёт приземлился в двухстах метрах от разведочной буровой. А день был морозный, ветреный, и мы, пока дошли до буровой, обморозились. Взглянув на Алексея Николаевича, я увидел белое пятно на его щеке и посоветовал растереть его снегом. Он, в свою очередь, посмотрел на меня и пальцем показал на мои белые уши. Смеясь и морщась, мы растёрлись снегом. Уши мне жгло, как кипятком. За обедом в столовой мы продолжали посматривать друг на друга, улыбались, указывая: он мне — на уши, я ему — на щёку, которые в тепле из белых стали огненно-красными. До того доверчиво и открыто смеялся Алексей Николаевич, что невольно думалось: «Какой хороший человек рядом!».

И только вернувшись в Москву, и ещё раз внимательно рассмотрев варианты трасс, он принял решение.

Косыгин собирал совещания обычно в Совете Министров, и мы, сойдясь в «предбаннике», где шла подготовительная работа, вели деловые беседы с непосредственными исполнителями. Сюда приходили референты, консультанты, заведующие. Любой вопрос, который предстояло обсудить на Президиуме, рассматривался здесь досконально. По ходу дела Косыгин задавал множество вопросов. «Вы точно знаете?» — обычно спрашивал он министра или его заместителя, искоса взглянув на него цепким взглядом. К тем, кто не был готов сразу дать чёткий, вразумительный ответ, но обещал узнать, а затем и доложить обо всем ему, Косыгину, Алексей Николаевич относился сдержанно и терпимо. Однако он жёстко выражал своё недовольство, если перед ним «финтили», изворачивались, стараясь скрыть свою неосведомленность. Но я не помню ни одного случая, чтобы Косыгин был грубым, предвзято настроенным, тем более, чтобы оскорбил кого-то. Он был сдержан, спокоен, не любил панибратства и не давал повода к этому.

Могу сказать: смысл жизни Косыгина заключался в работе. Даже на прогулках в Кисловодске, в дни отпуска, или в командировках по стране или же за рубежом разговоры мы вели, как правило, о делах. За много лет ни я, ни другие его заместители, которые жили в одном доме по Воробьёвскому шоссе, ни разу не бывали в его квартире. И только дважды, в его два последних юбилея я побывал у него на даче. За праздничным столом, после одной-двух рюмочек коньяка, он несколько «раскрывался». От внешней суровости не оставалось и следа, он искренне улыбался, лицо светлело от душевной теплоты, и он становился в чем-то похожим на человека, пришедшего с приятного свидания.

Бывая вместе с Алексеем Николаевичем на заседаниях у Брежнева, я замечал, что Леонид Ильич бросает на меня выразительный взгляд, как на «косыгинца». Я и в кабинете у Генсека не скрывал, что мне нравится, как твёрдо и прямо отстаивал Косыгин свои мысли и решения, как остро и неожиданно он реагирует на каверзные вопросы. Брежнев, уже отяжелевший и привыкший к славословию, слушал его вполуха, ревниво поглядывал на своих прирученных соратников и хмурился, когда видел внимательно слушающего. Всем здесь было понятно, что Брежнев, а не Косыгин «хозяин страны», что Косыгин у него не в особой чести, поэтому нередко обсуждали крупномасштабные косыгинские выступления поверхностно и бегло.

Вспоминаю, что после подобных заседаний Косыгина буквально трясло от возмущения, от того, как непродуманно и поспешно принималось решение по той или иной важной проблеме. Но, увы, один, без поддержки всемогущего Политбюро, Алексей Николаевич практически ничего не мог сделать по ряду актуальных вопросов.

Брежнев все больше и больше отстранялся от рассмотрения планов и государственных программ, — то ли ему было скучно, то ли силы начали сдавать. Скорее, не понимая всей сути дел, он завидовал уму Косыгина, его знаниям и подлинному авторитету. Между ними возникла незримая, психологическая напряжённость, которая всё нарастала, хотя внешне это особо не проявлялось. При Брежневе роль Политбюро, ещё недавно полновластная, стала ослабевать. Немало совместных решений Политбюро и Совмина, громкие постановления исполнялись плохо. Возникали новые проблемы, накапливались незавершённые дела. Во многих отраслях снижались дисциплина и контроль.

Как-то летом 1976 года на даче в Архангельском Алексей Николаевич решил проплыть на лодке по Москве-реке. Он грёб напористо, и вдруг — солнечный удар. Косыгин потерял сознание, лодка перевернулась, но его

успели спасти. Пришлось Алексею Николаевичу месяца два провести в больнице и санатории. Без него делами Совмина занялся малоэрудированный в этом Тихонов, давнишний, ещё с днепропетровских времен, друг Брежнева и его протее.

Вернулся Алексей Николаевич в Совмин к прежней активной работе вроде и прежним, но более замкнутым, что ли. Однажды, обдумав и подписав какой-то документ по здравоохранению, он странно посмотрел на меня долгим взглядом и начал беседу на неожиданную тему. Он любил иногда поговорить на отвлечённые темы, вероятно, чтобы снять напряжение. На сей раз после длительной паузы он вдруг спросил:

— Скажи, а ты был на том свете?

Мне стало чуть-чуть жутковато, и я ответил, что не был, да и не хотел бы там оказаться.

— А я там был, — с грустноватой ноткой отозвался Алексей Николаевич и, глядя перед собой отрешённо, добавил:

— Там очень неудобно...

Что-то помешало продолжению этого мистического разговора, но хорошо помню, что состоялся он вскоре после его болезни. У меня сложилось впечатление, что именно после этого нелепого случая с лодкой здоровье Косыгина надломилось. К тому же обострились отношения с Брежневым, Черненко, Тихоновым. За первым инфарктом последовал второй в октябре 1980 года, а в декабре Алексея Николаевича не стало. Я уверен, что смерть А.Н. Косыгина была ускорена внешними факторами, хотя первое время они явно не проявлялись. Формально ему было поручено сделать на предстоящем съезде партии доклад об очередном пятилетием плане. По традиции для подготовки проекта доклада была создана небольшая рабочая группа, в которую вошли некоторые видные ученые (академик Л.И. Абалкин и работники аппарата Совмина). Возглавить рабочую группу Алексей Николаевич поручил моему заместителю Н.П. Лебединскому.

В установленное время проект доклада был готов, и над ним начал работать сам докладчик, который ещё не совсем оправился от инфаркта и находился в больнице. Однако он увлёкся работой, и чувствовалось, что это благотворно влияет на его выздоровление. До съезда оставалось ещё недели две. Больше половины доклада было готово, и дело успешно продвигалось к концу. Косыгин был в хорошем настроении, с увлечением трудился, и его дочери Людмиле приходилось вмешиваться, чтобы ограничить нагрузку отцу. И вдруг выходит решение об отставке премьера «по состоянию здоровья». Для Косыгина это, видимо, оказалось полной

неожиданностью и окончательно надломило его.

Я был одним из тех, кто стоял у гроба Косыгина. О чем я думал, что вспоминал в эти тягостные минуты? Конечно, первое наше знакомство, его мягкие и строгие манеры, глубокая, слегка стеснительная улыбка, странный вопрос: «А ты был на том свете?». Но больше всего — долгие годы дружной, напряжённой работы, где проявлялся его государственный ум, стойкость в убеждениях человека с большой буквы. Человека, который, не щадя себя, непоколебимо стремился удержать страну, её экономику, жизненный уровень, от тихого сползания в пропасть, куда подталкивали технологи «застоя».

Я хотел рассказать только то, чему сам был очевидцем. Другие, знавшие Алексея Николаевича, вероятно, могут отметить иные особенности его ума и характера. И, может быть, тогда и сложится цельный образ главы нашего Правительства 1960-1970-х годов.

В Центральный дом Советской Армии проститься с Косыгиным пришли сотни тысяч людей. Часов в шесть вечера доступ к телу решили прекратить: видимо, на Старой площади не хотели придавать большого значения траурной церемонии, ведь Косыгин уже не был членом Политбюро и Председателем Совета Министров страны, его просто и равнодушно перевели в разряд пенсионеров.

По улицам, прилегающим к Центральному дому Советской Армии, тянулись и тянулись нескончаемые вереницы людей, желавших проститься с Алексеем Николаевичем, которого все искренне уважали и любили. И когда объявили, что печальный ритуал заканчивается, народ возмущённо зашумел. Тогда траурное прощание продлили на четыре часа. Но и наутро, до начала официальной церемонии похорон, поклониться праху Косыгина снова пришли тысячи людей.

Так закончилась целая эпоха «косыгинских реформ». И наступил подлинный, а не сочинённый борзыми либералами «застой». Рядом с немощным, впавшим в старчество Генсеком очутился второй старец в Совмине — дряхлый Тихонов.

Меня и ныне спрашивают о Брежневе. Возможно, я скажу о нём в последующих главах. Сейчас только отмечу, что он, как и Хрущёв, хорошо начал, хотя и знал, что мало смыслит в экономике, в исторических процессах. Всё же первые десять лет он прислушивался к мнению других и не очень мешал работе косыгинского правительства. Но он был, по-моему, не на своём месте — слабовольный, вечно колеблющийся добряк, любитель охоты. Когда он говорил, часто его трудно было слушать — настолько невнятна была его речь.

...Однако я несколько отвлёкся от событий. Итак, я согласился стать Председателем Госплана — мне было лестно работать с Косыгиным. На пути домой я думал, кому же на самом деле принадлежит идея назначить меня в Госплан. И Брежнев, и Косыгин знали, что я был противником хрущёвского преобразования министерств в совнархозы. Они же были свидетелями того, как Хрущёв распекал меня за то, что я в российском Госплане сохранил планирование по отраслям.

И по тому, как Брежнев в ходе нашей беседы внимательно прислушивался к словам Косыгина, который являлся Председателем Совмина СССР, я понял, что именно Косыгин остановил на мне свой выбор.

...Заканчивался 1965 год — последний год семилетки. К этому времени Госплан СССР был восстановлен как единый государственный орган, ведущий работу по трём главным направлениям: разработка предложений по переделке системы управления, возврат к отраслевой структуре; выработка совершенной системы планирования и стимулирования производ-ства; составление проекта восьмого пятилетнего плана (1966—1970 годы).

В связи с ликвидацией совнархозов и созданием министерств перестраивалась и структура Госплана, поскольку резко ослабли и само планирование, и координация между разными отраслями, всё как бы было пущено на самотёк. Пришлось заново, «с листа» создавать в Госплане отраслевые и функциональные отделы (например, отдел труда, отдел финансов), которые могли бы обобщать и балансировать развитие каждой отрасли и сферы деятельности. Формировались также основные, сводные отделы народнохозяйственного планирования, капитальных вложений, материальных балансов и территориального планирования. Эти отделы осуществляли межотраслевую увязку и вырабатывали общую стратегию развития экономики, — главные приоритеты, позволяющие контролировать деятельность отраслей. Общую работу по координации деятельности отраслевых, функциональных и сводных отделов осуществлял сводный отдел народнохозяйственного плана, на котором лежала ответственность за сбалансированность и пропорциональность развития экономики страны в целом на макроуровне.

Надо сказать, что процесс планирования — это не только рассмотрение расчётов и выбор оптимальных решений, но и столкновение интересов разных отраслей и функциональных служб. Главная функция сводного отдела народнохозяйственного планирования состояла в том, чтобы точно определить оптимальные масштабы развития страны,

структуру экономики, социальные задачи.

Отдел, исходя из общегосударственных интересов, должен был выявлять главные направления развития и потребности отраслей в финансовых и материальных ресурсах, сверять их с народным хозяйством в целом. Этому отделу принадлежала ведущая роль, он по праву считался генеральным штабом Госплана. Именно на него возлагалась комплексная увязка всех отраслей и составление единого плана развития страны. И это являлось очень важным и наиболее трудным делом, так как далеко не все нужды отраслей могли быть удовлетворены. Начальник этого отдела должен быть объективным и очень принципиальным человеком, чуждым каким-либо проявлениям ведомственности и местничества, не говоря уж о творческом подходе к делу и общей эрудиции — качествах, которыми обязаны обладать все работники Госплана (и в большинстве своём они соответствовали этим требованиям).

В Госплане то и дело возникали претензии к сводному отделу со стороны «отраслевиков», ими высказывались обиды, направлялись жалобы в «верха», мол, недостаточно учли их потребности, недостаточно дали ресурсов, не пошли им навстречу. Работники сводных отделов в свою очередь отвечали, что «отраслевики» чрезмерно замкнулись на узковедомственных интересах.

Сводный отдел народнохозяйственного плана готовил доклады и записки по планам, а также по важнейшим проблемам общегосударственного значения. Всё это требовало от его работников особых качеств. Они имели обширные познания в соответствующих областях экономики, были эрудированны в различных сферах деятельности, умели находить общий язык со специалистами других отраслей, а главное — обладали научным, масштабным мышлением.

В знак признательности за высококвалифицированную и сложную работу хочу выделить следующих сотрудников сводных отделов: Н.П. Лебединского, П.В. Филатова, И.А. Калинина, В.В. Коссова, В.П. Воробьёва. Не стану здесь перечислять всех других специалистов отделов, с кем довелось мне долгие годы работать вместе, хотя они также заслуживают высокой оценки — благодарности за свой самоотверженный и плодотворный труд.

Госплан СССР должен был располагать кадрами, отлично знающими своё дело. Вот почему я пригласил из совнархозов хорошо проявивших себя там специалистов на работу руководителями отделов и подотделов, пригласил я и экономистов, владеющих теоретическими знаниями.

В Госплан вернулись многие бывшие его сотрудники, имеющие

уникальный опыт экономической работы в военные и послевоенные годы. Опираясь на них, можно было в короткий срок наладить слаженную деятельность Госплана в целом.

Особо важное значение имела разработка нового пятилетнего плана.

Отличие восьмой пятилетки (1966-1970 годы) от предшествовавших состояло в следующем. Раньше задания спускались сверху как задания от высших звеньев управления, теперь же, с 1965 года, когда продвигалась хозяйственная реформа, каждое предприятие должно было иметь свой пятилетний план. К тому же пятилетние планы начали разрабатывать по годам, что позволяло оперативно решать возникающие вопросы, не нарушая общих пропорций, заложенных в плане. Плановые задания должны были отныне обсуждаться регулярно Верховным Советом СССР. Расширилось содержание пятилетних планов и поэтому повысились требования к качеству работы. Каждый должен был не только знать свою отрасль, но и уметь оценивать её возможности и скрытые ресурсы, что давалось далеко не всем и непросто.

Помню, поздним вечером, часов в одиннадцать, я вернулся из Кремля от Брежнева, где пришлось долго и трудно доказывать, что оборонное ведомство затребовало себе средств непомерно много. Где же их взять? Отобрать у сельского хозяйства? Но оно и так без необходимых средств; отдав «оборонке» выделенные ей крайне ограниченные ресурсы, мы развалим и сельское хозяйство, и другие отрасли.

В своей приёмной я застал Дмитрия Владимировича Украинского — начальника одного из отделов. По выражению его лица понял — что-то неладное на душе у человека, он нервно мял в руках какую-то бумагу:

— Николай Константинович, я к вам по личному вопросу, — кинулся он мне навстречу.

— Анна Семеновна, — сказал я секретарю, — дайте нам чайку. Зашли в кабинет, Украинский тяжело сел в кресло и скорбно опустил голову.

Анна Семеновна Марцинович, замечательная, исполнительная, умная и тактичная женщина быстро принесла чай, аккуратно поставила на стол тарелочку с печеньем и незаметно скрылась.

— Ну что, Митя? — спросил я гостя.

— Трудно, Николай Константинович! — сокрушённо вздохнул он, не поднимая головы.

Глядя внимательно на него, я взял папку с документами и потряс ею:

— А мне легко?

Украинский, отхлебнув чаю и немного успокоившись, начал говорить, что, когда он работал на заводе в плановом отделе, у него было другое

мнение о планировании в масштабах всей страны. Здесь же, в экономическом штабе страны, нужны люди с лучшей теоретической подготовкой, чем он.

Я понимал его, всё-таки нелегко переналаживаться на сложнейшие процессы с более или менее простого. Однако возразил ему честно и прямо:

— А где ты готовых плановиков возьмёшь? Мы тебя взяли из совнархоза, потому что у тебя богатый практический опыт. Нам, разумеется, теоретики, знающие «философию» планирования, нужны. Но, чтобы разработки стали действенными, их надо проверять мнением опытных практиков. Без помощи практиков нам не обойтись.

Много доводов такого рода я приводил Дмитрию, наконец, кажется, убедил, он сдался и сокрушённо произнёс:

— Стыдно мне за свою слабость, Николай Константинович. Давайте забудем этот разговор. Надо работать.

— Вот и хорошо. Время позднее. Поехали по домам. Я скажу шофёру, чтобы он отвёз тебя.

Дмитрий Украинский, впоследствии став начальником отдела новых методов планирования и экономического стимулирования, многое сделал для совершенствования натуральных показателей.

Помню, как долгое время министерства упирались, не принимая введения показателей обязательств по поставкам. Но благодаря Дмитрию Владимировичу, а также личной поддержке А.Н. Косыгина такие показатели были приняты. Дальнейшая практика подтвердила, что это помогло значительно увеличить объёмы поставок предприятиями.

Чтобы работать Председателем Госплана, нужно иметь глубокие и разносторонние знания. Один человек обладать такими знаниями не может. Поэтому я всегда старался привлечь профессионалов, создать в коллективе обстановку товарищества, а при обсуждении насущных проблем выслушивать внимательно все мнения. Просил собравшихся высказывать всё, что думают, а не то, что хотелось бы услышать, например, мне. Это помогало людям «раскрываться». И в результате мы почти всегда находили ключ к любой проблеме.

Наиболее сложные проблемы, и прежде всего при составлении планов года или пятилетки, мы обсуждали на заседаниях коллегии. Вот и проект плана восьмой пятилетки мы рассматривали на коллегии, начиная от конкретных данных, лимитов, контрольных цифр и кончая развёрнутым проектом. Проходили наши заседания много дней подряд, и когда принималось окончательное решение, все были обязаны неукоснительно

исполнять его.

Хочу добрым словом помянуть моего заместителя по сельскому хозяйству Николая Павловича Гусева: опытный специалист, тонкий политик, он пользовался большим авторитетом среди нас за свою мудрость и открытость. Он — один из инициаторов создания новой в стране отрасли — Птицепрома, поставленной на индустриальную основу. Много лет Гусев отдал и развитию в стране животноводческих комбинатов. Неукротимая энергия его и убеждённость в своей правоте более всего проявились в многолетнем и тяжёлом «пробивании» вопросов о личном, подсобном хозяйстве сельских жителей (своего подворья) и садовых участков.

А как не вспомнить члена нашей коллегии Михаила Георгиевича Первухина? Он долгие годы возглавлял электроэнергетику страны, электротехническую и химическую промышленность. Глубоко эрудированный инженер и экономист М.Г. Первухин с первых месяцев работы в Госплане очень многое сделал для налаживания территориального планирования и рационального размещения производительных сил страны в условиях отраслевого принципа управления. Под его руководством отдел территориального планирования стал активно работать с Госпланами союзных республик, обеспечивая комплексное экономическое и социальное развитие.

С первого дня своего прихода в Госплан большую долю работ взял на себя мой заместитель Аркадий Макарович Лалаянц. Он руководил всей сводной работой по подготовке материальных балансов и планированием работы транспорта, а позднее занимался ещё планированием всех отраслей топливно-энергетического комплекса... При его непосредственном участии динамично развивались такие крупнейшие районы добычи топлива, как Кузбасс, Экибастуз, Печора, Западная Сибирь, отдельные области Дальнего Востока и Прикаспия. Под его руководством была разработана энергетическая программа страны на длительную перспективу. Аркадий Макарович любил работать с непосредственными исполнителями и потому часто выезжал на места в отдельные регионы страны.

Большим авторитетом в вопросах планирования лёгкой промышленности был Николай Николаевич Миротворцев. В Госплане он начал трудиться в 1958 году, а в 1965 году стал моим заместителем и проработал со мной двадцать долгих и изнурительных лет. Доскональное знание отрасли (производство товаров народного потребления) и творческий подход ко всему отличали его как человека и руководителя.

В плеяде госплановцев, внёсших значительный вклад в планирование и развитие экономики, укрепление оборонного потенциала государства и

рост благосостояния народа, Алексей Адамович Горегляд, проработавший всю войну директором танкового завода. Он, как первый заместитель Председателя Госплана, не только всесторонне использовал свои уникальные знания в области промышленности и транспорта, но и выполнял трудную миссию — разрабатывал общеэкономические и социальные проблемы хозяйства.

Стоит отметить и заслуги другого моего первого заместителя Виктора Дмитриевича Лебедева, высококвалифицированного инженера, экономиста и организатора промышленности. При его непосредственном участии и руководстве мы усовершенствовали планирование машиностроительной отрасли. Лебедев сочетал в себе личное обаяние и мягкость с жёсткой требовательностью к себе и своим подчинённым, потому и пользовался заслуженным уважением в нашем коллективе.

Самых добрых слов заслуживает и мой заместитель Лебединский Николай Павлович. Более сорока лет проработал он в Госплане СССР, прошёл тернистый и долгий путь от простого инженера до начальника сводного отдела народнохозяйственного плана и заместителя Председателя. Перу Н.П. Лебединского принадлежит более 50 научных работ и два учебника по методологии планирования и автоматизации плановых расчётов. В течение десяти лет он работал профессором кафедры планирования Академии народного хозяйства СССР.

Когда Н.П. Лебединского, заместителя Председателя Госплана СССР, назначили одновременно начальником Главного вычислительного центра Госплана — самого мощного в стране, он активно руководил работами по созданию автоматизированной системы плановых расчетов (АСПР).

В течение десяти лет эта система была теоретически разработана и практически внедрена в планирование, что намного расширило его диапазон и повысило качество не только в союзном Госплане, но и в Госпланах всех республик СССР. Впервые в мировой практике в рамках АСПР на базе модели межотраслевого баланса было разработано пять вариантов пятилетнего плана в стоимостных и натурально-вещественных показателях, полностью сбалансированных по всем параметрам. Когда ещё не существовало автоматизированных методов планирования, и об этом можно было только мечтать. В теоретическое обоснование и конкретные расчёты межотраслевого баланса большой вклад внёс воспитанник Главного вычислительного центра Я.М. Уринсон, который после ликвидации Госплана СССР был назначен министром экономики и вице-премьером России. Однако с приходом к власти «демократов» все работы по планированию, не говоря уже об АСПР, были прекращены как

антирыночные. Между тем, опыт Госплана по созданию АСПР вызвал в своё время большой интерес не только в социалистических странах, но и в ряде развитых капиталистических государств, в том числе во Франции и США. Со всеми заинтересованными зарубежными организациями Вычислительным центром были установлены регулярные контакты и обмен научной информацией, что, по общему признанию, принесло обоюдную пользу. Главный вычислительный центр (ГВЦ) Госплана стал его своеобразной витриной. Многие выдающиеся государственные и общественные деятели посещали ГВЦ во время своих визитов в нашу страну. Среди них хотелось бы особо выделить таких, как Фидель Кастро, Вальтер Ульбрихт, герцог Эдинбургский, американский ученый Гелбрайт и ряд других. За работой центра и созданием АСПР внимательно следил А.Н. Косыгин.

Неоценимый вклад в развитие нашей экономики и особенно оборонной промышленности страны внёс Василий Михайлович Рябиков — первый заместитель Председателя Госплана, крупный инженер и хозяйственный руководитель. Он являлся большим знатоком своего дела, его отличали необыкновенные организаторские способности, умение ладить с людьми и находить для каждого нужное место.

Активно участвовал в координации планов стран — членов СЭВ в создании комплексных программ интеграции и другой мой заместитель — Николай Николаевич Иноземцев. Его отличали высокая культура и умение связывать воедино самые разные проблемы. Он никогда не кичился своими знаниями, был прост и обходителен с людьми.

Вспоминая добрым словом всех этих людей, без которых я и не мыслил сложной, часто очень уплотнённой во времени работы Госплана с постоянными поисками новых и оптимальных решений, я должен также дать высокую оценку и Анатолию Васильевичу Коробову — руководителю многих отделов, учёному, имеющему большое число научных печатных работ по экономике и планированию, и, конечно же, Николаю Ивановичу Рыжкову. В то время он был моим первым заместителем, с глубоким знанием дела решал самые сложные вопросы, связанные с балансированием народнохозяйственных планов.

Многое для разработки пятилетки и годовых планов сделали ведущие специалисты, мои заместители и члены коллегии Ю.Д. Маслюков, Н.Н. Слюньков, А.А. Воронин, Я.П. Рябов, В.Я. Исаев, П.А. Паскарь, Л.Б. Васильев, В.А. Ванников, А.В. Бачурин, К.В. Малахов, А.И. Лукашов, А.А. Троицкий, Г.М. Сорокин, В.П. Воробьёв, В.Е. Бирюков, В.М. Серов.

Эти люди, как правило, ещё раньше зарекомендовали себя умелыми,

думающими руководителями и пришли в Госплан с постов директоров ведущих предприятий, начальников главков, заместителей министров.

И здесь я должен снова сказать об огромной помощи, которую нам всегда оказывал Председатель Совмина Алексей Николаевич Косыгин и более всего, может быть, в разработке планов на ближние и дальние перспективы развития. Его разносторонний ум, широта экономического и социального мышления, его высказывание о миллиардной стоимости ошибки на посту Председателя Совмина или Госплана, о чём я уже писал, я всегда держал в уме и в сердце. Вот почему, прежде чем принять какое-либо решение, мы обязательно обсуждали его на заседаниях нашей коллегии. Пока все восемнадцать членов её не выскажут своих соображений, я не выступал с заключительным словом; и только выслушав все мнения, взвесив все «за» и «против», принимал окончательное решение. Может быть, поэтому почти все предложения Госплана, как правило, принимались Советом Министров, иногда лишь с небольшими поправками. В редких случаях нам возвращали на доработку тот или иной проект. Но даже и тогда мы опять собирались в полном составе на заседании коллегии, где детально и всесторонне обсуждали замечания Совмина и с учётом всего принимали новый или уточнённый вариант.

После повторного обсуждения мы вновь докладывали Правительству о том, что нами выполнено, какие требования мы всё-таки не принимаем или не можем выполнить. Косыгин высказывал свою точку зрения, выслушав все наши доводы, и принимал окончательное решение. Это был самый добросовестный и эрудированный государственный деятель из всех, с кем мне довелось работать.

Реформа Косыгина

С именем Косыгина связана экономическая реформа 1965 года. Известно, что в предшествующие реформе годы несколько снизились общие темпы развития экономики государства. Было признано, что основными недостатками сложившейся хозяйственной системы являются слабое развитие инициативы предприятий, формальный характер хозрасчета, малая заинтересованность работников в эффективности своего труда, недостаточное использование экономических рычагов планирования.

Учитывая сложность предстоящей реформы и необходимость скорейшей подготовки всего комплекса связанных с нею проблем для обсуждения на Пленуме ЦК, Косыгин ещё в начале 1965 года сформировал и разместил в Кремле группу специалистов различных ведомств и учёных-экономистов, освобождённых от текущей работы. Эта группа должна была подготовить предложения к проекту постановления ЦК КПСС и Совмина СССР.

Непосредственное руководство этим делом Косыгин взял на себя, а контроль за его исполнением поручил своему помощнику А.Г. Карпову. От Госплана в группу вошли заместитель Председателя А.В. Коробов и начальник отдела А.В. Бачурин. Работа группы над совершенствованием системы планирования не носила чисто кабинетный характер. По мере того как выдвигались предложения, они активно обсуждались с директорами предприятий, с работниками науки; выезжали и на места, в крупные центры индустрии с проектом реформирования.

Госплан разработал целый пакет документов, над ними работала специальная комиссия, ей много помогал Косыгин.

На сентябрьском (1965 года) Пленуме ЦК КПСС А.Н. Косыгин выступил с докладом «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Согласно плану проведения реформы, инициатором и душой которой был Косыгин, сорок три предприятия перевели на новую систему, с тем чтобы, накапливая опыт, постепенно увеличить число подобных коллективов. Начали с предприятий лёгкой и пищевой промышленности, имея в виду в дальнейшем перевести на новые условия остальные отрасли.

Перестройка руководства промышленностью по отраслям, постепенное внедрение новых методов планирования и экономического

стимулирования позволили бы полнее использовать внутренние резервы, повысить эффективность производства, и значит, обеспечить более высокие темпы роста производства продукции. Но, к сожалению, до конца довести реформу Косыгин так и не смог по ряду причин, одной из которых — и главной, на мой взгляд, являлось отсутствие поддержки со стороны большинства членов Политбюро.

Приведу пример. Когда на одном из заседаний в Кремле обсуждалась концепция реформы, Председатель Верховного Совета Подгорный со свойственной ему грубоватостью и недоверчивостью произнёс:

— На кой чёрт нам реформа? Мы плохо развиваемся, что ли?

— Реформа необходима, — возразил ему Косыгин, — темпы развития экономики стали снижаться. Все валовые методы исчерпаны, поэтому надо развязать инициативу, поднять в коллективах интерес к результатам труда.

Но Подгорный напыщенно и напористо отстаивал своё, споря не только с Косыгиным, но и с недостаточно уверенным в необходимости реформы Брежневым, не говоря уже об остальных:

— Если проводить реформу, то к ней нужно тщательно готовиться. Рано проводить, — настаивал Подгорный.

И надо сказать, после его выступления мнения членов Политбюро разделились. Некоторые, так же, как и он, полагали, что в нашем обществе условия для реформы ещё не созрели.

И всё же, несмотря на прохладное отношение к реформам части членов Политбюро, ряд мероприятий, проведённых в то время, имел важное значение: существенно возросли права предприятий, сократилось число плановых показателей, стал учитываться фактор роста прибыли, повысилась материальная заинтересованность в результатах труда за счёт введения годовых премий (так называемая «тринадцатая зарплата») и общего увеличения премий из фонда поощрения, формируемого из прибыли.

Оценивая реформу 1965 года, следует отметить, что она не коснулась в должной мере основного фактора интенсификации общественного производства — научно-технического прогресса, а ограничилась мобилизацией ресурсов, лежащих на поверхности. Да, тогда официально покончили с «валом», за основу планирования взяли объем реализуемой продукции, стали стимулировать высокое качество, повысили роль договоров о поставках продукции. Однако необходимых условий для устойчивого и динамичного подъёма производства на основе технического прогресса не создавали. В остальном всё оставалось по-старому, с использованием прежней техники и тех же принципов. Поэтому можно

лишь гадать, что было бы, если бы тогда удалось реализовать совместный план ГКНТ и Академии наук СССР по внедрению сугубо приоритетных научных программ. К сожалению, и сегодня эта проблема не решена.

В чём же причина неудачи реформы? Причина, я считаю, не единственная. Прежде всего, неправильно был решён вопрос о разграничении функций государства, его центра, с одной стороны, министерств и республик — с другой. На практике это привело к тому, что средства, доходная часть бюджета ушли на предприятия, а расходы остались за государством. И план первого года реформы нёс в себе этот недостаток: финансы были сбалансированы нормально, а госбюджет свести без дефицита за счёт текущих средств не удалось.

Проанализировав состояние отраслевой экономики, Косыгин пришёл к выводу, что, предоставив предприятиям право свободно маневрировать ресурсами, мы не сумели наладить должный контроль за их использованием. В итоге заработная плата росла быстрее, чем производительность труда. Пришлось пойти на временное, как нам казалось, заимствование средств для покрытия расходов госбюджета из доходов предприятий. Но, позаимствовав один раз, остановиться уже не смогли...

Откровенно говоря, в этом в немалой степени были повинны и Госплан, и Минфин СССР: не всё предусмотрели, не всё продумали и взвесили как надо. Поддались соблазну — «найти топор под лавкой», то есть сократить доходы предприятий. И, конечно, плохо подготовили организационную часть реформы, — не хватило настойчивости и последовательности в её проведении. Отступая то в одном, то в другом от идей реформы, в итоге откатились по всему фронту — таковы непреложные законы экономики. Вот так через несколько лет пришлось сворачивать, казалось бы, хорошо задуманное дело. Возможно, в таких масштабах реформа была неосуществима или преждевременна без политических преобразований или смены неподвижноконсервативного руководства.

Всё-таки, нельзя говорить, что усилия организаторов реформы 1965 года были напрасными. Вспомним 1967 год. Тогда начался переход совхозов на хозрасчет, на новую систему планирования и стимулирования были переведены все виды транспорта. В 1969 году принято решение о капитальном строительстве, переходе его на новые виды стимулирования. Так накапливался драгоценный опыт работы в новых условиях, опыт практической учёбы. Тогда появилось много толковых специалистов, которые пошли дальше, подготовили условия для последующих

преобразований.

Вместе с тем, перестройка системы планирования и экономического стимулирования в 1966-1967 годах оказала положительное влияние на развитие экономики в целом, что обеспечило успешное завершение восьмой пятилетки.

Восьмая пятилетка стала самой динамичной не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Главный её итог — развитие всей экономики государства более высокими темпами, чем в предыдущей и последующих пятилетках.

«Лучшая пятилетка»

Успешные итоги восьмой пятилетки, начало разрядки международной обстановки создавали хорошие условия для разработки девятого пятилетнего плана. Госплан получил задание на формирование развёрнутой программы роста народного благосостояния, чему способствовал богатый урожай 1970 года (9 процентов прироста продукции). Предусматривалось: рост минимума заработной платы на 26 процентов; повышение средних тарифных ставок; введение пособий на детей в малообеспеченных семьях и другие виды помощи малоимущим, повышение пенсий и т.п.

Надо признать, что в тот период Госплан СССР в определённой мере попал под «гипноз» положительных итогов структурной политики восьмой пятилетки и без особых колебаний взял курс на продолжение её и в девятой пятилетке. Это был курс восьмой пятилетки на ускоренное развитие производства предметов потребления. Приоритеты в выделении ресурсов получили сельское хозяйство и транспорт. Для восьмой пятилетки такая структурная политика была, безусловно, важной, что определило высокие показатели экономики того пятилетия.

Но взятые ориентиры означали в то же время замедление темпов роста базовых отраслей: металлургии, строительства, машиностроения.

На коллегии Госплана ставился вопрос о том, что после рывка в восьмой пятилетке нужно было бы сбавить темпы промышленного производства в предстоящей, девятой пятилетке, которая могла бы стать «санитарной», то есть периодом структурной перестройки с реальным опережением производства продукции в группе «Б» (на 44-45 процентов) по сравнению с группой «А» (на 41—45 процентов).

Тогда в Госплане и в научных организациях развернулась острая дискуссия о соотношении темпов роста двух подразделений общественного производства. Одни ученые обвиняли Госплан в нарушении экономического закона преимущественного роста средств производства, другие доказывали необоснованность этих обвинений. Однако длительное отставание роста средств производства от общих темпов развития промышленности могло нанести существенный ущерб и экономике, и научно-техническому прогрессу.

Ничего принципиально нового наука тогда не дала, но шума было много. И практически переложили решение проблемы на Госплан.

Повышенное внимание к росту народного благосостояния позволило

Госплану предусмотреть на 1971-1975 годы более высокий рост фондов потребления по отношению к фонду накопления. Опережающий рост отраслей группы «Б» увеличивал розничный товарооборот и реальные доходы населения в 1,4 раза.

В своём выступлении на XXIV съезде партии (1971 год) я уделил особое внимание повышению эффективности производства, в первую очередь за счёт использования достижений науки и техники; отметил необходимость увеличения темпов роста производительности труда во всех отраслях по сравнению с восьмой пятилеткой.

По директивам съезда Госплан подготовил развёрнутый пятилетний план развития хозяйства с разбивкой по годам; он был утверждён в марте 1971 года.

Но в 1972 году произошло непредвиденное. Лето выдалось засушливое, неурожайное. Не смогли собрать необходимого количества зерна. Плохо было и с кормами. Стало ясно, что рынок не будет обеспечен продуктами, а следовательно, окажется невозможным покрыть рост заработной платы товарами первой необходимости.

В июле-августе 1972 года при составлении плана на 1973 год мы едва свели концы с концами — один процент роста производительности труда к одному проценту роста заработной платы.

И с таким проектом я отправился в Совет Министров, втайне надеясь, что Алексей Николаевич поймёт нас.

Ознакомившись с проектом, он ровным голосом спросил, сдерживая досаду:

— Николай, что ты мне представил? Разве тебе не ясно, что при таком плане мы всё сожрём и у нас ничего не останется для расширенного воспроизводства?

Что было делать? Я пытался объяснить, что такое соотношение — результат неурожайного года, что, как известно, сельская продукция составляет в товарообороте 70-75 процентов.

На это Косыгин мне ответил:

— Знаешь, твои болячки — это и мои болячки, а мои болячки -твои болячки. Ты мой заместитель. Вот тебе семь дней, иди к себе, собери коллегую, вызови министров и скажи им, что такой план Правительство принять не может. Нужно изыскать возможности повышения производительности труда за счёт лучшей организации производства, внедрения новой техники и технологий, больше дать товаров широкого потребления.

Сбалансированность народнохозяйственного плана — главный вопрос

для нашего комитета. Всё упиралось в отсутствие материальных ресурсов и средств, в несоответствие товарооборота и количества денег у населения. Мы ещё и ещё раз посмотрели и уточнили программу производства, резервы роста производительности в отраслевых и сводных отделах. И тут многое зависело от наших специалистов.

Вот, скажем, работала у нас начальником подотдела балансов Скородумова Мария Фроловна. Она знала и хозяйство, и запросы потребителей, где и на что можно рассчитывать. Для министерских работников она — непререкаемый авторитет. С ней не поспоришь. Или — Волосатое Николай Васильевич, начальник подотдела строительных материалов. Он прекрасно разбирался в состоянии дел на всех основных стройках страны, на память знал, где и что требуется.

И таких работников в Госплане было немало.

В результате коллективных усилий, горячих споров и столкновений с министерствами и ведомствами мы всё-таки добились нужного соотношения производительности труда и заработной платы (1 к 0,8 процента), которое обеспечивало возможность расширенного воспроизводства. Трудились неделю без отдыха и доработанный проект представили в Правительство.

Отвечая на дотошные вопросы Косыгина, я рассказывал, как и за счёт чего мы обеспечили темпы роста промышленности, опережающие рост заработной платы.

— Ну, вот видите, Анатолий Георгиевич, — обратился Косыгин к своему помощнику Карпову, — а вы говорите, что в Госплане нет думающих людей. — На бесстрастном лице Алексея Николаевича не было и тени улыбки, лишь в голосе послышались нотки одобрения, когда он проговорил с задумчивой улыбкой:

— Ну что, Николай, стоило поработать, посоветоваться с людьми. Получился неплохой документ.

А через два дня Брежнев пригласил Косыгина, Подгорного и меня к себе на дачу в охотничье хозяйство в Завидово для обсуждения этого плана.

Обсуждение заняло два дня, и мы ночевали на даче. Надо отметить, что у Леонида Ильича не хватало терпения детально разбираться в проекте плана, и он порой принимал непродуманные решения, не увязывая их с возможностями государства, интересами тех или иных отраслей. Не любил он также слушать, когда я подробно, в цифрах и процентах развёртывал картину плана. Это его буквально удручало, он сидел со скучающим лицом, тяжело опустив руки на колени, всем видом показывая, что зря у него отнимают время на какие-то частности. И в этот раз он остановил меня,

сказав:

— Николай, ну тебя к черту! Ты забил нам голову своими цифрами. Я уже ничего не соображаю. Давай сделаем перерыв, поедem охотиться.

Надо сказать, охота — великая страсть нашего генсека. Когда дело касалось охоты, Леонид Ильич преображался и из солидного человека превращался в энергичного «молодца» с ярко посверкивающими глазами.

И теперь, сказав об охоте, он тотчас забыл о всех делах. Быстро собрались. Я и Брежнев оказались в лодках с егерями, и мы поплыли охотиться на уток. Косыгин с Подгорным углубились в лес, предупредив, что пойдут на лося. Через несколько часов они вернулись ни с чем.

Во время обеда Брежнев и я рассказывали о том, сколько каждый из нас подбил уток. У Брежнева было больше птичьих трофеев, как у заядлого и опытного охотника. Он за столом весело поглядывал на меня как на побеждённого и был в благодушном настроении.

После обеда мы продолжили работу уже в другом режиме. Повеселевший Леонид Ильич слушал мои выкладки в цифрах и даже порой согласно кивал головой. На следующий день мы свою работу закончили.

Через несколько дней на заседании Политбюро ЦК Брежнев заявил:

— Я два дня слушал Байбакова, а теперь спать не могу.

И всё-таки представленный нами проект Брежнев поддержал.

В ходе реализации плана девятой пятилетки возникли непредвиденные трудности, сказались недостатки, прежде всего в строительстве и сельском хозяйстве, что отразилось на общем росте национального дохода. Мы систематически контролировали выполнение плана, но должных мер к устранению выявленных недостатков не принималось. А обстановка с каждым годом усложнялась. С министерствами у нас то и дело возникали конфликты. Плановые задания по вводу производственных мощностей выполнялись плохо. Только оттого, что мы недополучили сельскохозяйственной продукции в неурожайные годы, существенно снизились против плана производство товаров народного потребления и розничный товарооборот, уменьшился общий рост национального дохода. Надо было срочно обсудить создавшееся положение с высшим руководством государства.

Зная, как непросто выходить с подобными вопросами «наверх», мы старались отразить в своих документах только главное.

Выступая на заседании Политбюро, посвящённом подготовке плана на следующий год, я отмечал, что производственный потенциал ряда ведущих промышленных отраслей оказался намного ниже, чем намечалось в планах, и это отрицательно скажется на развитии экономики в последующие годы.

Я говорил также о том, что возможные трудности в исполнении плана связаны во многом и с безответственностью ряда министров и руководителей ведомств, что пятилетка, судя по всему, будет провалена и в значительной мере по качеству.

В свою очередь и Госплан был подвергнут жёсткой критике за допущенные диспропорции в развитии экономики, за недостаточный контроль выполнения планов, за недочёты в балансовой работе.

На заседании Политбюро разговор шёл в основном о состоянии дел в капитальном строительстве и использовании действующих производственных мощностей. Указывались такие крупные недостатки, как распыление средств по многочисленным объектам, нарушение сроков строительства и превышение сметной стоимости. Также отмечалось, что большое количество металла, леса, цемента, предназначенных для централизованного строительства важнейших объектов, часто разбазаривается и раздаётся без толку.

Леонид Ильич выглядел расстроенным — он не любил слушать любые неприятные вещи, и сейчас, хмуро напустив густые брови на глаза, недовольно поглядывал в мою сторону: почему я излишне драматизирую положение, почему говорю одни неприятности.

Возвращаясь из Кремля, я вспоминал заседания у Сталина, где я бывал как нарком. Там остро ставились вопросы, члены Политбюро смело высказывали своё мнение, определялись сроки реализации решений, назначались лица, ответственные за их выполнение. И мы знали, что если есть указание Сталина, для нас оно — неукоснительный закон. Умри, но всё выполни. А выполнил — оценят, поощрят, поставят в пример. Так почему же теперь кое-как выполняются постановления правительства? Откуда такая безответственность? У тех же капиталистов на производстве жёсткая, безоговорочная дисциплина. И ответственность — прежде всего — материальная.

На следующий день состоялось расширенное заседание коллегии Госплана с участием Косыгина, а также руководителей Госснаба, Комитета по науке и технике и Госстроя.

Открыв заседание, я коротко изложил основные, принципиальные положения, высказанные мною на Политбюро. Затем выступил Косыгин и подчеркнул, что составление плана развития народного хозяйства такой огромной страны — дело очень ответственное, и от того, как он составлен, как предусмотрено в нём использование материальных, трудовых и финансовых ресурсов, зависит повышение уровня жизни народа. Было отмечено, что работа Госплана — трудная, более того, это, пожалуй, одна

из крупнейших и важнейших сфер в хозяйственном управлении. Госплан СССР — генеральный штаб страны в области экономики, поэтому спрос с него особый, — значимо подчеркнул Алексей Николаевич.

Потом он перешёл к задачам Госплана, главной из которых назвал необходимость поставить на службу народному хозяйству все имеющиеся резервы, максимально использовать различные ресурсы, научно-производственный потенциал. Поэтому надо совершенствовать стиль работы Госплана, и в первую очередь — её научный уровень. Косыгин перечислил случаи, когда отделы нашего Комитета не знали, каким путём идти, замыкались в ведомственных интересах, в то время как его работники должны исходить исключительно из общегосударственных интересов. И потому необходимо резко повысить роль и ответственность начальников отделов Госплана, отказаться от ведомственного подхода в работе над планами, укрепить плановую дисциплину. Министерства, по мнению Косыгина, не всегда могут правильно сориентироваться в определении пропорций развития хозяйства, поэтому важнейшая задача Госплана и особенно сводных отделов — требовать от всех остальных отделов обеспечения правильных решений.

Вспоминая сейчас эту речь, думаю, как же глубоко и чётко были в ней сформулированы главные направления улучшения плановой работы. И госплановцы стремились по-деловому, вдумчиво и быстро выполнять выдвинутые требования.

В девятой пятилетке интенсивно осваивались восточные районы страны, развивались такие крупные хозяйственные комплексы, как Западно-Сибирский, Саянский. Началось освоение Дальнего Востока, строительство БАМа. В сельском хозяйстве создавались условия для развития комплексной механизации земледелия и животноводства, а также химизации сельского хозяйства, мелиорации земель...

Важнейшим фактором роста общественного производства в новой пятилетке стало повышение его эффективности. Но, увы, задания пятилетнего плана по росту производительности труда были недовыполнены. А это означало, что плохо внедрялись новая техника и технологии, прогрессивная организация труда.

К сожалению, так и не удалось достичь соответствия между доходами населения, рост которых был близок к плановым показателям, и предложением товаров в связи с большим недовыполнением плана по розничному товарообороту. Платёжеспособность населения превысила объём товарных и платных услуг.

К концу пятилетки положение в экономике существенно осложнилось,

более всего в сельском хозяйстве из-за трёхлетней засухи (1972, 1974, 1975 годы).

Учитывая складывающуюся обстановку, нарастание отрицательных процессов, Госплан подготовил специальный доклад, где давался объективный анализ состояния экономики, перспективы её развития, а также были сформулированы и обоснованы принципиальные положения. Отмечалось, что страна стала жить не по средствам — тратили больше, чем производили. Шло неуклонное нарастание зависимости от импорта многих товаров, в том числе и стратегических. Доклад был направлен в ЦК КПСС 30 марта 1975 года.

К сожалению, поставленные нами серьёзные вопросы не получили никакого практического отклика у властей, а реализация ряда неотложных мер по устранению недостатков в экономике захлебнулась. Более того, на заседании Политбюро 2 апреля 1975 года Брежнев вдруг встал и заявил:

— Товарищи, вот Госплан представил нам материал. В нём содержится очень мрачный взгляд на положение дел. А мы столько с вами работали. Ведь это наша лучшая пятилетка.

После этой полускрытой похвалы самому себе он чуть не прослезился, расчувствовался и сел. Его тут же начали дружно успокаивать, говорили: «Действительно перегнули», «Да чего там! Пятилетка вон как идёт!». Кириленко, Подгорный и остальные поглядывали неодобрительно в мою сторону. На этом обсуждение было закончено. Фраза «лучшая пятилетка» стала крылатой. Печать, радио объявили её всей стране! А если «лучшая», то нет недостатков и говорить о них незачем.

А ведь, если бы тогда руководство государства серьёзно отнеслось к обозначенным нами проблемам и приняло своевременные меры, можно было бы помешать развитию многих негативных тенденций и последующих провалов в экономике.

Девятая пятилетка, как известно, началась нелегко. Тщательно проанализировав сложившуюся ситуацию, работники Госплана СССР пришли к неутешительному выводу, что некоторые задания пятилетки нельзя выполнить, так как важнейшие предприятия не обеспечены средствами. Экономическая несбалансированность, нарушившая нормальный процесс общественного воспроизводства, явилась результатом затратного принципа хозяйствования. Так, долговременное вложение больших ресурсов в сельское хозяйство не дало должных результатов. Другая проблема — в строительстве, где денежные средства поглощались, а ввод новых мощностей задерживался; к тому же неудержимо росла сметная стоимость объектов. Так, по расчётам, сооружение автомобильного

гиганта на Волге должно было стоить 5 миллиардов рублей, а реально истратили 6 миллиардов.

Невыполнение планов ввода в действие производственных мощностей отразилось на развитии базовых отраслей и более всего тяжёлой промышленности, на объёмах производства угля, чёрных металлов, химической продукции.

Ограниченность ресурсов для нужд народного хозяйства в немалой степени была связана с капитальными расходами на оборону. Нужно было ликвидировать паритет США по ядерным вооружениям, что требовало колоссальных затрат.

Всё это привело к тому, что расходы государственного бюджета превысили его доходы. «Страна стала жить не по средствам» — так определили в Госплане данную ситуацию.

Появились и другие тревожные симптомы: резко ухудшилась продукция пищевой промышленности. При тех же материальных ресурсах пищевики из прежнего количества мяса производили больше колбасы, увеличив в ней содержание крахмала. Впервые ухудшение качества продуктов питания обнаружилось ещё при Хрущёве, но тогда такие случаи были нечасты, теперь же это стало своего рода эпидемией.

Сдвиги в ассортименте всё чаще стали проявляться на тех предприятиях лёгкой и пищевой промышленности, которым дали право самостоятельно планировать свою работу и вести хозрасчет. Часть прибыли увеличивалась не за счёт роста эффективности производства и ресурсосбережения, а, как выяснилось, путём скрытого повышения цен на выпускаемые товары. Этот так называемый «ассортиментный хор» не учитывался в индексах ЦСУ СССР и осуществлялся ведомственным путём в обход Госплана.

Доложил мне об этом явлении начальник сводного отдела В.П. Воробьёв. По его поручению данной проблемой занималась Галушкина Нина Андреевна. Когда-то она работала на производстве, затем в министерстве, была знакома с крупнейшими учеными в области пищевой индустрии. Нина Андреевна поехала на места, побывала в различных научно-исследовательских институтах, на заводах и фабриках и на основе собранного уникального материала сделала подробнейший анализ. Её расчёты показали, что примерно половина средств от товарооборота достигалась за счёт ухудшения качества и скрытого повышения цен.

— Государство очутилось в опасном положении, — говорил тогда Воробьёв, — выход напрашивается такой: за счёт прироста сырья надо выпускать новую более качественную продукцию и постепенно вытеснить

продукцию, не удовлетворяющую запросы потребителей.

Долго и подробно мы обсуждали с Воробьиным этот вопрос, пока не пришли к заключению, что руководство страны должно знать о сложившемся положении.

— Подготовьте обстоятельный доклад! — попросил я Воробьёв. Пока готовился доклад, я ушёл в отпуск. Отдыхал в доме отдыха «Сосны», под Москвой. Руководить Госпланом остался мой первый заместитель Виктор Дмитриевич Лебедев, высокообразованный инженер-экономист. Накануне ухода в отпуск я обсудил с ближайшими сотрудниками результаты анализа ситуации и дал указание В.Д. Лебедеву представить в Правительство подготовленные Госпланом предложения по развитию экономики.

На закрытое заседание Президиума Совета Министров кроме Лебедева вызвали начальника сводного отдела Воробьёв. Позвонили в «Сосны» и сказали, чтобы я тоже прибыл.

Когда Лебедев вышел на трибуну и начал зачитывать свой доклад, в котором давалась нелюбимая оценка характера развития народного хозяйства в девятой пятилетке, Косыгин стал нервничать.

— Почему мы должны слушать Лебедева? — недовольно хмурясь, непривычно резким тоном спросил он. — Ведь Байбаков не видел этот документ.

Я возразил, что видел этот документ и много раз, к тому же, обсуждал его.

— Но ты же не подписал его? — Всё ещё не желая верить тяжёлому смыслу доклада, как бы с надеждой обратился Косыгин ко мне.

— Я в отпуске, но с содержанием доклада согласен.

— Мы вообще не знаем, кто его составил, — заявил Косыгин. Впервые я видел, как Косыгин пытается увернуться от неприятной правды, которую невесть как и почему родило само время. На это Лебедев ответил:

— Вот Воробьёв здесь, он и готовил доклад.

Уловив, что Косыгин настроен критически, один из замов Председателя Совмина возмущённо, подыгрывая косыгинскому настроению, заявил:

— Откуда Воробьёв знает это? Откуда у него такая информация? Он начальник отдела и не может располагать подобной информацией.

Стало тихо-тихо. Эти слова ошеломили своей грубой высокомерностью. И тогда взорвался Воробьёв:

— Вы могли меня упрекнуть в том, что я не знаю или чего не следует мне знать. Но в том, что я знаю и что обязан знать, вы упрекать меня не можете.

Как видим, доклад вызвал резкую негативную реакцию среди зампредов и членов Президиума Совмина. Л.В. Смирнов, М.А. Лесечко, И.Т. Новиков один за другим стали выступать, пытаясь представить, что они в данных вопросах более компетентны, нежели работники Госплана. Посыпались реплики: «Почему мы должны «раскачивать» пятилетку?», «Ещё впереди половина пятилетки, и мы успеем всё поправить», «Госплан смотрит на это явление односторонне и мрачно», «Не надо коней менять на переправе!» (Эта последняя фраза как палочка-выручалочка сколько раз будет использоваться ещё!). Нечто от страусовой стратегии — спрятать голову под крыло, и всё исчезнет само собой! — было в этих выкриках и упрёках.

Да, досталось нам тогда от дружных зампредов! Нас критиковали за недостатки в планировании, и прежде всего в области инвестиционной политики, в неумении сбалансировать планы.

Косыгин почти не слушал, что говорили его заместители, он тщательно просматривал экземпляр доклада. По всему было видно: неприятно ему читать информацию о негативных процессах в лёгкой и пищевой промышленности.

Нелегко было докладывать обо всём этом Лебедеву, хотя он был твёрд в доказательствах и читал доклад ровным голосом. Косыгин, вздохнув, отодвинул от себя печатный экземпляр и резким тоном запретил Лебедеву продолжать доклад. Виктор Дмитриевич осёкся, побледнел, сошёл с трибуны и, усаживаясь на место рядом со мной, сокрушённо шепнул:

— Не оправдал я вашего доверия, Николай Константинович!

Всё было скомкано. Заседание закончилось, к нам подошёл министр финансов В.Ф. Гарбузов и печально произнёс:

— Алексей Николаевич очень переживает из-за этого доклада.

— Кто-то должен докладывать правительству о реальном положении дел в стране, — возразил я, — и таким органом призван быть Госплан.

Интересна и показательна судьба этого документа. Доклад был размножен и роздан всем заместителям Косыгина, а затем, буквально на следующий день, экземпляры были у них изъяты и уничтожены. Никаких решений по докладу не принималось.

В аппарате ЦК КПСС, куда также был направлен один экземпляр, доклад успели прочитать только несколько человек. К.У. Черненко, тогда заведующий секретариатом ЦК, потребовал, чтобы я забрал этот документ обратно.

— Но как я могу забрать то, что адресовано руководству? — возразил я.

Тем не менее доклад руководству партии показан не был. Видимо, где-то в архиве этот документ ещё лежит. Думаю, он представляет интерес и ныне, когда предприятия стали самостоятельными и никому не подотчётны, а приватизированные и вовсе управляются по воле новых хозяев. Можно с уверенностью сказать, что сделанный тогда Госпланом СССР анализ развития народного хозяйства в целом оказался верным.

Сейчас, через многие годы, вспоминая эту вполне понятную реакцию и Косыгина, и его помощников, и работников аппарата ЦК, я думаю, что здесь не было никакой злой воли с их стороны; просто правда оказалась для них неожиданной и неприемлемой, так как противоречила всем их представлениям о социалистической экономике, которая не может «болеть» и не соответствовать привычным представлениям. Мы, госплановцы, оказались в роли плохих «вестников», а таких, как правило, отождествляют с их вестями.

Непринятие вовремя действенных мер привело к дальнейшему развитию отрицательных процессов. Производственники, воспользовавшись отсутствием санкций за нарушение стандартов, снижали качество продукции, увеличивая её количество. Словом, «гнали» численные показатели. К тому, что разрешало правительство «в разумных пределах», приложили руку и «теневики».

При расширенном производстве и слабом контроле нарушалась сортность продукции, и это стало базой для многочисленных хищений.

Прибыль же предприятий создавала видимость благополучия. Темпы производства не снижались — следовательно, рост заработной платы оправдывался, повышалась в денежном выражении и производительность труда. Деньги на счётах предприятий накапливались, но не имели ресурсного обеспечения.

Как же решался тогда этот кризис?

Оттого, что из-за засухи объем сельскохозяйственного производства в пятилетке снизился на 12 миллиардов рублей, мы стали закупать зерно, мясо и другое продовольствие за границей. Значительно увеличился импорт готовых товаров из стран — членов СЭВ, конечно же, за счёт снижения импорта новой техники и ряда видов дефицитной продукции. Правда, нас выручал экспорт нефти и газа, цены на которые в то время значительно возросли.

Поскольку в строгую схему финансирования мы уже не укладывались, пришлось прибегнуть к новым, «нетрадиционным» способам: вклады населения в сберегательных кассах, средства со счётов предприятий частично направлялись на безотлагательные расходы. Что касается вкладов

населения, то в бюджет включался только их ожидаемый прирост. Основную массу накопленных сбережений трогать было запрещено.

Принимались и другие меры. В частности, приоритетной сферой бюджетного финансирования признано было сельское хозяйство. Согласно пятилетней программе на развитие Нечерноземья (сельского хозяйства и смежных с ним отраслей) было израсходовано более 7 миллиардов рублей, что в 3 раза превышало вложения в прошлой пятилетке. Сельское хозяйство получило более 770 тысяч тракторов, 176 тысяч комбайнов, более 480 тысяч грузовиков, 47 миллионов тонн минеральных удобрений. Введено в действие 608 тысяч гектаров орошаемых и 2,1 миллиона гектаров осушенных земель...

Многое было сделано для того, чтобы улучшить социальный и культурный быт сельских тружеников, — построены жилые дома для них общей площадью 655 миллионов квадратных метров, детские ясли на 381 тысячу мест и школы на 781 тысячу мест. Построены 72 тысячи километров новых дорог с твёрдым покрытием.

Острой проблемой десятой пятилетки стало вынужденное, значительное снижение роста капиталовложений. На коллегии Госплана нередко шли споры, — руководители отраслевых отделов жаловались на нехватку лимитов, а сотрудники сводного — капитальных вложений; мой же заместитель по капитальному строительству В.Я. Исаев обосновал невозможность увеличения капиталовложений и советовал лучше использовать выделяемые средства.

Отстающей отраслью стала тогда и чёрная металлургия из-за существенных недостатков в коксохимической и железорудной индустрии. Нарушился технологический процесс работы коксовых батарей и доменных печей, увеличились их простои. В итоге снижалась выплавка чугуна, стали, уменьшился выпуск готового проката.

Госпланом принимались меры (и соответственно готовились проекты решений Совмина) по оказанию неотложной помощи чёрной металлургии. Но, увы, они не дали нужных результатов из-за плохого выполнения планов строительными организациями. Госплану пришлось думать об увеличении импорта проката чёрных металлов, чтобы тем самым улучшить торговый и платёжный баланс всего хозяйства.

В таком же сложном положении оказалась и угольная промышленность: общая добыча угля снизилась главным образом из-за падения добычи в Донбассе.

Трудности с топливом влияли на все отрасли, а недостаток металла вызвал перебои в развитии машиностроения.

На производство товаров широкого потребления более всего оказывало воздействие критическое положение в сельском хозяйстве, где продукция за пятилетку возросла всего лишь на 9 процентов против 14-17 по плану.

Ухудшились показатели фондоотдачи. Не достигли мы и заметного повышения качества продукции. Хотя ухудшение дел в промышленности и сельском хозяйстве объяснялось объективными причинами — консерватизмом и инертностью на уровнях хозяйственного управления, но именно тогда обозначились тенденции к упадку в экономике при странной инертности и нежелании видеть и исправлять недостатки в высшем руководстве партии и государства. Вместе с тем и сам Госплан должен был решительно изживать узковедомственный подход к проверке выполнения планов, укреплять плановую дисциплину. Большой вред нанесло и то, что дисциплина эта снижалась из-за вошедшей в обычай системы корректировок годовых планов.

В былые годы планы корректировались только в крайних случаях. Положение резко изменилось в период десятой и одиннадцатой пятилеток, когда многочисленные поправки и дополнения превратились в опасную болезнь планирования.

Руководители ряда министерств начинали с просьб о пересмотре утверждённых плановых заданий уже с начала года, а потом так и шло из квартала в квартал. Но наибольший размах подобные «кампании» приобретали в конце года, в октябре-ноябре и продолжались до самого конца декабря. А некоторые министерства умудрялись настаивать на корректировках плана даже в начале января, тем самым требуя для себя фактических «приписок». Эта порочная практика, санкционированная чаще всего «сверху», приводила к резкому ослаблению ответственности за выполнение плановых заданий. У некоторых руководителей сложилось убеждение, что главным местом борьбы за выполнение плана является проспект Маркса — Кремль, а не их отрасли и предприятия. Мне в такой «сезон» приходилось выдерживать «осаду» чиновников всех рангов, включая верховное государственное и партийное руководство страны, не говоря уже о руководителях отдельных республик и областей.

По моей просьбе в эту практику вмешался Центральный Комитет партии, в результате чего отдельные объективно необходимые поправки в план вносились лишь с разрешения Совмина СССР. Госплан стал более нетерпимо относиться к произвольным корректировкам плана и чаще всего отвергать их. Постепенно напор «декабристов», как мы в насмешку называли борцов и ходатаев, стал ослабевать.

Несмотря на сложные условия развития экономики в десятой

пятилетке, руководство государства ориентировало Госплан на максимально возможное выполнение годовых плановых заданий по повышению уровня жизни народа. Плановые показатели роста доходов населения, розничного товарооборота, а также выплат из общественных фондов потребления в основном выполнялись.

И все же темп роста народного благосостояния значительно снизился по сравнению с предыдущим пятилетием. На развитии социально-культурной сферы отрицательно сказалось снижение капитальных вложений. Не был выполнен и скорректированный план по вводу жилья, детских больниц, служб быта и культуры.

Борьба за новые технологии

В годы работы Председателем Госплана СССР мне приходилось много заниматься проблемами научно-технического прогресса, без учёта которых невозможно хозяйственное планирование. Меня всегда привлекали новая техника и технология, поиск прогрессивных решений, повышающих уровень производства. Конечно, условия моей работы в нефтяной отрасли и в Госплане были совершенно различные, там лишь одна отрасль, а в Госплане — всё народное хозяйство, которое пришлось изучать с первых шагов, искать в каждой отрасли главное звено, не забывая при этом о новых технологиях, способных обеспечить ускоренное развитие экономики в целом.

Мне посчастливилось в разное время встречаться с тремя президентами Академии наук СССР — академиками А.Н. Несмеяновым, М.В. Келдышем, А.П. Александровым. Это мировые научные величины, внёсшие огромный вклад в развитие советской науки. Надо сказать, что деловые связи Госплана с Академией особенно упрочились после избрания её президентом А.П. Александрова. С АН СССР, а также с Госкомитетом по науке, Председателем которого в 1980-1985 годы был Г.И. Марчук, мы вместе разработали более 170 комплексных программ.

На заседаниях планового комитета мы заслушивали доклады о деятельности Академий наук СССР, Украины, Сибирского отделения АН СССР, Уральского и Дальневосточного научных центров.

Предварительно, до заседания мы собирались в фойе Госплана, где обычно размещались выставки наиболее важных научных разработок, моделей действующего оборудования, новых приборов. Эти выставки позволяли лучше и свежее воспринимать новшества. Их посещали не только мы, но и руководители министерств и ведомств, а также Косыгин, Тихонов, Долгих, Горбачёв, Кириленко и др.

Повышенный интерес вызвала выставка оборудования и технологий для устранения потерь в сельском хозяйстве. Ещё в марте 1979 года наш Госплан принял Постановление «О мерах по сокращению потерь и повышению качества сельскохозяйственной продукции», на основе которого был разработан соответствующий план научно-технических мероприятий. Дело это очень важное. Ведь при уборке, заготовке, хранении, переработке потери картофеля и овощей составляли 25-30 процентов, принося убытки на сотни миллионов рублей. Потери сахарной

свёклы достигали 8-10 процентов, то есть примерно 450 миллионов рублей в ценах тех лет. То же самое с зерном, продукцией животноводства. Пожалуй, никаких закупок за границей не потребовалось бы, если бы мы избежали этих потерь.

И вот на специальной выставке в Госплане были представлены разработки для повышения сохранности продукции села. Ученые и специалисты рассказывали посетителям о новой технике и технологиях; демонстрировались проекты новых зернохранилищ, овощных баз, различные способы борьбы с потерями плодоовощных продуктов и прежде всего — метод озонирования.

Остановлюсь на многолетней возне вокруг внедрения этого метода. Мне довелось побывать в Минске, где на оптово-розничном складском комбинате впервые провели опыт хранения с использованием озонирования. И сразу сроки хранения скоропортящихся продуктов увеличились в два-три раза, а потери с 25 процентов сократились до двух до трёх.

Ученые Белорусской Академии наук во главе с доктором биологических наук С.В. Коневым разработали режимы содержания фруктов и овощей в озонной среде, уничтожающей микрофлору, вызывающую гниение. В результате без больших затрат (озонатор по конструкции прост) потери картофеля снизились в 3 раза! А сама работа озонаторов была показана на выставке, где экспонатами служили сотни килограммов фруктов, овощей и картофеля в течение полугода. Миллионы и даже миллиарды рублей можно было бы сэкономить, внедрив это новшество! Ну как не ухватиться за эту идею?

Мы узнали, что автором этого метода был Анатолий Илларионович Бут, имеющий авторское свидетельство и работающий в Госкомсельхозтехнике. И вот первое знакомство с ним, с энергичным, деятельным инженером. Он нам рассказал, как побывал в ряде городов страны, лично контролировал ход эксперимента, как его сподвижники собственноручно собрали две первые установки и провели опыты. Со всех концов шли письма, в которых люди просили научить их новому методу и помочь в его внедрении.

— Но не все разделяют мою точку зрения, — с горькой улыбкой говорил Бут, — среди противников есть и учёные, прежде всего те, кто занимается подобными исследованиями.

Никто до Бута не додумался воздействовать озоном на растительную ткань. И когда появились первые публикации в газетах о впечатляющих результатах в Минске, ученый мир разделился на «осторожных»,

требующих перепроверки, и «непримиримых», заявляющих, что это дело — вредное. Кто в чём был заинтересован, тот то и отстаивал.

Госплан, после детального обсуждения, разработал широкую программу борьбы с потерями сельскохозяйственной продукции и представил её в Совмин, который и принял развёрнутое постановление, где наряду с другими мерами по борьбе с потерями было предложено внедрять озонирование.

Но если раньше правительственные решения в результате жёсткого контроля выполнялись в сроки, то теперь всё было пущено на самотёк. Иначе чем объяснить, что подчинённый Совмину Минплодощхоз через три месяца после принятия правительственного постановления издал свой приказ, согласно которому создали ведомственную комиссию, а та рекомендовала прекратить повсеместно озонирование, якобы из-за вредности этого метода, а также закрыть производство озонаторов.

На Западе несколько десятков фирм производят озонаторы для различного применения, в том числе и для улучшения хранения сельскохозяйственной продукции, а у нас категорический запрет перестраховавшегося министерства привёл к тому, что в Ленинграде, Минске, Хабаровске, Кургане и других местах использование озона прекратили, а производство озонаторов остановили, а сам Бут и его коллега-учёный Самусенко были уволены с работы.

Но история на этом не окончилась. На очередном совместном заседании Академий наук Украины, Белоруссии и Молдавии, проходившем в Киеве в середине марта 1983 года, большинство участников в своих докладах и выступлениях признали прогрессивность озонной технологии. А на следующий день 18 марта газета «Правда» опубликовала статью «Когда рассеялся мираж...» В. Сомова, который полностью исказил реальное положение дел с озонной технологией.

Статья Сомова с оскорбительными выпадами в адрес ученых и специалистов, работавших над озонным методом, обвинявшая их в шарлатанстве, только ещё более вдохновила гонителей из Минплодощхоза, заместителей министра — Холода, Зайченко и Всеволжского, начальника отдела ГКНТ Чаянова, академиков Мишустина, Сокола. «Такой необычный для нашего времени подход к проблеме, — как заявили доктора наук Буслович и Конев в отзыве на эту статью, — отбрасывает читателя к лысенковскому периоду в биологии (1948), осужденному партией, и не должен быть оставлен без внимания...».

К письму, подписанному учеными и отправленному тогдашнему секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву, мною, как главой Госплана, и

председателем ГКНТ Г.И. Марчуком прилагалась подробная справка, доказывающая несостоятельность доводов ведомственной комиссии Минплодощхоза. В ней содержался выверенный анализ применения озонного метода у нас и за рубежом. Оказалось, что способ хранения картофеля с применением озона действует не только у нас, но и в США. К тому же японская фирма «Онда» рекламирует установку для обработки пищевых продуктов озоном и ультрафиолетовыми лучами, которые уничтожают туберкулезные палочки и тифозные бактерии плесени, предотвращают образование пищевых ядов... Приводились и данные исследований по этому вопросу во Франции.

Меня, разумеется, больше всего интересовал наш отечественный способ. Читаю справку: «По результатам исследований Института фитобиологии АН БССР и Белорусского государственного университета создан дробный режим озонирования, который не только обеспечивает высокую степень антисептирования, но и способствует заживлению механических травм корнеплодов... Вопросы биологической ценности и безвредности озонирования сельхозпродуктов изучены на высоком профессиональном уровне. Данные Белорусского научно-исследовательского института санитарной гигиены и заключение Института питания АМН СССР послужили основанием для утверждения Минздравом СССР методических рекомендаций, разрешающих приём в пищу картофеля, обработанного озоном, через 18 часов после последней обработки. Наибольший опыт хранения картофеля с озонированием накопился в Белоруссии, Ленинграде, Горьком, Магнитогорске. В 1981 году объем опытных закладок картофеля и плодоовощей на хранение (включая и озонирование) в Белоруссии составил 27 тысяч тонн против 12 тысяч в 1979 году. На овощной базе № 2 города Горького побывало более ста специалистов из 30 городов страны для изучения опыта применения озона, а из 60 городов поступили запросы на изготовление озонаторов. В Киеве в течение трёх сезонов закладывались в камеры плоды и овощи для длительного хранения с озонированием воздуха, что увеличивало выход стандартной продукции на 8-10 % по сравнению с контрольными сроками. В Ленинградском институте холодильной промышленности установлено, что сроки хранения продукции, обработанной озоном, удлиняются на 1,5—2 месяца, потери снижаются на 10-15 и выход стандартной продукции увеличивается на 10-15 %. Институтом советской торговли установлена принципиальная возможность применения озона в мукомольной и хлебопекарной промышленности. Ещё одна область применения озона в СССР и за рубежом — обработка питьевой воды. Озон обеспечивает

требуемые физико-химические, бактериологические и органолептические свойства воды, обезвреживает воду эффективнее любых других средств, применяемых для этой цели (хлорирование, аммонизация)».

Я привожу эту длинную цитату для того, чтобы показать не только косность, охватившую руководящие кадры и среднее звено, но и вопиющую некомпетентность, а также и те причины, что привели к бессмысленным реформам и беспредметным разговорам о «прогрессе», которыми так искусно прикрывалась горбачёвщина.

Все данные, приведённые в справке, убедительно опровергали заключение комиссии Минплодощхоза о том, что применение озона не имеет теоретических оснований и не подтверждено опытами. Это голословное заключение было своеобразным обвинительным актом. Приведённая в нём верхушечная информация о якобы отмеченных случаях отравления людей, работающих в соседних с озонируемыми камерами помещениях, была взята, так сказать, с потолка. Несерьёзной выглядела и попытка комиссии доказать способность озона образовывать канцерогенные соединения.

И хотя справка Совмину была подписана авторитетными в науке людьми: доктором медицинских наук П.И. Бусловичем, кандидатом технических наук П.И. Дячком, доктором биологических наук С.В. Коневым, кандидатом биологических наук И.В. Кравченко и другими, я как человек осторожный в оценках и рекомендациях обратился с просьбой к президенту АН СССР А.П. Александрову провести научные исследования по озонным технологиям.

Президиум Академии наук поручил комиссии во главе с известным советским ученым академиком Н.М. Эмануэлем провести такие исследования и дать своё заключение.

Более шести месяцев велась эта работа. По её окончании ученые — академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР сообщили, что применение озона для сохранения продуктов научно обосновано и его можно рекомендовать для практики. Об этом официально доложил Госплану академик Александров.

И вот 13 декабря 1983 года в Госплане состоялось заседание коллегии, на котором присутствовали академики Александров и Марчук, зампред Совмина З.Н. Нуриев, руководители министерств, ведомств, научно-исследовательских институтов и производств. Итак, собрались противники и сторонники озонной технологии. Надо было выслушать обе стороны и принять окончательное решение.

На правах председательствующего я предложил академику Эмануэлю

доложить об итогах проделанной работы. Сорок минут он говорил о результатах экспериментов, демонстрировал слайды, давал необходимые пояснения.

Я видел, как все присутствующие насторожились, когда Эмануэль заговорил о канцерогенности. Всем хотелось понять, действительно ли идёт её образование, как сообщалось в заключении комиссии плодовоовощного ведомства.

— Опасения, что озон будет канцерогенен и мутагенен, оказались преувеличены, — решительно заключил академик.

Министр Минплодоовощхоза Козлов нервно заёрзал на стуле при этих словах. Сподвижники его стушевались. Доводы Козлова, ссылки на канцерогенность рушились, как карточный домик. Наконец, собравшись с духом, министр подошёл ко мне и попросил:

— Николай Константинович, тут дело такое, наше министерство вызывают в ЦК. Меня просили. Позвольте уйти...

Ему не терпелось поскорее сбежать с проигранного поля боя.

— Обсуждаем очень важный вопрос, — резонно возразил я. — Принципиальный вопрос. Почему же вы должны уйти? Пойдите, позвоните в ЦК, скажите, что вы заняты в Госплане.

— Тут мой первый заместитель Холод и другие товарищи, — увиливал министр с растерянным видом, — они окончательно скажут...

— Дело ваше... Поступайте, как знаете...

Как выяснилось позже, министр Козлов не был в тот день в ЦК, просто он решил ретироваться. Духу не хватило выступать после того, как наука доказала несостоятельность его позиции. Отчёт комиссии Эмануэля закончился выводом: доказано, что канцерогенного фактора нет и опасаться нечего.

Сколько лет прошло с тех пор, но мне и ныне до конца непонятно, что двигало такими людьми, как Козлов — уязвлённое самолюбие, малое знание своего дела, а может, привычка жить по старинке, ведь так привычно, не хлопотно. Или же корысть за «друга своя» — при списывании почти четверти испорченных продуктов легко и много можно было нажиться.

Но вернёмся к заседанию. Докладчику задавалось множество вопросов, в частности и такой: «Как будет храниться при воздействии озона большое количество картофеля?». Эмануэль ответил, что о конкретном воздействии на большие массы пусть лучше расскажут практики.

И практики сказали своё слово.

Взял слово Ф.И. Пивоваров, заместитель директора Магнитогорского металлургического комбината. Его завод приобрёл в Минске в 1981 году два озонатора и начал применять озонирование в овощехранилищах в дозах, рекомендованных главным санитарным врачом Белоруссии.

— Нам нравится озонирование, — сказал Пивоваров. — Это — прогрессивная форма хранения картофеля и моркови. Раньше мы паковали морковь в песок, теперь третий год засыпаем в контейнеры; раз в декаду подключаем озонатор, и с июля (а разговор шёл в декабре) она прекрасно сохраняется. Раньше для сортировки овощей комбинату требовалось сто человек, а при использовании озонирования всего две работницы перебирают картофель и то только после перевозки. Труженики комбината просили меня убедить руководство в Москве, что отказываться от озонирования ни в коем случае нельзя. Я пятнадцать лет занимаюсь сохранением овощей и — радуюсь, что теперь к сортировке мы не привлекаем ни одного лишнего человека.

Затем своё слово сказал профессор Ленинградского института холодильной промышленности Н.А. Головкин:

— Мне непонятно одно. Мы внедряем озон, видим, как он себя ведёт, его положительный эффект, а товарищи из Министерства плодоовощного хозяйства рассылают документы о прекращении его внедрения. Я вспоминаю, как в своё время были прерваны работы по генетике и кибернетике. И здесь то же самое — «прекратить всякую работу». В журнале «Холодильная техника» теперь вы не найдёте научных работ по озонированию. Про озон печатать запрещено.

Крепко и смело сказал Головкин. В зале возник шум. Хулители из плодоовощного ведомства, брошенные своим полководцем, молчали; понутив головы, слушали негодующие возгласы, крики по поводу ведомственного произвола.

Теперь взошёл на трибуну секретарь Сормовского райкома партии г. Горького Б.П. Шайдаков. У него тоже «своя» боль, государственная:

— Жаль, что по проблеме хранения картофеля имеются два мнения. Мы руководствуемся одним стремлением — сохранить урожай. Однако получаем запрет на хранение с использованием озона. В этом году мы заложили по озонному методу 900 тонн картофеля, в связи с чем и попали в немилость. Нам стали предъявлять претензии, будто у нас с внедрением озона имеются несчастные и даже смертельные случаи. Главный государственный врач города Горького выдал нам справку, что с 1979 по 1982 год фактов порчи овощей и заболеваний среди обслуживающего персонала не было. Далее нас стали обвинять в том, что от озона

металлические конструкции покрываются коррозией. При проверке этих сведений снова было получено заключение, в котором сказано, что состояние поверхности воздухопроводов, управляющих систем, ферм в озонируемых и неозонируемых камерах одинаково. Считаю, что все запреты нужно снять, ибо это дезорганизует работников.

Академик Мишустин, молча и хмуро внимавший возмущённым возгласам, покусывал губы. Ведь это он, принципиальный гонитель нового метода, как председатель ведомственной комиссии писал, что озон агрессивен к металлическим конструкциям; словом, сыграл неблагоприятную роль, дискредитируя озонную технологию. Здесь же, в зале, он, так до конца и не примирившись с очевидностью, сказал, с оговорками, чтобы «соблюсти лицо», что озон может быть всё-таки применён, когда будут разработаны методические условия.

Вице-президент АН СССР Ю.А. Овчинников со свойственной ему прямоотой и категоричностью обратился к Мишустину:

— Вы микробиолог, Вы подписали заключение о вредности применения озона, тем самым Вы компрометируете Академию наук.

Мишустин замахал руками, стал оправдываться с места, но едкие реплики и сильный шум заглушили его слова.

Все ждали, что же скажет доктор медицинских наук С.И. Буслович из Минска, известный своей компетентностью в данном деле и много претерпевший от гонителей. Он спокойно и внятно рассказал, как в Институте гигиены и санитарии проводились исследования на крысах, рождённых от крыс, которые получали в пищу обработанный озоном картофель. Исследования пяти поколений крыс дают основания для вывода о полной безвредности применения озона, так как все подопечные животные живы и здоровы. Исходя из этого, Минздрав СССР утвердил рекомендации, и метод стали успешно применять не только в Минске, но и в Горьком, Хабаровске, Кургане, Магнитогорске. И везде были получены положительные результаты.

Обстановка на коллегии всё более накалялась. Старые, незажившие обиды, упорство противников озона, ищущих обходные пути, зацепки, вроде такой, что нужно ещё и ещё раз проверить, выработать методологию, что на крысах опыты — это всё же опыты не на человеке, — только распаляли сторонников передовой технологии. В зале стоял шум, соседи спорили друг с другом.

Нет, не так просто одолеть косность и уязвлённое самолюбие. Несколько охладило обстановку примирительное выступление академика Овчинникова. По его мнению, истина заключается в том, что при

рачительном хозяине, хорошем хранилище, использовании озона с умом, будет полный порядок. Озон — это агент со своими плюсами и минусами, и его можно применять в интересах человека, если действовать грамотно, и предавать озон анафеме нет смысла.

Коллегия полностью согласилась с рекомендациями Академии наук.

В заключение я высказал свою точку зрения:

— С самого начала внедрения метода появились его противники даже среди работников ГКНТ и Госплана, которые говорили об опасности применения озона для людей, порче картофеля, образовании канцерогенных веществ. Практика же показала безвредность использования озона. У нас и во многих странах мира озон широко применяется для обработки питьевой воды. Лучшее доказательство его полезности — тот факт, что в течение двадцати лет на наших судах-рефрижераторах успешно работают озонаторы, без которых невозможно было бы перевозить цитрусовые и другие скоропортящиеся продукты. Министерство мясомолочной промышленности РСФСР в течение десяти лет занимается озонированием в холодильниках всей продукции, которую оно производит, и уже сэкономило на этом 350 миллионов рублей.

Мы акцентируем внимание на вопросах озонной технологии потому, что это, в сравнении с другими методами, простая технология, менее капиталоемкая и приносит положительные результаты. Однако это не означает, что не нужны холодильники и овощехранилища современного уровня. Ясно, что они необходимы, и ежегодно на 13-14 процентов мы увеличиваем капиталовложения на создание овощехранилищ. Сохранять всё, что мы произвели в сельском хозяйстве, — наша самая насущная задача. Если обратиться к цифрам потерь, то они страшны. Зерна мы теряем десятки миллионов тонн из-за несовершенства техники уборки, обработки и хранения. Потери картофеля составляют до 20-25 процентов в год, а это 18-20 миллионов тонн. Сегодня с трибуны выступали и сторонники, и противники озонной технологии, было представлено много фактов. Я считаю, что не следует акцентировать внимание только на отрицательных фактах, необходимо в первую очередь использовать передовой опыт, чтобы он стал достоянием многих организаций.

Солидные материалы из Магнитогорска показали, каких результатов там достигли: потери составили лишь 3-5 процентов вместо обычных 20-25 процентов по стране. Работники Госплана СССР из отделов сельского хозяйства, науки и техники обязаны были поехать на места, разобраться и убедиться в преимуществах и недостатках метода.

Положительно оценили рассматриваемый метод газеты «Труд»,

«Социалистическая индустрия», «Литературная газета», а газета «Правда» назвала его вредным.

В Магнитогорске, Горьком, Минске была проведена огромная работа, и есть положительные результаты. Однако это не означает, что следует занять позицию повсеместного насаждения озона. Требуется наметить ряд конкретных точек для проведения исследований, создать необходимые технологические условия и взять эти точки под контроль. Через год, к новому урожаю, можно было бы получить точные материалы.

В заключение своего выступления я предложил подготовить проект решения коллегии, поручив это первому заместителю Председателя Госплана П.А. Паскарю, как ответственному за продовольственный комплекс.

В протоколе заседания коллегии было сказано, что принято к сведению сообщение академика Н.М. Эмануэля о проведённых экспериментах и по их результатам сделан вывод, что практическое применение озона для сохранения продуктов основано на достоверных данных... Решено было просить ГКНТ организовать при участии Академии наук СССР, ВАСХНИЛ, Минплодоовощхоза, Минмясомолпрома и ряда других министерств и ведомств в течение 1984 года провести более широкий эксперимент по проверке эффективности использования озона.

В соответствии с предложениями коллегии Госплана СССР Совет Министров, казалось бы, должен был обязать плодоовощное министерство снять ранее наложенный запрет на применение озона и возобновить производство озонаторов. Но время шло, противники озонирования не сдавались, и бесконечное противоборство продолжалось. Возможно, они боялись, что озонная технология потребует меньше затрат, а значит, и капитальных вложений, сократит бюджет их ведомства. Они не гнушались ничем.

Корреспондент газеты «Социалистическая индустрия» пытался докопаться до причины, сдерживающей внедрение этого способа, но заместитель министра Холод отослал его в ГКНТ, а тот в Госплан в отдел сельского хозяйства, а там ответили: «Мы этой проблемой не занимаемся» и отправили обратно к Холоду, то есть по замкнутому кругу.

Одно время в газетах писали, что «загнив» овощей выгоден некоторым лицам, тормозящим внедрение озонирования. Вполне возможно, что кто-то планирует это дело и на том наживается.

Но если раньше запреты исходили от отраслевого министерства, то почему же бывший Минчермет, имея такой прекрасный опыт на одном из своих крупнейших металлургических заводов в Магнитогорске не внедрил

его? Может быть, из-за отсутствия озонаторов? Лично мне видится причина экономическая — отсутствие личной заинтересованности в успехе использования прогрессивного метода.

Оказавшись после ухода из Госплана в должности государственного советника, я продолжал дело, которое не сумел «пробить», находясь на посту Председателя Госплана и заместителя Председателя Совмина. Направил записку в ЦК КПСС. Но ответа не дождался, и тогда пришел к секретарю ЦК В.П. Никонову узнать, как продвигается дело. Он мне дал лаконичный ответ:

— Николай Константинович, я дал указание другому Никонову — из ВАСХНИЛ. Пусть они дадут ответ, это же наука.

Ну как тут не возмущаться? Сколько комиссий работало, сколько авторитетных мнений высказалось в пользу озона, а цеховский секретарь всё что-то хочет услышать. Невольно соглашаюсь с высказыванием моей внучки: «В современных условиях только заинтересованные в получении прибыли двигают науку».

Вспоминаю поездку в Японию (1968 год) в составе правительственной делегации. Там я видел, что на каждом заводе имеется совет, в состав которого входят директора и рабочие. На заседании совета обсуждается любая новинка, способная принести прибыль. Притом 30 процентов её должно обязательно пойти в доход предприятия, а 70 процентов — тем, кто реализует новую идею на практике. Так они дерутся за каждую новинку. Не потому ли японцы ежегодно закупали иностранные лицензии на 300 миллионов долларов, а мы, великая держава, только на 30 миллионов? А ныне и вовсе прекратили подобные закупки. Но если там, в мире капитала каждым движет личный интерес, то что же меня, пожилого человека, заставляет думать о деле и болеть за него? Неужели только одного меня волнует, что старые способы хранения продукции уже не годятся? Решить проблему хранения можно только на основе самых передовых достижений науки и техники.

Я счёл необходимым обратиться с письмом к М.С. Горбачёву — генеральному секретарю ЦК КПСС.

«... Понимая всю остроту продовольственной проблемы, считал бы необходимым обратить Ваше внимание на вопросы сокращения потерь сельскохозяйственной продукции с помощью озонирования.

Обращаясь к Вам по вышеуказанной проблеме, должен сообщить, что, работая государственным советником при Совете Министров СССР, я обращался с аналогичным письмом в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и ВАСХНИЛ к товарищам В.П. Никонову, В.С. Мураховскому и А.А.

Никонову. Однако никакой реакции не последовало. Может быть, ставя эти вопросы, я не прав, но, видимо, мне об этом следует сказать прямо. Я думаю, что вопрос применения озона для сохранения сельскохозяйственной продукции заслуживает специального рассмотрения».

Прошёл год, и никакой реакции. Я подумал, что если в бытность свою заместителем главы правительства много лет безуспешно пытался внедрить пустяковые по затратам, но сулящие огромные выгоды новшества, и потерпел неудачу, то теперь и подавно, находясь на пенсии, вряд ли могу на что-то надеяться. Правда, министр цветной металлургии С.В. Колпаков по телефону сообщил мне, что силами его министерства будут изготовлены пять озонаторов для предприятий отрасли... В том-то и беда, что лишь для своих предприятий. А если бы по всей стране, — то сколько пользы принесло бы это. Но пока государство продолжает терпеть миллионные убытки.

Возглавляя долгие годы Госплан, я убедился, к сожалению, что не только эта идея, но и многие другие, сулящие несомненные выгоды экономике, погибли в равнодушных кабинетах ... или просто отброшены в сторону и забыты.

Во всём мире хозяйственники бегают за специалистами, а у нас специалисты расшибают лбы о двери хозяйственников.

Как-то, посетив ВДНХ, увидел там автора озонной технологии А.И. Бута. Он усталым голосом рассказывал гостям столицы о своём методе. Посетители, выслушав Бута, благодарили его за верность идее, за целеустремлённость и настойчивость.

К сожалению, он недавно ушёл из жизни. И хочется верить, что его дело всё-таки восторжествует.

Тяжёлым грузом легла мне на душу и другая история — дело Иоханиса Александровича Хинта. Речь идёт о его изобретении — дезинтеграторе.

Об этом изобретении я впервые узнал из газеты «Правда» (1981 год), прочитав опубликованную в ней статью Иванова «Чудесная мельница». В статье приводились высокие технические качества дезинтегратора, созданного группой ученых во главе с Хинтом. Эта статья привлекла моё внимание, и я ознакомил с нею сотрудников Госплана, которые тоже заинтересовались новым изобретением. Потом появились аналогичные публикации в «Социалистической индустрии», «Экономической газете», где говорилось, что Хинт за своё изобретение удостоен Ленинской премии. Он не только разработал новую установку — «чудесную мельницу» для

смещения, измельчения материалов высокоскоростным и высокочастотным ударом, благодаря чему улучшаются свойства изделия, но и наладил производство этих компактных, высокопроизводительных и забирающих мало энергии установок.

Полученный с помощью дезинтеграторов силикальцит — весьма привлекательный строительный материал уже широко использовался в строительстве жилья и зданий. Дома из силикальцита были построены в Гурьеве, Чайковском, Таллинне, Одессе и других городах. Как выяснилось, дом из этого прекрасного и прочного материала на 30 процентов дешевле, чем дом из бетона или кирпича.

Заинтересовавшись идеей Хинта, мы создали подкомиссию Государственной экспертизы во главе с академиком Н.С. Ениколоповым, куда вошло 15 докторов и кандидатов наук. Они выехали в Таллинн, ознакомились с технологическими процессами, убедились в разнообразии возможностей применения дезинтеграторов и их высокой экономической отдаче.

Эксперты подтвердили, что созданная под руководством Хинта дезинтеграторная технология не признавалась у нас в стране, пока о ней не узнали специалисты западных концернов. Они купили у Хинта лицензию и пригласили для налаживания дезинтеграторной технологии производства в Австрии, Италии и Японии. Тогда-то заинтересовались изобретением и у нас, прежде всего те, кто возглавлял производство строительных материалов. К сожалению, между Хинтом и чинами из министерства строительных материалов возникла сразу же неприязнь, перешедшая во вражду. Недруги объявили изобретение сомнительным, а самого Хинта несносным человеком.

В этой ситуации западные бизнесмены усмотрели возможность нагреть руки на скандале, сэкономив миллионы в валюте. «Если ваш силикальцит плох, — заявили они нашему экспертному объединению, — то мы сокращаем платежи». За эту лицензию отказались платить японцы. Министру строительных материалов это было объяснено как нежелание иностранцев платить за плохой товар. Ученые недруги объявили Хинта шарлатаном, а министр издал приказ о закрытии в Таллинне института силикальцита. Хинта же уволили.

Хинт и его уволенные коллеги стали работать простыми проектировщиками в одном из проектных институтов. А вечерами занимались прежним делом. В результате совместной работы они создали на коллективных началах специальное конструкторское и технологическое бюро «Дезинтегратор». За несколько лет это маленькое бюро, руководимое

Хинтом, выросло в научно-исследовательскую и проектно-конструкторскую фирму с персоналом в 700 человек.

На пустыре при выезде из Таллинна был возведён четырёхэтажный дом с подсобными цехами. Хинт создал, по существу, новую экономическую модель предприятия с гибкой системой планирования и организацией работ, оплаты труда, которая дала высокий эффект ускорения научно-технического прогресса. С момента получения заказа и до полного изготовления образца установки проходило не больше года.

Слушая экспертов, я невольно вспомнил, как мы в своё время, находясь у истоков экономической реформы 1965 года, думали о возможностях расширения прав предприятий, чтобы коллективы больше зарабатывали и проявляли большую инициативу. Если бы в то время этот опыт был известен, то, возможно, и реформа получила бы дополнительные силы.

Эксперты рассказали мне и о чудодейственном лечебном препарате АУ-8. Рецепт его состоял из компонентов растительного и животного происхождения. Используя дезинтегратор, испытали и усовершенствовали этот препарат. За эффективным лекарством выстраивались большие очереди. О нем как о тонизирующем веществе заговорили врачи. Но и здесь появились недоброжелатели. Дело в том, что пациенты, надеясь на чудо-препарат, начали отказываться от традиционного лечения, что, конечно, было не очень разумно.

В Таллинне к Хинту стали приезжать делегации — сначала со всей страны, а потом и из-за рубежа. Покупали лицензии на дезинтеграторы-активаторы, а также право на реализацию АУ - 8, в то время уже широко известного благодаря воздействию на человека биологически активных веществ, недостающих в обычной пище. Потребление одного грамма АУ-8 в сутки на один килограмм веса человека позволяло сбалансировать рацион питания, остановить развитие болезни, увеличить энергию.

Со временем фирма Хинта стала крупным международным центром, получающим большую прибыль в валюте, что позволяло иметь хорошие виды на увеличение прибыли государства.

Комиссия Госплана, изучив деятельность фирмы, решила ей всемерно помогать, и потому наметили провести совместные заседания министерств и предприятий, выслушать различные мнения ученых и авторов лечебного препарата.

А перед этим в феврале 1981 года у меня с Хинтом состоялась беседа. Он рассказал о своих научных достижениях и о препятствиях их внедрению. Я понял, что он обладает большими знаниями и умом как

ученый и организатор нового дела.

Доктор технических наук, лауреат Ленинской премии И. Хинт начисто был лишён дипломатичности в общении с государственными деятелями высокого ранга. И на выставке в Госплане, где экспонировались дезинтеграторные технологии, и в зале заседания коллегии, где собрались министры, академики, председатели и зампреды Госпланов республик, Хинт держался со всеми одинаково ровно. Без стеснения и чинопочитания отвечая на вопросы, он высказывал смелые суждения, отличающиеся независимостью, а порой прямо противоположные мнению присутствующих.

Председатель экспертной подкомиссии академик Н.С. Ениколопов подтвердил, что технология Хинта имеет большие перспективы в производстве строительных материалов, а также в бурении нефтяных и газовых скважин. Отметил и возможности применения её в медицине и других отраслях, то есть удивительную универсальность. Выступление произвело впечатление даже на явных скептиков, тем более что выступивший за ним заместитель председателя Пермского облисполкома рассказал, что в г. Чайковском из силикальцита построено 700 тысяч квадратных метров жилья и ряд промышленных предприятий.

Из всех выступавших лишь представитель Министерства строительных материалов высказался отрицательно о силикальцитах. Я уже знал, что между Хинтом и самим министром возникли сильные разногласия, но не придавал этому выступлению особого значения.

Коллегия приняла решение поддержать дезинтеграторную технологию, учитывая, что она может быть применима во многих областях народного хозяйства. Было подготовлено и постановление Госплана, где отмечалось, что дальнейшая разработка этой технологии и её внедрение позволят значительно сэкономить материальные и трудовые ресурсы, увеличить количество продукции: цемента, металлических порошков, комбикормов, строительных и других материалов.

А отделам Госплана поручалось изучить предложения специального конструкторского и технологического бюро (СКТБ) «Дезинтегратор» для более широкого использования данной технологии в народном хозяйстве и предусмотреть это в годовых и перспективных планах на период до 1990 года. Сводному отделу науки и техники надлежало в трехмесячный срок представить руководству Госплана предложения о развитии материально-технической базы для внедрения прогрессивной технологии.

Руководитель СКТБ Иоханис Александрович Хинт был очень доволен. Он уезжал из Москвы с самыми радужными надеждами, не подозревая, что

вскоре против него будет возбуждено уголовное дело по факту деятельности, которая в те времена считалась незаконной.

Когда мне о том доложили, я тут же позвонил в Таллинн секретарю ЦК партии Эстонии Вайно.

— Послушайте, что вы делаете? В чем он виноват? — спросил я.

— Следствие подтверждает растрату, — невозмутимым голосом ответил эстонский секретарь.

— Мы обсуждали на коллегии Госплана деятельность СКТБ... — продолжал объяснять я дело. — Приняли решение. Технология его очень интересна и обещает большие экономические выгоды государству. Отнесите, пожалуйста, к Хинту внимательно.

— Не защищайте Хинта, Николай Константинович. Контрольные органы проверили: он разбазаривал средства, хищениями нанёс ущерб государству, потому заслуживает наказания.

Что тут скажешь этому неумолимому человеку на том конце провода? Что обвинения носят формальный характер? Что чиновнический подход тормозит научно-технический прогресс? Не скажешь...

Итак, моё вмешательство не дало результатов. К сожалению, настоять на объективном рассмотрении дела мне не удалось. Осталась надежда, что суд разберётся, примет во внимание, что СКТБ создано на собственные средства и за счёт денег пайщиков. Хинт говорил: «Среди пайщиков и колхозы, и заводы. Мы самостоятельно распоряжаемся продукцией и распределяем прибыль по своему усмотрению».

Возможно, какие-то нарушения имелись, но не могло быть, чтобы человек, фанатично преданный своим научным идеям, убеждённый, что внедрение силикальцита поможет решить жилищную проблему в стране, из личной корысти нанёс ущерб государству. Я и учёные-эксперты не сомневались в том, что деятельность Хинта как руководителя принесла бы нашей экономике и науке несомненно существенную пользу.

Как мне стало известно позже, предъявленные Хинту обвинения отвечали духу того времени и казённому пониманию буквы закона. Содеянное было расценено ревностным следователем как хищение в особо крупных размерах!

В результате Хинт был осужден на 15 лет.

В 1985 году судебная Коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР переквалифицировала действия Хинта, назвав их не хищением, а злоупотреблением должностным положением, и скостила срок заключения в колонии строгого режима до... 10 лет, где Иоханис Александрович и скончался...

Но что же далее произошло с разработанной эстонскими учеными и экономистами Комплексной программой развития дезинтеграторной технологии до 1990 года? По заключению эстонских экспертов, только за одну одиннадцатую пятилетку технология Хинта могла бы дать государству два миллиарда прибыли. Однако всё застопорилось по той простой причине, что против Хинта возбудили уголовное дело. Подлила масла в огонь и статья Халина «Под крылом покровителей» в газете «Правда» (24 апреля 1984 года). Эта статья скомпрометировала за рубежом одно из лучших достижений отечественной науки и инженерной практики. Закрылось совместное советско-австрийское предприятие «Десро», а другие иностранные фирмы, наученные горьким опытом, стали отказываться от всяких лицензионных соглашений с нами. Есть сведения, что зарубежные фирмы после нашей мощной антирекламы в газетах своими силами разрабатывают дезинтеграторную технологию и будут ею широко пользоваться. А нам придётся покупать за валюту то, что неосмотрительно похоронили сами у себя.

8 июня 1984 года на заседании коллегии Госплана мы опять обсудили перспективы новой технологии и факторы, тормозящие её развитие. По итогам приняли обращение к редакциям газет с призывом пропагандировать эту прогрессивную технологию. Но газеты устроили настоящий заговор молчания вокруг нашего обращения и, что всего печальнее, вокруг конструкторского бюро «Дезинтегратор» (уже без Хинта). Я же продолжал всячески поддерживать его, веря, что рано или поздно справедливость восторжествует.

На моём пути было немало препятствий, в том числе и новая клеветническая статья Халина «Перевёртыши» в газете «Правда» (5 января 1989 года). Но, будучи оптимистом, я продолжал драться за внедрение прогрессивной технологии. Надеялся — дело замечательного ученого и его славного коллектива не погибнет, а невиновность Хинта будет доказана. И я оказался прав.

Постановлением пленума Верховного суда СССР от 25 апреля 1989 года приговор в отношении И.А. Хинта отменён, и он полностью реабилитирован. Жаль, что поздно, — человека уже не вернуть... Жаль, что и внедрение дезинтеграторных технологий не продвинулось вперёд (а с «шоковой терапией» и вовсе заброшено). И это несмотря на то, что решение Госплана не было отменено.

После окончившихся печально историй, связанных с борьбой за торжество передовых технических идей, хотелось бы обратиться к той области, где у нас всё обстояло, казалось бы, благополучно. Речь пойдёт о

космонавтике.

В 1992 году я получил диплом действительного члена (академика) Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского. Это меня несколько поразило. Ведь я, что называется, коренной нефтяник и для меня не было неожиданностью получить звание почётного члена Академии естественных наук и действительного члена Международной академии нефтегазового комплекса, поскольку я внёс определённый вклад в развитие новой техники и технологии в нефтяной и газовой промышленности.

Может быть, присуждение звания академика космонавтики объясняется тем, что по роду своей многогранной деятельности, особенно в Госплане СССР, мне приходилось участвовать в создании и развитии советской космонавтики. Так, в 1956-1957 годах, будучи Председателем Госплана при Хрущёве, я встречался с С.П. Королёвым — основоположником космонавтики и решал с ним немало вопросов, связанных с развитием этой области. Тогда под руководством С.П. Королёва создавались первые советские баллистические ракеты. Многие из них были на боевом дежурстве ракетных частей Советской Армии.

Возглавляя Госплан СССР в 1966-1985 годах, я продолжал принимать активное участие в дальнейшем развитии космонавтики. Возможно поэтому в сентябре 1981 года я был также награждён медалью академика С.П. Королева «За выдающийся вклад в становление космонавтики СССР», а в июле 1985 года удостоен медали имени М.Л. Миля «За создание новой техники».

В феврале 1998 года по приглашению главы администрации города Королева — А.Ф. Морозенко я посетил Ракетно-космическую корпорацию (РКК) «Энергия» им. С.П. Королева и его музей, а также Центр управления полётами космонавтов.

В музее широко представлены основные этапы развития советской космонавтики — от первых спутников Земли до последних космических кораблей. В Центре управления полётами демонстрируется фильм, просмотрев который можно узнать много интересного об орбитальной станции «Мир», вращающейся вокруг Земли более 12 лет.

В городе Королеве я встретился с Керимовым Керимом Алиевичем, который 25 лет был председателем государственной комиссии по запуску пилотируемых станций, с летчиком-космонавтом Аксёновым Владимиром Викторовичем, дважды Героем Советского Союза, представителями общественности и др.

Упоминаю об этой встрече потому, что у нас состоялась интереснейшая беседа о развитии советской космонавтики, о её состоянии

в настоящее время. Хочу изложить заслуживающие внимания следующие основные положения, высказанные в ходе этой беседы К.А. Керимовым.

Часто говорят, что мы плохо готовились к войне с фашистской Германией и потому имели поражение в начале военных действий. Однако это неправда! Готовились мы даже больше, чем позволяла экономика страны. Именно потому у нас строго-настрого запрещалось тратить средства на всякие «экзотические» программы, как, например, освоение человеком стратосферы или даже космоса реактивными «приборами». Наш соотечественник К.Э. Циолковский провозгласил, что «...человечество не будет вечно жить на Земле, сперва робко проникнет за пределы атмосферы, а затем...». Мечтатель ушёл из жизни, а наследники его, желающие страстно воплотить его идеи в жизнь, были ограничены в своих робких начинаниях бурей надвигающейся войны.

А всему тому, чего требовала подготовка к войне, была открыта зелёная улица! Все, кто участвовал в этой войне, хорошо помнят, какой ужас наводили на фашистов наши легендарные ^[2] «катюши» — реактивные снаряды залпового огня, которые были созданы перед самой войной, а потом стали оружием Победы. Может быть, этим вся реактивная техника и ограничилась бы на какое-то время, если бы не ракеты вермахта — ФАУ-2, которыми немцы бомбили Лондон в конце войны. О них писал Черчилль Сталину и предупреждал его, что эти ракеты в конце концов и до Москвы достанут.

Тогда-то и началась страшная битва за баллистические ракеты дальнего действия. Как у нас обычно бывает, вышло в свет знаменитое Постановление Совмина, подписанное Сталиным, от 13 мая 1946 года, где всё было расписано до мельчайших подробностей. Руководство этими работами и контроль за ними возлагались на спецкомитет по реактивной технике во главе с Маленковым, Устиновым и Зубовичем. Страна, не залечив ещё раны, нанесённые войной, начала битву за ракетную технику. В конструкторском бюро НИИ, в цехах заводов и на стройках люди стали работать днём и ночью, не считаясь со временем. Ракеты Р-1, Р-2, Р-5 и Р-7 явились опорными вехами становления в нашей стране ракетной индустрии.

После появления на свет межконтинентальной ракеты Р-7 главный конструктор этой ракеты С.П. Королев вместе со своими ближайшими соратниками В.П. Глушко, Н.А. Пилюгиным, В.И. Кузнецовым, В.П. Барминым и другими сосредоточиваются на космической тематике и начинают более настойчиво требовать средства на освоение космического

пространства. Но Королёва ограничивают. Однако вскоре ему поручают создание ориентированного спутника для зондирования Земли из космоса, способного возвращать на Землю отснятую на борту фотопленку. Работая над этой темой, Королёв создал вариант спутника для возвращения на Землю живого существа — собаки. И он начинает усиленно отрабатывать в натуральных условиях спутник с подопытными животными. Причём работы эти проводятся ранее других и при личном участии самого Королёва. Вскоре он достигает обнадеживающих результатов и предлагает Правительству разрешить ему послать человека в космос. Короче, инициатива опять идёт не сверху, а снизу.

Королёв, продвигая свою идею, отмечает, что США, проиграв нам запуск первого спутника, стремятся теперь взять реванш. В конце концов, ему разрешают полёт человека с безусловной гарантией его возвращения на Землю. После успешного полёта Ю. Гагарина и восторженной оценки этого события во всём мире происходит переворот в умах нашего руководства. Оказывается, что космос как раз является той областью, где можно показать преимущество одного строя перед другим. И начинается победное шествие в космос. Причём, в планы работ включаются только такие полёты, которые имеют приоритетное значение.

Нельзя сказать, что на Западе и в США всё обстояло совершенно иначе. Там тоже первые космические достижения появились после создания своих межконтинентальных ракет военного назначения. Но в те времена благодаря трудовому подвигу многих коллективов во главе с Д.Ф. Устиновым и С.П. Королевым СССР удалось опередить США. Как известно, принятые потом президентом Кеннеди меры позволили США создать долговременную и мощную научно-техническую базу, которая позволила им осуществить полет человека на Луну, а затем сохранить и использовать её для выполнения престижного проекта «Спейс-Шаттл» и хорошо спланированных экономических задач.

Если для нас первенство в космосе было тогда средством доказательства превосходства коммунизма, подчеркнул К.А. Керимов, то для них космические программы служили средством обеспечения мирового лидерства в научно-технической сфере. Однако теперь получается, что фетиш — символ мирового господства разрушен. Вместо соперничества на арену выходит взаимовыгодное сотрудничество! Так ли это — покажет время.

В результате космической гонки осталась как в США, так и в бывшем СССР, превосходная техника. Достроена и успешно эксплуатируется Россией в содружестве с передовыми странами Америки, Европы и Азии

старая орбитальная станция «Мир»; сооружается новая станция для нового века. Сегодня товаром высшей пробы является полет на станции «Мир», а средства, получаемые от коммерческой деятельности, используются для поддержания этой станции в рабочем состоянии. Американцы, не связанные с НАСА своей деятельностью, просят русских (и обратилась даже к нашему Президенту) не уничтожать эту стойкую и живучую станцию после 1999 года, как хотелось бы НАСА, а послать её на более высокую орбиту до лучших времен. Наверное, они в этом правы, высказал свою точку зрения К.А. Керимов.

На этом закончилась наша беседа. Я потом ещё долго думал, по какому пути пойдёт дальнейшее развитие российской космонавтики.

Поддержка талантов

Когда ты наделён государственным доверием, то очень нелегко, а помоему, и невозможно не оказывать личную помощь и поддержку нуждающимся людям — талантам и подвижникам плодотворных идей. Вот и у меня были те, кому я охотно помогал. Иные и поныне здравствуют...

Однажды в поисках новых путей борьбы с алкоголизмом я узнал, что в Крыму, в Феодосии живёт и работает врач — психиатр Александр Романович Довженко, который за сорок лет своей врачебной практики вылечил около 100 тысяч алкоголиков, не считая наркоманов и заядлых курильщиков.

Созвонившись с ним, я попросил его приехать в Москву.

Вскоре, после своего выступления на Пленуме ВЦСПС, я сказал Председателю ВЦСПС С.А. Шалаеву о предстоящей моей встрече с Довженко. Шалаев заинтересовался. На следующий день Довженко подробно рассказывал нам о своей методике лечения.

Первое и главное условие его методики — большое и искреннее желание больного вылечиться. Если оно есть, успех обеспечен. Второе условие — воздержание от употребления спиртного в течение 15-20 дней перед лечением, так как нужно полностью вывести алкоголь из организма. Третье условие — до лечения 15-20 дней нельзя принимать никаких лекарств: нервные клетки не должны быть загруженными никакими препаратами. Если все условия соблюдены, то начинается сеанс лечения...гипнозом в течение 2-3 часов — и человек становится здоровым. Насколько мне известно, никто в мире не излечивал людей в столь короткие сроки, причём самым безвредным и недорогим способом.

Во время сеанса гипноза происходит восстановление утраченных иммунитета и воли больного, после чего врач приступает к заключительному этапу лечения — к кодированию воздействием на жизненно важные рефлекторные зоны. Всё это проводится в отдельном кабинете и отдельно с каждым больным. При кодировании на минимальный срок, не менее года, в больном вырабатывается психологическая защита от таких, как он, пьяниц. Указанный срок вполне достаточен для упорядочения семейных отношений, восстановления доброго имени на работе. При желании больной может продлить этот срок. Однако если кому-то вдруг станет в тягость трезвая жизнь, то можно раскодироваться и всё начать сызнова. Только следует знать: второй раз

Довженко не лечит. Не пить — так уже на всю жизнь!

Сознавая важность и значимость такой методики лечения, я поинтересовался, что нужно сделать для её широкого распространения.

— Прежде всего, помогите мне получить помещение для больницы, — сказал Довженко, — сейчас мы работаем в тяжелейших условиях, нам также нужны оборудование и транспорт.

Степан Алексеевич Шалаев тут же предложил ему занять в Феодосии корпус дома отдыха «Восход», а Госплан по моему распоряжению выделил необходимое оборудование и транспорт. В свою очередь я попросил Довженко организовать курсы обучения врачей по его методу лечения. Позже персонал больницы располагался в Феодосии в прекрасном особняке, построенном в начале века табачным фабрикантом Стамбалком для своей возлюбленной. Сей особняк был передан республиканскому наркологическому психотерапевтическому центру Минздрава Украины. И его руководителем стал заслуженный врач республики, психиатр, психолог, нарколог, психотерапевт А.Р. Довженко.

Да, метод Довженко — уникальный, такого не было нигде в мире. Этот метод не требует пребывания больного в стационаре в отрыве от семьи и работы, исключает лекарственные препараты. Если бы те 15 тысяч больных, излеченных Довженко за последние шесть лет, находились в стационаре, государству это обошлось бы во многие миллионы рублей.

Метод признан важным изобретением и защищён авторским свидетельством. У Довженко более 80 учеников, которые, пройдя у него курс обучения, работают уже в ряде городов страны.

Во время отдыха в Кисловодске я побывал у одного из учеников Довженко — главного врача психоневрологической больницы Игоря Анатольевича Былима. За пять лет до нашей встречи он излечил от алкоголизма более 7 тысяч человек... Такие цифры впечатляют.

Тысячи писем получал Довженко от благодарных пациентов, и я уверен, что лечение по его методу принесёт ещё большую пользу в борьбе с этой повальной болезнью. Ведь только по официальным данным за 1993 год, более 5 миллионов человек в России страдало этим тяжким недугом. К большому сожалению, Александр Романович рано ушел из жизни. Верховный Совет СССР присвоил ему звание народного врача. Он являлся также почётным академиком США.

В 1983 году пришёл ко мне на приём человек с доброй приветливой улыбкой и удивительными глазами. Это был Святослав Николаевич Фёдоров, директор Московского института микрохирургии глаза. Со свойственной ему неукротимой энергией Фёдоров сразу же поставил

вопрос об «индустриализации» здравоохранения и, в частности, офтальмологии. Он просил поддержать его и выделить институту свободно конвертируемую валюту на закупку за рубежом оборудования конвейера, на котором будут проходить глазные операции, а больные — группироваться по характеру заболеваний: близорукость, катаракта, глаукома и т.д.

Институту было выделено немало валютных средств, и Фёдоров за несколько месяцев сумел, с участием специалистов из ФРГ, построить и ввести в действие ленточный конвейер. Вскоре после его пуска Святослав Николаевич пригласил меня в свой институт, и я убедился, каких высоких результатов удалось ему добиться. Наибольшее впечатление произвела на меня новая организация непрерывного оперативного лечения. За ленточным конвейером стояли врачи-специалисты, одетые в бумажные костюмы одноразового пользования, и поочерёдно выполняли свои ювелирные действия.

Примечательно, как перед операцией врач-психиатр вёл с больными профилактическую беседу.

— Товарищи, не беспокойтесь, — внушал он больным ровным, доброжелательным тоном, — операция займёт не более десяти минут, и вы станете зрячими.

Основываясь на положительных результатах работы института, Совет Министров СССР поддержал инициативу С.Н. Фёдорова и принял решение о строительстве в двенадцатой пятилетке в Российской Федерации 12 филиалов института: в Ленинграде, Краснодаре, Чебоксарах и других городах. Сооружали их ускоренными темпами, и все они были введены в установленные сроки. В итоге количество операций в институте Фёдорова превысило 300 тысяч в год, это в 10 раз больше, чем до строительства филиалов. Примерно столько же глазных операций было сделано в Российской Федерации в 1985 году, хотя потребность их в республике составляла более 1,2 миллиона.

В августе 1993 года я побывал в гостях у Святослава Николаевича на его даче, беседовали весь день, и я узнал подробности о работе МНТК «Микрохирургия глаза» и последних его достижениях. В тот же день любезный хозяин ознакомил меня и со своим агрофермерским хозяйством Протасово-Славино, расположенным поблизости от его загородного дома. Думаю, что читателю будет интересно узнать о делах всемирно известного учёного, умеющего хорошо сочетать работу врача с хозяйственной деятельностью.

Многоотраслевой комплекс «Микрохирургия глаза» был основан в 1986 году. В его состав входят Московский НИИ микрохирургии глаза,

опытно-экспериментальное производство и завод по производству оптики, приборов и инструментов. Внешнеторговая фирма комплекса, 12 филиалов в пределах России, агропромышленная фирма «Протасово» — ныне акционерное общество закрытого типа.

Используя современные технологии, разработанные под руководством Фёдорова, его коллеги в головной организации и филиалах выполняют до 1500 операций ежедневно, причём, как правило, с положительными результатами. Статистические данные свидетельствуют, что в США приходится в среднем одно осложнение на 800 операций, тогда как у Фёдорова одно на 11 500.

За пять лет до 1993 года было прооперировано примерно 1 миллион 200 тысяч пациентов.

Своими успехами Фёдоровский институт во многом обязан чёткой организации труда и справедливой системе заработной платы. Она построена по иерархическому принципу, за основу которого принят оклад санитарки. Все остальные оклады устанавливаются по должностной лестнице, вплоть до генерального директора. При этом строго учитываются сложность и интенсивность труда. С ростом фонда зарплаты, который коллектив должен заработать своим трудом, оклады повышаются всем сотрудникам с соблюдением установленных должностных коэффициентов. Такой принцип оплаты позволяет усилить заинтересованность персонала как в личном продвижении по службе, так и в общих успехах деятельности института.

За годы работы уникального медицинского комплекса, возглавляемого С.Н. Фёдоровым, выросла целая когорта специалистов высочайшей квалификации.

Комплекс финансируется главным образом за счёт средств, полученных от оплаты операций, подавляющая часть доходов направляется на актуальные научные исследования и разработки.

В клиниках профессора Фёдорова используется оборудование, созданное японскими специалистами, немецкими фирмами. Благодаря разнообразным технологиям хирургического лечения глазных болезней, разработанным «фёдоровцами», уже вылечено более полутора миллиона человек.

Еще в 1974 году Фёдоров и его коллеги создали новый метод лечения близорукости и астигматизма. С тех пор выполнено свыше миллиона таких операций.

В МНТК ежегодно обучается новым методам микрохирургии глаза и диагностики около 250 специалистов. Помимо этого, новая технология

внедряется в специально оборудованном автобусе, оснащённом современной аппаратурой.

За многие годы Фёдоровым налажены эффективные отношения с зарубежными партнёрами. Структуры установившегося сотрудничества, успешное осуществление совместных проектов и реальная польза от этого привлекают из года в год всё большее число желающих контактировать с МНТК. Иностранные гости часто посещают фёдоровские комплексы, изучают, тщательно записывают данные, чтобы самим потом использовать всё новое и прогрессивное. Это сотрудничество развивается и за пределами России.

В 1992 году МНТК «МГТ» получил государственный акт на право пользования землёй. Ныне комплекс располагает более чем 1000 гектаров собственной земли.

Проложено 12,5 километра асфальтированных дорог, завершено сооружение газовой магистрали. Возводятся прекрасные коттеджи для сотрудников, продаваемые в рассрочку на 15 лет к тому же по 50-процентной стоимости. Создается и культурный центр: уже есть крытый теннисный корт, бар, ресторан. Построена хорошая конюшня для 23 элитных лошадей, крытый конный манеж. Вводятся в действие школы, пенсионерам предоставляются дачи в аренду.

Ещё в 1990 году С.Н. Фёдоров, вернувшись из США, где заключил соглашение на производство глазного хрусталика, рассказывал мне, какие большие деньги в валюте можно получать, если использовать накопленный коллективом опыт лечения больных за рубежом.

Я с постоянным интересом слежу за умной и активной работой Святослава Николаевича сразу по нескольким направлениям. Это большая редкость, когда высочайший профессионализм учёного сочетается с талантом управляющего и предпринимателя. Он владеет искусством менеджмента, способен всё учесть. Фёдоров создаёт в своём институте условия, необходимые для того, чтобы талант врача раскрылся полностью, чтобы способности каждого человека были максимально реализованы. Может быть поэтому имя Святослава Николаевича Фёдорова и дела его института известны всему миру.

Большой интерес к его деятельности проявил Фидель Кастро. Как-то во время визита на Кубу, я рассказал ему о нашем замечательном враче и предпринимателе. Чуткий ко всему новому Кастро очень заинтересовался моим рассказом. Он не скрывал ни своего изумления чудесами русского врача, ни восхищения им. Широкая улыбка осветила лицо Кастро, — всё талантливое, необычное вызывает в нём радость. И Фидель попросил меня

помочь устроить командировку Фёдорову на Кубу для передачи своего уникального опыта кубинцам, что я и сделал. По моему совету Фидель Кастро направил также в Москву в фёдоровский институт кубинских врачей для обучения.

Когда же Кастро приехал в Москву в 1986 году, он посетил глазной институт и пришёл в восторг от всего увиденного там; больше всего он был изумлён конвейерными операциями. Он с радостным восхищением сказал мне:

— Компаньеро Байбаков, то, что вы рассказывали мне на Кубе о делах Фёдорова, бледнеет в сравнении с тем, что я увидел и услышал сегодня. Я прошу вас оказать содействие в организации такого комплекса на Кубе. Что и было сделано.

Успехи С. Фёдорова — не нечто отдельное, необычайное, они могли появиться только в совокупности явлений, в результате всеобщей заботы государства.

Судьба свела меня ещё с одним уникальным человеком — Джуной Давиташвили. Впервые я встретился с Джуной в апреле 1981 года, когда возникла необходимость в лечении моей супруги Клавдии Андреевны. Дело в том, что с 1976 года в течение пяти лет она была очень слабой, еле двигалась, постоянный недуг не отпускал её. Официальная медицина ничем помочь ей не могла, положение было отчаянным. Я уже и не знал, что делать. Но вдруг услышал от знакомых, что живёт в Тбилиси некая чудодейка Джуна Давиташвили, которая лечит больных методом бесконтактного массажа и добивается в этом деле удивительных результатов. Я тут же позвонил Председателю Совета Министров Грузии Зурабу Патаридзе. Зураб моему рассказу о Джуне несколько не удивился и дал высокую оценку её необыкновенным способностям.

Через пару дней Джуна прилетела в Москву, и я пригласил её к себе домой. Джуна оказалась умной и красивой девушкой с внимательными магическими глазами, немногословной на обещания. Я ей почему-то сразу поверил. С этого дня началось излечение Клавдии Андреевны, впервые за много лет она почувствовала себя значительно лучше, стала охотнее есть, ровнее спать, боли утихли.

Имея положительные отзывы от множества пациентов Джуны и лично убедившись в её уникальных способностях и знаниях древней медицины, я решил привлечь научные организации, прежде всего медицинские, к изучению её феноменального дара и метода. Некоторые руководители Минздрава считали этот метод из-за его необыкновенности неким фокусом, трюкачеством и т.д. В связи с этим мне вспомнился один впечатляющий

эпизод.

Как-то после сдачи проекта очередного плана пятилетки я решил провести несколько дней в подмосковном доме отдыха «Сосны». Здесь я встретил Аркадия Райкина с его женой. Оба выглядели больными стариками. Я с трудом узнал их, насколько они изменились. Аркадий Исаакович сказал мне, что был тяжело болен, пролежал с инфарктом в больнице три месяца, а его супруга Рома перенесла инсульт, в результате чего лишилась речи. Врачи как ни бились, какие ни прописывали лекарства, так и не смогли ей помочь. Узнав, что я знаком с Джуной, Райкин обрадовался и попросил меня, чтобы я помог ему встретиться с нею:

— Мне известно, скольких безнадежно больных людей излечила Джуна! — с нотками восхищения говорил мне Аркадий Исаакович. — Обязательно познакомьте с нею.

Я обещал помочь.

И вот на следующий же день Джуна в сопровождении моего сына Сергея приехала в «Сосны». Я сразу же повёл её к Райкиным. Естественно, Райкины были обрадованы и оперативностью, и неожиданной встречей с человеком, владеющим чудодейственным даром.

Джуна осталась работать в «Соснах» с Райкиными, а мы с главным врачом этого дома отдыха — женщиной зашли в её кабинет и стали беседовать об экстрасенсах, к которым она относилась положительно. Прошло более 40 минут с начала сеанса, но Джуна от Райкиных не выходила, что меня несколько беспокоило — ведь обычно её сеанс с одним пациентом длился не более 10-15 минут. Я постучал в дверь и вошёл в номер. Аркадий Райкин — я тут же увидел это — совершенно преобразился. Он выпрямился, расправил плечи и казался сантиметров на десять выше, лицо его порозовело и светилось радостью. Он произнёс, положив руки на грудь:

— Я не чувствую своего сердца и готов лететь в космос. Джуна тем временем заканчивала сеанс с Ромой.

На протяжении месяца супруги Райкины проходили лечение у Джуны. Аркадий Исаакович стал намного лучше чувствовать себя, а у его супруги вскоре восстановилась речь. Рома произносила слова и словно не верила, что это говорит она, — за долгое время молчания успела отвыкнуть от своего голоса.

По окончании лечения А. Райкин попросил меня посодействовать ему во встрече с Леонидом Ильичём Брежневым. Я посоветовал Райкину написать письмо на имя Брежнева и обещал передать Леониду Ильичу. На

другой день это письмо при содействии одного из помощников генсека, также лечившегося у Джуны, оказалось на столе Генерального секретаря.

Прочтя это письмо, Брежнев позвонил мне, так как Райкин сослался на меня, и спросил:

— Николай, что это за бабка, Джуна? Ты что, лечился у неё? Что она хочет?

Я ответил ему и объяснил обстоятельно, что лечился не я, а моя жена. Рассказал о феноменальных способностях Джуны и предложил ему ознакомиться с целой папкой отзывов от пациентов. На это Брежнев сказал:

— Ничего посылать не нужно, а лучше скажи, что требуется для нормальной работы Джуны?

Я высказал две просьбы. Первая — прописать Джуну в Москве во временно предоставленной ей однокомнатной квартире. Для этого надо было позвонить председателю Моссовета Промыслову, который не хотел помочь из-за возражений министра здравоохранения Петровского. И вторая просьба — обязать Академию медицинских наук СССР провести исследование метода бесконтактного массажа и дать заключение о целесообразности его применения.

Прошёл ещё один день. Джуна получила разрешение на прописку, а через пару дней мне позвонил первый заместитель министра здравоохранения С.Р. Буренков с просьбой принять его и президента Академии медицинских наук СССР И.Н. Блохина. Они хотели поговорить о деятельности Джуны Давиташвили. Эта встреча с участием председателя ГКНТ академика Г.И. Марчука состоялась, и беседа длилась более двух часов. Я ознакомил их с материалами о работе Джуны, и мы пришли к заключению о необходимости проверки её метода в одной из московских больниц.

Потом Джуну пригласили в онкологический институт к академику Блохину. Он поручил ей лечение трёх больных раком. После нескольких сеансов больные почувствовали себя лучше, поверили в возможность своего излечения. Однако случилось непредвиденное — Джуну внезапно отстранили от проведения эксперимента.

Понимая, что необходимо научно обосновать метод Джуны и его влияние на организм человека, я обратился к президенту АН СССР А.П. Александрову с просьбой провести необходимые исследования и доложить результаты Минздраву.

Анатолий Петрович поручил эту работу академику В.А. Котельникову — главе института электроники, который создал специальную лабораторию, оснащённую высокочувствительной аппаратурой,

закупленной за рубежом. Лабораторию возглавил член-корреспондент АН СССР Ю.Г. Гуляев. Джуна была зачислена в штат этой лаборатории на должность старшего научного сотрудника и почти три года проводила исследовательскую работу по бесконтактному массажу вместе с 18 другими научными сотрудниками.

Гуляев, руководитель государственной программы, в рамках которой изучался феномен Джуны Давиташвили, не раз заявлял в печати и на собраниях Академии наук:

— Происходит своеобразный бесконтактный массаж тела тепловым излучением движущейся руки экстрасенса. Температура на поверхности спины, в частности, повышается. При этом оказалось, что сильнее нагреваются те области, где нарушена терморегуляция кожи, то есть соответствующие больным местам. Эффект термомассажа воспроизводим, способностью к нему обладает ряд людей. Бесконтактному массажу, более того, можно обучиться...

Вместе с академиком Александровым мы побывали в лаборатории и подробно ознакомились с материалами исследования, а также просмотрели слайды, демонстрирующие влияние биополя на организм сотрудников лаборатории. В результате всех исследований в Академии наук пришли к выводу о целесообразности дальнейшего изучения метода бесконтактного массажа. К сожалению, эта работа Минздравом так и не была проверена: видимо, отрицательные отзывы многочисленных противников Джуны повлияли на министерство. Несомненно, негативно сказалась и газетная шумиха вокруг её имени, а также нежелание иных чиновников обременять себя новыми проблемами.

А между тем феномен Джуны получил известность в ряде стран мира. Она побывала в США, где было заключено соглашение о производстве высококачественной аппаратуры для совершенствования метода бесконтактного массажа. Хорошо встретили её и в ФРГ, Австрии, Швейцарии и других странах. О её методе писали в основном восторженно и подробно, удивлялись чудодейственному исцелению безнадежно больных. Посетила Джуна и Ватикан, где её принимал Папа Иоанн Павел II, который высоко отзывался о её методе лечения.

За рубежом о Джуне, её чудесных исцелениях написано много статей и книг. Ей присвоено звание доктора медицины Института альтернативной медицины Шри-Ланки — центра «биологической» медицины мира; звание Рыцаря — командора Большого Мальтийского креста. Она является президентом Международной академии альтернативных наук «Джуна».

Окончив Институт народного здоровья, Джуна получила

специальность психолога и теперь занимается научной работой, ей было присвоено звание «Изобретатель СССР». Ныне она работает в созданном ею научно-исследовательском центре бесконтактного массажа «Джуна».

И всё же феномен Джуны Давиташвили так до конца и не разгадан, потому что во многом её дар — индивидуален, присущ только ей, в её таланте врачевателя соединились прозрение ясновидца и интуиция поэта (а Джуна, по отзывам некоторых поэтов, — прекрасный лирик); энергия её биополя и её поэтического не высказываемого вслух слова как бы синтезируются в один прекрасный дар - знаменитый «феномен Джуны».

Да, богата наша страна замечательными талантами. К таким, несомненно, относится врач Гавриил Илизаров — новатор в лечении больных, страдающих заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Он буквально творил чудеса, устраняя при помощи скальпельных инструментов дефекты рук и ног, не укладывая их в гипс.

Сделал он операцию и выдающемуся спортсмену, чемпиону мира по прыжкам в высоту Валерию Брумелю, у которого был очень сложный перелом ноги с раздроблением кости. Традиционный метод лечения такого перелома заключался в том, что повреждённая нога укладывалась в гипс и кости постепенно срастались. У Брумеля же возникло осложнение, так как его сломанная нога была уложена в гипс без предварительной специальной установки раздробленной кости. Кость срослась неправильно, и нога несколько укоротилась. Классическая медицина не могла устранить серьёзный дефект, и Брумелю грозило на всю жизнь остаться хромой калекой. Для Брумеля как спортсмена это означало конец.

Но вот, узнав, что в Кургане живёт и работает врач — кудесник Илизаров, Брумель поехал к нему. Илизаров внимательно осмотрел повреждённую ногу и предложил курс лечения по своему методу. В результате проведённой операции Брумель вновь вернулся в большой спорт. И хотя повторить свои прежние рекорды не смог, но был очень близок к этому.

За свою многолетнюю практику доктор Илизаров сделал большое количество операций, которые помогли людям, тысячи их стали здоровыми, как прежде. О методе Илизарова написано немало в журналах, газетах и книгах как врачами, так и излеченными им людьми.

Как-то Илизаров обратился ко мне с просьбой помочь в строительстве гостиницы для приезжающих к нему пациентов и налаживании производства медицинских инструментов, нужных для проведения операций по его методу. Я не раз встречался с ним, и мне удалось кое в чём ему помочь. Очень жаль, что Илизаров так рано ушёл из жизни...

Доводилось мне содействовать и другим представителям культуры и здравоохранения. Я искренне рад, что судьба свела меня с замечательными передовыми людьми, работающими ради блага и здоровья людей, и горжусь тем, что в какой-то мере смог оказать им поддержку.

Развитие внешнеэкономических связей

Один из мифов времен Горбачёва — мол, в застойные годы наша страна теряла позиции на мировом рынке. Утверждалось это всеми способами, но цифры, как правило, не приводились, а если и приводились, то вне экономического контекста, разрозненные, а то и демагогические, как о нашей торговле вооружением. Мол, какой позор — СССР вооружает весь мир. О США же, чья торговля оружием не уступала нашей, помалкивали, то есть перестройщики и к этой проблеме подходили с двойным стандартом. Более того, ныне, в 1998 году, демократическая печать с радостью вопиёт, что мы продали на арабский Восток несколько зенитных установок, и огорчена тем, что Запад перебежал нам дорогу в продаже, например, Болгарии бомбардировщиков.

Между тем в области торговли СССР с зарубежными странами всё обстояло иначе.

Уже после войны внешнеэкономические связи Советского Союза развивались очень динамично и продуманно, особенно в торговле. Мы тогда, вплоть до перестройки, старались покупать именно то, в чём истинно нуждались — высокие технологии, новейшее оборудование для промышленности.

За 1960-1985 годы внешнеторговый оборот страны вырос с 10 миллиардов до 148,5 миллиарда рублей, то есть увеличился более чем в 14 раз!

В 1985 году мы торговали успешно и динамично почти со всеми странами мира.

И это произошло не случайно, не само по себе. При разработке пятилетних и годовых планов экономического и социального развития страны, перспективных программ всей экономики и отдельных отраслей одно из главных мест отводилось внешней торговле. Внешнеэкономические связи активно помогали ускорению научно-технического прогресса, росту производительных сил страны, развитию таких наиболее перспективных направлений экономики, как электроника и информатика, машиностроение, автомобилестроение, чёрная и цветная металлургия, химическая, нефтяная и газовая индустрия, лёгкая и пищевая промышленность, сельское хозяйство и др.

Внешняя торговля позволяла облегчить продовольственное снабжение страны, повышать благосостояние народа, обеспечивала промышленность

и сельское хозяйство отдельными видами сырья и материалов. Для населения из-за рубежа поставлялось большое количество товаров широкого потребления и продовольствия, что и отражалось в структуре импорта. Так, в 1985 году в общем объёме импорта в 69,5 миллиарда рублей (по курсу 1 доллар за 0,8 рубля) доля оборудования и транспортных средств составляла 37 процентов, продовольственных товаров — 21, промышленных товаров широкого потребления — 12,6, топлива и электроэнергии — 5,3 и остальное — 24 процента. В страну завозились металлы и изделия из них, химические продукты, минеральные удобрения, каучук, целлюлоза, бумага, текстильное сырьё и др.

Импорт оборудования играл важную роль в создании новых производственных мощностей и реконструкции действующих предприятий. В указанный период ввели в эксплуатацию около 5,5 тысяч предприятий и установок, в сравнительно короткие сроки стали производиться в значительном количестве автомобили, холодильники и кондиционеры, телевизоры, электронное оборудование, химические и нефтехимические товары — аммиак, карбамид, синтетические материалы и волокна, в металлургии — сортовой прокат, в лесобумажной промышленности — целлюлоза, бумага, картон и др.

Руководство страны уделяло большое внимание внешней торговле. Так, в 1973 году, когда начался резкий рост цен на наши основные экспортные товары (нефть, нефтепродукты и природный газ) Алексей Николаевич Косыгин на совещании руководителей Госплана, Министерства внешней торговли и отраслевых министерств предложил направить в первую очередь дополнительно полученную свободно конвертируемую валюту на закупку западного комплектного оборудования для создания новых производств. Большая часть этих средств была выделена на строительство КамАЗа.

Назову главнейшие предприятия, которые начали работать на импортном оборудовании:

- в электронной промышленности — завод по производству 10 тысяч в год программных устройств (г. Ленинград);

- в чёрной и цветной металлургии — Оскольский электрометаллургический комбинат по производству 1,5 миллиона тонн высококачественной стали и проката методом прямого восстановления железа (минуя доменный процесс); металлургический завод в Жлобине (Белоруссия) по производству 750 тысяч тонн в год стального проката из местного лома чёрных металлов; завод по выпуску меди и никеля на Норильском горно-металлургическом комбинате; Волжский завод по

производству около 750 тысяч тонн в год коррозионно-стойких и высокопрочных труб нефтяного сортамента (это позволило сократить импорт тонкостенных труб для нефтяной промышленности и даже поставлять их на экспорт); в Карелии Костомукшский горно-обогатительный комбинат мощностью 9 миллионов тонн окисленных окатышей в год, которые поставляются Череповецкому металлургическому комбинату и частично на экспорт;

■ в автомобилестроении — Волжский автомобильный завод по производству 730 тысяч легковых автомобилей в год, Ижевский автомобильный завод мощностью 320 тысяч легковых автомобилей в год, Уфимский моторостроительный завод по выпуску 600 тысяч двигателей в год для автомобилей типа «Москвич». Ввод этих мощностей позволил увеличить производство легковых автомобилей с 330 тысяч (в 1978 году) до 1300 тысяч в год, то есть в 4 раза;

■ в машиностроении — завод по производству оборудования для атомных электростанций — «Атоммаш» в Ростовской области, импортное оборудование для реконструкции станкостроительных заводов и по производству кузнечно-прессового оборудования, оборудование для производства нового типа комбайнов «Дон» на Ростовском заводе, завод по производству 500 тысяч бытовых холодильников в год (г. Минск), завод по производству 100 тысяч бытовых кондиционеров в год (г. Баку);

■ в нефтяной и газовой промышленности — газокompрессорное оборудование, арматура, шаровые краны, трубы большого диаметра (1420 миллиметров), система управления и другое оборудование и материалы для строительства газопровода Уренгой — Помары — Ужгород протяжённостью около 4,5 тысячи километров.

Производство минеральных удобрений за период с 1960 по 1985 год увеличилось с 3,3 миллиона тонн до 33 миллионов тонн в год за счёт строительства новых и реконструкции действующих предприятий с использованием закупленного оборудования.

В лёгкой промышленности оказывалось всемерное содействие развитию производства товаров народного потребления путём импорта из других стран новых видов технологического оборудования.

Налаживалась производственная кооперация с организациями и фирмами западных стран. Так, в 1985-1986 годах фирмами Италии и Финляндии были построены «под ключ» четыре завода по производству обуви мощностью по 2 миллиона пар обуви в год, две фабрики по производству верхнего трикотажа, с объемом производства каждой — 50 миллионов изделий в год.

В 1985-1987 годах закупалось технологическое оборудование для реконструкции 26 швейных фабрик, комплектное оборудование для швейной фабрики по изготовлению 350 тысяч мужских костюмов в год. Было построено большое число заводов и фабрик по производству других видов товаров.

Названы лишь отдельные созданные в СССР производства и комплексы, так как перечисление всех предприятий заняло бы много страниц. Однако надо отметить, что возможности экономических связей бывшего Советского Союза с другими странами в целях развития экономики и научно-технического прогресса страны использовались недостаточно. Одной из причин этого явились длительные задержки строительства многих новых промышленных объектов, создаваемых на базе импортного оборудования.

Значительные средства в свободно конвертируемой валюте расходовались на закупку продовольственных товаров, что было связано с недостаточным производством их в нашей стране из-за отставания сельского хозяйства от роста потребности в указанных продуктах.

Говоря о внешнеэкономических связях, нельзя не отметить большой вклад в их развитие бывшего министра внешней торговли Н.С. Патоличева и его первого заместителя Н.Д. Комарова.

В период, когда Советский Союз представлял собой величайшую державу, развитию его внешнеэкономических связей, бесспорно, способствовали визиты наших государственных деятелей в дружественные страны. Следует отметить, что планирование общественного производства в СССР вызывало всегда огромный и закономерный интерес в развитых, но более всего в развивающихся странах. Многие из них стремились изучить и использовать накопленный у нас опыт планового ведения хозяйства, разумеется, с учётом своей многоукладной экономики, масштабов экономического потенциала и т.д.

Памятны в этом плане первые наши контакты с Индией. Так, начало моей работы в Госплане совпало с официальным визитом в Советский Союз в 1956 году премьер-министра Индии Джавахарлала Неру. Он в беседе с Хрущёвым высказал желание увидеться с Председателем советского Госплана и познакомиться с системой планирования народного хозяйства.

Наша беседа проходила в Госплане в очень тёплой и доверительной обстановке и длилась более двух часов. Я подробно рассказал индийскому гостю о принципах и организации планирования, о структуре плана, о том, как осуществляется контроль за выполнением плановых заданий. Неру

слушал с большим интересом и вниманием, чувствовалось, что о плановости ему действительно хочется знать, что наш опыт он принимает всей душой, что Индия в своём развитии учтёт и возьмёт на вооружение многое из того, что мы имеем. Неру задавал вопросы точные, выверенные и всегда к месту; вопросы, конечно же, заранее были продуманы. В частности, его заинтересовала возможность применения плановой системы в условиях Индии.

В этой беседе принимала участие и дочь Неру — Индира Ганди. Когда беседа подходила к концу, Неру, углубившись в свои раздумья и несколько минут помолчав, произнёс: «Советский Союз за короткий срок своего существования достиг больших успехов в экономическом развитии. Мы сделаем всё возможное, чтобы отсталую страну, какой была Индия, в сжатые сроки поставить на путь планомерного развития экономики и добиться подъёма жизненного уровня населения».

Нужно заметить, что Неру, как премьер-министр, возглавил в Индии целенаправленную, плановую работу. Индия имела свои многолетние планы, которые исполняли и последующие главы правительства этого государства.

Индира Ганди, продолжая традиции отца, стремилась к расширению сотрудничества с нами во всех областях, в том числе и в плановой экономике. Когда я бывал в Индии, несколько раз встречался с Индирой Ганди. Особенно запомнилась встреча в день её 50-летия. По этому случаю я поднёс ей букет цветов. На её строгом, почти отрешённом лице сияли глаза, и я подумал: «Какая она всё-таки молодая!». Она нежно и задумчиво приняла этот букет, понимая, что он — знак не только моего внимания, но и великого дружественного северного государства. И опять у нас состоялась, пусть и недолгая, но тёплая беседа. Индира вспомнила, как она когда-то была в Госплане с отцом — Неру и на неё произвело глубокое впечатление, как разумно ведётся наше хозяйство. Сказала, что и они стали вести своё хозяйство планово, избавляясь от произвольности и анархии эгоистичных частных монополий. Я ушёл под большим впечатлением от её ума, тонкой тактичности, понимая, что мне посчастливилось поговорить с великой женщиной.

Большой вклад в укрепление добрососедских отношений между государствами внёс господин Дхора — человек вдумчивый, ровного и доброго характера. Он считал, что Россия и Индия — два исторических друга и был уполномочен премьер-министром Индирой Ганди всячески поддерживать двусторонние контакты и вести консультации в Советском Союзе по вопросам планирования. Впоследствии он стал послом Индии в

нашей стране. Вклад его в развитие нашей дружбы трудно переоценить. К сожалению, Дхора скончался в расцвете лет...

В 1973 году впервые в практике наших взаимоотношений с развивающимися странами между Госпланом СССР и Плановой комиссией Индии было подписано соглашение о сотрудничестве, в рамках которого стала действовать совместная советско-индийская исследовательская группа по вопросам планирования. Её заседания проходили попеременно то в Москве, то в Дели. При мне комиссия провела девять заседаний, на которых к взаимному удовлетворению состоялся обмен знаниями и опытом по многим проблемам организации планирования, что, несомненно, помогло развитию экономических связей между нашими странами.

Хочется ещё рассказать о встречах с Фиделем Кастро. У меня с ним сложились самые лучшие отношения. Знакомству нашему предшествовал следующий эпизод.

В феврале 1971 года меня пригласил к себе Л.И. Брежнев. И хотя до этого меня предупредил один из сотрудников брежневского аппарата, что речь, вероятно, пойдёт об оказании помощи Кубе, всё же о конкретном содержании предстоящей беседы можно было только догадываться.

В Кремле, в просторном кабинете Брежнева речь пошла о том, чтобы провести с Фиделем Кастро обстоятельные переговоры о планировании и управлении экономикой Кубы.

Чувствовалось, что Брежнев ведёт этот разговор неспроста, что решение им уже принято и теперешняя беседа — напутственная. Брежнев любил обставить всё таким образом, чтобы казалось — так желает не только генсек, но и добрый, внимательный человек — без лишних проволочек. Сильной стороной Брежнева было умение расположить к себе, к своему заданию.

— Так что, Николай, лети на Кубу. Поможешь за неделю с планированием. Вот письмо. Фидель пригласил персонально тебя. Встретишься с ним и обменяешься мнениями; посоветуешь, что и как им делать, — подытожил разговор Леонид Ильич.

Первая моя беседа с Фиделем Кастро, на которой не было никого кроме нас и переводчика, длилась почти три часа. Проходила она в Посольстве СССР сразу после вручения Фиделю Кастро и его сподвижникам юбилейных медалей в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Эта беседа носила в основном общий, ознакомительный характер. Я обстоятельно обрисовал состояние дел в экономике Советского Союза, говорил не только о достижениях, но и о трудностях, о поиске путей

преодоления их. После этого Кастро рассказал мне о становлении экономики Кубы. Уже при первой встрече меня удивило и всестороннее знание им дела, и способность сжато и точно определять факторы развития. Казалось, он помнит всё, потому что и цифры, и имена, и предприятия на Кубе он знает наизусть. А главное — ему свойственно широкое видение всех проблем и у себя на Кубе, и во всем мире. Я понимал, что передо мной — необыкновенная личность. Затем мы коснулись некоторых вопросов нашей торговли и наметили план совместной работы и дальнейших встреч.

В течение трёх недель я вместе со своим заместителем Н.Н. Иноземцевым, другими госплановцами и работниками нашего посольства вёл обстоятельные беседы с Фиделем Кастро, причём проходили они обыкновенно в ночное время и заканчивались примерно под утро. Таков был режим его работы. Главная тема наших встреч — суть планирования как науки, а также содержание самих планов и методы их разработки.

В те дни обстановка на Кубе была очень сложной. Государственный механизм управления народным хозяйством страны ещё не был как следует отработан. Хотя после победы Кубинской революции прошло более 12 лет, сбалансировать экономику всё ещё не удавалось: сказывались последствия жёсткой экономической блокады со стороны США и отсутствие опытных хозяйственных кадров.

За время пребывания на Кубе мы посетили ряд провинций и ознакомились с работой различных предприятий, беседовали с их руководителями и рабочими. Во время этих поездок нас обычно сопровождал Фидель; с ним мы практически не расставались, причём за рулём автомобиля сидел он сам.

Однажды после обстоятельного разговора о делах в сельском хозяйстве Кубы, где основной культурой является сахарный тростник, я высказал такую мысль:

— Монокультура вас не спасёт. Вы живёте в весьма благоприятных климатических условиях и можете выращивать любую продукцию, особенно цитрусовые. А мы охотно будем их у вас покупать.

Кастро обычно внимательно относился к нашим предложениям. Но вот когда мы спросили его, почему бы не дать крестьянам наделы земли, чтобы они выращивали урожай, кормили и себя, и торговали на рынке, Фидель лаконично ответил: «Налаживать рыночные отношения — это всё равно, что губить молодые ростки коммунизма сорняками капитализма». Мысль и верная, и нужная, но не совсем подходящая к данному вопросу. И Фидель Кастро, понимая это, всё же с нашими предложениями согласился.

В ходе многих бесед у нас порой возникали и обиды, и малозначимые

дискуссии. Так, после посещения одного из заводов я узнал, что опытный токарь, производящий деталей в три раза больше, чем его сменщик, — молодой и не очень умелый рабочий, получают одинаковую зарплату.

— Товарищ Кастро, — обратился я к нему. — Так нельзя. Это несправедливо. Надо платить по труду.

— Нет, все должны получать одинаково, — твёрдо возразил Фидель. Это было его убеждение: люди должны быть равны во всём.

Я, вполне понятно, не мог согласиться с ним и мне пришлось долго убеждать Фиделя, что равная оплата качественно разного труда не стимулирует повышение производительности, а значит, не способствует росту эффективности экономики. Да и лозунг, который красовался на заводской стене — «Вперёд к коммунизму, минуя социализм!», был явно поспешным и неверным.

Говорил я Фиделю и о том, что надо обеспечить себя собственной нефтью, особенно в условиях жёсткой, направленной на удушение Кубы блокады. Кубинцы в тот год добывали всего лишь 200 тысяч тонн, хотя имелись реальные перспективы открытия новых нефтяных месторождений. Обсудили мы с ним и вопрос о строительстве на Кубе нефтеперерабатывающего завода.

В целом Фидель Кастро был доволен проведёнными встречами и выразил большую благодарность Советскому Правительству, направившему нас на Кубу.

Следующая встреча с Фиделем Кастро состоялась в 1972 году в Москве. Один из первых своих визитов он посвятил Госплану. В зале коллегии состоялся обстоятельный разговор, главным образом о развитии советской экономики и роли централизованного планирования. Фиделю захотелось детально ознакомиться с нашим опытом организации народного хозяйства.

Я назвал результаты, которых достигли мы в развитии топливно-энергетического комплекса, привёл данные о добыче нефти и газа, возросших в 1972 году по сравнению с 1946 годом соответственно в 20 и 70 раз, что составило 400 миллионов тонн нефти и 220 миллиардов кубических метров газа. Рассказал я и о намеченных темпах роста добычи нефти и газа к 1985 году. Фидель с напряжённым вниманием слушал, что-то прикидывая в уме, и с широкой улыбкой попросил меня сделать перерыв, чтобы уяснить названные мной необыкновенные цифры. Он долго расспрашивал своих товарищей и пытал переводчика, чтобы они разъяснили, что такое миллиард кубических метров газа в переводе на кубинские футы. Когда же он представил себе эти объёмы, то выразил своё

восхищение тем, что Страна Советов за такие короткие сроки вышла на первое место в мире по добыче нефти и приближается к мировому лидерству по добыче газа. Он так радовался за нас, гордился нами, что-то возбуждённо говоря на родном языке своим командеро, что и нам ещё яснее становилось, какое великое дело совершает наша страна.

Фидель знал, что я по профессии нефтяник, что проработал на промыслах много лет, был наркомом в войну, и потому в разговорах со мной неоднократно поднимал вопрос о возможности открытия на Кубе новых месторождений нефти и газа. Я отвечал, что, несомненно, Куба имеет свои значительные потенциальные запасы этих видов топлива, ибо геологическое строение недр острова, близость к нефтяным запасам Мексики, а также наличие в стране уже открытых, пусть небольших, месторождений тяжёлой нефти подтверждают вероятность хороших перспектив у кубинской нефтяной и газовой индустрии.

И действительно, благодаря помощи советских нефтяников на Кубе в районе знаменитого курорта Варадеро были открыты нефтяные залежи, а на побережье с использованием геофизических методов обнаружены структуры, перспективные для поиска в них нефти и газа.

Открытие новых месторождений, бесспорно, имело огромное значение для экономики Кубы. Между тем продолжалась и разработка нефтяных горизонтов на действующих промыслах. Как известно, при обычных методах разработки нефть из-за высокой вязкости извлекается в объёме не более 20 процентов от геологических запасов. Однако если использовать метод подогрева пласта, можно увеличить нефтеотдачу до 40-50 процентов. Я подарил кубинским нефтяникам свою книгу «Тепловые методы разработки нефтяных месторождений», где подробно описана технология добычи нефти с помощью подогрева пласта. Дарил книгу вовсе не из-за авторского тщеславия — просто в ней был собран и обобщён большой опыт, так нужный для конкретной практической работы.

Фидель Кастро просил нас помочь в решении этой проблемы, что и было сделано. На одном из заседаний Ассамблеи — высшего законодательного органа Кубы — он, сославшись на меня, призвал её членов оказать содействие нефтяникам Кубы во внедрении тепловых и других методов воздействия на нефтяные пласты, чтобы увеличить добычу нефти. И здесь им пришли на помощь советские нефтяники...

В 1981 году Фидель Кастро в порядке «отчёта» пригласил меня на Кубу посмотреть, какая работа выполнена по разведению цитрусовых культур, и продолжить наши беседы по экономике.

— Командеро Байбаков, теперь Вы видите, как претворяются в жизнь

Ваши предложения! — сказал Фидель Кастро не без гордости за успехи в новом для Кубы деле.

— Товарищ Фидель, я очень рад, что Вы решительно среагировали. И думаю, что Вы сами этим довольны.

И действительно, год от года увеличивается на Кубе производство цитрусовых, и прежде всего апельсинов, лимонов и грейпфрутов. Построен и завод по их переработке.

На Кубе создается много и своего нового: кубинский народ талантлив и быстр в своих порывах, причём кубинцы любят делать всё собственными силами. Так, в короткие сроки был введён в действие крупный комплекс по производству лекарственных средств. Разработана своя программа здравоохранения.

Как видим, американская блокада не сломила творческого духа и стойкости свободолюбивого народа Кубы.

Забегая вперёд, скажу, что Фидель Кастро, несмотря на распад СССР и смену политического курса в нашей стране, не изменил своего доброго и сердечного отношения к россиянам.

В августе 1998 года я получил в ответ на моё поздравление Фиделю Кастро с 72-летием со дня рождения его письмо, с выражением наилучших пожеланий благополучия народу России.

Моей обязанностью, как Председателя Госплана СССР, являлось содействие развитию экономических связей со странами социалистического Содружества: Польшей, Чехословакией, ГДР, Румынией, Монголией, Вьетнамом...

Хочется остановиться на наших отношениях с Вьетнамом. Это небольшая по территории, но потенциально богатая страна, в которой я побывал в 1982 году. В тот период, после нападения на неё американских войск, она находилась в тяжелейшем положении, с разбомблёнными городами, фабриками, заводами и деревнями, и нуждалась в немедленной помощи.

По поручению правительства мы с группой работников Госплана разработали мероприятия по развитию экономических связей с Вьетнамом и согласовали их с вьетнамским Госпланом, председателем которого был Во Ван Киет, бывший премьер-министр Вьетнама.

Нашу разработку утвердили правительства СССР и Вьетнама. Она легла в основу наших экономических связей и принесла большую пользу. Это касалось прежде всего создания нефтяной индустрии во Вьетнаме. До войны американцы на морском шельфе пробурили разведочную скважину, откуда хлынула нефть, но вскоре, в связи с войной, скважину

законсервировали.

Чтобы помочь вьетнамцам, мы направили к ним нефтяников в основном из Азербайджана, имевших опыт разработки нефтяных месторождений на шельфе Каспийского моря. Помогли и техникой. И в скором времени нефтяной промысел на шельфе заработал, и уже в 1989 году объём добытой нефти превысил 6 миллионов тонн. Нефть, как топливо экономики, позволила Вьетнаму развить в ускоренных темпах и другие отрасли хозяйства. Как нефтяник я уверен, что в ближайшие сроки Вьетнам будет добывать 10-12 миллионов тонн нефти в год, как и намечалось в планах страны. И этот прогноз оправдывается.

Важнейшая отрасль вьетнамского хозяйства — производство натурального каучука. И здесь Вьетнам при помощи наших совместных мероприятий набрал высокие темпы, что тоже способствовало быстрому развитию экономики. Неоценим вклад в это дело, я хочу ещё раз подчеркнуть, умного и энергичного разработчика экономических планов страны Во Ван Киета.

К сожалению, разрушение Советского Союза привело к резкому ослаблению экономических связей Вьетнама с Россией и странами СНГ.

Правда, вселяют в нас оптимизм итоги визита главы вьетнамского правительства Во Ван Киета в Россию, на Украину и в Казахстан в 1994 году. Он уверенно заявил, что главное достижение его визита — подтверждение традиционной дружбы с государствами бывшего Советского Союза и создание условий для кооперационных связей между ними и его страной. Большое значение придавал он и факту подписания двухсторонних договоров, прежние принципы которых были закреплены ещё в 1978 году «Договором о дружбе и сотрудничестве между СССР и Социалистической республикой Вьетнам».

Таким образом, Вьетнам, где действует коммунистическая партия, не шарахаясь из одного лагеря в другой, на деле доказал свою политическую и экономическую самостоятельность, чего не скажешь, к сожалению, о многих странах СНГ, рвущих в ущерб себе прежние связи с республиками бывшего Союза ССР. Это гибельный путь самоизоляции, путь в предбанники НАТО, в новые военные расходы и экономическую кабалу.

Помнится мне и визит летом 1990 года в Монголию по приглашению её правительства. Сверху, с самолёта Монголия кажется гладкой и бесконечной равниной, где песчаные холмы и взгорья, словно редкие кочевья разбросаны вдоль и вширь. Гостеприимная страна.

Нас сердечно встретили у трапа самолёта. Предстояли долгие, порой изнурительные поездки по степям — в города и села. Я посетил целый ряд

хозяйственных объектов, ознакомился с проблемами развития Монголии, положением дел в топливно-энергетическом комплексе. Всё это я обсуждал с ведущими монгольскими специалистами и членами правительства.

Ознакомившись с состоянием монгольской экономики, я пришёл к выводу о существенном повышении за последние десять лет её производительных сил и жизненного уровня населения. Национальный доход за 1980-1990 годы вырос с 4,9 до 8,6 миллиарда тугриков, объем производства промышленной продукции — с 4,0 до 8,4 миллиарда, реальные доходы населения увеличились более чем в 2 раза.

Вместе с тем в последние годы появились и трудности, вызванные переходом от прежних методов руководства к стихийным, хаотичным «рыночным отношениям». Так, темпы роста валового национального продукта в 1990 году составили 3 процента вместо 7 по плану. Намеченное на 1991 год резкое повышение заработной платы — на 16 процентов — не было подкреплено соответствующим ростом выпуска товаров народного потребления, услуг и необходимыми темпами увеличения производительности труда и таило в себе опасность усиления инфляционных процессов.

В ходе беседы с премьер-министром Монголии Бамбасурэном я привлёк его внимание к этой негативной стороне развития экономики и высказал свои соображения. Выслушав мои доводы о необходимости контроля за соблюдением основных хозяйственных пропорций в условиях перехода на рыночные отношения, прежде всего за ростом заработной платы, производства товаров народного потребления и производительности труда, премьер-министр не согласился со мной, заявив, что у монголов низкий жизненный уровень, и заработную плату нужно непременно повышать, особенно низкооплачиваемым работникам, пенсионерам и студентам. По поводу последнего я не возражал, но заметил, что это делать нужно по мере роста производительности труда и производства. В противном случае денег у населения станет больше, чем товаров и услуг, что приведёт к опустошению полок магазинов, а это, в свою очередь, вызовет недовольство населения, как уже было у нас в то время.

Бамбасурэн ответил, что лишние деньги они будут привлекать для выкупа акций и проведения других мероприятий. Мне оставалось только пожелать им успехов в реализации их программы.

Поскольку меня пригласили для проведения консультаций по развитию экономики Монголии, я изложил премьер-министру свои соображения о топливно-энергетическом комплексе страны. В частности, сказал о необходимости разработки двух законсервированных нефтяных, а также и

других месторождений с учётом использования советской техники и технологий.

Во время встреч и бесед с монгольскими друзьями мы говорили и об использовании отходов резинотехнической отрасли для производства товаров народного потребления, о необходимости применения в практике дезинтеграторной технологии, позволяющей из песка и известняка (без цементных добавок) получать строительные материалы, не уступающие по качеству кирпичу. Рассматривали и целесообразность открытия филиала МНТК «Микрохирургия глаза» в Монголии.

И, конечно же, я заострил вопрос о расширении геологоразведочных работ, ибо Монголия ещё мало исследована и открытия новых природных богатств, несомненно, ждут её в будущем.

Монгольские геологи с нашей помощью уже провели большую работу по изучению недр и развитию минерально-сырьевой базы своей страны. В результате были открыты крупные и богатые запасы минерального сырья. Уже сейчас добыча и переработка его составляет 20 процентов годового валового продукта и 40 процентов экспорта Монголии. Много лет на монгольской территории работало советское геологическое объединение «Совгео», располагавшее крупными современными мощностями, в нём трудилось около 2 тысяч высококвалифицированных специалистов.

Я высказал премьер-министру своё мнение о неоценимой полезности таких совместных геолого-разведочных работ. А также сказал, подводя итоги, что отношения между нашими государствами имеют долговременный и открытый характер, что перспективы их огромны, учитывая реальные возможности и специфику отдельных сторон. Сказал и о целесообразности установления более тесных связей между учёными и специалистами топливно-энергетического комплекса и других отраслей наших стран.

Премьер-министр сердечно поблагодарил меня и заверил, что примет по поднятым мной вопросам нужные решения.

Обычно мои заграничные командировки, а их было немало, носили деловой характер, и поэтому я не припомню каких-либо серьезных происшествий, кроме одного — во время визита в Японию. В 1968 году Федерация экономических организаций «Кейданрэн» пригласила меня с моими коллегами по Госплану в свою страну. «Кейданрэн» — мощная организация крупных бизнесменов, влиятельная в политике и экономике Японии. Нашему визиту и правительство, и деловые круги придавали большое значение, считая, что он может помочь расширению торговых и экономических взаимосвязей.

Меня принимали император, премьер-министр, министр иностранных дел Японии. Но самый большой интерес к нам проявили деловые круги Токио и других городов, где мы гостили.

Случай, о котором хочу рассказать, произошёл в городе Нагоя, где мы посетили радиотехнический завод, делающий прославленные радиоприёмники по лицензии фирмы «Филипс».

В сборочном цехе был установлен очень длинный ленточный конвейер, за которым сосредоточенно трудились девушки и юноши. Бросилось в глаза совершенно непривычное для нас их отношение к труду... Ни один человек не поднял головы и не взглянул в сторону гостей. У нас же, стоит появиться какой-либо делегации, как тут же многие бросают работу и ротовейничают.

Подойдя к рабочим, я увидел, что они припаивали на плату приемника какие-то элементы; трудились напряжённо и квалифицированно, зная, что изделие будет испытано на вибростенде, и если приемник откажет, то его разберут, рассмотрят работу каждого узла и каждой детали, выявят причину отказа и виновника брака. При первом случае брака ограничатся предупреждением. Во второй раз же виновнику выдадут «жёлтый билет», означающий увольнение и то, что его теперь нигде на подобную работу не примут. Вот почему для всех этих молодых людей, которым не больше шестнадцати-восемнадцати лет, важнее всего технологическая дисциплина, чтобы качество продукции отвечало самым высоким мировым требованиям. Мне уже сказали, что в лабораториях завода постоянно совершенствуют производимую технику, а часть специалистов работает над созданием принципиально новых, более перспективных моделей.

Посетив завод, мы в сопровождении губернатора Нагои и охраны, человек примерно 30, отправились на вокзал, чтобы скоростным поездом (до 200 километров в час) переехать в город Осака. Ожидая поезд на перроне вокзала, мы стали участниками события, о котором потом писали газеты, подняв трезвон на весь мир: на меня, мою супругу и работника нашего посольства было совершено покушение. Подбежавший к нам террорист неожиданно ударил сотрудника нашего посольства большим мечом из морёного дуба, и тут же, подпрыгнув, нанёс сильный удар мне по плечу, чуть не свалив меня с ног. Не успел я выпрямиться, как меч опять взметнулся, уже над моей супругой, которая стояла рядом с губернатором Нагои напротив меня. Губернатор поднял руку, заслоняя Клавдию Андреевну, и ударом меча ему перебило палец. И, все жё, преодолевая боль, он успел перехватить взлетевший снова меч, чем спас жизнь моей супруге, предотвратив тяжёлый удар по голове. Только после этого

преступник был схвачен охраной. Вскоре подошёл поезд, и мы уехали. Через час прибыли в Осаку и разместились в отеле.

В номере мы включили телевизор. На телеэкране появилось изображение государственного флага Японии, на фоне которого были помещены фотографии напавшего на нас молодого человека и надпись: «Он борется за наши северные территории». Преступником оказался девятнадцатилетний японец, недавно два года отсидевший в тюрьме как уголовник. Он возглавлял группу из пяти человек, поставивших своей целью добиться передачи Японии четырёх Курильских островов. Диву даёшься, как можно было всё это узнать и подготовить репортаж всего за один час.

А до этого нас поразило другое обстоятельство. Через 15-20 минут после отправления поезда из Нагои к нам в купе вошла делегация, которая от имени правительства принесла извинения по поводу случившегося. Я в свою очередь просил передать императору и правительству решительный протест в связи с неудовлетворительной организацией охраны нас и заявил, что мы незамедлительно возвращаемся в Москву.

На телеграмму в Москву о том, что произошло, я получил ответ о целесообразности продолжения нашего визита в соответствии с намеченным планом, а также рекомендации не акцентировать внимание на покушении.

Наша пресса хранила молчание об этом, зато западная шумела по поводу покушения на заместителя Председателя Советского правительства.

Что же касается самого события, то, как стало известно позже, правительство Японии заменило начальника охраны и увеличило её до 100 человек. А преступника осудили на три года тюремного заключения.

Руководители японских фирм, где мы побывали потом, обязательно начинали разговор с извинений за происшедший случай, что не мешало им с таким же постоянством каждый раз в беседе со мной поднимать вопрос о Курильских островах. Думаю, этому в немалой степени содействовал министр иностранных дел Японии господин Мики Такэо, сопровождавший нас в поездке.

Трёхнедельная поездка по Японии, несмотря на происшедшее, была очень интересной и полезной. Мы осмотрели несколько промышленных предприятий в окрестностях Осаки, побывали на машиностроительном заводе, производящем оборудование для химической индустрии. На нас произвели впечатление его лаборатории, каждая из которых — своего рода научно-исследовательский институт, ведущий работы по совершенствованию оборудования.

Посетили мы и недавно образованный крупный институт технической информации, где бизнесмены могли получить любые сведения о новинках почти из всех стран мира. На основе этих данных японцы закупали лицензии и патенты на производство самых совершенных новшеств и в короткие сроки внедряли у себя на фирмах. Это очень содействовало техническому перевооружению производства и резкому подъёму экономики страны.

Приведу один пример того, как быстро внедряется там новая техника. Японцы закупали у нас лицензии и оборудование для установок по непрерывной разливке стали. Оперативно освоив процесс получения стали из металлолома, минуя производство чугуна, они при работе установки внесли в неё много усовершенствований, что повысило её производительность. По существующему положению, все изменения, вносимые покупателем в лицензии и оборудование, должны быть сообщены их авторам. К сожалению, работники Министерства чёрной металлургии СССР не поинтересовались, внесены ли изменения в установки, и естественно, наше государство понесло на этом немалые убытки.

Вернувшись в Москву, я обратился к заместителю министра чёрной металлургии СССР А.С. Борисову, попросил его связаться с нашим торгпредом в Японии и получить все материалы о конструктивных изменениях, внесённых в установку по непрерывной разливке стали. Вскоре это было выполнено.

Надо отметить, что японцы достаточно быстро поняли все преимущества непрерывной разливки стали и в короткие сроки перешли полностью на этот метод.

Помню, когда на заседании Политбюро я начал свой отчёт о поездке в Японию с того, что меня поразила целенаправленность политики японцев в использовании достижений прикладной науки, Брежнев перебил меня:

— Ну, Николай, ты про науку и технику — потом, лучше расскажи о том, как тебя японцы лупили морёным деревом.

Естественно, члены Политбюро с интересом и одобрением выслушали информацию и об этом случае, и о результатах переговоров с деловыми кругами Японии.

Поездка в Японию оказалась весьма успешной: мы заключили ряд взаимовыгодных экономических соглашений, в том числе о совместной разработке лесных массивов на Дальнем Востоке, строительстве морского порта и торговом обмене нужными товарами.

В том же 1968 году состоялась ещё одна моя поездка — в Иран. Это

было второе моё посещение страны. Впервые, будучи первым заместителем наркома, я посетил его в 1943 году. Тогда, в военный период, поездка была связана с перспективой заключения договора на проведение геологоразведочных работ на нефть и газ. Как известно, в годы Второй мировой войны по соображениям безопасности в северном Иране находились советские войска, а в южном — американские и английские. Бывший шах Ирана был союзником Гитлера и снабжал немецкие войска горючим и нефтью, но в 1941 году он вынужденно покинул страну, эмигрировал в Афганистан, захватив с собой «всего лишь» одну золотую дверь из своего дворца. Сын монарха Мохаммед Реза Пехлеви остался в Иране и в свои 20 лет заменил отца на престоле. Вспоминаю, я впервые увидел молодого шаха на главной улице Тегерана в открытом автомобиле.

В переломный год войны, после долгих и изнурительных переговоров о передаче нам в концессию северного Ирана для геологоразведочных работ, мы, наконец, получили соглашение иранцев. Газета «Правда» написала об этом и поместила на первой полосе карту северного Ирана, где должны были проводиться поисковые работы. К сожалению, через полгода меджлис Ирана, обсуждая договор, отклонил его, и мы лишились права вести указанные работы.

В следующий раз я прибыл в Иран в должности Председателя Госплана и заместителя Председателя Совмина СССР для переговоров об экономическом сотрудничестве. Эта поездка была продолжительнее и насыщеннее деловыми вопросами.

Нам удалось договориться о начале строительства в Иране большого металлургического завода и о сооружении газопровода в нашу страну.

Встретился я и с шахом Мохаммедом Реза Пехлеви. Встреча длилась около трёх часов, что для иранского руководителя великая редкость, обыкновенно встреча продолжается 20-30 минут.

Чувствуя, что шах с большим интересом беседует со мной, я, набравшись решимости, в шутку спросил: «Ваше величество, первый раз я Вас видел в 1943 году, когда Вы были совсем молодым и, проезжая на автомобиле по главной улице Тегерана, искали красивых девушек, нашли ли Вы подругу сердца?».

Пехлеви улыбнулся и сказал:

— Ваше превосходительство, Вы правильно информированы, я действительно тогда искал подругу жизни.

Затем, помрачнев, он поведал мне о состоянии своего здоровья и заключил: «Теперь я немного ем чурека и пиндира... Большую часть времени посвящаю воспитанию дочери и сына — будущего шаха Ирана».

У Пехлеви была злокачественная опухоль, и он, видимо, знал об этом. Позже я встретил во двореике мальчика лет семи-восьми, одетого в грязную и рваную одежду. Помнится, я тогда подумал о несоответствии между убранством дворца и нищей одеждой ребёнка, решив, что он — сын кого-либо из прислуги. Каково же было моё удивление, когда мне сказали что это наследный принц...

После беседы с Мохаммедом Реза Пехлеви я прибыл в наше посольство, где уже заканчивался приём в честь завершения переговоров. Премьер-министр Ирана крепко пожал мою руку и сказал: «Такой длительный аудиенции у шаха я не помню. Это говорит о его положительном отношении к Советскому Союзу и означает, что наши экономические связи будут успешно развиваться».

— Хотелось бы, чтобы всё это было так, — пожимая ему Руку, ответил я.

Слова премьер-министра Ирана оказались пророческими: наше взаимоважное сотрудничество успешно развивалось вплоть до 1979 года. В нарастающей в Иране революционной ситуации шах с семьёй покинул родину и бежал в Египет, где вскоре умер от рака...

Советское правительство приветствовало иранскую революцию.

...Индия, Куба, Монголия, Вьетнам, Япония, Иран — это запомнившиеся навсегда поездки, как и многие другие. Поездки за границу, встречи с людьми — это существенная часть моей жизни, и без громких слов, дела моей страны, потому что я ездил туда по государственному мандату. И те советы, которые я давал, были не только от моего имени, а как бы от всего совокупного опыта первого социалистического государства. Мы никого не поучали, не навязывали своих методов, а делились знаниями, приобретаемыми трудно и долго, и только тогда, когда нас об этом просили. Да и сами учились у своих друзей, подмечая всё лучшее и полезное. Скажу только одно — везде, где бы я ни был, старался увидеть характерное и полезное моей стране, помочь там, где замечал определённые сбои, как человек, представляющий руководство великой державы, старался поделиться богатым советским опытом планирования народного хозяйства. По возвращении домой я стремился заинтересовать наших руководителей и ученых в достижениях науки и техники, во всём передовом, что видел в зарубежных поездках, ибо дружба между народами — дело, требующее терпения и взаимного уважения.

Выйдя на пенсию, я выезжал и выезжаю в эти страны не как праздный турист, а как представитель живого в истории государства. Я вижу дальше сиюминутных перемен и конъюнктуры. Знаю, — у времени свои корни, их

нельзя выкорчёвывать. Они живут и дают свои победы. Потому я радуюсь, когда вижу, что опыт моей страны и мой личный опыт оказались востребованными как руководителями, так и простыми людьми зарубежных стран.

Глава шестая

ЗА ДЕРЖАВУ ГОРДОСТЬ И ОБИДА

Жизнь раскололась на две части

Мог ли я раньше даже подумать, что жизнь моя, столь цельно и полно отданная единой государственной идее и общей цели, вдруг, как бы в одно мгновение, расколется на две части? Что всё, сделанное нами и мной, в том числе, будет объявлено ложным и неправильным? А то, что мы считали исторически изжившим себя, окажется в устах перевёртышей от партии передовым и целью чуть ли не всего человечества?

Поэтому в своей 66-летней трудовой деятельности выделяю два периода работы: до 1985 года и после 1985 года, в так называемый период перестройки.

О первом периоде я подробно рассказал в намечавшейся к изданию большой книге «В экономическом штабе страны». Она готовилась с участием работников бывшего Госплана около двух лет, когда я находился на посту Государственного советника при Президиуме Совета Министров СССР. К великому сожалению, по непонятным мне тогда причинам, книга не была издана.

Рукопись я вручил секретарю ЦК Н.Н. Слюнькову, ведавшему в то время экономикой страны, а до этого он около 10 лет был моим заместителем в Госплане. Он знал о подготовке книги и, получив рукопись, сказал, что, поскольку книга раскрывает всю историю развития экономики страны, она будет полезна, особенно молодёжи, которой важно знать, как работали их отцы и деды, как наша страна пришла от сохи к атомной энергетике.

Но сколько потом я ни обращался к Слюнькову, он ничего вразумительного сказать не мог о судьбе моей книги. Думаю, что причиной этого явился генсек Горбачев. Только недавно, в 1998 году, при встрече с Н.Н. Слюньковым я узнал, что Горбачёв не дал согласия на издание. Началась «перестройка», идеи которой никак не сходились с изложенным в моей книге. Видимо, рукопись ^[3] моя где-то в архиве бывшего ЦК КПСС. Она имеется и в библиотеке Министерства экономики РФ.

Учитывая эти обстоятельства, я решил изложить в настоящей книге основные положения из той рукописи об экономике «доперестроечного» периода.

Данные об итогах развития народного хозяйства СССР за 1966-1985 годы и отдельно за 1981-1985 годы приведены в первой главе.

В 1984 году я написал и издал книгу «Дело жизни» — уже мемуарного

типа. Эпиграфом к ней я сознательно выбрал строки из книги М. Шагинян «Человек и время»: «Долгая жизнь профессионала открывает ему многие тайны его труда». Эти слова показались мне удивительно близкими. Я всегда восхищался произведениями известной всему миру писательницы. Много раз встречался с ней, особенно когда работал в Краснодарском крае. Она была умна, хорошо знала то, о чём писала, и понимала человека.

В книге «Дело жизни» я сквозь призму времени, прошедшего с момента начала моего трудового пути, предпринял попытку передать современникам и новому поколению «тайны» своего труда, а скорее опыт, ибо речь идёт о развитии нефтегазовой промышленности огромного государства и моей сопричастности к этому. Изложил почти 125-летний исторический путь нефтегазовой индустрии.

Хочу оговориться, что я не стремился (да это и не под силу одному человеку) воссоздать хронологически точно и полно всю историю. Я пытался лишь воспроизвести отдельные её этапы, эпизоды, а главное — встречи с замечательными людьми.

...Итак, две части жизни, между которыми пролегла незримая пропасть... Первая — несоизмеримо большая, отданная напряжённой работе, поискам и открытиям, когда реализовался в деле творческий потенциал «Я», входя в единое, многоличностное «МЫ». Общее дело — создание славы страны. И гордость за это. Было в той жизни всякое: боль, потери, трудности, недостатки. И всё же построили великое государство, с которым считался весь мир. Разве при существовании СССР могла вообще быть такая операция, как «Буря в пустыне», когда под развалинами Багдада погибло столько же мирных жителей, сколько при атомной бомбёжке Хиросимы и Нагасаки?

«Советское — значит надёжное!» — так говорили о стране, в которой я жил и трудился.

И вот — перелом, переворот. Вторая часть моей жизни, в которой живу ныне вместе с оклеветанным поколением людей, создавших почти с нуля лучшую в мире экономику, лучшие самолёты, космические ракеты, социальную защиту людей труда, старых и малых. Мы по многим показателям занимали первое место в мире — по добыче нефти и газа, выплавке стали, производству ряда видов оборудования, научным открытиям, искусству. И теперь в чёрном дне моей Родины — моя горечь и моя обида: со второго места в мире по общим показателям мы скатились на 13-е, и всего за 5-7 лет!

Как же это могло случиться? Постараемся разобраться.

В апреле 1985 года я голосовал вместе со многими за предложение

М.С. Горбачева реформировать экономику, ускорить социально-экономическое развитие страны, так как в этом виделась перспектива ликвидировать негативные явления, накопившиеся в годы «правления старцев».

Что же придавало нам уверенности и питало надежды на улучшения в стране?

За семь лет работы М.С. Горбачева секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству мы нередко встречались с ним на различных совещаниях и заседаниях, но чаще всего на заседаниях Комиссии Политбюро по продовольственным вопросам, которую возглавлял Председатель Совмина А.Н. Косыгин, а затем Н.А. Тихонов. На этой комиссии обсуждались важные вопросы развития сельского хозяйства и подготавливались решения для Политбюро и Совмина.

М.С. Горбачев был одним из самых активных участников заседаний. Он часто вносил дельные конкретные предложения по тем или иным вопросам сельского хозяйства, умело увязывая их с общим состоянием нашей экономики. Чувствовалось, человек хорошо знает своё дело, точно нащупывает больные места в нём и находит обдуманные решения. Не удивительно, что наши взгляды и наблюдения чаще всего совпадали.

Став Генеральным Секретарём ЦК, а затем Президентом СССР, Михаил Сергеевич на первых порах активно включился в коренную реконструкцию народного хозяйства и внешней политики. К сожалению, из-за потери хозяйственного контроля за принимаемыми решениями, разбалансирования векторов экономики хозяйственная реформа стала пробуксовывать, а затем и вовсе затормозилась. Неумение идти на разумные компромиссы, находить главное звено и удерживать его, да и просто краснобаиство привели к развалу великой державы.

Находясь на посту Председателя Госплана, я одновременно являлся членом комиссии Политбюро по борьбе с алкоголизмом. Да, уважаемый читатель, была и такая комиссия.

Положение моё было двойственным: с одной стороны, как глава планового органа, я должен был быть заинтересованным в увеличении выпуска спиртных напитков, прибыль от которых составляла значительную часть бюджета, а с другой стороны, как член антиалкогольной комиссии, я обязан был во имя сохранения здоровья общества решительно выступать против вредных обычаев и правил, поднимать престиж трезвого образа жизни.

Известно, что с 1919 года у нас в стране целых шесть лет действовал сухой закон. Только в 1925 году правительство объявило о свободной

продаже спиртного, что вызвало негодование немалой части населения. Помню, как женщины, соседки по двору, услышав эту новость, заголосили, точно на похоронах, видимо, в страхе за своих родных и близких, мужей и детей. И ещё одно моё наблюдение: основную тяжесть страшной Второй мировой войны вынесло поколение 1920-1926 годов, то есть одно из самых многочисленных и рождённых в эти «трезвые» шесть лет.

К 1980 году потребление алкоголя увеличилось по сравнению с 1950 годом в 10,4 раза и составляло 11,3 литра чистого спирта на душу населения. А в последние годы этот показатель катастрофически возрос. В то же время доходы бюджета от продажи алкоголя сократились. Большая часть выручки осела в карманах преступных элементов. Рынок спиртного наводнило огромное количество недоброкачественной импортной продукции и фальсифицированной отечественной «бормотухи», которая нередко оказывалась настоящей отравой, угрожающей здоровью и даже жизни наших людей.

На заседаниях упомянутой выше комиссии на основе данных, полученных от специалистов из разных ведомств, мы могли реально оценить размеры ущерба, причинённого экономике пьянством (падение дисциплины труда, производственные травмы). Да и социальные последствия удручающие: рождаются неполноценные дети, повышается смертность, распадаются семьи, увеличивается преступность. Вывод делался такой: необходимо немедленно начинать борьбу с пьянством.

Но как?

Меня же буквально «раздирала» проблема, как обойтись без этой доходной статьи госбюджета? Дело в том, что за последнее время наша экономика напоминала «тришкин кафтан»: чтобы залатать дыру в одном месте, надо было отрывать кусок в другом. Неприкасаемыми оставались только огромные расходы на оборону.

Возникшая проблема не давала покоя. Я засыпал и просыпался с одной только мыслью: как восполнить образовавшуюся дыру в бюджете. И вот как-то проснулся среди ночи и ... нашёл. Таковым источником показался мне экстракт «каприм». Это название было дано ему в честь творческого содружества ученых и практиков-виноделов Кахетии и Приморья. Экстракт представлял собой биологически активное вещество, имеющееся в «гребнях» винограда, то есть в мягкой растительной основе виноградной кисти. Напиток из него не только сильно снижал токсичность алкоголя, но, что самое важное, задерживал и уменьшал патологическое влечение к спиртному. Это необычайное свойство «каприма» при добавке его в алкогольные напитки снижает и похмельные явления. На основе «каприма»

виноделами Кахетии была создана водка «Золотое руно». Об этих благотворных качествах экстракта я узнал от И.И. Брехмана, крупнейшего специалиста по лекарственным растениям, и решил доложить о «каприме» на заседании комиссии.

Захватив с собой бутылку водки «Золотое руно», я прибыл на заседание, чтобы рассказать о результатах работы ученых и наглядно продемонстрировать слабоалкогольную продукцию, а также внести предложение о производстве и продаже «Золотого руна» в одном из районов страны.

Правда, продемонстрировать напиток мне не удалось. Член комиссии, заведующий отделом ЦК Б.И. Гостев увидел бутылку, и глаза у него округлились от удивления. Движимый непонятной бдительностью, он выхватил её у меня и унёс к себе в кабинет, объявив, что приносить водку в ЦК КПСС неудобно... даже и для демонстрации. На заседании пришлось обходиться без наглядного пособия.

Как-то в конце субботнего дня ко мне в кабинет пришёл тогдашний мой первый заместитель Николай Иванович Рыжков с проектом государственного бюджета на очередной год и рассказал о трудностях при его разработке.

— Одна из причин разрыва между расходами и доходами, — пояснил он, — снижение объёма производства и реализации спиртного.

Николай Иванович был необычно возбуждён: его поджимали сроки, пора было уже представлять план «наверх», а сделать этого мы не могли, поскольку не достигнута сбалансированность.

Тогда я ему рассказал о водке с «капримом» и предложил испытать её действие на себе, добавив, что если с нами и случится беда, то на работе это не отразится, ведь завтра как-никак воскресенье. Поняв, что это не шутка, он скрепя сердце согласился. И мы вдвоём опорожнили бутылку «Золотого руна», закусив лишь яблоком. Домой отправились навеселе.

Утром следующего дня я не ощутил ни синдрома похмелья, ни ухудшения самочувствия и подумал, что если бы мне пришлось выпить столько же обычной водки, я бы стал неспособным и, наверное, лежал бы в постели с головной болью. В понедельник перед началом работы я узнал у Николая Ивановича, что и он чувствовал себя нормально. Это убедило меня, что я на верном пути, и я активно взялся за проведение намеченного эксперимента.

В Кахетии было изготовлено несколько тысяч бутылок водки с «капримом», которые наметили отправить в Магаданскую область, где потребляется особенно много водки. На теплоходе из Владивостока

продукцию доставили в магазин, а оттуда для продажи переправили в один из районов области.

Одновременно для проверки результатов эксперимента создали группу из врачей, социологов и научных работников Дальневосточного отделения АН под руководством И.И. Брехмана. Их исследования показали, что потребление крепких напитков снизилось здесь за год на 27 процентов, а всех остальных — на 22 процента. Произошло это отчасти оттого, что потребление «на опохмелку» сильно уменьшилось. Примерно в такой же пропорции снизилось и количество травм на производстве, меньше стало прогулов, поломок, аварий.

Тщательно проанализировав эти результаты, мы с начала 1985 года предусмотрели увеличение производства водки с «капримом» и расширили её продажу в ряде регионов.

Но всё оказалось в жизни не так. В феврале 1985 года меня вызвали в Политбюро и обязали подготовить постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма».

В то же время в печати, по радио и телевидению уже началась кампания борьбы за трезвость как норму советского образа жизни, а когда вскоре вышло известное постановление, то кампания стала приобретать уродливый, крайне нетерпимый к отступлению от заданного характер. Сначала были приняты конкретные меры по борьбе с пьянством, и конечно, в этой обстановке все работы по производству водки с «капримом» были прекращены.

В апреле состоялось заседание Секретариата ЦК, где обсуждалось решение о сокращении производства спиртных напитков. В плане 1985 года водка занимала 24 процента товарооборота, и я был вынужден по этой причине в осторожной форме предупредить:

— Товарищи, не торопитесь — разбалансируем бюджет. Ведь всё-таки речь идёт о 25 миллиардах рублей.

— Нет, — категорично заявил Лигачёв, один из инициаторов «постановления». — Давайте вначале резко сократим производство, а потом введём сухой закон.

— Но как же можно делать то, что не подготовлено объективными условиями?! — пытался возразить я, но меня не услышали...

Так, казалось бы, с благого начинали создаваться хаос и кризис, которые нанесли вред великой державе.

Работая над постановлением, я знал, что производство водки в 1990 году должно, по наметкам, сократиться в два раза. Правда, объём выпуска коньяка, шампанского, пива и сухих вин планом не урезался.

На осеннем совещании Секретариат ЦК проанализировал ход выполнения указанного постановления. Отметили, что определённая работа проводится, но вместе с тем критиковали секретарей крайкомов и обкомов партии за медлительность в снижении производства спиртных напитков. И тут же было внесено предложение уменьшить выпуск водки наполовину, но не к 1990 году, как намечалось по плану, а к 1987, юбилейному году — к 70-летию Октябрьской революции.

После этого совещания развернулась ещё более активная кампания против пьянства. Резко стали сокращать производство и продажу спиртного, в том числе вин и коньяка.

Первого секретаря ЦК Азербайджана Г.А. Алиева не раз критиковали за отставание в борьбе с алкоголизмом:

— Давайте, делайте вино, давайте больше шампанского. Где, как ни в Азербайджане, можно развивать виноградарство.

Сказано это было в начале 1980-х годов, когда азербайджанцы собирали всего 840 тысяч тонн винограда. Алиев наметил довести сбор до 3 миллионов тонн, но после обсуждения в Госплане решил остановиться на двух. И этот уровень практически был достигнут.

Далее, когда производство вин стало повсеместно сокращаться, начали вырубать виноградники, — на юге России, в Крыму, в Азербайджане. И хотя указаний на то не было, местные руководители в своём исполнительском рвении, как водится, явно перестарались...

Только в Азербайджане уничтожили подчистую несколько тысяч гектаров виноградников, в результате производство шампанского и вин свелось к минимуму.

Благие дела Лигачёва и Соломенцева, возглавивших антиалкогольную войну, обернулись огромным ущербом для бюджета, невиданной спекуляцией спиртным в торговле, ростом самогонварения, взрывом токсикомании, рождением чёрного, спиртового криминала. Подолгу выстаивая в огромных очередях за спиртным, люди, не выбирая выражений, костерили на чём свет стоит порядки, руководство и пуще всего генсека, доведших их до такого унижительного состояния.

Теперь это признано ошибкой. Серьёзной ошибкой. Ясно, что следовало более осмотрительно и постепенно проводить в жизнь политику отрезвления народа, и прежде всего — создать материальные условия для замены «убойных» напитков более умеренными.

Вряд ли Лигачёв с Соломенцевым, а также другие «праведные» активисты могли предвидеть, что через год-другой возникнет нехватка ряда продуктов и прежде всего сахара.

Борьба с алкоголизмом явилась бесславной и, к сожалению, закономерной прелюдией перестройки. Она нанесла ощутимый удар по экономике. Ну как тут снова не вспомнить А.Н. Косыгина, говорившего, что государственный деятель, совершая ошибку, наносит миллиардный урон государству. Вот почему, прежде чем принимать решение, нужно вдумчиво и глубоко проанализировать социально-экономическую обстановку, учесть все возможные последствия.

Кстати, прекращение всех работ по производству водки с «капримом» — тоже большая ошибка. Надо обязательно вернуться к этому вопросу, тем более что в последние годы продажа спиртного увеличилась во много раз — и по потреблению его мы, увы, вышли на первое место в мире.

Мой последний Пленум ЦК

21 октября 1987 года в 10 часов утра в Кремле открылся Пленум ЦК КПСС. С докладом, посвящённым празднованию 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, выступил М.С. Горбачёв.

Внимательно я слушал его выступление, а Горбачёв, надев очки с видом учителя — наставника читал о перестроечном пути советского народа и нашей партии, что страна была до крайности разорена империалистической и гражданской войнами, что строительство новой жизни не имело аналогов.

Я могу засвидетельствовать правоту этих слов. Да, Октябрьская революция поставила желанные и понятные всем людям цели: ликвидировать эксплуатацию человека человеком, обеспечить равноправие народов и граждан, добиться мира во всём мире, построить общество социальной справедливости — социализм.

Десятки миллионов людей с удивительной самоотверженностью искали пути реализации социалистической идеи. Дискуссии того времени разворачивались в обстановке острой политической борьбы, о чём свидетельствовали и заголовки в газетах: «Осуждение оппозиции», «Попытка ревизовать большевизм», «Отход от ленинизма», «Явно выраженный мелкобуржуазный уклон», «Марксизм не догма, а руководство к действию» и т.п.

Привычные и вместе с тем необыкновенные положения в докладе М.С. Горбачёва. Только еле-еле намечалась, слышалась какая-то нетвёрдость в его голосе, словно он не от себя говорил, а озвучивал правильный текст. Сталин говорил сжато, формулами, чувствовалась в его тоне, если так можно выразиться, стратегичность, наводка на дальнюю цель. Хрущёв, уставая читать доклад, то и дело в запальчивости отвлекался, но говорил убеждённо, хотя порой и мелкогато. Они — выступали. Горбачёв же — произносил, словно уверял в чём-то:

«Анализируя споры того времени, надо иметь в виду, что проведение гигантских революционных преобразований в такой стране, какой была тогда Россия, — сама по себе трудная задача... Но руководящее ядро партии, которое возглавлял Сталин, справилось с этой задачей, отстояло ленинизм в нещадной борьбе, сформулировало стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства, получив одобрение со стороны большинства членов партии, широких слоёв трудящихся...».

Я как раз являюсь одним из десятков миллионов людей, которые в то трудное время поддерживали курс партии. Именно в тот период, окончив Азербайджанский нефтяной институт, я пришёл работать инженером в трест «Лениннефть». Работы было много, приходилось отдавать все силы и знания, ведь мы строили новую, социалистическую жизнь.

«Ну, тут всё ясно, — пожалуй, подумает читатель, — раз воспитанник советской школы, комсомолец, то...». Но, глядя на вещи с позиций сегодняшнего дня, всё же попытаюсь показать сущность той эпохи, людей, одержимых идеей социализма, приведу не только свои свидетельства, но и других, казалось бы, далеких от сочувствия нам.

Вот мнение английского бизнесмена Гиббсона Джарви, председателя банка «Юнайтер доминион», которое он высказал в октябре 1932 года:

«Я хочу разъяснить, что я не коммунист и не большевик, я — капиталист и индивидуалист. Россия движется вперёд, в то время как слишком много наших заводов бездействует — и примерно 3 миллиона людей в отчаянии ищут работу, пятилетку высмеивали и предсказывали её провал. Но вы должны считать несомненным, что в условиях пятилетнего плана сделано больше, чем намечалось. Во всех промышленных городах, которые я посетил, возникают новые районы, построенные по определённому плану, с широкими улицами, украшенными деревьями и скверами, с домами наиболее совершенного типа, школами, больницами, рабочими клубами, детскими яслями и домами, где заботятся о детях работающих матерей. Не пытайтесь недооценивать русских планов и не делайте ошибки, надеясь, что советское правительство может провалиться. Сегодняшняя Россия — страна с душой и идеалом. Россия — страна изумительной активности. Я верю, что стремления России являются здоровыми. Быть может, самое важное в том, что молодёжь и рабочие в России имеют одну вещь, которой, к сожалению, не достаёт сегодня в капиталистических странах, а именно — надежды».

А вот что писал английский левореформистский журнал «Форвард» в сентябре 1932 года:

«Выбросьте из головы фантастические страшные истории, рассказываемые английскими газетами, которые так упорно и нелепо лгут о СССР. Выбросьте также из головы всю ту

половинчатую правду и впечатления, основанные на непонимании, которые пущены в ход дилетантствующими интеллигентами, покровительственно глядящими на СССР сквозь очки среднего класса, но не имеющими ни малейшего представления о том, что происходит там... СССР строит новое общество на здоровых основах. Чтобы представить эту цель, надо подвергаться риску, надо работать с энтузиазмом, с такой энергией, какой мир до сих пор не знал, надо бороться с огромнейшими трудностями, неизбежными при стремлении построить социализм в обширной стране, изолированной от остального мира. Моё впечатление, что страна идёт по пути прямого прогресса, планирует, творит и строит, и всё это в таком масштабе, который является ярким вызовом по адресу враждебного капиталистического мира».

Эти давние отзывы постарались позабыть. А нынешнее молодое поколение почти ничего не знает о первых пятилетках, о том, из-за чего мировое общественное мнение разделилось в оценках избранного нами пути: одни радовались успехам советского рабочего класса и готовы были его поддерживать, другие были враждебны нам. Несомненно, раскол среди зарубежной общественности в отношении нашего выбора подпитывался распрями оппозиционных групп внутри страны, их внутрипартийной борьбой за власть, о чём я говорил ранее.

К сожалению, мы были недостаточно осведомлены о том, что происходило в высших эшелонах власти...

А тот же, несколько отяжелевший голос генсека Горбачева продолжал перечислять «сбалансированные» положения:

«Вы, товарищи, хорошо знаете, — говорил Михаил Сергеевич, — что партия на XX и XXII съездах открыто и мужественно признала ошибки и серьёзные потери того времени. Была дана принципиальная оценка массовым репрессиям и их последствиям для страны. Эти оценки остаются в силе. Но сегодня, с высоты новых задач и требований, мы чувствуем острую потребность знать больше о том времени».

Стоп! В этом месте доклада мне хотелось услышать нечто такое, чего я, делегат тех исторических съездов, не знал. Тем более что Генеральный секретарь подчеркнул: «Нынешний состав Политбюро, большинство членов ЦК не знали о важных деталях и итогах расследования репрессий». Тема Сталина оставалась проблемой исторической, а не проблемой правды — увы! Это я понял из дальнейшего текста:

«Из документов следует, что большинство репрессированных было оклеветано. В ходе следствия применялись насилия, оговор, фальсификация, подлог... Иногда утверждают, что Сталин не знал о многочисленных фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят о том, что многое ему было известно... Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за массовые репрессии и беззакония — непростительна»...

Если в прошлом любые негативные явления приписывались «врагам народа», «врагам партии», а все достижения — «вождю», то теперь, по моему, совершается та же ошибка, но с обратным знаком: всё плохое приписывается Сталину, а всё положительное делалось, мол, вопреки ему. Всячески принижается его роль в организации народного хозяйства, ускоренной индустриализации и совсем огульно — в годы войны.

Когда же в тезисах доклада Горбачёв дал широкую оценку деятельности Н.С. Хрущёва, на меня нахлынули воспоминания о не очень отдалённом времени.

При Хрущёве я проработал Председателем Госплана лишь два года. Это были творческие годы. Именно тогда по поручению Хрущёва Госпланом были подготовлены и приняты Президиумом ЦК и Правительством очень важные постановления — об освоении целинных земель и Голодной степи, реконструкции железнодорожного транспорта и др. Реализация этих постановлений помогла решить важнейшие проблемы. Так, переход на электрическую и тепловую тягу на железнодорожном транспорте, осуществлённый лишь за 15 лет на территории всей страны, позволил только в 1970 году сэкономить 130 миллионов тонн угля.

В Казахстане, Западной Сибири и Оренбургской области было освоено 30 миллионов гектаров земли. Закупки зерна в год составляли здесь более 20 миллионов тонн, не считая зерна для прокорма скота на целине.

Освоение Голодной степи очень помогло решить проблему обеспечения страны хлопком. В Узбекистане и Казахстане было освоено более 300 тысяч гектаров обезвоженной до пыли земли. Благодаря мелиорации там стали производить до 1 миллиона высококачественного хлопка-сырца.

Я испытал подлинную радость, когда, вернувшись из Вьетнама (1972 год), воспользовался остановкой в Ташкенте и проехал на машине по этим местам. Бывшие пустыри превратились в цветущие сады с благоустроенными посёлками. Урожайность хлопка-сырца превысила здесь

30 центнеров с гектара.

Более всего, мне кажется, Хрущёв старался уделить внимание сельскому хозяйству, сознавая, что эта отрасль во многом определяет рост благосостояния нашего народа и судьбу государства. Он делал немало, чтобы улучшить жизнь крестьян, хотя и не всё у него получалось. Не случайно в первые пять лет его пребывания на посту Первого секретаря партии страна получила больше, чем в предыдущие годы, мяса, молока, масла и других продуктов.

Я всегда считал, что колхозы и совхозы способны накормить население страны, но при одном условии, — если не мешать им, если давать крестьянам подлинную самостоятельность. У нас же в те времена получалось так: сначала предоставили колхозам некоторую свободу, а потом стали её глушить. В этом проявилась непоследовательность Хрущёва в аграрной политике, его волюнтаризм. Прежде всего, имею в виду свёртывание кооперации и народных промыслов, «гашение» подсобных хозяйств крестьян.

Хрущёв был полной противоположностью своего предшественника. Сталин суховат, сдержан и немногословен, Хрущёв общителен, многоречив, в сердцах мог выругаться, а в гневе даже разогнать, например, приглашённых на совещание. И чаще всего на него глядели как на человека обыкновенного, которого в отличие от Сталина можно и провести. Однажды в Воронежской области местная власть перед приездом Никиты Сергеевича решила замаскировать неубранный урожай кукурузы: с помощью волочащихся за тракторами стальных рельсов кукурузные стебли прижали к земле. При этом никто даже не смутился.

Вспоминается и откровенная речь секретаря ЦК КПСС Эстонии А.Е. Кэбина: «Кукуруза — хорошее дело, но ей нужно тепло, которого у нас не хватает. Поэтому, чтобы Никита Сергеевич нас не ругал, мы вдоль дорог сеяли кукурузу, а за кукурузной полосой сажали картофель».

Беда в том, что люди из ближайшего окружения Хрущёва никогда и не пытались критически отнестись к принятому им решению, а только поддакивали ему, во всём с ним соглашаясь. Да я и сам на собственном опыте убедился, что значит перечить «первому»: стоило мне высказаться против децентрализации системы управления и ликвидации министерств, как Хрущёв тут же понизил меня в должности... Конечно, нелегко лишаться привычного места в кабинетах, потому управляемое большинство помалкивало, повторяя чиновничью поговорку — «Против начальства сказать — всё равно, что против ветра плюнуть».

Тем не менее на октябрьском Пленуме ЦК в 1964 году Н.С. Хрущёв,

как известно, был смещён со всех занимаемых постов. Помнится, большинство участников Пленума вздохнуло свободно, когда на пост руководителя партии предложили Л.И. Брежнева. Приветливость и доброжелательное отношение Леонида Ильича к товарищам все хорошо знали. Крепко сбитая коренастая фигура, привлекательное лицо с выразительными глазами под густыми бровями. «Знатный хлопец», — говорили о нём на Украине. Все в нём казалось постоянным, значительным и спокойным. Считали, что он хорошо разбирается в людях и не опасно тщеславен.

Однако сусловская «команда», которая ещё недавно восхваляла Хрущёва, сделала своё дело: стала превозносить до небес Брежнева как руководителя нового типа, уловив, что сие ему нравится.

С развитием его культа изменился и стиль работы в Кремле. Деятельность генсека нередко обставлялась всевозможными торжествами и пышными приёмами. Не зря писатели называли это «банкетным правлением». Всё это пагубно сказалось на экономике страны.

Когда М.С. Горбачёв в тезисах доклада отметил, что период правления Брежнева, и более всего с середины 1970-х годов, известен такими явлениями, как консерватизм, привычка плыть по течению, не решать до конца назревшие проблемы, я в душе с этим согласился. Но слова о застое и застойных явлениях вызвали во мне протест. Застой? Я такого не припоминаю. Несомненно, было замедление темпов развития. Но чтобы промышленность и сельское хозяйство топтались на месте? Это не так.

Разве можно назвать застойным период, когда за двадцать «застойных» лет (1966-1985 годы) выросли: национальный доход — в 4 раза, промышленное производство — в 5 раз, основные фонды — в 7 раз?! Начало разрушения экономики страны скорее приходится на двенадцатую, «горбачёвскую» пятилетку.

На такой унылой ноте остановился я в своих размышлениях, слушая тезисы юбилейного доклада.

Работа - до конца!

Как себя чувствует человек, ушедший с государственного поста на пенсию? Каково его психологическое состояние?» — часто спрашивают меня.

Состояние — двойственное. С одной стороны, умиротворённость: уже не нужно мучительно раздумывать о том, кому передать дело, как найти достойного преемника и самому уйти на покой, отдохнуть, наконец, спокойно, без тягостных дум и переживаний, заняться собственным здоровьем. А с другой стороны — обида и недоумение — ты полон сил и желаешь делать ещё лучше свою работу, а с тобой расстались легко, словно ждали, когда избавятся. И от такого поворота в личной жизни, и от сложившейся в стране ситуации направленного хаоса и межнациональных распрей — душевная подавленность. Поэтому я решил в меру своих сил и возможностей работать, помогать опытом и советом, приносить посильную помощь нашему государству. В этом я вижу смысл своей жизни.

Не скрою, из Госплана я уходил с болью, словно отрывал от сердца его живые корни.

Я прощался с коллективом, с которым, можно сказать, породнился. Обходил подразделения комитета, от всей души благодарил коллег за плодотворную совместную работу.

А в заключительный день в зале заседаний коллегии собрались все мои друзья и товарищи по Госплану, представители общественных организаций. Выступавшие говорили о добрых традициях, сложившихся за два десятилетия в плановом комитете, о том, что здесь, как нигде (и это особенно меня радовало), люди не боялись говорить правду, знали: их выслушают, поймут, а если и не согласятся, то не унижат, а будут с ними на равных. Я всегда сам считал необходимым прислушиваться к мнению каждого человека и призывал к этому своих заместителей и помощников, а также руководителей подразделений. «Ты сначала выслушай человека, даже если он ошибается, — напоминал я, — а потом убеди его в том, что он не прав. Убедил — хорошо. А если не убедил, то задумайся: а может всё-таки прав он?».

Проводы мои, отметил я про себя, в чем-то были похожи на юбилей, ведь я уже не был Председателем, и не сомневался в искренности слов моих теперь уже бывших коллег. Говорили о том, что я учил их отстаивать свою точку зрения на любом уровне, независимо от того, понравится или

нет это начальству.

Слушал я выступавших, поглядывал на людей, с которыми работал многие годы. Вот сидит Строганов Генрих Борисович. Не хотел он идти работать в Госплан. «Я занимаюсь авиационными делами, а здесь надо за всё машиностроение отвечать», — возражал он мне. А я ему своё: «И я ведь сам нефтяник, а мне поручили здесь работать. И работаю уже столько лет. Вот и я тебя прошу: переходи к нам. Госплан — большая школа». Подумал он и согласился, и оказался — на месте, отличный работник.

Рядом с ним — Малахов Константин Васильевич — ведает материально-техническим снабжением. Это самый тяжёлый участок. И как он умудряется здесь, где все чего-то добиваются, доказывают, требуют, сохранять и вежливость, и спокойствие, и тактичную уравновешенность. Диву даёшься!

Вижу в зале Умнова Александра Николаевича, человека большой эрудиции, новатора по духу, чуткого к новому в жизни и науке. Молодой и энергичный, пришёл он в Госплан в отдел электрификации, где занимался разработкой планов производства и поставки оборудования для нужд энергетического строительства. Затем перешёл в Управление делами и стал одним из его руководителей. Вместе с другими работниками внёс большой вклад в совершенствование информационного обеспечения, организации, стиля и методов работы сотрудников центрального аппарата Госплана, в его оснащение современными средствами механизации и автоматизации управленческого труда.

Вот гляжу на седого, с сосредоточенным лицом и прямым открытым взглядом Ситаряна Степана Арамисовича. Когда-то он приходил ко мне с министром финансов Гарбузовым. Я распознал в нём толкового, эрудированного финансиста. А мне как раз был нужен человек, который занимался бы финансовыми делами. И Ситарян стал работать зампредом Госплана. Потом я ему дал рекомендацию в Академию наук, где его избрали членом-корреспондентом, а затем и академиком. В дальнейшем он работал заместителем Председателя Совмина СССР.

Недалеко от него — управляющий делами Госплана Калинин Михаил Андреевич. Суховатый, строгий. Если что-то не получается, он поднимет на ноги всех, но дело сделает. Своей главной задачей он всегда считал совершенствование стиля и методов руководства. Работа — хлопотная, порой задевающая самолюбие людей. Здесь нужны не только знания, но и выдержка, неуклонная последовательность.

Провожал меня в этот день также Борис Иванович Ксенз. В конце 1965 года он перешёл с крупнейших строек — газопроводов Бухара-Урал и

Средняя Азия-Центр на работу в Госплан СССР начальником подотдела газовой промышленности. Проработал он со мной 20 лет, проявляя огромную трудоспособность и большую эрудицию. Пять лет (с 1980 по 1985 год) был моим помощником по вопросам развития топливно-энергетического комплекса страны. Являясь высококвалифицированным специалистом и хорошим организатором производства, Б.И. Ксенз внёс определённый вклад в планирование газовой промышленности и ТЭКа.

Смотрю в зал на лица своих сотрудников, соратников и единомышленников: разные люди, характеры, судьбы, но каждый на своём месте обрёл своё призвание, себя, раскрыл свой талант. Все они — работники центрального аппарата или, как зачастую их сегодня называют, «аппаратчики бюрократы». Но я не могу никого из них упрекнуть в бюрократизме.

Все эти специалисты с практическим складом ума пришли в Госплан в основном с производства и никогда не являлись формалистами и чинушами.

Выступавших было много. Выслушав тёплые сердечные слова, я пожелал всем доброго здоровья и успехов в Госплановских и личных делах. Словом, проводили меня с почестями. А на память подарили небольшой телевизор «Юность» — он и доныне напоминает мне тот день расставания и хороших дельных людей, с которыми я работал.

Выше я объяснил, почему решил продолжать работать. Да, не в моём характере уйти на заслуженный отдых и успокоиться. Ведь ещё Вальтер Скотт сказал: «Ослабить в чём-либо жизненную хватку под давлением обстоятельств — значит сделать ещё один шаг к безразличию и непростительному прозябанию старости». Вся моя жизнь — это непрерывная работа. Теперь как доктор технических наук я продолжаю трудиться в Институте проблем нефти и газа (ИПНГ) Российской академии наук и Минобразования в должности главного научного сотрудника и являюсь председателем нефтегазовой секции Научного совета при президиуме РАН.

Поскольку я работаю в ИПНГ, не могу не сказать, хотя бы кратко, об истории его создания и решаемых им проблемах.

Этот институт был создан в 1987 году по инициативе проф. В.Н. Виноградова и при моём содействии. Формирование кадрового состава и материально-технического потенциала института в период его организации и становления проходило на базе кафедр и лабораторий головного вуза России по нефтегазовому образованию — Государственной академии нефти и газа (ГАНГ) им. И.М. Губкина.

Основные задачи института — проведение комплексных фундаментальных и поисковых исследований по ключевым проблемам нефтегазовой науки, направленных на создание новых высокоэффективных экологически чистых, энерго- и ресурсосберегающих технологий для нефтяной и газовой промышленности, содействие интеграции фундаментальной науки и высшего образования. Тематика научных исследований ИПНГ охватывает большую часть приоритетных направлений фундаментальных исследований в науках о Земле.

В структуре института 18 научно-исследовательских лабораторий. В институте проводятся научные исследования по следующим направлениям: нефтегазовая геология, геофизика и геохимия; физикохимия и гидромеханика углеводородных пористых сред; теория методов и систем разработки месторождений углеводородов; экология нефтегазовых природно-техногенных систем. Также осуществляются работы по внедрению на нефтегазовых месторождениях разработок института.

В 1987-1991 годах Институт проблем нефти и газа возглавлял ректор ГАНГ проф. В.Н. Виноградов, а с июня 1991 года директором института является академик А.Н. Дмитриевский — опытный специалист в нефтегазовой геологии.

Хочу несколько подробнее остановиться на яркой личности Владимира Николаевича Виноградова, 75-летие которого отмечалось в феврале 1998 года.

Велики его заслуги в подготовке инженерных кадров для нефтегазового комплекса и развитии научных исследований в этой области. За 31 год работы В.Н. Виноградова ректором Института им. И.М. Губкина было выпущено более 38 тысяч специалистов. Это из 70 тысяч специалистов, подготовленных для нефтяной и газовой промышленности со дня основания института (в 1930 году). Выпускники этого вуза многое сделали для освоения богатств «Второго Баку» и особенно Западной Сибири. Узкоспециальный институт (ранее Московский нефтяной — МНИ, затем нефтехимической и газовой промышленности — МИНХиГП, нефти и газа — МИНГ, ныне академия — ГАНГ) Виноградов сумел превратить в отраслевую кузницу кадров и самостоятельный научный центр. Школу Виноградова академик А.Н. Дмитриевский назвал школой лидеров.

В.Н. Виноградов одним из первых сделал науку поистине материальной силой. На средства, поступавшие институту от внедрения научных разработок, строились учебные корпуса и жилые дома на Ленинском проспекте, а затем и в районе Новых Черёмушек.

Владимир Николаевич предлагал решать отраслевые проблемы в

форме комплексных программ, включавших в себя прикладные исследования и подготовку кадров. Одной из наиболее успешных была комплексная программа развития Оренбургского газодобывающего комплекса. Виноградову принадлежит идея формировать из ведущих ученых отраслевые координационные советы, что позволяло исключить дублирование исследований, экономить средства. В результате деятельности этих советов появились такие научно-исследовательские программы, как «Геология», «Шельф», «Магистраль», «Нефть и газ СССР» и др. Несомненно, эти перспективные проекты очень помогли бы развитию отрасли и её науки, если бы не кризис, охвативший страну.

В числе «организаторских детищ» Виноградова — Попечительский совет ГАНГа, Союз ректоров вузов России и ряд других.

Особенно ярко проявился талант Виноградова как организатора науки при создании Института проблем нефти и газа. Необычной, но полностью оправдавшей себя оказалась и ведомственная субординация нового научного центра, которую предложил В.Н. Виноградов: ИПНГ и по сей день находится в подчинении Российской академии наук и Минобразования.

«Всё, что создано В.Н. Виноградовым, зримо. Всё сработанное им существует, действует и приносит пользу», — с такой оценкой, которая дана в газете «Поиск», в выпуске, посвящённом юбилею Виноградова, я полностью согласен.

После ухода В.Н. Виноградова на заслуженный отдых этот пост занял его бывший заместитель Альберт Ильич Владимиров, который успешно продолжил подготовку кадров для нефтяной и газовой промышленности.

Хочу отметить также огромный вклад в высшее нефтегазовое образование и нефтяную науку профессора, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, почётного нефтяника, доктора технических наук, почётного академика Российской академии естественных наук Владимира Николаевича Щелкачёва. 3 ноября 1997 года общественность России отмечала его 90-летие и 70-летие научно-педагогической деятельности.

30 июня 1941 года В.Н. Щелкачёв в Московском нефтяном институте защитил первую в СССР докторскую диссертацию по проблемам разработки нефтяных месторождений.

В 1946 году в МНИ им. И.М. Губкина В.Н. Щелкачёв организовал кафедру теоретической механики и заведовал ею почти 50 лет.

На многочисленных монографиях и лекциях Щелкачёва воспитано не одно поколение инженеров, нефтяников и газовиков в нашей стране и за рубежом. Общеизвестны его заслуги как блестящего педагога, беззаветно

преданного своему делу.

Владимир Николаевич отдавал все свои силы и знания служению отечественной нефтегазовой науке и практике, участвовал в деятельности Центральной комиссии по разработке нефтяных месторождений, а также Научно-методического совета (как заместитель его председателя) по теоретической механике Минобразования Российской Федерации.

Многие из выпускников МНИ — ГАНГ им. И.М. Губкина успешно трудятся в разных регионах нашей страны и за её пределами. Об одном из них, а именно о Ю.М. Лужкове — мэре г. Москвы, хочу сказать несколько тёплых слов. Благодаря его огромной работе по обновлению города наша столица хорошеет с каждым днём. Жители Москвы постоянно ощущают заботу своего мэра об улучшении социально-бытовых условий их жизни.

Чем теперь я занимаюсь в Институте проблем нефти и газа?

Пожалуй, с наибольшим интересом работаю над проблемами увеличения нефтеотдачи пластов. Как нефтяник, я не могу примириться с тем, что при разработке месторождений мы извлекаем из недр 40-50 процентов нефти от геологических запасов. Тем самым мы «хороним» в пластах многие миллиарды тонн нефти. Вот почему наш институт отдаёт все силы разработке и внедрению прогрессивных методов добычи нефти из пластов, в частности с использованием физико-химических, тепловых и других методов, а также занимается вопросами бурения горизонтальных и разветвлено-горизонтальных скважин с применением электробуров.

Особое внимание уделяю внедрению на нефтяных месторождениях полимерно-гелевой системы «Темпоскрин» для увеличения нефтеотдачи пластов, автором которой является Д.А. Каушанский — заведующий лабораторией нашего института. Препарат апробирован уже на десяти месторождениях, в основном в Западной Сибири. На всех этих месторождениях получены весьма положительные результаты. Достаточно сказать, что при закачке одной тонны «Темпоскрина» в нагнетательную скважину увеличиваются дебиты эксплуатационных скважин, и дополнительная добыча нефти составляет от 2 до 5 тысяч тонн, что повышает нефтеотдачу пластов и приносит большую прибыль нефтяникам. По расчётам Каушанского, при закачке в нефтяной пласт одной тысячи тонн «Темпоскрина» чистая прибыль составит 63 миллиона долларов.

Достаточно привести один пример, чтобы убедиться в высокой эффективности метода. Так, на Барсуковском месторождении Западной Сибири при закачке в 22 нагнетательные скважины 20 тонн препарата «Темпоскрин» эксплуатационные скважины дали за 16 месяцев (сентябрь 1996 — декабрь 1997 года) дополнительно 105 тысяч тонн нефти. Эффект

продолжается. В подтверждение этого подписан акт руководством НГДУ «Барсуковнефть». Я придаю большое значение указанному методу. Его широкое внедрение позволит получить дополнительно многие и многие миллионы тонн нефти, повысит эффективность разработки нефтяных месторождений и, что особенно важно, значительно увеличит извлечение нефти из пластов.

Ещё ранее, работая в Министерстве (наркомате) нефтяной промышленности и Госплане СССР, я способствовал созданию первых электробуров и в дальнейшем принимал меры для их применения. В курсе основных проблем электробурения держал меня один из авторов этого прогрессивного способа Анатолий Павлович Островский, который часто обращался ко мне за помощью. Учитывая перспективность электробурения, я счёл необходимым обсудить его проблемы на заседании секции Научного совета при президиуме Российской академии наук. В заседании приняли участие 26 специалистов из различных организаций, в том числе из районов, где ведутся работы электробуром и где производится оборудование для электробурения. Был заслушан и обсуждён доклад Б.И. Абызбаева о состоянии электробурения и перспективах его развития. Все выступавшие на Научном совете оценили электробурение как наиболее эффективный и перспективный способ проводки скважин. Этим способом успешно пробурено 12 миллионов метров.

Позже, в июне 1997 года, после моего обращения в правительство на совместном заседании двух секций Экспертного совета нефтяной промышленности РФ был заслушан доклад о практике и перспективах применения электробуров с целью обеспечения научно-технического прогресса в бурении.

Экспертный совет, в работе которого приняло участие более 50 человек, одобрил представленную в докладе техническую политику, предусматривающую создание концепции развития электробуровой техники и технологии бурения нефтяных и газовых скважин. Было отмечено, что электробуровая техника обеспечивает применение энергоресурсосберегающих технологий, более полно отвечает требованиям по защите окружающей среды и охране недр, соответствует требованиям освоения месторождений в сложных горно-геологических условиях, а также позволяет успешно решить большинство проблем научно-технического прогресса в бурении. Отмечено, что по своей сути материал доклада уникальный, не имеющий аналогов в мире. И действительно, когда в октябре 1997 года я с группой специалистов-нефтяников был в США на Международной конференции SPE (Общество инженеров-нефтяников),

наш доклад (в соавторстве с Абызбаевым Б.И., Байдюком Б.В., Гельфгатом Я.А. и Гельфгатом М.Я.) вызвал большой интерес.

Немало времени уделяю также проблеме использования вместо жидкого топлива природного газа в сжатом и сжиженном состоянии на всех видах транспорта.

Эти и другие важнейшие вопросы обсуждались на совещаниях и заседаниях возглавляемой мной нефтегазовой секции Научного совета при Российской академии наук. Замечу, что за участие в развитии науки и техники я в январе 1996 года был награждён Академией естественных наук золотой медалью имени Петра I.

Мне нередко приходится бывать в командировках.

На Астраханских газовых промыслах мы решили сложную и очень важную задачу более полной утилизации сероводорода, извлекаемого из скважин вместе с газом. Помимо экономической выгоды благодаря локализации сероводорода и его утилизации должна существенно улучшиться экологическая обстановка в районе Астраханских промыслов. К большому сожалению, прежнее пренебрежение охраной окружающей среды и ныне сдерживает развитие газовой отрасли в этом регионе.

Очень помогла мне уяснить некоторые новые направления в разработке нефтяных и газовых промыслов недельная командировка в Норвегию по приглашению норвежской государственной фирмы «Статойл». Эта фирма добывает в год 40 миллионов тонн нефти, в основном на шельфе Северного моря.

Там я ознакомился с разработкой нефтяных и газовых месторождений на Северном море, а также посетил международную выставку в Штутгарте, где демонстрировалась техника и технология для разработки нефтяных и газовых месторождений на шельфах морей и океанов. Я понял, какими методами, какой техникой должны осваиваться морские побережья и в нашей стране. А это очень важно, если учесть, что, по оценкам геологов, более 40 процентов всех мировых запасов нефти и газа на шельфах морей и океанов находится в России. Мы же добываем из подобных месторождений, в основном на Каспийском море, пока менее 10 миллионов тонн нефти в год.

В Норвегии удалось побывать на одном из таких морских месторождений нефти, в 130 километрах от побережья. Мы летели на вертолёт и приземлились на стационарную платформу, с которой пробурено 32 скважины, дающие более 4 миллионов тонн нефти в год; все скважины — со значительным отклонением от вертикальной скважины. Фирма «Статойл» предложила свои услуги в освоении морских промыслов

в наших территориальных водах.

Кроме шельфов Северного моря в Норвегии, газовых промыслов в Астрахани за последние три-четыре года мне удалось посетить месторождения Азербайджана, Татарии, Удмуртии, Сахалина, Западной Сибири. Особенно запомнилось посещение «Третьего Баку» по приглашению ДАООТ «Нижневартовскнефть».

За теми, кто был приглашён на 30-летие этого предприятия, в Москву прислали специальный самолет ТУ-154, на котором, кроме ветеранов, летела группа тележурналистов, занятых в передаче «Поле Чудес», во главе с Л. Якубовичем. Три часа полета из Москвы до Нижневартовска прошли незаметно и весело.

После взлёта самолета во Внуковском аэропорту, минут через 15-20, ко мне в салон вошёл Якубович и спросил:

— А Вы не будете возражать, если мы с вами выпьем по рюмочке вина или водки? Ведь Вы — наша история.

Конечно, я согласился. И вот вскоре стол в салоне заполнился напитками и закуской. Зазвучали тосты за здоровье присутствующих, за нефтяную и газовую индустрию и за успехи передачи «Поле Чудес». Затем Л. Якубович попросил сфотографироваться со мной, после чего взял на память фотокарточки с моей подписью, а мне вручил свои со своим автографом. Так что «Поле Чудес» находится у меня в кабинете, а не только на телеэкране.

Не могу не отметить, что Якубович во время беседы, да и потом, в ходе выступления в Нижневартовском театре произвёл на меня впечатление эрудированного и талантливого человека.

Кстати, во время праздника нефтяников на сцене театра выступило много талантливых артистов, среди них Зыкина, Лещенко и др. Торжество началось с телевизионного поздравления вице-премьера Сосковца, который высоко оценил вклад нефтяников Нижневартовска в развитие российской нефтяной промышленности. Много внимания было уделено местным ветеранам. Да, есть что вспомнить, есть чем гордиться. А я, чувствуя внимание к себе и своим товарищам, радостно и чуть печально думал: «И я причастен к этому великому делу, поскольку свидетель и участник разработок промыслов в Нижневартовске. Частица моей жизни осталась здесь».

Вспомнилось, как я, тогда председатель Государственного комитета по химии и нефти при Совмине СССР, впервые побывал в 1963 году в Нижневартовском районе, когда здесь только бурилась единственная разведочная скважина и не добывалось ни одной тонны нефти.

Это был район сплошных гиблых болот с небольшими лесными массивами. Унылая, заброшенная местность. Но здесь был открыт ряд нефтяных месторождений, самое большое — Самотлорское. И благодаря самоотверженному труду нефтяников и строителей, прибывших когда-то сюда из разных районов Советского Союза, появился уютный, благоустроенный город Нижневартовск с населением в 150 тысяч человек. За короткий срок добыча нефти в регионе превысила 100 миллионов тонн в год.

Мне приходилось не раз бывать в Тюменской области, принимать посильное участие в освоении её богатств. Со многими замечательными людьми земли Тюменской я знаком лично, и потому понятен мой интерес к этому региону, к людям и их непростым порою судьбам.

Помню, сколько разговоров и споров было между геологами-нефтяниками в начале 1930-х годов, когда академик И.М. Губкин, в то время возглавлявший геологическую службу страны, указал на возможную нефтеносность Западно-Сибирской низменности. Было немало и таких, кто не верил его выкладкам, многие сомневались в его прогнозе и ему трудно было доказать точность и истинность своих выводов. Сколько шуму, например, наделало опубликованное в 1932 году в газете «Правда» интервью, которое дал этот «возмутитель спокойствия».

Тогда, прочитав это интервью, я был восхищён смелой прозорливостью ученого, — какая непоколебимая вера в сибирскую нефть, какая точность и доказательность научных формулировок! И это в то время, когда учёные не только сомневались в утверждениях Губкина, а принимали его научные прогнозы буквально в штыки.

Иван Михайлович Губкин говорил тогда: «Мне думается, что пора начать систематические поиски нефти на восточном склоне Урала, геологические условия позволяют предполагать, что поиски нефти на восточных склонах Урала не останутся безрезультатными...». И он дал этому свои научные обоснования.

Но у этих прогнозов и обоснований были не только противники, но и сторонники: высказывания академика И.М. Губкина и других учёных-геологов, а также выходы нефти на поверхность в Зауралье вызвали живой, деятельный интерес к проблеме нефтеносности Западной Сибири и необходимость пересмотра прежних оценок.

В 1933-1935 годах было организовано несколько поисковых экспедиций для проверки сведений о выходе нефти в ряде мест этого региона. В июле 1934 года было получено обнадеживающее сообщение из Сургута о том, что в районе Юганска обнаружили выход нефти. Это

подкреплялось и сообщениями из других районов.

Геологи понимали, что для открытия большой нефти нужны системные исследования всей территории Западной Сибири. Условия для этого были созданы уже в конце 1947 года, когда Технический совет Министерства геологии СССР постановил провести исследования и бурение глубоких опорных скважин для выявления геологического строения недр и определения дальнейшего направления геолого-разведочных работ на нефть и газ.

И вот — первая «ласточка», первая крупная победа: 21 сентября 1953 года опорная скважина в посёлке Берёзово, известном лишь тем, что там когда-то, в царские времена, находился в ссылке Меншиков, дала мощный газовый фонтан! Фонтан, возвестивший об открытии первого промышленного газоносного района в Сибири. Вот когда открылись перспективы нефтегазоносности громадной территории Западно-Сибирской низменности!

Газ Берёзова поставил последнюю точку, а скорее даже восклицательный знак в спорах учёных об энергетических перспективах Западной Сибири. Надо отдать должное всем разведчикам недр и в первую очередь Ю.Г. Эрвье, возглавлявшему тогда трест «Тюменнефтегазгеология», и его заместителю Ф.К. Салманову.

В последующие годы высокими темпами рос масштаб поисков нефти и газа в этих малообжитых районах. Результаты сказались довольно быстро: весной 1960 года в Тюмень пришла срочная радиограмма о том, что на таёжной реке Конде, недалеко от деревушки Ушья забил фонтан лёгкой нефти.

А в марте 1961 года было открыто Мегионское месторождение нефти. Уже к концу того же года разведчики недр нанесли на карту Тюменской области 5 нефтяных и 12 газовых месторождений.

Решающее значение для дальнейшего разворота разведки недр богатейшего края имело принятое Совмином СССР в мае 1962 года Постановление «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири», в подготовке которого я, уже как председатель Госкомитета по нефти, принимал непосредственное участие.

Проведение в жизнь этого постановления сыграло решающую роль в открытии крупных месторождений нефти и в других местах Западной Сибири, что позволило развить высокими темпами нефтяную индустрию Тюменской области.

И здесь нужно отметить неукротимую энергию, мужественное упорство и оптимизм сибиряков. Тундра, топи, болота. Отсутствие дорог.

Резкие, континентальные перепады температуры и просто — удалённость от жилых мест... Одно дело слышать о том, смотреть в кинохрониках, видеть в журналах и газетах снимки, читать «горячие» репортажи, другое — испытать самому. До сих пор помню «атаки» сбившихся в тучи комаров и гнуса, от которых не спасали ни накомарники, ни дымокуры; укусы эти не миновали и наших гостей — председателей Госпланов стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) во время нашей поездки в Западную Сибирь для ознакомления их с нашим перспективным нефтегазовым районом и условиями труда нефтяников. Эту поездку мы организовали с целью привлечь социалистические страны к освоению нефтяных и газовых богатств Западной Сибири. И действительно, поездка оказалась очень полезной и очень продуктивной. После неё, например, Председатель Госплана Чехословакии Вацлав Гула прислал ящик специального препарата в аэрозольной упаковке для борьбы с комарами, который он с добрым юмором назвал «Антитюмень».

Вот что мне вспомнилось во время поездки на 30-летний юбилей Нижневартовского предприятия. И это не просто ностальгия по прошлому, — ведь хорошо и радостно увидеть то, для чего жил и работал долгие годы. Вспоминая о прошлом, думаешь о будущем. Поездки, встречи, доклады позволяют глубже и объёмнее понять, что мы имели и утратили, а также, что трудовой и интеллектуальный наш опыт должен быть востребован родной страной.

Резервы и возможности нашего государства велики. И мне, как специалисту-нефтянику, хочется верить, что на основе новой техники и технологии мы сумеем добиться быстрее освоения тех богатств, которые ныне хранятся на шельфах морей. По этому поводу я в своё время направил записку бывшему тогда Председателю Совмина СССР Н.И. Рыжкову об освоении сахалинского шельфа — весьма перспективного нефтегазового района Дальнего Востока, крайне нуждающегося в топливе и энергии. Рыжков переадресовал мою записку в Министерство нефтяной промышленности. Дальше дело не пошло. Ушел Рыжков. Распался Союз. Начались ельцинские реформы. И только теперь наконец-то дело сдвинулось с места: объявлено о начале разработки сахалинских месторождений с участием, как и предлагалось мной, иностранных фирм.

За 1989-1991 годы добыча нефти в России снизилась более чем на 100 миллионов тонн. Продолжалось снижение и до 1996 года. Идёт дальнейший спад добычи угля. Говорят, что так в мире везде. Но возьмём «благополучную» Америку, там добыча угля, наоборот, возрастает...

Когда стало понятно, что уже начался развал топливно-энергетической

основы страны, я посоветовался с ветеранами производств, работниками нефтяной и газовой промышленности. И направил в конце 1991 года записку Президенту СССР Горбачёву и Президенту России Ельцину о тяжёлом состоянии топливно-энергетического комплекса страны и изложил свои соображения о путях выхода из кризиса. На этой записке Горбачев написал размашистым почерком: «Тов. Силаеву И.С. (Председателю Правительства). Прошу обсудить записку Н.К. Байбакова». Что же Силаев? То, что было переправлено ему, он в свою очередь переправил дальше, в Министерство экономики с резолюцией: «Прошу рассмотреть поставленные Н. Байбаковым вопросы, направленные на улучшение работы ТЭК, и принять необходимые решения».

На этом всё и закончилось, необходимых решений не было принято. Правда, пришла одна отписка: «Хотя вопросы, поднятые в записке Н. Байбакова, заслуживают внимания, но беда в том, что по ряду таких вопросов принимались решения правительства, но они не выполняются».

После этого я дважды поднимал данный вопрос, побывал на приёме у тогдашнего министра топлива и энергетики России А.М. Лопухина. Но и здесь ничего не добился.

Вот прошло с тех пор ещё шесть лет. Примут ли Минтопэнерго и Правительство России радикальные меры, чтобы предотвратить окончательный распад топливной промышленности, от состояния которой зависит судьба нашего государства?

Говоря о топливно-энергетическом комплексе, нельзя не ознакомить читателя с Международной общественной топливно-энергетической ассоциацией (МТЭА), где я являюсь вице-президентом. Возглавляет её президент Г.Д. Маргулов, имеющий большой практический опыт в области развития нефтяной и газовой промышленности.

Он прошёл путь от рядового инженера, заместителя министра газовой промышленности до первого заместителя председателя Бюро по топливно-энергетическому комплексу, председателя Научно-технического совета топливно-энергетического комплекса аппарата Совета Министров СССР. За честную и добросовестную работу в системе газовой и нефтяной промышленности он удостоен высоких правительственных наград (орден Ленина, три ордена Трудового Красного Знамени) и почётных званий — академик Инженерной академии Республики Армения, член-корреспондент Международной инженерной академии. Он лауреат Государственной премии, профессор.

Нельзя не отметить большой вклад Г.Д. Маргулова в работу МТЭА. Как говорилось выше, это неправительственная общественная организация

— добровольный союз ученых и предпринимателей, объединившихся для всемерного развития международных связей с целью концентрации научно-технического потенциала различных стран на решении актуальных проблем в области производства, освоения, рационального использования и сбережения топливно-энергетических ресурсов, улучшения экологической ситуации в разных регионах мира.

Одна из важнейших задач МТЭА — дальнейшая демократизация в принятии решений путём поддержки и развития инициатив граждан, повышения активности научно-технической общественности, взаимодействия органов государственной власти и общественности, чтобы обеспечить устойчивое развитие энергетики. МТЭА благодаря помощи и поддержке правительств стран и более 200 организаций — коллективных и индивидуальных её членов, большой группы независимых экспертов из разных государств, осуществляет значительный объем исследований и проектных разработок по ключевым проблемам энергетики, ведёт издательскую деятельность. МТЭА регулярно проводит международные конференции, деловые встречи и об их результатах систематически информирует членов и партнёров ассоциации, насчитывающих более одного миллиона энергетиков.

Важное значение имела состоявшаяся в апреле 1996 года в Лос-Анджелесе Первая международная конференция, посвященная сотрудничеству в области инвестиций, финансирования, приобретения нефтегазового оборудования, новейших технологий и торговли. Одним из организаторов конференции был президент МТЭА Г.Д. Маргулов. На этот форум меня пригласил Институт конференций США. Так я впервые побывал в Америке.

В приветствии участникам конференции бывшего министра топлива и энергетики РФ Ю. Шафраника, которое зачитал на открытии его заместитель В. Бушуев, была выражена уверенность в том, что этот крупный международный форум будет способствовать ускорению решения ключевых проблем нефтяной и газовой промышленности и топливно-энергетического комплекса в целом. В. Бушуев проинформировал всех присутствовавших о положении дел в нефтяной промышленности России и о мерах, принимаемых для выхода из кризиса, в котором находится эта отрасль, также остановился на некоторых вопросах научно-технического прогресса.

На трёхдневном форуме были заслушаны доклады и выступления специалистов многих организаций из различных стран. Представители нефтяных и газовых фирм Запада акцентировали внимание слушателей на

коммерческих вопросах, на внедрении новой техники и технологий в топливных отраслях.

Президент Международной топливно-энергетической организации Г. Маргулов сообщил, что среди проектов МТЭА есть проект по кардинальному расширению использования природного газа в различных сферах хозяйства России, стран СНГ и Евразийского региона в целом, в рамках мировой экономики. Этот проект, получивший название «Эпоха метана», прямо связан с идеями настоящей Международной конференции. Основные положения проекта, который разрабатывается совместно с РАО «Газпром», Министерством топлива и энергетики, научными центрами и энергетическими компаниями России и других государств Содружества, поддержаны правительствами заинтересованных стран и использованы при определении энергетической стратегии России на ближайшие 20 лет. Г. Маргулов отметил, что, исходя из прогноза энергопотребления и демографической ситуации, создана картина ожидаемой эволюции мирового энергетического баланса и его структуры по минимальному, газовому варианту.

В своём выступлении на конференции я подчеркнул, что дальнейшие перспективы развития топливно-энергетического комплекса России и стран СНГ теснейшим образом связаны с реализацией проекта «Эпоха метана». Производство природного газа в России будет развиваться высокими темпами и полностью обеспечит потребности страны, в том числе многие виды транспорта будут работать преимущественно на газе, являющемся экологически более чистым топливом. Использование газа станет экономически значительно выгоднее по сравнению с другими видами топлива. Намечаемые в перспективе объёмы добычи газа подкрепляются разведанными и перспективными его запасами.

Я также поблагодарил Г. Маргулова за доброе внимание ко мне. До начала своего доклада он сказал следующее: «Очень приятно видеть здесь знакомые лица специалистов, профессионалов-ученых и предпринимателей нефтегазового дела. Вдвойне приятно, что в работе нашего форума принимает участие один из основателей нефтяного и газового производства Николай Константинович Байбаков. Недавно ему исполнилось 85 лет. С этим прекрасным юбилеем его поздравили все нефтяники и газовики, лидеры многих государств, в том числе и России.

МТЭА учредила Межрегиональный общественный фонд имени Байбакова Н.К. по содействию устойчивому развитию нефтегазового комплекса.

Несмотря на свой возраст, он пересёк океан и сейчас находится в кругу

своих соратников и учеников для того, чтобы внести свой вклад в устойчивое развитие мирового нефтегазового комплекса. Я думаю, что было бы правильным здесь на прекрасной земле Лос-Анджелеса еще раз поздравить Байбакова Николая Константиновича с юбилеем и пожелать ему успешной работы и много лет крепкого здоровья».

Эти слова очень взволновали меня. Действительно, невзирая на возраст, я продолжаю трудиться на нефтегазовом фронте, стараюсь оказывать посильное содействие в решении ряда вопросов, связанных с этой отраслью.

Международный форум энергетиков был интересным и полезным для всех сторон.

Нам удалось побывать вблизи Лос-Анджелеса на искусственном земляном острове, где осуществляется разработка нефтяного месторождения. В отличие от наших месторождений на шельфах морей, где применяются металлические основания для бурения и эксплуатации скважин, здесь эти работы выполняются с искусственных, обильно озеленённых островов, что, конечно, несколько дороже по сравнению с металлическими островами. Объясняется это тем, что указанные острова находятся вблизи самого города Лос-Анджелеса, в курортных местах, приносящих большой доход. Как нам объяснили, власти города и Правительство США приняли решение — вести разработку месторождений с искусственных островов. Металлические же безжизненные острова портили бы вид и привлекательность курортов и города Лос-Анджелеса.

От знакомства с этим многомиллионным городом я получил огромное удовольствие. Лос-Анджелес, находящийся в гористой местности, застроен хорошими домами и особняками в верхней своей части. Он весь в весёлой разнообразной зелени. Что касается промышленных объектов, то они сосредоточены на искусственных островах. Скажу, я как специалист был восхищён кропотливой и умной работой нефтяников США.

Удивляет большое количество в Лос-Анджелесе наших бывших сограждан, эмигрантов из Советского Союза, которые сумели обзавестись хорошим жильём и приличной работой. Нередко можно услышать на улицах города русскую речь, иногда даже завязывается разговор со случайным знакомым, — ну как, мол, у вас там. Иные спрашивают с грустью. Иные уже адаптировались и стали американцами...

Здесь, в этом городе, повстречался я с Александром Григоряном, бывшим сотрудником одного из институтов Министерства нефтяной промышленности, автором метода разветвлено-горизонтального бурения. Что занесло его в далёкие края? Не знаю. В Лос-Анджелесе он уже создал

свою фирму «Григорян-ойл», но пока успеха в работе этой фирмы мы не видим. Поэтому он стремится организовать содружество с нашими нефтяными компаниями.

О проведённых МТЭА крупных российских и международных совещаниях и конференциях подробно рассказано в недавно изданной книге Г.Д. Маргулова. Хочу лишь упомянуть о последнем, шестом съезде МТЭА (март 1997 года), который прошёл под девизом «Новая энергетическая идея: проблемы, реалии, возможности». Съезд рассмотрел совокупность неразделимых энергетических проблем, остро вставших перед человечеством на пороге третьего тысячелетия и принял научно-общественную целевую программу «Концепция новой энергетической идеи на XXI век».

В июне 1998 года в Москве проведена Первая Международная конференция, посвящённая энергетике и обществу. Суть этой проблемы — энергетика — экономика — природа — человек; приоритеты и возможности устойчивого развития; взгляд на XXI век.

В работе конференции приняли участие более 400 специалистов различных отраслей, имеющих отношение к энергетике, из России и других стран. Конференция прошла успешно, были приняты важные решения.

Следует отметить, что московская конференция «Энергетика и общество» — одно из наиболее важных событий в сфере мирового энергетического развития и дальнейшей демократизации общества на рубеже нового тысячелетия. Уникальность данного форума состоит в том, что была предпринята попытка впервые системно рассмотреть проблемы развития энергетики, экономики, природы и общества, и в его деловой направленности. Наряду с выяснением общей ситуации и тенденций развития, которые складываются в мировой энергетике на пороге XXI века, внимание участников конференции сфокусировалось на использовании возможностей российской энергетики в создании устойчивых энергетических систем и, особенно, для развивающихся стран Евразийского и Азиатско-Тихоокеанского регионов.

Московский форум успешно выполнил свою стратегическую задачу — способствовать объединению усилий и возможностей стран (групп стран) для поэтапного перевода энергетики XXI века в другое, более эффективное русло развития — на путь здравого смысла и цивилизации.

А теперь о поездках в Германию. Здесь я побывал в 1994, 1996 и 1997 годах по приглашению председателя правления крупной немецкой компании «Винтерсхалл» господина Детхардинга и тогдашнего директора

«Вингаза» Ю.А. Комарова (ныне генеральный директор ВЭП «Газэкспорт»).

Так получилось в моей жизни, что в Западной Германии я до этого никогда не бывал, хотя как Председатель Госплана СССР несколько раз посещал ГДР, где решал ряд деловых задач с В. Ульбрихтом, а позже с Г. Хонеккером, В. Штофом и другими. Конечно же, я больше всего контактировал в работе с моим коллегой — Председателем Госплана ГДР Герхардом Шурером, талантливым и общительным человеком. Часто с ним встречался в Москве и Берлине, мы вместе готовили крупные государственные документы, которые затем рассматривались в правительствах и ЦК компартий двух наших стран. Их, как правило, принимали к реализации, что приносило пользу обоим государствам.

У нас с Шурером обычно находилось время для ознакомления с достопримечательностями стран, — так легче понять друг друга. Герхард Шурер, в частности, интересовался Западной Сибирью. Он несколько раз побывал там с деловыми целями. Западная Сибирь хорошо и надёжно обеспечивала нефтью и газом ГДР, а затем и всю Германию.

Расширение сферы деятельности компании «Винтерсхалл» в области природного газа было связано с тем, что для заводов его материнской компании — известного в мире крупнейшего химического концерна БАСФ требовались дополнительные источники газа. Чтобы иметь возможность закупать газ самостоятельно, было принято решение построить в Германии с участием Газпрома свою сеть газопроводов, позволяющую партнёрам участвовать в непосредственной продаже российского газа потребителям, что экономически выгодно.

Во время поездки наша группа достаточно подробно ознакомилась с деятельностью «Винтерсхалла» и огромным разнообразием производств концерна БАСФ. За предоставленные возможности мы весьма признательны Герту Майхелю — спикер-директору, доктору юридических наук, Айке Мюллер-Эльшнеру — дипломированному коммерсанту группы БАСФ, Аниссе Шайдель — дипломированному экономисту ВИНгаза.

Особо хочу сказать о Херберте Детхардинге. Признаюсь, что меня всегда восхищали его высокие профессиональные и человеческие качества — глубочайшие знания и эрудиция, неиссякаемая энергия и оптимизм, исключительная деловитость и большая работоспособность, неизменные доброжелательность и скромность.

В поездках по Германии меня всегда сопровождал Б.И. Ксенз -мой бывший помощник, когда я находился на посту Председателя Госплана СССР.

В общей сложности по автострадам и городским дорогам Германии мы проехали на автомобиле около 5 тысяч километров и, кроме того, совершили трехчасовую поездку по реке Рейн, очень похожей на нашу Волгу и красотой, и плавным течением.

Где бы мы ни останавливались, всегда знакомились с достопримечательностями городов и их окрестностей. В частности, привлёк наше внимание в городе Рейндорф на Рейне скромный домик крупного государственного деятеля Германии, который многие годы был канцлером страны, Конрада Аденауэра, прожившего 91 год. Здесь в библиотеке он работал, встречался со многими людьми. Канцлер Аденауэр пользовался большим авторитетом у немецкого народа. Его хорошо знали и уважали и в других странах. Сейчас в этом домике создан очень интересный музей, который пользуется большой популярностью.

Не могу забыть и нашу 30-минутную поездку по узким переулкам на миниатюрном поезде из четырёх вагончиков. Пришлось петлять по тесным, средневековым переулкам между красивыми зданиями и домиками, где не проходят даже легковые машины. Казалось, мы каким-то чудом попали на 300-400 лет назад. Удивительное погружение в историю.

Удалось побывать на крупнейшем пивоваренном заводе, где нам продемонстрировали весь процесс получения самого популярного пива в мире от начала до конца. Немецкое пиво всегда считалось непревзойдённым по своим вкусовым качествам, пенистости и особому аромату. Была понятна гордость хозяев, которые чётко и разумно организовали технологические процессы, обеспечили идеальную чистоту в помещениях, добились слаженности в работе, строгой дисциплины. Только так, только в таких условиях, подумалось мне, можно создавать качественную продукцию. Именно дисциплина труда — залог продуктивности и качества. Вот чему мы должны учиться.

Незабываемое впечатление произвело большое количество магазинов с высококачественными продовольственными и промышленными товарами. Здесь умеют продавать свою продукцию. И лучшая реклама товаров — их образцовый вид, просторное помещение, хорошая освещённость, — как говорится, показать покупателю товар лицом.

Как ни странно, но нам удалось побывать и на территории Бельгии и Голландии, благодаря свободному проезду через границы этих стран. Невольно вспомнилось множество таможен и проверок на границах между братскими республиками СНГ

Интересной оказалась и наша экскурсия в здание бундестага. С большим интересом выслушали информацию государственного советника

о порядке работы депутатов этого высшего органа власти Германии. Как и где размещаются во время заседаний канцлер, правительство и все депутаты бундестага, в том числе и оппозиционная часть.

Знакомство с работой бундестага — предмет постоянного внимания многочисленных экскурсантов. И мне, бывшему депутатом Верховного Совета СССР более 40 лет, кажется целесообразным перенять этот парламентский опыт. Следовало бы организовать подобные экскурсии в Кремле. Думаю, что это станет важным шагом на пути демократизации общества.

Уверен, моя двухнедельная поездка по Германии послужит началом делового и плодотворного сотрудничества в области нефтяной и газовой промышленности немецкой фирмы «Винтерсхалл» с российским Институтом проблем нефти и газа.

Нас, ветеранов великих строек, не зря приглашают в ведущие страны мира — наш опыт им интересен, они изучают его, демонстрируя завидную государственную рачительность. Что привлекает их внимание?

Конечно же, деловые вопросы, наши технические методы, наработки, прогнозы. Никаких «секретов» не выведывают, но составляют себе ясную картину нашего экономического и творческого потенциала: чтобы работать с партнёром, надо его знать.

Поездки в различные страны мира я привык рассматривать как часть своей работы, как продолжение того, что я выполнял на высоких государственных постах. Буду рад, если чем-либо способствовал укреплению и развитию экономических, деловых и научных связей между моей страной и зарубежными фирмами, предприятиями, научными учреждениями. Считаю, этому всегда помогает установление личных, доверительных контактов, да и просто тёпло задушевной и честной беседы.

Какие ещё дела приходится мне выполнять, будучи на пенсии?

Так уж случилось в моей жизни, что я стал президентом Общества российско-азербайджанской дружбы. Это произошло в апреле 1993 года. Инициаторы его создания обратились ко мне с предложением возглавить общество двух стран, обосновывая это тем, что я много лет избирался в Азербайджане депутатом Верховного Совета СССР и, находясь на постах наркома, министра нефтяной промышленности, Председателя союзного Госплана, часто бывал у себя на родине и оказывал всевозможную помощь в развитии азербайджанской экономики и повышении жизненного уровня своих земляков.

Принимая во внимание мой преклонный возраст, организаторы общества не были уверены в моём согласии баллотироваться на этот пост.

Но я решил, что не следует отказываться от предложения, учитывая обстановку, которая сложилась после развала Советского Союза, в частности, резкое обострение межнациональных отношений и разрыв экономических связей, особенно в моей родной нефтяной отрасли. И вот организаторы общества, в основном бывшие бакинцы, проживающие в Москве, провели большую работу по созыву учредительной конференции. Она состоялась в Доме дружбы народов, и я на ней был единогласно избран председателем Общества российско-азербайджанской дружбы. Были избраны правление, президиум правления и три вице-президента. Здесь же утвердили устав нашей общественной межрегиональной организации.

В начале июня 1993 года я побывал в Баку, чтобы ознакомить руководство республики с целями и задачами нашего общества, а также посетить могилу отца и матери, увидаться с родными и близкими.

Вместе с вице-президентом общества А.С. Ромашиным я встречался с президентом Азербайджана А. Эльчибеем, премьер-министром П. Гусейновым и другими. Кроме того — с руководителями бывшего Госплана республики, объединения «Азнефть» и комбината «Азнефтемаш».

Удалось также побывать в автономной республике Нахичевань, встретиться с Гейдаром Алиевичем Алиевым — главой Верховного Совета Нахичевани. Думаю, что многим читателям известно, что Г.А. Алиев долгие годы являлся первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, а затем членом Политбюро ЦК КПСС и первым заместителем Председателя Совмина СССР. На этих постах он много сделал для развития своей республики и пользуется здесь большим авторитетом: не случайно он ныне Президент Азербайджана. Работая в Совмине СССР, Гейдар Алиевич ведал вопросами транспорта и связи. В частности, при его активном участии была построена Байкало-Амурская магистраль (БАМ), сыгравшая большую роль в развитии производительных сил Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Госплан много и обстоятельно занимался проблемой строительства и освоения зоны БАМа. По этой грандиозной, захватывающей воображение проблеме с участием министерств, местных властей и крупнейших ученых было подготовлено специальное постановление директивных органов, рассчитанное на длительную перспективу. В нём конкретно указывались масштабы освоения огромных природных богатств и развития социальной инфраструктуры, объёмы капитальных вложений. После тщательного рассмотрения в комиссии Совмина, возглавляемой Гейдаром Алиевым, оно было принято Центральным Комитетом партии и Правительством. Правда, в период «перестройки» средства массовой информации подвергли

огульной критике строительство БАМа, пытаясь доказать его ненужность вообще. Но затем эта критика заглохла ввиду своей бесплодности.

На встречах с руководством Азербайджана я подробно излагал цели и задачи нашего общества дружбы, рассказывал об экономических связях двух республик, особо выделяя связи в области нефтяной промышленности. В конце беседы с тогдашним главой республики Эльчибеем я затронул вопрос о помиловании пятерых русских солдат, осуждённых азербайджанским трибуналом и приговорённых к смертной казни за участие в войне в Нагорном Карабахе на армянской стороне. В ответ глава республики одобрил создание нашего общества и выразил готовность к сотрудничеству. Что касается осуждённых солдат, то он сказал, что приостановил исполнение приговора, но к этому больше ничего не добавил. Закончив беседу, он проводил меня до выхода из особняка и на прощание крепко пожал руку.

В Баку я много времени уделил ознакомлению с состоянием нефтяной индустрии. Побывал в бывшем объединении «Азнефть», в «Азнефтемаше» и в тресте «Лениннефть», где когда-то трудился и прошёл путь от рядового инженера до управляющего трестом. Отсюда был направлен в Куйбышев, возглавил там объединение «Востокнефтедобыча», призванное решить вопрос создания «Второго Баку». Здесь — начало моей личной судьбы, здесь и тот хозяйственный опыт, который так пригодился мне в Госплане СССР. И я невольно вспомнил время, когда у «Азнефти» была максимальная добыча — 23,5 миллиона тонн нефти, что составляло более 70 процентов от всей добычи нефти в Советском Союзе.

Бакинская нефть сыграла решающую роль в обеспечении горючим фронта и в восстановлении народного хозяйства после войны. Этого забывать нельзя.

Ныне в Азербайджане добывается около 10 миллионов тонн нефти в год и в основном на шельфе Каспийского моря. Такое падение добычи нельзя объяснить лишь истощением недр. Из нефтяных пластов Апшеронского полуострова ещё не извлечено более 60 процентов нефти. Причиной тому является несовершенство техники и технологии извлечения нефти.

Аналогичное положение с добычей нефти в России. Здесь добыча нефти и газового конденсата снизилась с 570 миллионов тонн в 1988 году до 301 миллиона в 1996 году. Это объясняется резким уменьшением финансирования нефтяной промышленности, что привело к сокращению геолого-разведочных, а также буровых и строительных работ — более чем на 40 процентов. Из-за нехватки оборудования и запчастей простаивает

более 30 тысяч эксплуатационных скважин с годовой добычей свыше 40 миллионов тонн. Невольно возмущает то, что при огромных возможностях «Азнефтемаша» по производству и поставке оборудования для нефтегазовой промышленности России мы до сих пор не сумели восстановить в полной мере прежние связи по взаимным поставкам ресурсов, что ведёт к колоссальным потерям обеих сторон.

Не могу не сказать и о той обстановке, в которой жили мои земляки в 1993 году. А она была сложной и напряжённой. Война в Нагорном Карабахе крайне отрицательно сказалась на положении в республике. О возвращении во власть Гейдара Алиева, имевшем решающее влияние на оздоровление жизни республики, написано уже немало. Главное — республика поднялась на ноги и занялась вплотную экономикой, постепенно восстановился мир на этой древней земле. Всё большее значение приобретают восстанавливаемые узы между русским и азербайджанским народами. Пусть у нашей дружбы появились новые черты, новые виды связей, но сущность её осталась прежней. Это — неоценимое наше богатство и утратить его ни при каких обстоятельствах нельзя. «Лучше близкий сосед, чем далёкий родственник» — так гласит азербайджанская пословица. А мы — близкие соседи. И этим всё сказано.

В октябре 1995 года мне снова удалось побывать в моём родном Азербайджане в составе Российской правительственной делегации, возглавляемой первым вице-премьером А.А. Большаковым. Я был участником подписания семи соглашений по развитию экономических отношений между Россией и Азербайджаном.

Состоялась тёплая встреча с Гейдаром Алиевичем Алиевым, длившаяся полтора часа. Мы обсудили ряд вопросов, связанных с работой Общества российско-азербайджанской дружбы, и, конечно, как всегда, с развитием нефтяной промышленности Азербайджана. Побывал я в своём родном Ленинском районе, а также на морских нефтяных месторождениях, которые произвели на меня большое впечатление. На шельфе Каспийского моря открыт ряд нефтяных месторождений, сулящих хорошую перспективу в значительном подъёме добычи нефти.

Побывал я в Азербайджане и в июне 1998 года. Состоялись встречи с Президентом Республики Г.А. Алиевым, Председателем Правительства Раси-Заде, президентом нефтяной компании Натиком Алиевым и другими руководящими деятелями.

Естественно, посетил и свой родной район — Балаханы. Встретился с руководством НГДУ «Балаханынефть», побывал на могиле отца и матери. Знакомился, в течение двух недель с состоянием экономики республики.

Хочу отметить, что экономика Азербайджана стала выходить из кризисного состояния. Об этом свидетельствует тот факт, что национальный доход в 1997 году вырос более чем на 5 процентов, а за четыре месяца 1998 года — на 8 процентов. В результате проведённых переговоров были подписаны соглашения с моим Фондом о внедрении на нефтяных месторождениях реагента «Темпоскрин» и бурении скважин электробуром.

Следует отметить, что большую помощь в работе Общества российско-азербайджанской дружбы оказывает посольство Азербайджана в Москве и особенно посол Рамиз Гасанович Ризаев.

Роль личности в истории

Я не пытаюсь определить роль той или иной известной личности в истории нашей страны. Этой теме посвящены многочисленные исследования, статьи, книги.

История сама расставит всё по своим местам.

Я, будучи причастным к кругу известных личностей, просто хочу рассказать о встречах с ними, о совместной работе, собственных впечатлениях. Хочу поделиться с современниками своими воспоминаниями о тех, кто создавал историю нашего государства, и через призму своего восприятия, большого жизненного опыта попытаться разобраться в том, что происходит сейчас с нами, с Отечеством.

В эпоху «борьбы с культом» роль личности в истории свели к тому, что она мало что значит. И тут же, противореча себе, все беды государства объяснили недостатками личности Сталина.

Развенчав культ личности Сталина, «наш дорогой» Никита Сергеевич благосклонно отнёсся к созданию собственного культа личности. С годами он всё болезненнее воспринимал критику. Ему всё больше и больше нравилось славословие подхалимов, он радовался каждой очередной государственной награде.

При нём резко повысилась роль референтов, помощников. А сам он усвоил порочную практику грубо прерывать выступавших своими репликами или вовсе окриком: «Хватит!», создавая тем самым обстановку, невозможную даже для маломальской критики. После того как Пленум ЦК вывел из состава Президиума Молотова, Маленкова, Кагановича, власть Хрущёва неимоверно усилилась, ему уже никто не мешал верховодить, принимать важные государственные решения келейно, в узком кругу. Хрущёв отвергал все, что хоть как-то могло затмить его роль в руководстве партией и страной.

К сожалению, после творческого подъёма первых лет работы Хрущёва наступила пора бесконечных реорганизаций, разукрупнений и вновь укрупнений хозяйств. Хрущёв стал делать то, что ему хотелось.

К слову сказать, одновременно с ликвидацией министерств в структуре ЦК по указанию Хрущёва открыли множество отраслевых отделов: по технике, строительству, машиностроению, химической промышленности и так далее. Аппарат ЦК партии ширился, множился — те же министерства, но под партийным именем, с идеологическим уклоном

и потому ещё более разбухшие, чем прежде. И чем хуже шли дела в стране, тем громче и восторженнее хор льстецов воспевал успехи.

Хрущёв недооценивал объективно существующие в народном хозяйстве взаимосвязи, и это привело к вопиющему нарушению пропорций в экономике. Так, непродуманная программа развития химической промышленности проводилась за счёт значительного уменьшения вложений в другие важные отрасли...

Нельзя было не видеть, что экономика, лишившись жизненных связей, шла к развалу, рост её затормозился; социалистический лагерь раскололся и потому смещение Хрущёва с руководящих постов было и закономерным, и неизбежным.

Брежнев, придя к власти, приступил к реорганизации экономики на старый лад. Вскоре по его указанию упразднили совнархозы и вновь образовали прежние отраслевые министерства. Однако, неся ответственность за ту или иную отрасль, они не могли принимать важные решения без согласования с соответствующим отраслевым отделом ЦК. Из-за этого постоянно возникали столкновения, трудности, заминки в проведении экономических реформ 1960-х годов. Алексей Николаевич Косыгин много раз выступал за ликвидацию отраслевых отделов ЦК, но Брежнев и его окружение делать этого не хотели. В дальнейшем, как я уже отмечал, получил развитие культ личности Брежнева.

«У Брежнева слишком мягкий характер, он поддаётся чужому влиянию», — так Хрущёв однажды охарактеризовал своего выдвигенца. Действительно, Брежневу не хватало ни силы воли, ни политических данных, ни экономических знаний для руководства огромной страной. Этим пользовались, допускался неконтролируемый, а зачастую и незаконный рост доходов отдельных групп и лиц, нарушался социалистический принцип распределения по труду. В жертву ведомственным интересам приносили интересы государства. В угоду ведомствам через Политбюро протаскивались необдуманные решения, которые потом оборачивались ущербом стране.

Я лично, как и многие другие государственные мужи, очень надеялся на то, что вывести страну из трудного положения, в котором она оказалась, когда генсеком был больной Л.И. Брежнев, сможет Ю.В. Андропов.

В личности Андропова, как и в личности А.А. Громыко, нашёл своё яркое выражение тип советского руководителя, прошедшего все этапы восхождения к высшей власти, когда не просто пересаживают секретаря обкома в кресло генсека, а воспитывают поэтапно разными уровнями власти. И в результате формируется деятель, политический руководитель,

капитан корабля страны.

Из всех руководящих деятелей нашего государства последних четырёх десятилетий после А.Н. Косыгина я очень уважал Юрия Владимировича Андропова, с которым мне пришлось общаться по многим вопросам, когда он стал Генеральным секретарём ЦК партии.

К великому сожалению, на этом посту он проработал чуть больше года и ушёл из жизни, не успев завершить больших государственных задумок. За этот очень короткий срок я имел с ним несколько встреч, на которых мы обстоятельно обсуждали вопросы, связанные с состоянием экономики страны. Юрия Владимировича весьма тревожила сложившаяся в стране обстановка, вызванная падением темпов производства в промышленности и сельском хозяйстве, а также жизненного уровня населения.

Он терпеливо и разносторонне старался вникнуть в причины этого, а самое главное найти пути выхода из сложившихся обстоятельств. Он задавал мне множество вопросов, самых неожиданных. Задавал вопросы и, выслушав ответы, обдумывал их, сам высказывал свои соображения, не навязчиво, а в виде тактичного совета. И только после всего этого мы принимали решения, которые ложились в основу проекта народнохозяйственного плана. А потом уже они обсуждались на заседаниях Правительства и Политбюро.

Встречи и беседы с Юрием Владимировичем дают мне основание охарактеризовать его как высокоэрудированного, интеллектуального человека, человека острого аналитического склада ума и высоких духовных качеств. Это проявлялось и в широте его взглядов на самые различные явления общественной жизни, и в умении проникнуть в суть новых проблем, которые она рождает, и в его общей культуре.

На заседаниях Политбюро, где мне приходилось присутствовать, Юрий Владимирович выступал без бумажек (без чего не мог обходиться Брежнев). Лишь заглядывал в блокнот, в котором заранее очерчивал узловые моменты, свободно излагал свои мысли, убедительно аргументируя свою позицию и свои предложения.

В работе он был несколько суховат, сосредоточен, не терпел суеты и волокиты, все вопросы решал быстро, но не допуская излишней спешки.

Главным во всех делах была для него неукоснительная дисциплина, что требовал он от самого себя и от других. Важна для него была не только внешняя дисциплина, но и дисциплина ума, чтобы не растекаться «мыслию по древу», а мыслить сосредоточенно, не отвлечённо, и только на базе строгих доводов и предложений.

Большие надежды на Ю.В. Андропова подкреплялись его

конкретными делами, особенно в области обязательного выполнения принятых решений партии и правительства. К сожалению, вскоре Юрия Владимировича не стало.

Ю.В. Андропова сменил К.У. Черненко. Пробыв на ответственном посту около года, он практически не сумел ничего сделать...

Я знал многих замечательных людей, их деловитость, творческий ум и способности.

Среди тех, с кем я общался или работал вместе, которых очень уважал и уважаю доныне, это А.Н. Косыгин, Н.А. Вознесенский, Ю.В. Андропов, Г.А. Алиев, В.А. Масол, В.И. Воротников, В.И. Долгих... С особой теплотой вспоминаю совместную работу с Н.И. Рыжковым, В.Н. Виноградовым, С.Н. Фёдоровым, В.Ф. Гарбузовым.

Отдельно хочу сказать об Алексее Кирилловиче Картунове, Герое Советского Союза. Он внёс большой вклад в создание и развитие отечественной газовой промышленности. При его активном участии и непосредственном руководстве газовая индустрия превратилась в мощную отрасль народного хозяйства. Особенно большой вклад внёс Алексей Кириллович в развитие нефтегазодобывающей базы страны в Западной Сибири.

За 15-летний период (с 1957 по 1972 год), в течение которого А. К. Картунов возглавлял газовую отрасль Советского Союза, добыча газа в стране увеличилась с 10 миллиардов кубометров в год до 221 миллиарда, то есть в 20 с лишним раз! Доля газа в топливном балансе страны достигла почти 20 процентов, были введены в действие 100 тысяч километров магистральных газопроводов, сформирована единая система газоснабжения страны.

Картунов был выдающимся организатором и новатором газового производства, первым министром газовой промышленности и первым министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. С присущей ему энергией он всегда смело и настойчиво добивался, чтобы в возглавляемых им отраслях внимание работников концентрировалось на научно-техническом прогрессе, на комплексном освоении особо крупных и сложных месторождений.

Хочу отметить и таких выдающихся организаторов отечественной нефтяной и газовой промышленности, которые очень много сделали для развития топливно-энергетического комплекса страны, как В.И. Муравленко, чья роль особенно велика в увеличении добычи нефти и газа в Западной Сибири, С.А. Оруджев, В.Ю. Филановский, В.Д. Шашин, Б.Е. Щербина, С.А. Везиров, В.И. Грайфер, А.Д. Лемберанский, С.И. Кувыкин,

А.Т. Шмарев, А.А. Трофимук. Эти и другие замечательные люди внесли большой вклад в экономику и историю нашей страны, в подъем жизненного уровня народа.

Не встраиваются в этот ряд ни Горбачёв, ни Ельцин.

Возьмём М.С. Горбачёва. Много или мало эта личность повлияла на судьбу нашей страны и тем самым мира?

Давайте разберёмся. Сам приход Горбачёва к власти на пост Генерального секретаря партии после смерти К. Черненко не отражал волю ни партии, ни Политбюро. Не имея ни практических навыков руководства в масштабах всей страны, ни теоретических работ, как Сталин, например, он превосходно освоил методы закулисной аппаратной борьбы. Так, Политбюро собрали в полном составе, когда Горбачёвым были «обработаны» по отдельности все, кто колебался, и выборы его были предрешиены.

Михаил Горбачёв в те годы развил небывалую активность: уговаривал, обещал посты, затрагивал сердечные струны. Здесь он преуспел. Уметь обольщать и улаживать, казаться не тем, кем есть на самом деле, — это сильная его сторона как аппаратного политика. Но страна — не кабинет. Здесь уже нужны иные масштабы мышления и духовных сил.

Да и само начало перестройки в горбачёвском исполнении, как показало время, стало делом прельстительным, явлением с «двойным дном». Я уже писал в этой книге, что многие, в том числе и я, поверили ему, так как знали, что преобразования назрели, преобразования нужны. И вот явился человек из глубинки, энергичный, умеющий убеждать в своей верности социализму.

Доверив Горбачёву руль от корабля страны, доверили ему и страну, её путь и судьбу.

Уже тогда, в самом начале перестройки настораживало, что за многословием не просматривается никаких серьёзных экономических выкладок. Даже лозунг об ускорении движения вперёд конкретными делами не подкреплялся, наоборот, ускорение начиналось в обратную сторону. Приступили к всеобщей ревизии советской истории под девизом — «Никаких белых пятен». Так Горбачёв завоевал себе популярность среди общественности. Была объявлена «гласность» — и опять в направлении очернения прошлого. И снова заговорили о Сталине, хотя более 30 лет руководили страной уже другие. Возник термин «застой», взятый напрокат у врагов советского строя, как и определение, «административно-командная система», принадлежащее Троцкому.

Но и всё это не могло ещё поколебать советского строя. Нужен был

хаос. И Горбачёв стал его срочно создавать.

За внешней общительностью, умением говорить по-свойски, особенно в перерывах между заседаниями, среди небольшой толпы любопытствующих гостей, виден был человек, который любит покрасоваться, поразить речью, доступностью, то есть актёр, особо и не скрывающий своего честолюбия.

Началось «впадение» в перестройку с последовательной заменой (и подменой) кадров, с упорным «выдавливанием» из Политбюро вчерашних соперников — Гришина, Романова, и противников — Щербицкого, Кунаева. Это на наших глазах совершался в сущности государственный переворот — ползучий и шумный в печати, когда охаивались вся и все, кто усомнился в линии Горбачёва.

Уместно, думаю, дополнить и страницы об антиалкогольной кампании, названной в народе «принудительной трезвостью». Мало кто заметил подлинные цели этой кампании, хотя Горбачёв однажды неосторожно обмолвился: пусть не думают, что эта кампания может родить криминальный разгул, как когда-то в Америке после принятия «сухого закона». Таким образом, Горбачёву были видны и ясны последствия. Теперь мы понимаем, оглядываясь назад, что криминальная, или «теневая», экономика была создана именно в эти годы. Родился новый слой «теневиков» — криминально-водочных. Более того — подпольное производство спиртного, торговля им, что повлекло за собой и наркобизнес и т.п., — создавали направляемый сверху хаос. В народе стали звать Горбачёва минеральным секретарём.

Такова технология создания разрушительных сил в стране. И роль Горбачёва во всем этом — наиглавнейшая.

Почему мы вовремя этого не разглядели? Здесь много причин. Оборотничество тем и опасно, что оно действует за «дымовой завесой» правильных слов и заявлений, что оно мобилизует все средства массовой пропаганды. Недавно я прочитал, что «Горбачёв — историческая пустышка». Это — сегодня. А тогда он стал организатором... нашей государственной катастрофы. Кстати, опять мало кто обратил внимание на слова Горбачёва, произнесённые в 1991 году, что через пять лет он расскажет действительные причины того, что сделал он. Прошло уже семь лет, но Михаил Сергеевич так и не открыл (уверен, и не откроет) истинные причины своих действий.

Ясно одно: экономические решения, там, где они требовались, были подменены политическими решениями. И посему перестройка не состоялась. Состоялся переворот.

«Как в своё время завершился романтический период перестройки, так приказал долго жить период «демократической романтики», — верно подметил Н.И. Рыжков, определяя характер и итоги горбачёвской перестройки.

В моей памяти запечатлелась чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР 21 августа 1991 года, где председательствующий Б. Ельцин предоставил слово Президенту «уходящей» страны М. Горбачёву. Депутаты встретили его свистом и топотом, грубыми выкриками, — и так до конца его выступления. Горбачёв стоял бледный и упорно продолжал свою речь с надоевшими объяснениями, но его не слушали.

Вот сошёл он с потным лицом с трибуны, и стали депутаты задавать вопросы, а было их много — напористых, злых вопросов. Так, депутат Б. Новиков задал сразу два вопроса: «Михаил Сергеевич, Вы в очередной раз успели подтвердить свою приверженность социализму. Одновременно Вы сообщили, что собираетесь заниматься усовершенствованием КПСС. Я задаю вопрос такой: не считаете ли Вы, что социализм должен быть изгнан с территории Советского Союза? — Первое. Второе. — Не считаете ли Вы, как эта фракция беспартийных депутатов РСФСР, что компартия Советского Союза должна быть расформирована, как преступная организация?».

Были заданы и другие вопросы примерно того же характера.

Ответы же Горбачёва своей трусливой невразумительностью вызывали шум, гвалт, свист и негодование. Дело дошло до того, что Ельцин сказал: «Товарищи, для разрядки. Разрешите подписать Указ о приостановлении деятельности Российской компартии». И тут в зале начался массовый психоз. Овации, крики «Браво!», «Ура!».

Ельцин также под гвалт и шум подмахнул Указ — опечатать все здания, принадлежащие КПСС.

А что Горбачёв? Он сидел с неподвижным важным лицом — Генеральный секретарь партии, которую на его глазах закрывали, не встал на защиту партии, которой был обязан всем, в том числе и вхождением на Олимп власти.

25 августа 1991 года вечером по радио и телевидению было зачитано заявление Горбачёва о том, что он слагает с себя полномочия Генерального секретаря и рекомендует ЦК самораспуститься.

Последняя точка была поставлена. Всё остальное явилось следствием.

Глава седьмая

ЕЛЬЦИН И «ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ»

С тревогой о судьбе Родины

Чем дальше, тем яснее виделось мне, что переход к рыночным отношениям у нас сопровождается произвольным и разрушительным сворачиванием централизованного, в том числе отраслевого, управления. Миллионы людей стали работать только на свой узколичный «хозрасчет», забыв о смежнике, о государстве, о сложной увязке каждой экономической единицы с другими. Всё это вылилось в обвальный рост цен, диктат поставщика и экономическое иго посредника.

В законе о госпредприятии, который был принят в 1986 году, предусматривалось всячески стимулировать предприимчивость и новаторство промышленных предприятий и научно-исследовательских институтов. Это хорошо. Но в то же время законом утверждалось, что их хозяйственная деятельность регулируется и контролируется центром. Это тоже хорошо.

У меня уже тогда возникли сомнения: как можно будет осуществлять такой контроль и учитывать интересы государства, если директора получили право принимать абсолютно самостоятельные решения по хозяйственным вопросам.

Внимательно анализируя выступления многих экономистов, как советников М.С. Горбачёва, так и других, я всё более убеждался в том, что взят курс на неподготовленный и форсированный переход к рыночной «самодвижущейся» экономике.

Всё чаще можно было прочесть о снятии с Госплана функций директивного планирования и всемерном ограничении его контрольных прав. Участились нападки на министерскую систему управления, которая в своё время способствовала созданию нашей могучей индустрии, а теперь она якобы «себя уже исчерпала».

Словом, речь шла об очередной реорганизации управления на принципиально другой основе. При этом газеты, радио, телевидение делали упор на необходимость перемен, на то, что выгоды от перестройки народ получит сразу. А для этого, мол, нужна полная самостоятельность предприятий и расширение кооперативного сектора экономики, ибо у кооперативов отдача выше и достигать её они могут быстрее, чем государственные предприятия...

Я уже отмечал, что много видел на своём веку реорганизаций и знаю — это спешка, которая нередко оборачивалась дискредитацией даже

прогрессивных начинаний. Наша история богата быстрыми и резкими поворотами в экономике и политике. Вспомним лихорадочную попытку в рекордные сроки создать мощную химическую промышленность и реорганизовать административный аппарат при Хрущёве, построить к 1980-м годам коммунизм. Или — смену экономических паритетов, в первую, очередь в области инвестиций, при Брежнев.

Вспоминаю и субъективные решения Хрущёва — засеять всю территорию страны кукурузой, за двадцать лет перегнать Америку. К слову сказать, никто тогда не возразил — мол, Никита Сергеевич, это нереально. Напротив, многие, в том числе и наши ученые, на все лады прославляли ускоренный путь к коммунизму.

Подобное повторилось и теперь, только ещё более крупно и контрастно. Неужели жизнь так ничему нас и не научила? Разве можно было идти к рынку ускоренными, безоглядными темпами, если в обществе для этого не создали условий? Ведь что такое рынок? Это — саморегулирующаяся система отношений, в которой спрос и предложение являются главными регуляторами. Предложение на рынке должно чутко реагировать на спрос, иначе в условиях тотального дефицита материальных ресурсов, а следовательно, товаров и услуг, все попытки развить инициативу на местах тщетны.

И не случайно серьёзные экономисты и деловые люди из-за рубежа предупреждали нас о необходимости перехода к рынку постепенно и продуманно. Так, премьер Великобритании Маргарет Тэтчер, оценивая темпы намеченных у нас преобразований, сказала: «Вы в Советском Союзе пытаетесь сделать в течение, скажем, 5-10 лет то, на что нам понадобились столетия».

Но даже не за 5-10 лет, а в более короткие сроки предполагалось осуществить реформы.

В начале августа 1990 года в соответствии с договоренностью между Горбачёвым, Ельциным, Рыжковым и Силаевым была сформирована группа из 13 человек под руководством С. Шаталина, которой было поручено в месячный срок создать программу перехода к рынку и представить в начале сентября единую концепцию этого перехода Верховным Советам СССР и РСФСР.

Реализовать же подготовленную программу предусматривалось за 500 дней. Однако расчёты не оправдались.

Прошло время, распался Советский Союз, реформы начались в ином направлении. Вот и получилось — «500 дней, которые растрясли СССР».

И действительно, к современному рынку страны Запада шли многие

десятки лет, отталкиваясь от частнопредпринимательской деятельности, в то время как советские люди жили и работали в условиях социалистической системы, где не только думать не могли о рыночных отношениях, но и знать не хотели, что это такое, поскольку рынок провозглашался у нас чуждым общественному строю. И как ни крути, не рыночные отношения обеспечили экономический рост, выдвинувший СССР в ранг мировой державы.

Будь я ответственным за проведение экономической реформы, то из всех вопросов выделил бы как наиважнейший — развитие сельского хозяйства, ибо оно главный источник обеспечения рынка продовольствием, а промышленности — сырьём для потребительских товаров.

Сельское хозяйство в силу разных причин и факторов всегда было болевой точкой нашей экономики. Ведь 70 процентов в товарообороте страны занимает продукция сельского хозяйства. Проследим, как раскручивался маховик проблем в сельскохозяйственном производстве. До войны все «перекося» объяснялись «неправильным соотношением между промышленностью и сельским хозяйством». В войну министр финансов А.Б. Зверев поначалу не мог сверстать план, недоставало средств, чтобы исправить положение. И он усилил, конечно не без помощи ЦК, нажим на колхозное крестьянство, обложив налогами подсобные хозяйства, вплоть до яблонь.

Дальнейшее ущемление сельского сектора уже при Хрущёве проявилось в непродуманной ликвидации машинно-тракторных станций (МТС) и в кукурузной кампании. Усиление прессы на крестьян выразилось в бесцельном разорении приусадебных участков, в тяжёлых налогах на рогатый скот. В ту пору в деревне редко у кого можно было увидеть корову или телёнка.

Помнится, как Д. С. Полянский, тогдашний глава Правительства России, приехав на Кубань и узнав, что я разрешил выделить работникам совнархоза участки по двадцать соток, начал распекать меня за самовольство и потребовал, чтобы участки урезали.

С выдачей паспортов на руки крестьянам начался их отток в города. Колхозы укрупняли, сносили «неперспективные деревни», брошенные земли зарастали сорняком. Министры и секретари ЦК по сельскому хозяйству сменялись один за другим, но дела продолжали ухудшаться.

При Брежневе состоялись три Пленума ЦК, посвящённых развитию сельского хозяйства. Так, согласно решениям мартовского (1965 года) Пленума были осуществлены крупные меры в экономике. И самой важной из них можно назвать улучшение планирования в сельском хозяйстве,

расширение экономической самостоятельности колхозов и совхозов.

Остановлюсь на этом подробнее. Ещё будучи председателем Краснодарского совнархоза, я понял, что если не закрепить трудовые ресурсы на селе, то в ближайшее время это сильно скажется на всей нашей экономике.

В Госплане СССР, куда пришли и люди, связанные с сельским производством, заговорили о необходимости организации подсобных промыслов в колхозах и совхозах.

«Я с 1958 года работал председателем колхоза «Солнечный», — говорил на одном из совещаний Н.Т. Борченко, заместитель начальника отдела сельского хозяйства Госплана, — и на деле почувствовал, как важно для нас подсобное хозяйство. Вот, к примеру, мы просили передать колхозу кирпичный завод, производящий 3 миллиона кирпичей в год. Райисполком нас поддержал. Так вот, предприятие из убыточного в течение пяти лет превратилось в рентабельное, с полуторамиллионной прибылью. Но главное, появился и резерв рабочей силы. Теперь и на уборке урожая людей хватает, и на заготовке кормов тоже. И из колхоза не убегают».

Я тоже считал, что надо дать полную свободу хозяйствам в организации любых промыслов. Свободная предпринимательская деятельность в деревне помогла бы удержать на селе многих энергичных людей.

И вот мы решили возродить народные промыслы. В Госплане создали соответствующий подотдел, руководить которым стал А. Л. Комиссаров. Практическую помощь подотделу должен был оказывать мой заместитель по сельскому хозяйству Н.П. Гусев.

По его инициативе мы периодически приглашали на совещания в Госплан наиболее авторитетных руководителей колхозов и совхозов, где труд сельчан успешно сочетался с народными промыслами, благодаря чему хозяйства становились прибыльными. Это было очень важно в те годы, когда рентабельность сельской продукции резко пошла на убыль. Словом, и колхозы, и совхозы получили возможность как-то поправить свои дела. Но, к сожалению, идущие снизу и поддержанные Госпланом инициативы глушились в высших инстанциях.

— Вы хотите, чтобы сельхозники занялись и промышленностью? А кто будет заниматься селом? Зачем вам на селе производить продукцию, не имеющую отношения к сельскому хозяйству? — так спрашивали нас некоторые деятели ЦК партии.

Приходилось с великим трудом преодолевать препятствия и со стороны Министерства финансов.

— «Как это так — дать колхозам и совхозам право на договорной основе устанавливать заработную плату и цены?» — возмущался и недоумевал глава финансового ведомства В.Ф. Гарбузов.

Специалисты Госплана доказывали руководству, что социальное возрождение села невозможно без свободы предпринимательства в деревне, для чего нужна финансовая поддержка со стороны государства. Они приводили обоснованные экономические расчёты, которые, казалось, наглядно доказывали важность этого дела.

— А у меня дыра в бюджете! — неизменно отвечал при встрече с ними Гарбузов. А затем звонил мне и спрашивал:

— Николай Константинович, когда ты выгонишь этих своих предпринимателей?

— Я уважаю тех работников, которые не оторваны от жизни и способны принципиально возражать, — отвечал я Гарбузову.

И в самом деле, сколько состоялось совещаний, на которых горячо спорили и доказывали, что хозяйства, где сочетают основную работу с развитием подсобных промыслов, наиболее продуктивны и перспективны.

Помимо совещаний в Госплане, как я уже говорил, проводились разнообразные выставки товаров: свитеров, шерстяных костюмчиков для детей, дублёнок. Демонстрировались модели цехов по переработке мяса, молока, образцы строительных материалов, производимых на селе. Были там и изделия художественных промыслов: шкатулки, матрёшки, посуда, игрушки и прочие поделки.

И тем не менее народные промыслы на селе то возрождались, то «затухали», и всё потому, что они значительное время были предметом острейшей борьбы в руководящих инстанциях. И здесь, естественно, не обходилось без жертв со стороны наиболее активных, думающих, настоящего талантливых людей.

У противников развития народных промыслов бытовали такие аргументы: по замыслу «промысловики» должны работать на «давальческом» сырье, а это порождает нетрудовые доходы. Ведь, к сожалению, к живому, полезному делу зачастую примазываются дельцы, которые используют фондируемое сырье в своих целях.

И поэтому Московский обком и облисполком, то есть В.И. Конотоп и Н.Г. Козлов выступили против развития подсобных хозяйств и народных промыслов в Московской области и запретили этот вид хозяйственной деятельности.

Мне запомнилось посещение в начале 1980-х годов всем составом коллегии Госплана спектакля «Тринадцатый председатель» в театре им.

Вахтангова, организованное по инициативе моего заместителя Н.П. Гусева.

В центре спектакля — судьба председателя колхоза, которого судят за активность в развитии промыслов, за позицию, идущую вразрез с проводимой в обществе политикой. В основе повести — подлинная история расправы над председателем подмосковного колхоза Иваном Схимщиковым, который в 1971 году был исключён из партии и отдан под суд за увлечение промыслами, реабилитировали его полностью только спустя 19 лет! Н.П. Гусев был активным защитником этого председателя. И стал вдохновителем создания пьесы.

Хорошо помню, как подготовленный Госпланом проект постановления ЦК и Совмина о развитии промыслов на селе рассматривался на заседании Политбюро, которое вёл Юрий Владимирович Андропов. Обсуждение прошло вполне доброжелательно, но при доработке проекта в Совмине из него выбросили главное — идею развития производственной кооперации колхозов и совхозов с промышленными предприятиями. А как показывал обобщённый нами опыт, эта форма связи города и села могла стать действенным средством укрепления экономики хозяйств.

Примером такого взаимодействия может служить опыт ленинградского оптико-механического объединения ЛОМО, которое заключило с колхозами Ленинградской области соглашение на производство простейших изделий. Согласно договору ЛОМО обеспечивало колхозы сырьём, станками, оказывало помощь в обучении людей, а колхозы изготавливали для него футляры к фотоаппаратам. Таким образом, эффективно использовались трудовые ресурсы села, особенно зимой, а хозяйство получало дополнительную прибыль.

Жизнь полностью подтвердила правоту госплановцев о подсобных предприятиях и промыслах на селе. В 1977 году Совмин всё же принял необходимое решение. Колхозы и совхозы теперь на законных основаниях могли кооперироваться с промышленностью, и там, где это происходило, хозяйства успешно развивались.

Как я уже отмечал, социальное возрождение села невозможно без финансовой поддержки со стороны государства. Принимались соответствующие решения, выделялись крупные денежные средства. Но, к сожалению, постоянную задолженность преодолеть не удалось. Видимо, это произошло оттого, что существовавшая структура управления оказалась невосприимчивой к таким объёмам капитальных вложений: деньги распылялись по множеству объектов, большая часть их уходила в промышленность, например, на машиностроение для села, в ряде случаев средства замораживались.

А где для жизни колхозников были созданы почти городские условия, там и были лучшие результаты. К примеру, в подмосковном колхозе «Ленинский луч» (двадцать лет председателем его был Ю.И. Кубарев) люди жили в благоустроенных домах со всеми удобствами.

Когда-то здесь собирали по 15-18 центнеров зерна с гектара, а надои молока составляли 3500 литров в год на одну корову. Позже эти показатели ещё более возросли: до 40 центнеров зерна и 6000 литров молока, а колхозное стадо коров увеличилось с 900 до 1500 голов.

Мне могут возразить, что таких хозяйств по стране было немного, большинство же еле-еле сводило концы с концами. Да, доля рентабельных хозяйств тогда составляла 30-35 процентов, но нерентабельность большей части их была связана в значительной мере с плохим руководством. Колхозы и совхозы всегда нуждались в толковых и знающих руководителях и специалистах, умеющих правильно использовать финансовые ресурсы. Там же, где невозможно исправить положение, следует хозяйства разукрупнить, дать желающим возможность самим вести дело. Я сторонник использования разных форм хозяйствования.

Находясь в 1984 году в Финляндии, я побывал на одной из ферм, где работала семья из четырёх человек: муж, жена, сын и невестка. Вместе они обрабатывали 50 гектаров земли, содержали большое стадо крупного рогатого скота, продавали молоко и мясо с немалой прибылью.

У нас, к сожалению, мелкий производитель зерна, мяса и молока практически исчез. А жизнь убеждает, что в сельском хозяйстве надо вводить самые разные формы организации труда — арендные, акционерные, кооперативные и частные. Все хозяйства должны иметь полную экономическую самостоятельность, сами решать, что и когда сажать и кому продавать. Это сейчас формально такое право дано, — только между рынком и крестьянами встал посредник, который диктует им цены и определяет, что продавать. Это уже не оковы, как раньше, а капкан. А фермер и вовсе обречён, так как живёт и работает без техники и горючего, которые ему может предоставить только руководство колхоза, причём на любых произвольных условиях.

Теперь официозная пропаганда ещё больше направлена на дискредитацию колхозов и совхозов и поддержку только фермеров и арендаторов, которые так и не смогли быстро накормить страну. Но ведь даже в США, этой классической стране фермерства, лишь 50 процентов обрабатываемых земель принадлежит частникам, 16 процентов — арендаторам, а остальное — собственность государственных предприятий.

Два американца, побывав в хозяйствах Рязанской области, изумлённо

спросили:

— От чего вы хотите отказаться? Мы сами идём именно к коллективному хозяйствованию, постоянно укрупняемся, потому что в одиночку фермеру трудно выжить. Дайте и вы своим колхозам и совхозам то, что имеет наш фермер, и тот сервис, который есть у нас.

И в самом деле, у нас же большинство колхозов и совхозов ещё не работало в нормальных условиях — в условиях экономической свободы. Если на деле дать им права и свободы, приблизить к селу перерабатывающие предприятия и хранилища, построить дороги, обеспечить хозяйства необходимой техникой, улучшить бытовое, медицинское и культурное обслуживание тружеников, то и результаты приблизятся к американским. А иначе село не возродить.

Но у нас пока не только не создали таких условий, но и разрушают то, что себя экономически оправдало. Возьмём специализированный Птицепром. После тщательного изучения Госпланом перспектив развития птицеводства на основе индустриальных технологий мы много раз обращались в Совмин с этим вопросом, пока не убедили руководство, что организовав Птицепром мы улучшим селекцию кур, сбалансируем корма и увеличим тем самым продуктивность отрасли.

Создавая могучий Птицепром, мы построили множество птицеферм с импортным и лучшим советским оборудованием. Это был первый опыт конверсии: прекрасное оборудование для птицеферм изготовлялось на авиационных заводах. В результате яйценоскость кур соответствовала мировому уровню. Приятно было сознавать, что Госплан СССР явился инициатором этого начинания.

Теперь же, после «перестройки» отрасли, Птицепром давно ликвидирован. Нарушались, а вернее разрушались прежние хозяйственные связи. Заводы отказались от своих договоров. И как итог этой бессмыслицы — резкое сокращение производства яиц и птичьего мяса. Ну как тут не сказать, что наши «реформаторы» зарезали курицу, несущую золотые яйца.

Спрашивается, зачем это сделано? Кому выгодно разрушение хорошо работавшей и оправдавшей себя системы производства? Кому на руку нехватка продовольствия в стране? Время показывает наглядно — кому. Мы теперь покупаем куриные яйца в Европе. Завозим пресловутые «ножки Буша» из США, где не едят эту полувредную пищу. Расходуем валюту на пищевой суррогат и, истратив деньги, не можем из-за отсутствия средств заплатить заработную плату учителям, врачам, офицерам, шахтёрам.

Это — «чёрные дыры» нашей больной экономики, спекулятивного, непроизводительного капитала.

Эти вопросы не могут не тревожить. Ведь мы имеем дело здесь с элементарным нарушением нормальных рыночных отношений. Защищая в данном случае Птицепром, я и поныне считаю важным сохранить его методы управления. Не следует разрушать то, что даёт большую пользу, и прежде всего населению России. К сожалению, такое у нас теперь сплошь и рядом.

Улучшить дело с продовольствием, товарами и услугами можно путём регулирования соотношения роста заработной платы и повышения производительности труда, не допуская при этом необоснованной эмиссии денег. Нужно тщательно отрабатывать и налоговую систему, которая может стать и хорошим потенциалом в стабилизации бюджета и определённым регулятором роста прибыли предприятий, а заодно и заработной платы.

Но, увы, та же команда, что ещё недавно восхваляла «развитой социализм», писала доклады руководству, теперь восславляет отмену регулятора, предусматривающего опережающий рост производительности труда по отношению к росту заработной платы, — мол, рынок всё сам по себе отрегулирует. В государственной машине экономики «руль» оказывается без водителя, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Был дискредитирован Госплан страны, который якобы связывал руки директорам предприятий и объединений в их хозяйственной работе. Забыто недавнее утверждение, что нужно «поднимать роль и значение Госплана». Госплан просто-напросто отменён, распущен за ненадобностью, ибо сменился государственный строй, и цель — «развитой капитализм» через «дикий» и преступный. Остаётся ещё часть государственного сектора, и, имея его в виду, я намерен вести дальнейший разговор.

Я убеждён, что в решении проблем улучшения продовольственного снабжения мы не только как прежде отстаём, а попали в безнадёжную ситуацию: фермерские хозяйства, ничтожно малые в процентном отношении, не могут давать и не дают продукции больше, чем колхозы. А сами колхозы не только хиреют, их дружно разваливают, хотя и сейчас их доля в производстве продуктов решающая. А если будет утверждён земельный закон в «демократическом» виде, на земле не останется производителей: в фермеры современный крестьянин в подавляющем большинстве не может пойти, — в силу малосемейности, в силу того, что средний возраст сельского населения в два раза выше, чем городского, в силу отсутствия технической базы, дороговизны техники и отсутствия крестьянского банка, дающего под умеренные проценты кредиты. Часть земли придёт в запустение, возникнут пустыри, а другая часть будет заложена за долги. К сожалению, это сейчас и происходит.

Ещё в бытность свою председателем Краснодарского совнархоза я понял, что управление на местах было инициативным и опытным. Но центр должен координировать межотраслевые направления развития экономики, держать рычаги управления отраслями, имеющими стратегическое значение. К тому же многие хозяйственные руководители на местах не настолько квалифицированы, чтобы быстро перевести работу предприятий на принципы рыночной конкуренции.

При переводе предприятий на хозрасчет и самоокупаемость, когда был упразднён регулятор роста производительности труда и зарплаты, я пытался привлечь внимание к этой грубой ошибке и правительства, и политбюро. «Кому это выгодно?» — спрашивал я, но так и не получал ответа. А ведь фактически все, к кому я обращался, знали, что это приведёт к хаосу в экономике. При плановом регулировании зарплаты всегда исходили из того, что её рост не должен опережать роста производительности труда.

Если проследить по пятилеткам, то получается следующая картина: в 1966-1970 годах рост производительности труда составлял 38,6 процента, а заработной платы — 26,4 процента; в 1971-1975 годах — соответственно 25 и 20 процентов; в 1981-1985 годах — 14 и 12,6 процента. Но вот, когда был отменен плановый регулятор, данное соотношение стало 17,1 и 32 процента, то есть рост заработной платы превышал рост производительности труда почти в 2 раза! Это — нечто абсурдное.

Не улучшилось положение и в 1991 году. Отмена регулятора несомненно обрадовала многих руководителей предприятий, так как теперь каждый получал возможность делать то, что считал выгодным своему предприятию и ему лично, а остальное его не касалось.

Вот и стали они искать более лёгкие пути получения прибыли -не за счёт расширения производства продукции, улучшения её качества, повышения производительности труда, снижения себестоимости продукции, а путём взвинчивания цен. Производить дешёвые товары стало невыгодно, и такие товары вымывались из производства. Либо делали иначе: под предлогом модернизации изделий (весьма незначительной) резко поднимали на них цены.

На многих предприятиях всю прибыль переводили в завышенную зарплату. И что же получилось? Итоги — плачевные. Производство не расширяется. Производительность труда не повышается, затраты не снижаются, а растущая прибыль, как ширма, скрывает эти негативные явления.

Когда я анализирую ход экономической реформы, мне, честно говоря,

становится страшно. Идёт глобальный регресс чуть ли не по всем направлениям. Фактически почти нет предприятий, способных в новых условиях двинуться вперёд, обеспечить высокую производительность труда, расширить ассортимент товаров, увеличить их выпуск. На мой взгляд, большинство трудовых коллективов стоят в стороне от этих «новшеств». Получив не рост жизненного уровня, а наоборот, его падение (к 1997 году в 2,5-3 раза!), большая часть населения относится безучастно к проводимым экономическим экспериментам, не понимает и не принимает их.

М.С. Горбачёв, юрист по образованию, мог и не знать всех проблем и тонкостей планирования. Ещё в 1976 году, когда мы вели беседу с ним о развитии овцеводческих хозяйств в Ставропольском крае, где он был секретарём крайкома партии, я предложил ему перейти на работу в Госплан СССР первым заместителем Председателя по сельскому хозяйству. Горбачёв тут же заторопился, поднялся со стула и быстро проговорил: «Я с этой должностью не справлюсь!». И кое-как попрощавшись, поспешно вышел из кабинета. Тогда он, видимо, понял, как важно, находясь на ключевых постах в государстве, обладать необходимыми знаниями экономических процессов. Став Президентом СССР, Горбачёв шёл по пути, на который ориентировали его советники. Их квалификация давала, казалось бы, основание думать, что они понимают значение планирования, не отменяют регулятор роста производительности труда и заработной платы, ибо тогда произойдёт разбалансирование экономики и разрушение социальной устойчивости общества.

Они хорошо знали, что за четыре пятилетки, с 1966 по 1985 год, этот принцип планирования никогда не нарушался. Они знали и то, к чему приведёт такое нарушение, но не предостерегли своего хозяина, ибо он думал не так.

Вот и получилось, что одни торопились сразу увидеть результаты своего реформизма, а другие, в угоду им, поддакивали, одобряя нововведения поспешной перестройки. В результате быстрого роста заработной платы и отставания производства товаров широкого потребления эмиссия денег из года в год стремительно нарастала.

Если бы мне в мою бытность Председателем Госплана сказали: «Товарищ Байбаков, ты закончил год с эмиссией в 20 миллиардов рублей, не обеспеченной товарным покрытием», я бы, наверное, был близок к помешательству. При Сталине меня обвинили бы во вредительстве. А в наше время сие называют платой за переход к рынку. Это что-то абсурдное: разрушая готовый рынок, переходить к рынку.

Меня постоянно интересовало, что продаётся в магазинах. Если на прилавках есть товары, значит и Госплан работает правильно. Если в продаже не было каких-то вещей, это становилось предметом серьёзного обсуждения.

Как-то в 1989 году зашёл я в ГУМ. Походил по его линиям и всё больше убеждался в том, что о прежнем наличии товаров напоминают лишь названия отделов. С горечью и недоумением взирали люди на необычно пустые прилавки. И только у кооперативного прилавка покупатели стояли в очереди за импортными духами и одеколонами. Кооператоры закупили на валюту у инофирм дешёвые, но пользующиеся спросом духи и реализовывали их по бешеным ценам. И люди покупали. На что-то ведь надо было тратить деньги.

Посетив ГУМ во второй раз, уже в 1992 году, я заметил большие изменения. Почти на всех ранее пустовавших прилавках появились товары, но цены на них «кусались», так же, как и цены «кооперативных духов» — в 10-15 раз выше привычных, советских. И покупатели молча проходили мимо: теперь пустовали не полки, а места возле них.

После первого посещения ГУМа я долго переживал происходящее и размышлял, что я мог бы предложить правительству.

Прежде такое положение в экономике поручили бы выровнять Госплану, который умел воздействовать на непредвиденные события и процессы. Если в течение почти семидесяти лет плановое руководство было связано с централизмом, то уже без меня, при Талызине, значительную часть планируемых позиций передали министерствам, Госснабу, на местах — республикам, объединениям и предприятиям. Если раньше работники Госплана переводили решения вышестоящих органов на конкретный язык планов, то теперь этого не происходит. Как же можно исправить положение? Поскольку решили отказаться от планового регулирования, то следовало бы найти другие рычаги. Разрушить старое мы сумели, а создать новое не торопимся. Неужели была какая-то чрезвычайно важная необходимость разрушать плановый регулятор прежде чем принять новое налоговое законодательство? И как можно выплачивать деньги за непроизведённую продукцию?

Мои рассуждения и озабоченность иные читатели могут расценить так: вот, мол, Байбаков тянет назад, в то время, как общество идёт к рынку.

Что ж, давайте подумаем. В условиях НЭПа, когда противники государственного планирования ратовали за рыночную стихию и толкали на путь реставрации старого хозяйствования, Ленин сам, как крупный экономист, в письме Председателю Госплана Г.М. Кржижановскому

разъяснял, что «новая экономическая политика не меняет единого государственного плана и не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению».

Во время НЭПа при едином государственном плане в течение каких-то полутора-двух лет было налажено продовольственное обеспечение населения. Теперь же, по сей день, по прошествии уже тринадцати лет, мы ещё дальше от решения этой проблемы, чем в 1985 году; живём за счёт импорта значительного количества продовольствия.

Как-то по телевидению выступал по экономическим вопросам П.Г. Бунич и давал советы относительно перестройки огромной страны, тщился доказать преимущества рыночной (капиталистической) экономики, приписывая ей такие свойства, которыми она вовсе никогда не обладала и не обладает.

Другой рыночный «специалист» от журналистики Н.П. Шмелев многие годы рекомендовал брать у Запада займы и не спешить отдавать — так, мол, весь мир живёт, провозглашал необходимость продажи земли и золотого запаса страны. Уж не следуя ли его советам наше руководство столько взяло займы у Запада, что долги составляют одну треть бюджета страны. Это — предел!

Говоря о рыночных отношениях, многие наши теоретики-экономисты, как правило, ограничиваются общими умозрительными положениями и «заклинательными» декларациями, не утруждая себя детальным анализом сути проблемы, не предлагая конкретного механизма её решения.

Не стоит забывать, что во многих странах рыночная экономика регулируется государством — в Индии, в странах Латинской Америки, да и в самих США (вспомним «планы» Рузвельта!). Они воздействуют на производство в национальных интересах и в интересах определённых социальных групп. Более того, активную роль играют в экономической политике и международные организации. Примером может служить ОПЕК. Эта международная организация устанавливает для стран, являющихся её членами, объёмы продажи нефти, а также цены на неё на международном рынке.

Да, на историю и современность у меня есть своя точка зрения, которая позволяет мне оценивать факты, события и явления с позиций государственного деятеля и гражданина Я — за объективный и всесторонний анализ каждого периода развития нашей страны; пусть фразы «демократических» идеологов заменит точный язык фактов и цифр.

В довоенное время, начиная с первой пятилетки, национальный доход возрастал ежегодно в среднем на 15 процентов, — таких темпов не знала

ни одна страна мира. Сейчас эти достижения ставят под сомнение те же, кто завёл страну в тупик, — дескать, статистики лукавили, отсчёт вёлся не оттуда, данные преувеличены, достижения приукрашены, счёт не тот. А в чём не тот, никто доказать не может. Как будто нет наглядных результатов — новых заводов-гигантов, шахт и скважин, дающих миллионы тонн соответственно угля и нефти? Откуда они взялись? Но «Неверов» не убедишь. Я же пользуюсь официальными документами и свидетельствами живущих людей.

Однажды, находясь на отдыхе в Подмосковье, я встретил М.А. Королёва, бывшего председателя Центрального статистического управления, который по неизвестным мне причинам ушёл с этого поста, хотя и считался толковым, здравомыслящим человеком и высококвалифицированным специалистом. Я спросил его:

— Михаил Антонович, скажите мне честно: были ли подчистки в статистических показателях? Почему данные, которыми мы располагаем, сейчас подвергаются сомнению?

Мне кажется, что Королёв не удивился моему вопросу, он чуть-чуть приостановился и твёрдо заявил:

— Ваш вопрос я понимаю так: правильно или неправильно мы освещали ход развития нашей экономики. Я считаю, что правильно. Никто нас раньше не упрекал в том, будто мы показываем больше, чем есть на самом деле. Относительно того, что сейчас пишут по этому поводу, могу сказать одно: нелепо искать причину болезни в градуснике.

От себя добавлю: конечно, были приписки на местах; конечно, часть ложных данных попадала в Центральное статистическое управление. Но в общем банке данных их доля была малой, к тому же их оперативно выявляли. Основные цифры, например, касающиеся бюджета, роста цен, количества добываемых и производимых продуктов, исказить даже на местах было трудно, а то и вовсе нельзя. Попробуйте приписать количество произведённых за год автомобилей, например на КамАЗе?

Вот почему с глубокой горечью и обидой за страну и её строителей наблюдаю, как искажается история, как дискредитируются социальные завоевания советского народа. И делается это при помощи средств массовой информации. Подчас те, кто в недавнем прошлом с пеной у рта отстаивал противоположные взгляды, был «праведнее папы римского», клеймят с той же яростью теперь всё социалистическое. Признаюсь, очень тяжело видеть такой ход событий. Почему всё то, что сделано руками нашего народа при активном руководстве партии, сведено на нет?

Если бы в 1985 году я почувствовал, что вся перестройка сведётся к

развалу плановой системы без создания новых действенных механизмов регулирования экономики, я бы вместе со своим коллективом сделал всё возможное, чтобы не допустить ни ослабления, ни разлада централизованного руководства народным хозяйством. Когда я был Председателем Госплана, наша организация имела всё, чтобы точно оценивать большинство проблем комплексно с народнохозяйственных позиций. Сотрудники нашего комитета разрабатывали научно обоснованные планы развития экономики.

А ныне, предоставив предприятиям полную и бесконтрольную самостоятельность, то есть пустив всё на самотёк, на «авось», правительство не может справиться с последствиями рыночной стихии, обуздать инфляцию (с 1997 года в скрытой форме), сбалансировать важнейшие хозяйственные процессы. Оптовая торговля средствами производства, пришедшая на смену централизованному распределению их, закономерно привела к развалу сложившихся за много лет производственных и хозяйственных связей. Между предприятиями стихийно формируются новые (бартерные, прежде всего) отношения, которые весьма неустойчивы, произвольны, да и фатально осложнены кризисом платёжеспособности. Многие предприятия находятся на грани банкротства, иные же, став банкротами, переданы за символическую плату частникам, а экономика России — в состоянии глубокого кризиса. Произошло расслоение общества и небывалое обнищание народа.

...Весной 1989 года меня пригласили в Центральный Комитет партии. Нужно заметить, что партии я отдал в то время 50 лет жизни. Как выяснилось, пригласили не меня одного. Здесь собралась большая группа ветеранов партии. Среди них были Громыко, Тихонов, Ломако и другие товарищи. Перед нами выступил бывший министр общего машиностроения С. Афанасьев с просьбой и призывом сложить свои полномочия членов ЦК. Послушали, вроде, аргументация вполне убедительная. Афанасьев старательно приводил доводы, мы тогда только смутно чувствовали, что за его спиной стоит дирижёр, а он только «озвучивает» его. И я, как и многие, должно быть, думал: и в самом деле в ходе перестройки от членов ЦК требуется напряжённая деятельность, полная отдача сил. Кроме того, необходимо обновлять периодически центральный орган партии. А мы как будто своё отработали.

Затем с подобными заявлениями выступили и другие товарищи. Все утверждали, что время перестройки — время молодёжи, а мы, дескать, со своей стороны желаем от всего сердца новых успехов в революционном обновлении общества.

Тут же, не мешкая, было зачитано заранее заготовленное обращение от нашего имени в ЦК КПСС. В этом обращении в частности говорилось, что, будучи избранными на XXVII съезде КПСС, в период после съезда многие члены ЦК вышли на пенсию. Теперь же в интересах дела перестройки необходимо сложить с себя полномочия членов ЦК. Мы один за другим подписали это письмо. А Генеральный секретарь партии, очень довольный этим, выразил большую благодарность подписавшим обращение и высказал всем добрые пожелания.

Теперь, когда меня спрашивают, когда я сам себя спрашиваю, чувствую ли я свою вину за то, что произошло с партией и со страной, я вспоминаю именно эту встречу. И прихожу к выводу: не нужно было нам выходить из ЦК! Не нужно! Ведь мы являлись хранителями опыта и традиций строительства социалистической страны, нас трудно было склонить на чуждые партии позиции, у нас был большой, наработанный десятилетиями авторитет. Может быть мы, старейшие её члены, смогли бы повлиять на то, чтобы Центральный Комитет партии остановил Горбачёва на его вольном или невольном пути разрушения партии и СССР. Вместо нас были введены новые люди, «свои» люди, тщательно отобранные в своём большинстве Горбачёвым и его сподвижниками. После этого ЦК стал более послушным и генсек начал действовать свободно... Вот где был намечен роковой для страны перелом.

Но это только одна из причин всеобщей разрухи экономики и страны.

К сожалению, виноваты в этом и некоторые коммунисты, находившиеся на руководящих постах. Я назову лишь нескольких «деятелей» — технологов развала страны. Об этом кратко сообщалось в газете «Правда» (14 июля 1992 года) в статье под заголовком: «Господа! Когда вы говорили правду? Вчера или сегодня?».

В числе вождей и идеологов названы М. Горбачев, А. Яковлев, О. Лацис, Д. Волкогонов. Привожу краткую, «правдинскую» характеристику сих деятелей:

«Михаил Горбачёв, секретарь горкома, крайкома, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро, Генеральный секретарь ЦК КПСС. Вчера говорил: «Без партии, вооружённой марксистско-ленинской теорией, не было бы социализма, не было нашей великой державы». А сегодня самовольно оставил пост генсека, развалил работу партии и её ЦК. Исключён из партии.

Александр Яковлев, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК. Вышел из КПСС за несколько дней до «путча». Вчера говорил: «КПСС, выдвинув программу перестройки, тем самым продемонстрировала свою

авангардную роль в обществе». А сегодня: «Считаю, что служить делу демократических преобразований в рамках КПСС... аморально».

Отто Лацис, до августа 1991 года первый заместитель главного редактора журнала «Коммунист», член ЦК КПСС. Вчера говорил: «Съезд, как вы знаете, сохранил установку на коммунистическую перспективу...». И сказал о том главном, что надо сделать, чтобы наш социализм был действительно социализмом. А сегодня: «Серьёзные люди... все спорят, надо ли строить социализм или капитализм. Не желают признать непозволительную высокомерность самого намерения».

Дмитрий Волкогонов, член КПСС с 1951 года, бывший начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота. Вчера говорил: «Ленинская концепция социализма — это демократия, гуманизм, человек, социальная справедливость». А сегодня утверждает, что «В.И. Ленин — малопривлекательная личность, коварная и жестокая..., примитивный философ».

Нельзя не сказать и о бывших коммунистах, которые стали обвинителями КПСС на Конституционном суде. К числу их относятся: Б. Ельцин, Г. Бурбулис и др.

Борис Ельцин был в КПСС до 1990 года. Первый секретарь обкома партии, первый секретарь МГК, секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Приговор своей почти 30-летней работе в партии Б. Ельцин вынес в Указе о запрещении деятельности компартии.

Сегодня говорит: «Мне кажется, указы о запрете компартии не будут признаны неконституционными... Мы сможем решительно и на законном основании противостоять красно-коричневой угрозе».

Геннадий Бурбулис состоял в КПСС, бывший заведующий кафедрой марксизма-ленинизма. Вчера он говорил: «Современный этап социальных преобразований, масштаб и глубина новых задач коммунистического строительства обуславливают повышенный интерес марксистско-ленинской теории к вопросам духовной жизни общества».

А сегодня говорит: «Коммунистическая утопия была губительна как для ее носителей, так и для тех, кому они её адресовали».

...Хочется отметить, что прошли годы, и иные из этих перевёртышей в открытую похваляются, как академик от марксизма-ленинизма небезызвестный А. Яковлев, заявляя, что это так и было задумано им — обмануть, перехитрить. Лоснясь предательским довольством, он (Яковлев) потирал свои руки. Горбачёв получил в Сибири пощёчину и на прошедших выборах набрал что-то 1-1,5 процента голосов. Волкогонов издал компилятивную книгу о Сталине и за неимением что сказать молчал «до

самой своей смерти». Ельцин же, как известно, «добился» двукратного снижения национального продукта, сделал Россию страной-банкротом.

Откуда взялись эти и подобные им люди? Они — порождение приспособленческого стиля руководства, начатого ещё Хрущёвым, составляли среднее застывшее на месте звено партии — дальше секретарей обкома им, как людям посредственным, хоть и честолюбивым, не «светило». Теории они не знали, будучи начётчиками, но восполняли это энергичным проталкиванием себя наверх, заигрыванием с прогрессивной, поражённой порчей интеллигенцией. Зато в аппаратной борьбе они оказались мастерами. Многие из них сделали себе карьеру на борьбе уже задним числом со Сталиным, как это правильно заметил русский философ Александр Зиновьев: «Вдумайтесь в этот факт! Ведь это означает махать кулаками после драки. Нападать на Сталина много лет спустя после его смерти, когда это стало совсем безопасно, — много ли на это нужно мужества? К той же категории ложного мужества относятся и нынешние нападки на Брежнева. Такое глумление над трупами могут позволить себе только шакалы и стервятники».

Ошибкой, на мой взгляд, повлёкшей за собой далеко идущие последствия, было принятое Хрущёвым решение о массовом приёме в партию всех, кто занимал хоть какое мало-мальски значимое положение: за десять-двадцать лет партию размыло, — членами партии становились не лучшие, не верные её принципам, а многие, кто рвался к власти. В роковое для страны время они и показали себя, разрывая партбилеты на трибунах, перебегая в последний момент, как А. Яковлев, в безопасное место, посмеиваясь над своим пребыванием в партии.

Серьёзных же социальных причин для такого резкого поворота курса страны на реставрацию старого не было, как я старался показать ранее на страницах своей книги.

Я нередко слышу: «Реформы идут медленно...». Оправдать тот факт, что реформы не идут, тем более утверждать, что они побеждают, — нельзя. Это было бы показухой.

А говорится сие для того, чтобы прикрыть провалы ссылкой на прошлое и для того, чтобы ещё раз оболгать и очернить его, несмотря на явную бездарность этих «реформ». Мы и доныне слышим: «Реформам альтернативы нет, ибо всё советское было худым и негодным». Из этой лжи последовало — «реформы любой ценой».

Чем провальнее ход реформ, тем громче антисоветский хор. Только оппозиционная пресса даёт отпор — смелый и аргументированный. Так, среди публицистов «Правды» и «Советской России» все эти годы

привлекает к себе внимание профессор Сергей Кара-Мурза. Его выступления сильны и убедительны тем, что основаны на достоверных статистических данных. К примеру, многого стоит приведённый им факт о советском алюминии. Алюминий — металл двадцатого века, металл научно-технического прогресса. Так вот, группа иностранцев, просвещённая насчёт западной моды, закупила у нас перед отъездом домой алюминиевые ложки, которые у них дорого стоят, и, переплавив их, очень обогатилась. Из этого факта Кара-Мурза делает убедительный вывод: советский алюминий был так дешёв и производился в таких количествах, что, выйди мы с ним на мировой рынок (если бы нас, конечно, туда пустили!), — все до единого западные производители его были бы немедленно разорены. Попробуйте опровергнуть сей факт. Вот вам и якобы «отсталая», вот вам и «застойная» советская экономика.

Клеветники и до сей поры утверждают, что КПСС, мол, используя как «слепое орудие» аппарат государства, «подавляла» всякую самостоятельность и политическую активность граждан.

Как человек, отдавший социалистическому делу более 50 лет, хочу сказать, что именно партия, являвшаяся главным выразителем интересов трудящихся, объединяла и направляла усилия всех государственных и общественных организаций, осуществляла контроль за их работой и добилась на этом пути небывалых успехов: СССР к 1990 году вышел по многим показателям на первое место в мире. А ныне наша страна на 13-м месте. Об этом свидетельствуют данные статистики.

Такого позорного отката назад не знала никогда ни одна страна в мире!

Как оптимист, я верю в подлинное возрождение партии, — сама жизнь наглядно показала, на каком пути расцветала и снова может расцвести Россия.

Активно действует КПРФ. Вопреки враждебным заявлениям «с коммунизмом в России покончено», на последних президентских выборах за лидера коммунистов проголосовало более сорока процентов избирателей.

Верю и в возрождение Советского Союза, конечно, в новых, современных формах. Первая ласточка, пусть ещё и робкая, это — союз России с Белоруссией, их готовность к постепенной интеграции.

Прошло уже семь лет со времени разрушения СССР. Это достаточный срок, чтобы осознать происшедшее с нами и найти выход из тяжелейшего кризиса, в котором пребывают Россия и другие страны СНГ.

Начало второго этапа

Общее реформирование в России, пресловутая «перестройка», началось с приходом к руководству страной Горбачёва ещё в 1985 году. Но первые три года — это лишь предыстория экономической реформы, идеологическая и политическая её подготовка, необходимая ступень к последующему развалу экономики страны. И только в 1988 году, после введения в действие Закона СССР «О госпредприятии (объединении)», перехода к самофинансированию, самоокупаемости, выборности руководителей предприятий, началось собственно экономическое реформирование, которое осуществлялось в рамках социалистических отношений.

Предприятия тогда получили право самостоятельно распоряжаться выделяемыми из госбюджета средствами, регулировать заработную плату, определять объем инвестиций на совершенствование и развитие производства, устанавливать цены на выпускаемую продукцию. Сначала робко, неуверенно, а со временем всё смелее и масштабнее началось растаскивание выделяемых госбюджетных средств по личным карманам. Вне связи с ростом производства быстро увеличивалась заработная плата. Сократились до минимума расходы на амортизацию, инвестиции в производственные сферы. Началось проедание ранее накопленного основного производственного капитала, распродажа государственных запасов. Выпрашивая займы за рубежом (в чём особо преуспел М. Горбачёв), реформаторы запустили руки в карманы будущего. Материальное производство сокращалось, и одновременно на потребительский рынок навалились громадные суммы денег, не обеспеченных товарами. Полки магазинов, до того ломившиеся от нереализованной продукции, стремительно пустели. Важно отметить, что рьяные «демократы» постарались увязать пустые полки и очереди за колбасой этого периода с плановой системой экономики, закрепить такое искажённое представление в сознании обывателя. И это им, к сожалению, удалось (до сих пор практически не встречаются обоснованные возражения против данного ложного обвинения).

Понадобилось четыре года, чтобы дефицит потребительских товаров принял разрушительные размеры. Крах потребительского рынка и финансовой системы — вот главный итог первого (горбачёвского) этапа реформ. В 1991 году переход ко второму, гайдаровскому этапу реформ был

подготовлен.

Второй этап реформ связан с именем Б.Н. Ельцина. Начался этот этап вскоре после выборов Президентом России Ельцина, названного «всенародно избранным». Страна уже не подпольно, не под фальшивыми словами о социализме, была направлена на путь срочной, «шоковой» капитализации.

Несколько лет продолжалось противостояние и шла борьба за власть между Горбачёвым и Ельциным. Это была борьба не только двух лидеров, но и номенклатурной «демократии» и теневой, криминальной олигархии и стихийного рынка за передел народной собственности и окончательное устранение планового принципа в экономике.

Надо сказать, что Ельцин тоже не сразу открыл свои карты. Как много обещаний было в его заявлениях. Так, на Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 года он говорил: «Период движения мелкими шагами завершён, поле для реформ разминировано. Нужен крупный реформистский прорыв... Реформа пойдёт по ряду направлений одновременно, комплексно и динамично. Первое направление — экономическая стабилизация. В её основе жёсткая денежно-финансовая, кредитная политика, налоговая реформа, укрепление рубля». И тут же заявил о размораживании цен в текущем году, о разовом переходе к рыночным ценам. Это означало ещё большее разбалансирование экономики и ценовое ослабление рубля, что естественно при отсутствии стабилизации: больного решили лечить шоком. К чему это привело, мы, к сожалению, испытали на себе, — резкий рост цен и падение производства.

А ведь ещё в 1988 году, с трибуны в Кремле Ельцин в справедливом запале заявлял: «Моё мнение, должно быть так: если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения... Надо, наконец, ликвидировать продовольственные пайки для, так сказать, голодающей номенклатуры, исключить элитарность в обществе, исключить и по существу и по форме слово «спец» из нашего лексикона».

С таких ультралевых, ультрасоциалистических, а по существу популистских позиций наводил он критику, зарабатывая политические очки. Именно эта позиция борьбы за справедливость и обеспечила ему победу на выборах.

И что же? Мы получили в результате новую, полукриминальную, полукапиталистическую номенклатуру, которой, понятно, никакие спецпайки не нужны — она ворочает миллионами и миллиардами долларов, как Березовский и другие.

В мировой практике любая экономическая реформа, как правило, способствовала повышению жизненного уровня населения. Само слово «реформировать» означает «улучшать». Наши же реформы при помощи «шока», которым, как известно, лечат буйнопомешанных, привели к обратным результатам. Возьмём начальный, показательный этап, когда, видя первые плачевные результаты, можно было ещё остановиться.

В подготовленном Госкомстатом РФ докладе «Социально-экономическое положение России», разработанном в Кремле, приводились следующие сведения.

По сравнению с 1991 годом, годом начала радикальных реформ в стране, прирост валового внутреннего продукта в России в 1993 году уменьшился на 29 процентов. Объем промышленной продукции за этот период сократился на 31,3 процента, товаров народного потребления — на 24,8 процента. Село же оказалось обескровленным из-за образовавшихся ещё в 1992 году «ножниц цен», когда цены на сельскохозяйственную продукцию выросли в десятки раз, а зарплата всего лишь на 28-30 процентов.

С этого времени впервые за историю России началось падение до нулевого роста населения, а затем и преобладание смертности над рождаемостью. И это, кроме некоторых стран СНГ, в единственной стране в мире — России. Итоги 1994 года только добавляют мрачный колорит в эту картину. Этот год явился годом массовой остановки предприятий и обвальной безработицы. С 1990 года по 1994 год потребление мяса на душу населения снизилось с 69 до 59 килограммов, молока — с 386 до 294 килограммов, рыбы — с 20,3 до 9,5 килограмма и т.д. Зато потребление картофеля возросло почти на одну четверть, и понятно почему, — многие люди перешли на прокорм с приусадебных участков.

Условно говоря, показатели 1985-1994 годов — в сущности, результат перестройки, тогда как итоги 1994-1997 годов — свидетельство так называемого реформирования.

За 1995 год положение ещё более ухудшилось, хотя полки магазинов заполнились импортными товарами, чего до проведения реформ не было. Но нужно знать, что, покупая импортное, к тому же нередко низкокачественное продовольствие, мы тем самым за счёт продажи своих природных ресурсов финансируем зарубежное сельское хозяйство и губим своё. Чтобы таким образом кормить население, ума не надо. Полки магазинов нужно наполнять не путём снижения народного потребления, упавшего к 1997 году более чем в два раза, а путём роста собственного производства, что делают все развитые страны мира. В Америке среди

деловых кругов бытует такая поговорка: «Устойчивость и обратимость валюты начинается дома». Я привожу её для наших неудавшихся реформаторов.

Главным итогом реформы в России можно считать тот печальный факт, что Горбачёвым, Гайдарам, Чубайсам удалось превратить страну творцов и созидателей в сообщество паразитов-потребителей в результате почти бесплатной раздачи заводов, фабрик и денег. Таким образом формируемая система была изначально порочна, так как возникла не снизу, не с предприятий и производства, а искусственно — «сверху», с создания верхушечного банковского капитала.

Капиталистическая экономика растёт и укрепляется с накопления, присвоения прибавочной стоимости, у нас же началось с приватизации, перераспределения конечного продукта — денег, материальных ценностей. И такая экономика в отличие от западной не способна работать, создавать материальные ценности. И потому она даже не частная система, капиталистическая, а по сути своей — феодально-ростовщическая, полукриминальная.

Вот почему, хотя и стыдно в том признаться, мы ничего не создали. Мы только проедаем накопления предшествующих поколений, более того (учитывая неимоверные долги по займам — свыше сотни миллиардов долларов) — живём за счёт потомков. Как же нам назвать систему объедания и прошлого, и будущего?

Специально остановлюсь на анализе глубокой экономической и социальной болезни России, чтобы уяснить весь спектр процессов деградации хозяйства и самого населения, чтобы было видно: такое не могло случиться само по себе, а имеет тайные и сильные организационные основы.

Начну с демографического положения страны. По всем демографическим данным, численность населения России снизилась за последние четыре года на 3 миллиона человек, а до 2010 года уменьшится ещё на несколько миллионов человек. Предполагаемая продолжительность жизни будет снижаться: если в 1986-1987 годах она составляла 70 лет, то в 1992 году — 68, в 1993 году — 65, в последующие годы продолжала уменьшаться. Это приведёт к массовому обезлюдению России.

Официальные демографы относят это к переходу от патриархальной многодетной семьи к современной малодетной. Но ведь этот переход у нас давно, ещё четверть века назад завершился, — а рост населения всё же, хоть медленно, но продолжался.

Один из русских патриотов доктор географических наук, профессор

Б.С. Хорев в беседе за «круглым столом» сказал, анализируя эти ужасающие цифры: «У нас установился тип воспроизводства, характерный только для долговоющих стран: сверхвысокая смертность, сверхнизкая рождаемость. Кто с нами воюет?».

Посмотрим и на «отдаренные» последствия антиалкогольной кампании, когда она была отменена.

Тихо, келейно монополия на производство и завоз (теперь и это!) была передана в «свои» руки — многочисленным спортивным организациям, «афганцам» и т.п. И, конечно же, в беспошлинное, бесконтрольное ведомство союза номенклатуры с криминалом. В страну по всему спектру новых, прозрачных границ, особенно с юга, хлынула не облагаемая ни пошлинами, ни налогами дешёвая водочная продукция: украинская отравная горилка, китайский спирт на травах, закавказская кизья — смесь виноградного и технического спирта. Водка с учётом разрыва в ценах подешевела в 3-4 раза. Началось открытое и повальное спаивание и отравление народа -преступление, не имеющее мировых аналогов. Власти же бездействовали.

Не так давно в Смоленске прошло всероссийское совещание главных наркологов регионов, они забили тревогу: сегодня Россия лидирует в мире по потреблению спиртных напитков. Если условно перевести вино и водку в чистый спирт, то на душу населения в стране приходится до 18 литров в год, а если исключить детей и стариков — 28-30 литров! Всемирная организация здравоохранения утверждает: в стране, где потребляют более 9 литров спирта на душу населения, начинается необратимая деградация людей. Наблюдается рост слабоумия, разрушение иммунной системы организма, психоз и другие болезни.

Это — первое последствие избыточного употребления алкоголя.

Второе — дальнейший рост числа преступлений (они и так уже увеличились в 3-4 раза), особенно на дорогах возросло количество аварий, связанных с алкоголизмом.

И третье — наркомания как бедствие, сопутствующее всеобщему спаиванию. Наркологи на смоленском совещании были обеспокоены нарастающим потреблением наркотиков. В стране создалась весьма грозная наркологическая ситуация — расширяется рынок «дурмана». В общем числе тех, кто находится под наблюдением наркологов, 25-30 процентов составляют подростки.

Таким образом, вопрос борьбы с алкоголизмом и наркоманией не снят с повестки дня, а наоборот, усугубился.

В конце 1995 года в Саратове состоялся пленум чудом уцелевшего

Всероссийского общества трезвости, куда в годы горбачёвской перестройки записывали всех поголовно. О его деятельности можно сказать знаменитой фразой — «Хотелось как лучше, а получилось, как всегда».

Так вот это совещание, подводя грустные итоги роста потребления спиртного с 3,9 литра в год на человека до трёхкратного увеличения, вынуждено было заявить: «Когда власть в России повернётся лицом к народу, она обязательно возвратится к идее трезвости, а пока мы вытаскиваем одного, государство спаивает десяток других».

Страшный, обвинительный вывод о рычагах невиданного геноцида против собственного народа.

Следует отметить, что в цивилизованных странах значительная часть прибыли, получаемой от продажи алкогольных напитков, расходуется на борьбу с пьянством: в Польше — 3 процента, а в малопьющей Швейцарии — 10 процентов. У нас же ничего не отчисляется на эти цели.

Характерен и такой факт — на выборах только у партии коммунистов в программе был пункт, предусматривающий борьбу за «отрезвление» и здоровье народа.

Я далёк от так называемого разоблачительства, поскольку привык анализировать экономическую и социальную ситуацию языком цифр, «доводами» строгой статистики. А цифры, если так можно сказать, вопиют... и будут свидетельствовать на суде современников и истории. Дело в том, что законы развития экономики — не выдумка марксистов, а непреложная данность жизни, и преступивший эти законы навлекает пагубные последствия не только на страну, но и на самого себя.

Я привлекаю данные республик СНГ для того, чтобы подчеркнуть, — речь идёт не об отдельных руководящих личностях, а о всеобщей тенденции насильственного перерегулирования общественной экономики на частную, планового хозяйства — на произвольное. И везде данные плачевны. Так, экономика Украины претерпела не развал, а даже разгром. Приведу лишь два показателя: производство стали по сравнению с 1990 годом уменьшилось в 2-2,5 раза, на 50-75 процентов сократилось поголовье крупного рогатого скота.

Результатом падения производительных сил, данные о котором я приведу несколько позже, явилась демографическая катастрофа в России (как на Украине и в странах Балтии), о чём говорит и состояние нашего здравоохранения.

По свидетельству доктора медицинских наук Д.Д. Венедиктова, в разных регионах страны возникли уже очаги чумы, — только число заболевших сифилисом за последние пять лет выросло в 40 раз! Половина

страны пьет воду, которая не соответствует санитарно-гигиеническим нормам. 70 процентов беременных женщин имеют отклонения в состоянии здоровья; более 40 процентов детей рождаются с отклонениями от нормы. Только 10 процентов детей к окончанию школы остаются здоровыми.

ООН и ЮНЕСКО вычислили коэффициент жизнеспособности нации по пятибалльной системе. Россия получила в 1993 году коэффициент 1,4. Согласно критериям ЮНЕСКО, любая помощь странам, где коэффициент жизнеспособности ниже указанного, становится бессмысленной. Физиологическая и интеллектуальная агония населения продолжается долго, но нация уже не имеет внутренних источников развития, её ждёт медленная деградация.

Всё это наводит на определённые размышления, поиски путей выхода из глобальной катастрофы российской экономики. Никто не в состоянии оспорить ту правду, что после 1991 года по всем показателям социально-экономического развития Россия резко покатилась вниз. Положение чуть-чуть выправилось в 1997 году и то за счёт огромных невыплат зарплаты. Падать дальше, в сущности, некуда. Только изменение экономического и социального курса может удержать страну от последней степени падения. Иначе неизбежны ещё большая безработица, дальнейшее резкое снижение жизненного уровня населения, ухудшение здравоохранения, закрытие больниц и школ, но более всего рост коррупции и преступности.

В России происходит беспрецедентный рост преступности. Официальная статистика показывает, что если в 1993 году, например, было совершено 2,8 миллиона преступлений, то в 1994 году — уже более 4 миллионов. Отмечается рост так называемых экономических преступлений и преступлений должностных лиц. В совокупности число подобных преступлений составило в 1997 году около 500 тысяч.

Однако неофициальные эксперты утверждают, что эти данные значительно занижены.

Новые явления в преступности в России — наркобизнес, торговля детьми, продажа в рабство и бордели молодых женщин. Это — результат политики, проводимой под лозунгом — «Обогащайтесь любыми способами». Мы же должны установить такой порядок: «Всеобщее благоденствие и взаимопомощь».

Между тем в стране растёт число безработных. Теперь их около трёх миллионов. Ещё примерно 4-5 миллионов работают в режиме неполной занятости и остаются резервом для пополнения армии безработных.

В бедственном положении находится наука. Дело дошло до того, что академики бастуют. Уже несколько лет подряд на развитие науки, на

научно-исследовательские работы отпускаются мизерные средства. Так, в 1998 году на эти цели предусматривается 0,4 процента от бюджета, что в 5-10 раз меньше, чем в странах Запада.

Понятно, что наука и техника в период «перестройки» народного хозяйства резко снизили свою дееспособность. В этой связи мне кажется, что будет правильным изложить точку зрения о состоянии науки академика Российской академии наук В. Страхова, который является генеральным директором объединённого Института физики земли им. О.Ю. Шмидта.

Во вступительной части статьи «Российская наука находится в состоянии агонии», опубликованной в газете «Правда», В. Страхов обвиняет Президента и Правительство России в том, что они сознательно или по недомыслию проводят в последние годы политику разрушения российской науки. Далее в подтверждение этого обвинения он пишет: «С полной уверенностью и ответственностью заявляю, что в настоящее время российская наука фактически находится в состоянии агонии. Ещё максимум два-три года, и она перестанет существовать как важный компонент мировой науки (каковым она являлась на протяжении последних 50 лет). Российская наука в настоящее время ещё продолжает продуцировать серьёзные научные результаты только благодаря самоотверженному труду большинства ученых старшего и среднего (свыше 40 лет) поколений. Но она уже не имеет современной материально-технической базы (и прежде всего — вычислительной техники) и должного информационного обеспечения, прежде всего международного. Отставание от уровня мировой науки идёт громадными и всё возрастающими темпами. Оплата труда ученых настолько низкая, что подавляющему большинству не хватает даже на хлеб насущный. Большинство учёных в той или иной форме подрабатывает на стороне, за счёт времени по основной работе. Они уже мало читают научную литературу, мало дискутируют на семинарах и быстро теряют профессионализм. Вдобавок очень и очень многие ученые фактически окончательно пали духом. Они не видят никаких перспектив и не верят ни Президенту, ни Правительству, ни Федеральному Собранию. Из-за нищенской заработной платы в науку не идёт молодёжь. С каждым годом средний возраст учёных практически увеличивается на один год ...».

Дальнейшая политика недостаточного финансирования и периодических задержек с выплатой заработной платы завершит, как сказано выше, агонию российской науки в ближайшие два-три года. Политика мелких подачек науке, которую проводит Правительство, радикально ничего не меняет, но даже эти мелкие подачки в полном объёме не реализуются. Те же серьёзные изменения в финансировании науки в

1997 году, которые следуют из принятого Закона «О науке и государственной научно-технической политике» — 4 процента от расходной части бюджета, Правительством РФ не поддержаны. Президент и его администрация молчат, а Государственная Дума игнорирует предложение своего же собственного Комитета по науке, культуре и образованию о выполнении закона и отнесении расходов на науку к числу защищённых статей бюджета.

Развитию науки должен быть дан высокий приоритет. О нём говорится в обращении общего собрания Российской академии наук, принятом 1 ноября 1996 года, к Правительству Российской Федерации и Федеральному Собранию. Суть этого обращения следующая:

1. Соблюдать Закон РФ «О науке и государственной научно-технической политике», отнести расходы на науку к защищённым статьям бюджета.

2. Создать и реализовать государственный план реорганизации российской науки.

3. Существенно повысить заработную плату учёных, которая должна быть выше, чем у государственных служащих; повысить социальную защищённость учёных, введя систему льготных пенсий.

4. Создать и реализовать долгосрочную программу полного технического перевооружения науки, прежде всего — обеспечить вычислительной техникой и создать современную приборную базу; предоставить научным учреждениям РАН и других ведомств льготы по коммунальным платежам и ввозу научного оборудования из-за границы; создать и реализовать долгосрочную программу информационного обеспечения российской науки.

Конечно, выполнить все перечисленные мероприятия — задача очень трудная. Но если этого не сделать, то великая российская наука погибнет. И суд истории, как заканчивает свою статью Владимир Страхов, будет однозначен и беспощаден: те, кто это допустил, совершили преступление перед страной и народом.

В последние годы началось тихое и последовательное расформирование науки: ученым говорят, что институты закрывать не будут, что будут продолжать их финансировать, но только не все, а лишь «элитные» научные учреждения, то бишь — особо избранные. Остальные же должны за самое короткое время самореформироваться. Кто заупрямится — с тех снимут налоговые льготы.

А это значит — грядёт повальная безработица среди высококвалифицированных научных кадров. А те, кто и останется, вряд ли

долго проработают, продержатся, ведь средняя заработная плата рядового научного работника составляет ныне 250-300 рублей в месяц из-за задолженности научных учреждений. Уже сейчас отключают электроэнергию и газ научным учреждениям и учёным, живущим в академических городках. Так что неизбежно усилится утечка умов за границу.

Если же бюджет настолько дыряв, то целесообразно было бы привлекать к этому делу, например, международные фонды и банки, а также способствовать политике социального партнёрства в науке. Иначе правительство, как утверждают научные профсоюзы, «встретит сопротивление, которое примет небывалые размеры».

Однако наше экономическое руководство с упорством маньяков продолжает прежний гибельный курс — «идти туда, не знаю куда», курс на уничтожение науки и ценных научных кадров (на Западе эти кадры моделируют «постиндустриализм»).

В открытом письме Президенту РФ академик Сибирского отделения АН, Герой Труда, дважды лауреат, кавалер шести орденов Ленина цитирует текст Указа: *«За особые заслуги перед Российской Федерацией в области науки распоряжением Президента РФ от 26 января 1998 года академику Трофимуку Андрею Алексеевичу установлено дополнительное ежемесячное пожизненное материальное обеспечение в 10-кратном минимальном размере оплаты труда».* Не позорно ли печатать такое? Правда, в «довес» дали одному из лучших академиков орден *«За заслуги перед Отечеством»*...

Находясь в больнице, возмущённый академик пишет в газету «Советская Россия» (10 марта 1998 года):

«В 1950 году приказом министра нефтяной промышленности СССР Н.К. Байбакова я был назначен главным геологом «Главнефтегазразведки», осуществляющей поиск нефти на всей территории СССР. При моём участии были открыты крупные нефтяные и газовые месторождения в Татарии, саратовском Поволжье, Украине и других областях СССР. В последующем, тоже по приказу того же министра, я был назначен главным геологом Всесоюзного нефтяного института...».

Далее он аргументированно и убийственно для режима анализирует ситуацию в стране и даёт такую оценку: «Совсем другое положение сложилось с начала перестройки и начала вашего столь губительного руководства Россией.

Как геолог высокой квалификации, занимавший крупные посты, я отчётливо видел, как открывались широкие перспективы

нефтегазоносности наших обширных территорий и не менее больших акваторий внутренних и внешних морей Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Приведу только два примера растраниживания нефти и газа России из десятков подобных других.

Первый пример. На территории острова Сахалин добывалось ежегодно до трёх миллионов тонн нефти, которых едва хватало самому Сахалину и Хабаровскому краю. Там уже в 80-х годах были разведаны крупные месторождения нефти и газа на восточном Сахалинском шельфе, — одно нефтяное с запасом в 100 миллионов тонн, а другое газовое с запасами в 400 миллиардов кубометров. На поиск и разведку этих запасов Россия израсходовала 160 миллионов долларов США. И вот эти месторождения передаются для извлечения названных запасов ряду иностранных компаний с участием Японии на следующих определённых договором условиях. Инвесторы, затрачивая по своим расчётам с учётом достойного уровня рентабельности 10 миллиардов долларов, что составляет 23 процента от стоимости запасов, по договору будут получать 90 процентов добытой нефти и природного газа. Этот кабальный для России договор о разделе продукции одобрен в качестве образцово-показательного».

Второй пример касается Газпрома и фактически о том же...

Далее он пишет о Земельном законе:

«Передав сельскохозяйственные земли не тем, кто их обрабатывает, обеспечивая продовольственную независимость России, а тем, кто готов превратить свободных граждан России в своих рабов, вы завершаете превращение великой державы в страну, где господствуют эксплуатация и рабский труд рабочих, крестьян, учителей, работников науки, создателей культуры и искусства».

«Зазорно принимать из ваших рук награду», — так заканчивает свой диалог с нерадивой властью один из замечательных учёных наших дней, демонстрируя перед страной и миром ужасное, гиблое положение вчера ещё лучшей в мире науки.

На тяжёлое положение научных кадров, на подрыв науки и образования обращают внимание общественности академики и члены-корреспонденты РАН, работающие в Сибирском отделении Российской академии наук, в своём открытом письме Президенту Российской Федерации (опубликовано в «Правде-5», 26 июня — 3 июля 1998 года, под заголовком «Отечественная наука исчезает в мясорубке реформ»).

Учёные напоминают Б.Н. Ельцину, что за последние восемь лет реформ финансирование Российской академии наук снизилось в

сопоставимых ценах в семь раз. В разработанной правительством программе экономии в очередной раз радикально урезается финансирование науки, в результате чего расходы на науку в России в начале третьего тысячелетия будут составлять 1,82 процента от расходной части бюджета, а не 2,06, как в 1997 году, всё более отдаляясь от четырёх процентов, установленных Законом о науке и научно-технической политике.

Как же в таких условиях сохранить науку, привлечь её к участию в работе по восстановлению промышленности, образования и культуры? Кто же примет на свои плечи этот груз? Ведь самых талантливых молодых учёных активно сманивают за рубеж, причём не только высокими заработками, несопоставимыми с нищенскими зарплатами учёных в России, но и возможностью работать на современном оборудовании.

Наука по существу оказалась невостребованной государством -пишут ученые. Она отстранена, в частности, от участия в экономических, технологических и экологических экспертизах принимаемых решений и крупных проектов, связанных с освоением природных ресурсов.

Ученые, работающие в СО РАН, считают, что «осуществляемая Правительством РФ политика, направленная на низведение РАН до структуры демонстрационно-декоративного типа, а системы образования — до уровня миссионерской деятельности по ликвидации неграмотности туземного населения, является губительной для страны».

Открытое письмо сибирских учёных Б.Н. Ельцину заканчивается так: *«Господин Президент! За развалом науки, образования, культуры и здравоохранения для страны открывается небытие. Мы стоим у предельной черты».*

Я лично считаю, что фактически уничтожается научно-технический потенциал страны, происходит потеря наиболее квалифицированных кадров. Не случайно, что в России сегодня проводится крупнейшая акция в защиту образования. Главной причиной массового выступления стало реформирование сферы образования. В частности, педагоги протестуют против снижения расходов на образование, сокращения на 20 процентов штата профессорско-преподавательского состава, взимания платы с каждого студента за пользование объектами социально-бытовой сферы (около полутора тысяч деноминированных рублей в год), уменьшения на 10-15 процентов набора студентов на бесплатную форму обучения, а также введения лимитов на потребление вузами электроэнергии и пользование коммунальными услугами. Как считают в оргкомитете профсоюза работников народного образования и науки России, эти намерения

противоречат законодательству России, правам, интересам и реальным возможностям большинства её граждан.

Хочу напомнить нашим «реформаторам», что у страны, где нет науки — нет экономического и политического будущего, а есть позорный, попятный путь в новое средневековье.

Ельцинский период реформ

Сегодня нельзя не считаться с тем, что помимо перечисленных выше факторов на первое место в драме государства выходят новые факторы: уничтожение нормального процесса развития производственного потенциала, «переход» полноценно работающих производств в банкроты и как результат уничтожение спроса, а значит, рынка промышленных изделий. Иными словами — строим рынок без рынка.

Практически происходит разгром системы сельскохозяйственного производства: государство, сполна получая продукцию, не расплачивается за неё, но налоги берёт с продукции и начисляет проценты за долги. Это — система удушения. Село не может купить новую технику — останавливаются заводы, так как трактора никем не покупаются. Уничтожаются сразу и спрос, и предложение.

В социалистической экономике одну из её функций, а именно направленность на бережливость ресурсов, выполнял показатель снижения себестоимости продукции. Но использовался он слабо и недостаточно. Мы понимали это и старались всячески усилить его роль. На определённом периоде это нам удавалось, хотя и знали, что придётся вводить показатель прибыли. Однако прибыль без конкуренции ведёт к неуправляемому росту цен, провоцирует повышенный расход ресурсов и не способствует улучшению качества продукции. Без конкуренции прибыль разрушает государственную экономику, возвеличивает положение товаропроизводителя-монополиста, снижает роль потребителя — гасит «энергию» спроса.

Политика «ускорения», призыв «Давай экономическую реформу, хватит экспериментов» привели в конце концов к тому, что мы, не сделав печи, стали жечь дрова без неё и, конечно, подожгли свой дом.

Так что же вызвало, вернее спровоцировало то обстоятельство, что нашей экономике было навязано это «ускорение»? Как мы, в Госплане, смотрели на это?

Горбачёвское руководство объявило «застой» в нашей экономике, тогда как в развитых западных странах в 1981— 1989 годах национальный доход, например, рос на три-четыре процента в год. То же было и у нас.

Как видим, можно говорить о недостаточно высоких темпах развития советской экономики, но отнюдь не о «застое». Важно, что в этот период происходили положительные качественные изменения, а именно:

сокращались затраты на выпуск товарной продукции за счёт роста производительности труда, а не за счёт повышения цен. В 1989 году весь прирост продукции нашей экономики по сравнению с предыдущим годом был достигнут благодаря росту производительности труда. Менялся натуральный состав продукции в сторону современных видов машин, станков и оборудования, повышения качества продукции, что увеличило перечень конкурентоспособных машин и товаров, позволило сэкономить ресурсы и направить их на социальные и культурные нужды.

Широкое внедрение в обиход ложного понятия «застойный период» показывает, насколько опасным может быть использование средств массовой информации для дезориентации населения в борьбе различных политических сил.

В 1985-1990 годы начались поиски и применение новых форм производства и сбыта продукции. Была повышена роль товаропроизводителей и договорных отношений в формировании производственной программы, усилено хозяйственное значение поставщиков. Это был осознанный, объективно необходимый период при переходе к рыночной экономике, основанный на конкретных расчётах. Для этой цели отдел новых методов планирования и экономического стимулирования Госплана, возглавляемый Д.В. Украинским, был расширен, чтобы действовать в интересах непосредственных производителей, а министерствам вменялось в обязанность неукоснительно выполнять договоры с ними.

Только после широкого обсуждения, а не волевым методом, внедряли тот или иной эксперимент в народное хозяйство. Высокая дисциплина поставок являлась основным условием для применения рыночных методов в экономике при ведущей роли товаропроизводителей, что снижало инерцию пресловутого «вала». Работа на потребителя создала базу для экономии ресурсов на социальные цели, способствовала выпуску качественной продукции. В решении этих вопросов мы в 1986-1989 годах были ближе к выполнению требований рынка, чем сейчас.

Но на этом успехи закончились, — Горбачёв стал форсировать реформы, а в эпоху ельцинской «шоковой терапии» наступило крушение экономики: на внутреннем рынке отечественные товаропроизводители оказались вытеснены, в страну хлынуло немало низкокачественных импортных товаров. А из-за сокращения капитальных вложений более чем на 60 процентов в стране не поддерживается даже созданный потенциал. Между прочим, проблема «омоложения» основных фондов, их переоснащения новой техникой остро стояла уже в начале 1980-х годов.

Прошли годы, — но так ничего и не сделано. Например, в топливно-энергетическом комплексе уже в 1994 году износ основных фондов превышал 70 процентов. Поэтому не нужно удивляться большому росту числа аварий и катастроф.

За время моей трудовой деятельности на высоких постах мне часто приходилось встречаться и решать дела со многими министрами, руководителями всех уровней. Работая в Госплане СССР, встречался с руководством в Кремле, а вот с Б. Ельциным — тогда секретарём Свердловского обкома, Московского городского комитета партии, а затем заместителем Председателя Госстроя СССР я ни разу не виделся и даже не разговаривал с ним по телефону. Думаю, что причиной тому является отрицательное его отношение ко мне, хотя никаких конфликтных ситуаций у нас не было. Поэтому мне трудно говорить о его деловых качествах, и я мог судить о нём только по его выступлениям на различных заседаниях Верховного Совета, на пленумах и съездах партии. В этой связи мне как-то непонятно, что в день моего 85-летия Борис Николаевич прислал приветствие с благодарностью за всё сделанное мною в развитии экономики страны, а премьер Виктор Степанович Черномырдин, конечно же не без ведома Президента, наградил меня Почётной грамотой Правительства РФ.

Видимо, таков характер Ельцина: сложно ему общаться с теми, кого он не приемлет. Просматривая газету «Сегодня» от 24 апреля 1998 года, я увидел заголовок «Борис Ельцин переступил «через себя» и через Думу». В интервью корреспонденту газеты Борис Николаевич сказал, что перевозмог себя ради спасения думцев и позвонил бывшему соседу по подъезду Геннадию Зюганову, с которым прежде и в лифте-то не здоровался. «Как мне уж не хотелось, но я «переступил через себя», — пожаловался Ельцин журналистам, отметив при этом, что 15 лет не разговаривал по телефону с Валентином Купцовым и Геннадием Зюгановым.

По-моему, он вообще ни разу не говорил с ними по телефону.

Хотел бы отметить ещё одну «деталь». 28 июня 1998 года исполнилось ровно 10 лет со дня XIX партийной конференции, на которой Ельцин заявил, что в президенты нужно избирать только на два срока и в возрасте не более 65 лет (за это он был подвергнут критике Горбачёвым).

Теперь же, как мы видим, действия Ельцина расходятся с его же утверждениями.

Собственно мне не за что благодарить нынешних деятелей, уничтоживших не только Госплан СССР, но и саму идею планомерного регулирования экономики.

Хочу остановиться лишь на показателях экономики Российской Федерации, опираясь на статистические данные, опубликованные в печати. Прежде всего и в основном на показателях переломного периода: 1991-1995 годы, когда рост инфляционных процессов ещё не был заторможен.

Почему я то и дело возвращаюсь к этому? Мне хочется сделать системный обзор с самых разных точек зрения, с возможной полнотой и анализом.

По данным Центра экономической конъюнктуры при Правительстве РФ основные показатели развития экономики в процентах к 1990 году составили:

	1991	1992	1993	1994	1995
Валовой внутренний продукт	87,2	70,6	62,1	52,8	50,7
Продукция промышленности	92,0	75,4	64,8	50,0	48,5
Продукция сельского хозяйства	95,5	87,0	83,4	75,0	70,0
Капитальные вложения	85,0	51,0	45,0	32,8	28,5

Снижение экономических показателей продолжалось и в 1996 году, и лишь в 1997-м валовой внутренний продукт по сравнению с 1996 годом вырос на 0,4 %. Но, к большому сожалению, в первом полугодии 1998 года этот показатель, по сравнению с соответствующим периодом 1997 года, снизился на 0,5 %.

Глядя на эти удручающие показатели состояния экономики страны, невольно задаёшься вопросом: как можно было всего за пять лет развалить Россию, снизив валовой внутренний продукт наполовину?

Я уже говорил, что подобного не было даже в самые тяжкие годы Великой Отечественной войны, когда за такой же период производство снизилось примерно на 40 процентов.

Если на первоначальном этапе падение всех отраслей производства было во многом следствием разрыва «по живому» экономических связей с бывшими союзными республиками и резкого сокращения производства вооружений, то в настоящее время, в канун 2000 года, обозначились иные, даже более устрашающие факторы: незащищённость внутреннего рынка от иностранной продукции; падение спроса на наши товары и оборудование; повсеместное свёртывание строительства. Особо резко сократилось отечественное производство: проката чёрных металлов — на 53 процента, минеральных удобрений — также на 53, древесины — на 65 процентов, металлорежущих станков — на 70 и тракторов — на 90 процентов. Что же касается товаров народного потребления, то производство хлопчатобумажных тканей снизилось за эти пять лет на 73 процента,

текстильных изделий — на 75 процентов, обуви — на 81 процент и т.д.

В связи с «перестройкой» народного хозяйства, приведшей к экономическому кризису страны, значительно снизилась внешнеторговая деятельность, резко повысилась кредитная задолженность. Причины такого положения требуют глубокого анализа и принятия со стороны Правительства действенных мер по стабилизации и восстановлению эффективных внешнеэкономических связей.

Российский экспорт всё более превращается в экспорт сырья в основном невозобновляемых видов, что чревато дальнейшими катастрофами для экономики. Несмотря на то, что плодородие земель падает, более половины минеральных удобрений вывозится за рубеж, причём по низким ценам.

Таким образом, в России остаётся наиболее энерго- и трудоёмкая, экологически опасная часть производства, а в развитые страны поступает только «чистый» продукт. Одновременно объёмы отечественного машиностроения сокращаются ускоренными темпами, что объективно предопределяет нарастание технического и технологического застоя. Основные фонды машиностроительного комплекса были изношены в 1994 году на 40,5 процента и почти на 60 процентов в 1997 году, а износ их активной части — машин и оборудования — составлял 59 процентов уже в 1994 году.

Падение спроса на российскую продукцию и в наибольшей степени на машиностроительную при максимальном свёртывании нового строительства, в первую очередь производственного, почти полное отсутствие обновления действующего оборудования — всё это привело к неуправляемым скачкам цен и резкому ограничению внутреннего рынка. То есть рыночные реформы направлены, как это ни парадоксально, на уничтожение самого рынка!

В обеспечении экономической безопасности государства и устойчивого развития экономики ключевое место занимают топливно-энергетический комплекс и сельское хозяйство. Вот почему я в своём анализе на этих отраслях останавливаюсь более подробно, думая о путях выхода из глобального кризиса.

В топливно-энергетическом комплексе (ТЭК) России, в нефтяной и угольной промышленности прежде всего, сложилось тяжёлое положение: добыча нефти (с конденсатом) сократилась с 570 миллионов тонн в 1990 году до 301 миллиона в 1996 году, или на 47 процентов, а угля — с 395 миллионов тонн до 260 миллионов, или на 35 процентов.

Особую тревогу вызывает катастрофическое состояние угольной

промышленности.

Добыча угля (даже коксующегося) в Кузбассе упала, особенно в Прокопьевске. Воркутинских шахтёров «выживают» тем, что хронически не выплачивают зарплату, не завозят продовольствие. Шахтёрская Воркута обречена на вымирание.

В России закрыто более половины шахт. Из 240 шахт не работают 140, как сообщил в своём выступлении в Государственной Думе первый заместитель министра топлива и энергетики Р. Евтушенко. Численность работников угольной промышленности сократилась с одного миллиона до 500 тысяч. Государственная поддержка шахтёрам урезана на три миллиарда рублей, социальная сфера передана в ведение местной власти, зарплата шахтёрам не выплачивается по полгода и более.

Не удивительно, что по стране в мае нынешнего года прокатилась мощная волна забастовок шахтёров. Забастовки сопровождались голодовками, перекрытием железнодорожных магистралей (Транссибирской, Северо-Кавказской, Воркута— Москва); выдвигалось требование отставки Президента Ельцина и Правительства. К большому сожалению, погасить эти забастовки Президент и Правительство не могли длительное время.

Лучше положение по сравнению с угольной и нефтяной отраслями в газовой промышленности, где объём добычи газа снизился лишь на шесть процентов, что объясняется сокращением его потребления в народном хозяйстве.

Если не будут приняты срочные меры, то наша страна из экспортёра нефти может превратиться в её импортёра. Нужно остановить падение добычи нефти и угля, а для удовлетворения растущих потребностей в топливе следует использовать природный газ, который более экономичен и экологически чист, нежели уголь и нефть. Наши запасы газа позволяют смело решать эту проблему. Достаточно напомнить, что в недрах России содержится около 40 процентов мировых запасов газа, что позволит при намечаемом росте потребления его обеспечить Россию этим видом топлива более чем на 100 лет.

Что касается прекращения падения добычи нефти, то необходимо срочно выделить средства на увеличение объёмов буровых работ и прежде всего геологоразведочных для поиска новых нефтяных месторождений. Нельзя больше терпеть такое положение, когда добыча нефти за последние годы превышает прирост её новых запасов. Это может привести к истощению разрабатываемых месторождений. А недра России ещё богаты ею. Отрадно, что в 1997 году падение добычи нефти остановилось, добыча

даже увеличилась на 2 миллиона тонн.

Находясь на посту наркома и министра нефтегазовой промышленности около 15 лет и Председателя Госплана СССР более 20 лет, я придавал большое значение топливно-энергетическому комплексу (нефть, газ, уголь, энергетика) как ключевому сектору народного хозяйства страны. Партия и Правительство оказывали всемерную помощь в развитии этого комплекса.

В результате добыча нефти в СССР увеличилась с 33,3 миллиона тонн в 1940 году до 624 миллионов в 1988 году, добыча же газа возросла с трёх миллиардов кубометров в 1940 году до 815 миллиардов в 1991 году. Высокими темпами развивались угольная промышленность и электроэнергетика.

Значительную роль в таких достижениях сыграла централизованная система управления топливно-энергетическим комплексом.

А что же произошло в результате развала Советского Союза? Во всех республиках бывшего СССР добыча нефти и газа снизилась. Приведу данные по России. Добыча нефти здесь в 1996 году сократилась почти на 48 процентов по сравнению с уровнем 1988 года, а добыча газа за тот же период снизилась всего, как указывалось, на 6 процентов, причём из-за уменьшения спроса на него в связи с падением производства в стране.

Резкое снижение добычи нефти связано не только с развалом страны и потерей экономических связей, но и с изменением структуры управления нефтяной промышленностью. Вся эта отрасль разделена на 15 «кусков» («Лукойл», «Юганскнефть», «Сургутнефть» и др.), а централизованная система управления ими потеряна. Существующая же система управления — с помощью министерства (Минтопэнерго) недееспособна, она не наделена теми правами, которые имели Наркомнефть и Министерство нефтяной промышленности СССР.

И вот сейчас боевые «реформаторы» стремятся разрушить РАО «Газпром». Предлагают разделить его, как и нефтяную отрасль, на отдельные «куски» — самостоятельные организации по добыче газа, транспорту газа и т.д.

В этой связи я послал Б.Н. Ельцину письмо, в котором доказывал недопустимость действий, направленных на развал газовой промышленности России. Однако нападки на РАО «Газпром», к большому сожалению, продолжают.

Поэтому группа российских ученых (Б. Патон, О. Фаворский, А. Дмитриевский, Н. Байбаков, Ю. Боксерман, А. Макаров, Ю. Баталин и др.) обратилась к Б.Н. Ельцину с открытым письмом (опубликовано в газете

«Труд» от 24 июня 1998 года), чтобы предостеречь высшее руководство страны и лично Президента от опасности раздробления РАО «Газпром» в случае принятия «разрушительных» решений, подготовленных рядом влиятельных инстанций, в частности, Министерством экономики.

Так, предлагается отделить от «Газпрома» «Газэкспорт» и «Межрегионгаз», выступающие в роли поставщиков и продавцов газа на внешнем и внутреннем рынках, что разрушает его производственное, организационное и финансовое единство. «Газпром», который на Западе имеет репутацию солидной платёжеспособной организации и помогает России в усилении её геополитического влияния, фактически низводится до статуса оператора по добыче и транспортировке газа.

Между тем, как напоминают учёные, роль и значение РАО «Газпром» в народном хозяйстве страны были определены самим Президентом в одном из его приветствий российским газовикам. Вот эта убедительная характеристика: «Усилиями нескольких поколений создана Единая система газоснабжения России. Сегодня их лучшие традиции берегает и приумножает РАО «Газпром». Компания является авторитетным не только в России, но и далеко за её пределами промышленно-финансовым комплексом. РАО «Газпром» продемонстрировало, что оно является надёжной, жизнеспособной и эффективно действующей структурой».

В нынешних непростых экономических условиях газовая промышленность продолжает работать стабильно, без сбоев, уверенно обеспечивая поставки газа как на внутренний рынок, так и на экспорт. Поэтому, как пишут российские учёные, совершенно непонятно, почему нужно разрушать отлаженную, годами формировавшуюся систему газоснабжения, несущую, образно говоря, «золотые яйца» в государственную корзину.

В заключение своего письма ученые выразили надежду, что решения Президента сохранят целостность Единой системы газоснабжения России как стенового хребта её экономики, обеспечивающего энергобезопасность страны, тепло и свет в домах.

И в самом деле: зачем ломать то, что давно отлажено? Структура РАО «Газпром» себя полностью оправдала и не требует каких-либо реорганизаций.

Газ и газовая промышленность — это наше будущее. В выступлении на страницах газеты «Труд» от 14 февраля 1998 года Председатель РАО «Газпром» Рем Вяхирев сказал: *«Прирост запасов — вот чем можно гордиться. Надеюсь, что в ближайшие два-три года у нас будут хорошие, большие открытия. Они уже подготовлены, причём на суше. О шельфе*

морском уже не говорю. Думаю, в течение семи-восьми лет удвоим свои ресурсы...».

Запасы газа позволяют форсированно перевести все виды транспорта, вплоть до самолётов, на сжатый и сжиженный газ. Целесообразность перевода транспорта на этот перспективный вид топлива подтвердила проведённая в Москве в июле 1996 года Международная конференция «Газ — в моторах», организованная РАО «Газпром» и Международной топливно-энергетической ассоциацией (МТЭА). В работе конференции приняли участие более 600 специалистов. На конференции присутствовали представители более 20 зарубежных стран. Была организована выставка машин и оборудования, необходимых для работы автомобилей на газе.

Во всём мире на газе работает пока лишь один миллион автомобилей из общего парка в 600 миллионов. У нас в России эксплуатируется лишь 30 тысяч таких машин, а до развала СССР их насчитывалось более 350 тысяч, хотя согласно плану, внесённому мною в 1981 году в Правительство и одобренному им, должен был в 1990 году работать на газе один миллион автомобилей.

Что касается добычи угля, то и здесь нужно немедленно остановить её падение, а растущие потребности в угле удовлетворять за счёт газового топлива. За счёт каких же источников можно нехватку нефти и угля восполнить газом?

Знаю, что по потенциальным и промышленным запасам газа наша страна богаче всех в мире. Это не значит, что мы должны отказаться от разработки новых месторождений нефти и угля. Однако нужно помнить, что ввод их в эксплуатацию требует затрат на порядок больше, нежели развитие газового потенциала, а таких средств у нас сейчас немного.

Говоря о топливно-энергетической отрасли, нельзя не сказать о необходимости принятия серьёзных мер по сбережению энергетических ресурсов, так как в нашей стране, по данным АО «Энергосбережение», затраты топлива на выпускаемую продукцию значительно выше, чем в западных развитых странах.

Заканчивая разговор о ТЭК, я обязан отметить, что состояние и технический уровень действующих мощностей становится критическим: исчерпали свой ресурс работы свыше половины оборудования в угольной и нефтяной промышленности, более 30 процентов в газовой. В нефтепереработке износ фондов превышает 80 процентов, скоро отработает проектный ресурс половина мощностей электростанций России.

Как видно, ТЭК очень нуждается в неотложных мерах по выводу его

из кризиса.

Не менее тревожное положение в сельском хозяйстве. За период проведения ельцинских «шоковых» реформ производство продукции здесь, по данным В. Стародубцева — председателя Аграрного союза России, понизилось к 1996 году на 30 процентов. Такого резкого падения не было за всю многолетнюю историю России, даже в годы Отечественной войны, когда объём производства на селе уменьшился на 17 процентов.

Сельское хозяйство практически лишилось государственной поддержки. И в итоге за эти годы резко сократились закупки сельхозтехники и минеральных удобрений. Достаточно сказать, что почти в 10 раз уменьшились поставки селу тракторов и комбайнов, в 20 с лишним раз (!) — плугов и запасных частей.

Вместе с тем большое количество минеральных удобрений продолжает и доныне экспортироваться. Всё это привело к сокращению площади сельскохозяйственных угодий на 20 миллионов гектаров, а оставшаяся пашня деградирует из-за нехватки удобрений. И что мы имеем?

Производство зерна в России в 1995 году по сравнению с 1990 годом сократилось на 46 миллионов тонн и, как следствие, в той же пропорции сократилось поголовье скота: крупного рогатого — на треть, свиней — почти наполовину, овец с 66 миллионов голов до 28 миллионов. И вот результат: производство мяса и мясных продуктов уменьшилось на 40 процентов, молока — на 23 процента. Ориентация Правительства на завоз продовольствия из-за рубежа создала опасное положение. От 40 до 50 (в 1997 году) процентов продовольствия закупается за границей, на что затрачивается огромное количество валюты, а наше сельское хозяйство продолжает падать, чего никогда не было в СССР. Крайне необходимо принять Федеральный закон о государственном регулировании агропромышленного производства, ибо Россия потеряла продовольственную независимость, а это уже прямая угроза национальной безопасности страны. Чтобы выбраться из этой «ямы», нужно обеспечить равные условия для всех форм хозяйственной деятельности.

Но главным для вывода сельского хозяйства из кризиса является изыскание финансовых и материальных ресурсов, что тесно связано с промышленными отраслями народного хозяйства и особенно с предприятиями машиностроительной и химической индустрии, поставляющими сельскому комплексу необходимое оборудование, минеральные удобрения и химические средства защиты растений. Однако положение в этих отраслях крайне тяжёлое — там продолжается спад производства. Так что вопросы сельского хозяйства нужно решать

комплексно, разработав специальную программу для этого.

Россия находится в тяжёлом финансовом положении. Одна из причин этого — огромный государственный долг как внешний, так и внутренний.

«Государственный долг становится самой острой проблемой национальной экономики» — так озаглавлена статья А. Мовсесяна в газете «Финансовые известия». В ней говорится: «К началу 1998 года внешний долг России достиг почти 140 млрд. долл., или около 1 тыс. долл. на каждого жителя, включая грудных младенцев».

Накопление внешнего долга ускорилось ещё в 1980-е годы и было связано с падением мировых цен на нефть с 30 до 15 долларов за баррель. В СССР в тот период продавалось около 120 миллионов тонн нефти (кстати, почти столько же, сколько и сейчас), получали за это в среднем почти 24 миллиарда долларов.

При сокращении данного источника финансирования Правительство России, используя международную поддержку курса реформ, начало интенсивно заимствовать средства. В 1991 году внешний долг России составлял 80 миллиардов долларов. Правительство реформаторов, пользуясь усиливающимся по мере исчерпания собственных сил благорасположением Запада, продолжило практику заёма.

Итак, пока мы платим только проценты по основному долгу, как это делают все развивающиеся страны. Но и уплата процентов становится всё более обременительной для бюджета Российской Федерации.

Первый громовой раскат, вызванный падением рубля, прозвучал 7 мая 1998 года на заседании Правительства, когда глава Центрального банка России С. Дубинин на весь мир заявил о приближающемся крахе подведомственной ему финансовой системы.

Начал он своё выступление с того, что государство должно резко сократить бюджетные расходы, а закончил неотразимым аргументом: сегодня на обслуживание государственного долга идёт 30 процентов расходов казны, и если страна будет жить не по средствам, то уже к 2001 году ей придётся затрачивать на покрытие своих долговых обязательств все 70 процентов!

Такое откровенное признание прозвучало из уст главного банкира впервые, что не могло не свидетельствовать о тупиковом положении, в котором оказался кабинет министров.

Не лучше, чем с внешним долгом, обстоят дела с внутренними заимствованиями. Текущие обязательства по внутреннему долгу составляют около 30 миллиардов деноминированных рублей, или примерно 10 процентов валового внутреннего продукта (ВВП). Указанные долги

достигли величины, превышающей налоговые поступления в бюджет страны.

Кстати, внешний и внутренний долги будут самой острой проблемой, с которой сразу столкнётся новоизбранный президент страны, кем бы он ни был.

Так что есть над чем подумать.

Верный путь развития экономики России — конечно же, социалистический в сочетании с рыночной системой управления. Видимо, нет особой необходимости показывать целесообразность сохранения социалистической системы управления народным хозяйством. Об этом красноречиво свидетельствуют приведённые выше данные о развитии экономики советского периода включительно по двенадцатую пятилетку. Они были бы, безусловно, выше, особенно в одиннадцатой и двенадцатой пятилетках, если бы ЦК КПСС и Правительство осуществили реформу по внедрению всего положительного, что есть в рыночной экономике, и сумели бы сочетать колхозно-совхозную систему с фермерским хозяйством.

Пример успешного развития экономики показывает социалистический Китай. Вот данные за 1990-1995 годы в сравнении с приведёнными мной выше показателями.

Произведено	Китай		России	
	год			
	1990	1995	1990	1995
Электроэнергия, млрд. кВт-ч	62	1000	1082	862
Сталь, млн. т	63,5	94,0	89,6	51,3
Химические волокна, млн. т	1,6	2,9	0,6	0,2
Химические удобрения, млн. т	18,7	24,5	46,0	7,5
Тракторы, тыс. ед.	39	63	214	21
Телевизоры, млн. ед.	26,8	34,7	4,7	0,98
Стиральные машины, млн. ед.	6,6	9,4	5,4	1,3
Ткани, млрд. м	18,8	21,0	8,4	1,7
Зерно, млн. т	88,8	417,0	107,8	63,5
Мясо, млн. т	25,3	42,0	6,6	2,5

(Эти сведения опубликованы 18 апреля 1996 года в газете «Правда» её корреспондентом в Пекине А. Крушинским).

Китай с его восьмикратно большим по сравнению с Россией населением начал перегонять её даже по среднелюдскому производству.

Химических волокон, тканей, телевизоров, мяса на среднестатистического китайца сегодня выпускается больше, чем на россиянина. К концу века Китай вырвется вперёд по всем показателям (если россияне позволят своим нынешним правителям продолжить сегодняшнюю «реформу»). Современные «реформаторы» считают, что без экономического спада и затягивания поясов, мол, реформ не бывает. Но ведь это настоящий блеф. Свидетельство тому — реформа Китая. При её осуществлении с 1979 года производство и жизненный уровень растут без сбоев. Достаточно сказать, что ежегодный рост валового внутреннего продукта в Китае составляет в среднем около 10 процентов.

Если сравнить общественное хозяйственное устройство социалистических стран и капиталистических, то позитивного у первых во много раз больше, чем у вторых. Думаю, в перспективе это сможет продемонстрировать Китай, который, имея лишь 1/15 долю мировой пашни, прилично кормит и одевает пятую часть населения планеты. Этому способствуют высокие темпы развития экономики Китая и правильное сочетание централизованного управления с рыночной системой.

Китайский архитектор реформы Дэн Сяопин указал жёсткие ограничители реформам: допустимы, по его словам, лишь те преобразования, которые способствуют, во-первых, росту производства, во-вторых, укреплению мощи страны, в-третьих, повышению уровня жизни населения.

Эти три ограничителя действуют. В них — залог стабильности в стране. А стабильность — гарантия развития, которому служит реформа. Так складывается схема строительства социализма с китайской спецификой. Не грешно было бы нашим реформаторам глубоко вникнуть в реформу Китая и извлечь всё полезное для пересмотра российской экономической политики.

Понятно, что развал экономики России, что называется, только на руку нашим зарубежным «партнёрам».

Не случайно бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер сказал: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения её народов в единое, крепкое централизованное государство». Не приходится сомневаться, что стратеги «нового мирового порядка» предпочли бы такого же рода сценарий и в Китае.

Нельзя не сказать и о вьетнамской реформе. Мне довелось второй раз побывать во Вьетнаме в 1994 году. В то время я ознакомился с экономикой страны, её развитием и сравнил достигнутый уровень с 1983 годом, когда я впервые оказался в этой стране. Не скрываю — был просто поражён

огромными успехами Вьетнама во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства. Например, за период с 1983 года, не без нашей помощи, вьетнамцы сумели организовать добычу нефти на шельфе моря в объёме 6 миллионов тонн в год, а в ближайшее время она составит 14-15 миллионов тонн.

Значительно вырос и уровень жизни населения. В целом народное хозяйство Вьетнама развивается высокими темпами: валовой внутренний продукт каждый год увеличивается на 6-7 процентов. И это происходит в условиях тесного сочетания социалистических методов руководства экономикой с рыночными механизмами.

Что касается нашей страны, то гибельность и поверхностность проводимого реформирования очевидны, причем настолько, что по существу уже к 1994 году это признавалось Б.Н. Ельциным — Президентом России в одном из посланий Федеральному Собранию: «Весьма внушительной оказалась социальная цена реформы... Нельзя повышать порог социального шока. Иначе готовность населения поддержать рыночную реформу вступит в острое противоречие со страхом быть ею раздавленным. Наибольшее опасение вызывают бедность, вопиющее неравенство и безработица».

Невольно возникает вопрос: «Неужели с расстрелом (в буквальном смысле) российского Белого дома были «расстреляны» (в переносном значении слова) надежды на улучшение жизни у преобладающей части населения страны?».

Суровая и верная оценка, данная реформам самим Ельциным, наводит на мысль: что же это за реформа, которая оплачена такой страшной ценой? Ответ, казалось бы, сам собой напрашивается: реформа — ложная и бесперспективная. К сожалению, отмена её вряд ли реальна. Но крайне необходимо предпринять попытки для выхода из критического положения, причём как можно скорее. Подсчитано, что каждый месяц проведения нынешнего экономического курса потребует впоследствии нескольких лет восстановительной работы. Счёт уже идет не на годы, а на десятилетия, ибо по основным экономическим показателям мы отброшены к уровню 1960 года, то есть почти на сорок лет назад!

Итак, прошло 13 лет с начала перестройки. Исторически этот срок вполне достаточный, чтобы реализовать реформы и утвердить новые виды хозяйствования, добиться успехов и стать на путь стабильного развития. Японии и Германии, чья экономика находилась после войны в плачевном состоянии, всего за пять-семь лет удалось перестроить свой политический и социальный строй и быстро войти в число наиболее экономически

передовых стран мира. Мы имели в два раза больше времени — и падаем в пропасть. Вспомним нашу страну периода 1921-1933 годов. Как же ей удалось за 13 лет не только восстановить почти полностью разрушенную Гражданской войной экономику, но и далеко превзойти её довоенный уровень? Причем надо иметь в виду, что всё происходило в условиях полной замены общественного строя.

В результате путаной и непоследовательной реформы произошёл катастрофический спад экономического бытия России. Промышленное производство по сравнению с 1987 годом снизилось в 1996 году на 50 процентов, производство сельскохозяйственной продукции — более чем на 30 процентов, а общеэкономический показатель (национальный доход) — почти на 50 процентов, чего не было даже в результате разрухи народного хозяйства в период Великой Отечественной войны. Россия по этому показателю с пятого места в 1987 году (после США, Японии, Китая и Германии) перешла на 13-е в 1996 году (после США, Китая, Японии, Германии, Индии, Франции, Великобритании, Италии, Бразилии, Индонезии, Мексики и Канады). Если во всех перечисленных 12 странах национальный доход за этот период вырос с 89 миллиардов долларов (Канада) до 1172 миллиардов (США), то в России он упал на 380 миллиардов долларов.

Изложив положение дел в экономике России в сопоставлении с зарубежными государствами, следует привести данные, характеризующие состояние экономики в Республике Беларусь. Как и другие страны СНГ, Белоруссия после развала СССР находилась в тяжёлом положении. Однако благодаря правильному управлению экономикой республика добилась хороших результатов.

В 1997 году по сравнению с 1996 годом валовой внутренний продукт (ВВП) в Белоруссии увеличился на 10 процентов, выпуск промышленной продукции — почти на 15. Инвестиции в основной капитал возросли на 20 процентов, ввод жилья — на 27. На 14 процентов увеличилась реальная заработная плата. На треть уменьшилось число безработных. Точно такими же темпами развивается экономика этой республики и в 1998 году. За первое полугодие по сравнению с соответствующим периодом 1997 года ВВП вырос на 12,5 процента, объем промышленной продукции — на 13,5, сельскохозяйственной — на семь процентов. Инвестиции в основной капитал увеличились на 29 процентов при прогнозе на год 12-13 процентов. Почти на 23 процента возрос ввод в эксплуатацию жилых домов. Реальная заработная плата повысилась на 37 процентов.

Эти данные проверены и подтверждены международными экспертами.

Следует отметить, что в Белоруссии выполняются объёмы поступлений в бюджет и финансирование бюджетных расходов. И вовремя без задержек выдаются пенсии, стипендии и заработная плата.

Такие сведения были приведены в газете «Правда-пять» (7 июля 1998 года), где президент Республики Беларусь А. Лукашенко отвечает на многие вопросы читателей.

Между тем, российские «демократические» силы стараются внушить трудящимся, что белорусская экономика гибнет.

Видимо, следует руководству России командировать в Белоруссию группу опытных специалистов из Министерства экономики и других организаций и убедиться в реальности данных, приведённых в газете. Целесообразно также, чтобы группа побывала и в Китае с целью изучения богатого опыта в развитии экономики этой страны. Думаю, что подобные поездки были бы полезными для руководства Российской Федерации.

Важное значение наряду с использованием ценного опыта имеет укрепление интеграционных связей стран Содружества.

Неслучайно в ответах А. Лукашенко на вопросы читателей газеты большое внимание было уделено созданию союза стран СНГ.

Так, на вопрос о том, можно ли надеяться, что к союзу Белоруссии и России скоро присоединится Украина, Александр Лукашенко ответил: *«Когда состоится воссоединение трёх братских республик, сегодня не сможет, по-моему, сказать никто. Но надеяться не только можно — нужно. Я бы сказал даже категоричнее: воссоединение неизбежно, и никакие противники ему не в силах помешать. Но, как точно подмечено в одной из народных частушек, не сама машина ходит — машинист машину водит. Чтобы исполнить главное желание народов трёх стран, нужны согласованные действия «машинистов». Чем больше будут отвечать они задачам воссоединения, тем больше доверия к таким «машинистам», тем крепче будет, кстати, и их власть. Но главное — ускорится интеграционный процесс, на пути которого стоят могущественные противники из властных элит, озабоченные отнюдь не судьбами народа. В силу прежде всего этой причины, а также позиции Запада создание Союза Беларуси, России и Украины — дело неимоверно трудное. Но если проблема воссоединения перейдёт из предвыборных всплесков в сферу реальной повседневной работы, то такой Союз появится уже в ближайшее время и станет, конечно, своеобразным «материком», притягивающим все разорванные на части территории и народы великой державы».*

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Где и в чём выход

Относительно 1991 года основные показатели экономики России снизились, как я уже указывал, более чем в два раза, а инвестиции — на две трети. Затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы сокращены примерно в десять раз. Большая часть общенародной собственности перешла за бесценок в частные руки. Цены на продовольствие выросли более чем в 10 тысяч раз (по ценам 1997 года). Разрыв в доходах богатых и бедных семей достиг 20-25 раз, доходы у 45 миллионов человек — ниже прожиточного минимума или около него.

Анализ приводит к объективным выводам: экономическая реформа России по схеме Гайдара и Чубайса обернулась на деле антинародной реставрацией. Чтобы выйти из кризиса и достигнуть уровня экономики 1990 года, потребуется, по-видимому, 15—20 лет, учитывая ежегодный рост экономики передовых стран на 3-4 процента. Можно сказать: «Россия подошла к черте распада государства».

Где и в чём выход из создавшегося положения? Конечно, как бывший руководитель Государственного планового органа я однозначно предложил бы вернуться к централизованной системе планирования и управления, которая за многие годы оправдала себя, несмотря на определённые недостатки. Но, учитывая сложившуюся политическую и экономическую ситуацию в стране, сделать это в настоящее время нереально, да и вряд ли следует. В современных условиях необходимо найти оптимальные пути сочетания централизованного управления с рыночной системой. Причём это — не поиск компромисса, а объективное требование времени и вполне осуществимая задача.

Для этого нужно, чтобы Президент и Правительство страны безотлагательно взяли в свои руки бразды правления государством, его экономикой. Нельзя ограничиваться лишь изданием многочисленных указов и постановлений, которые не выполняются совсем или выполняются кое-как.

Если говорить конкретным языком, то надо начинать с сельского хозяйства, состояние которого может привести страну к голоду, ибо, как я уже отмечал, объём его продукции резко снизился, а это огромный удар по рынку, где эта продукция в товарообороте составляет 70 процентов. Правда, недостаток сельскохозяйственной продукции восполняется импортом, но это привело к значительной валютной задолженности

иностранным государствам. Из-за нашей хронической задолженности поставки товаров по импорту могут в скором времени прекратиться. Кроме того, имеющиеся на рынке и в магазинах товары из-за высоких цен на них не по карману низкооплачиваемым работникам (36,6 миллиона человек) и пенсионерам. Каждый десятый человек в России — за чертой бедности.

Нужно немедленно остановить развал рентабельных коллективных объединений, фермерские подворья создавать лишь на базе нерентабельных хозяйств. Необходимо обеспечить техникой работающие сельскохозяйственные предприятия, поскольку её недопоставка, как говорится, привела к тому, что миллионы гектаров пахотной земли превратились в пустыри. То же самое и с минеральными удобрениями.

И, естественно, сельскому хозяйству нужна бесперебойная поставка топлива.

Нужно обеспечить и сохранность сельскохозяйственной продукции, потери которой достигают 25-30 процентов из-за нехватки хранилищ, средств защиты продукции и плохой организации доставки её потребителю.

Конечно, это потребует немалых средств из государственного бюджета, но они окупятся, ибо от этого зависят благополучие и сама жизнь нашего государства и народа. Где изыскать эти средства, скажу несколько позже.

Важнейшей отраслью народного хозяйства, как уже отмечалось, является топливно-энергетический комплекс — становой хребет нашей экономики: нефть, газ, уголь, электроэнергия. Ведь нефть и газ кормили нас и создавали благоприятные условия для расширенного воспроизводства. Достаточно напомнить, что за счёт закупки за рубежом в 1961-1985 годах оборудования было построено и введено в действие более 50 крупных предприятий, в том числе КамАЗ, ВАЗ, «Москвич» и т.д.

За счёт экспорта нефти и газа мы закупали ежегодно 30-50 миллионов тонн зерна в основном для животноводства, что способствовало росту потребления мяса и молока населением.

Исходя из структурной перестройки экономики, предусматривающей сокращение энергоёмких производств, надо определить оптимальное количество энергоресурсов и принять меры по их производству, отдав приоритет развитию газовой промышленности как отрасли наиболее эффективной.

Относительно других отраслей хозяйства России. Нужно сделать всё возможное, чтобы сориентировать их на первоочередное производство товаров народного потребления, и прежде всего, за счёт восстановления

лёгкой промышленности и конверсии оборонных предприятий.

Необходимо также, прежде всего, добиться развития народного хозяйства, всемерно внедряя новую технику и технологии, то есть использовать основной рычаг повышения эффективности экономики страны.

Рост производительности труда при всех условиях должен опережать рост заработной платы, тогда будут созданы возможности для расширенного воспроизводства. Надо сохранять под контролем государства ключевые отрасли хозяйства, как это делается в высокоразвитых странах.

Что касается социальных проблем, то требуется восстановить бесплатное медицинское обслуживание и образование, воссоздать разветвлённую систему детских садов и яслей, домов отдыха для детей, обеспечить умеренную плату за жильё.

Естественно возникает вопрос: «За счёт каких средств можно это сделать?». Это должно быть осуществлено за счёт государственного бюджета и доходов частных предприятий. И, конечно, главным рычагом изыскания финансовых ресурсов должен быть рост промышленного и сельскохозяйственного производства. Чтобы найти выход из тяжелого финансового положения, в котором оказалась Россия, к решению этой трудной проблемы надо привлечь опытных экономистов и хозяйственников, поручив им разработать программу действий по выводу экономики из кризиса. Ведущую роль в этом должно сыграть Министерство экономики.

Возможности для спасения нашей страны ещё есть. Надо их систематизировать, свести воедино и сделать целью организации дальнейшей работы всех ветвей власти и общества в целом.

Говоря о переходе к рыночной системе управления, следует ограничить её в разумных пределах малыми, средними и бытовыми предприятиями, которые должны находиться под контролем государства. В целях развития здоровой конкуренции не исключаю и создание крупных частных предприятий, особенно в лёгкой промышленности и производстве бытовой техники.

Такова в основном моя концепция по восстановлению экономики государства. Не сомневаюсь, что с ней вопреки очевидности жизни не согласятся люди рыночной ориентации.

Теперь остановлюсь подробнее на рычагах и методах выхода из тяжёлой ситуации в экономике.

Сама жизнь показала, что экономические и социальные результаты политики, проводимой руководством России в 1991—1997 годах, не

соответствуют интересам государства, курс на «шоковые» реформы бесперспективен и опасен.

Выработка и реализация социально-экономической политики возрождения России должна стать первоочередной задачей руководящих органов. Главное, что нужно иметь в виду, — времени для поиска альтернативных путей социально-экономического развития и устойчивой их реализации уже нет. Дело не только в падении производства и неспособности страны обеспечить самые насущные потребности населения, главным образом, в товарах широкого пользования, но и в том, что неумолимо приближается время, когда наступит полный физический развал производственного потенциала; произойдёт распыление и потеря квалифицированных кадров рабочих, техников и инженеров; сельское хозяйство не сможет прокормить народ.

Речь идёт о том, что в дополнение к этим факторам начинают действовать новые факторы, усугубляющие падение производства, на устранение которых потребуются долгие годы даже при самой организованной деятельности государства. Надо учесть и то, что при этом оно столкнётся с активным сопротивлением внутренних и международных (очень организованных) сил.

Правительство, даже если оно будет вооружено чёткой программой действий, не будет иметь за собой тылов, то есть сплочённой опорной силы, особенно на низовом производственном и территориальном уровне. В то же время политическая и экономическая атака против правительства как внутренняя, так и международная (блокада, отказ от предоставления кредитов, требование вернуть долги, заявления о нарушении прав собственности или арендных условий) будет вестись организованно и целенаправленно.

Из мер, которые должны стать первоосновой восстановительного курса, следует выделить прежде всего создание эффективной единой системы рыночного хозяйствования.

Итак, *первое* — нужна интеграция стран Содружества. Вот что писал об интеграции Людвиг Эрхард — «отец немецкого чуда» в своей книге «Благосостояние для всех»:

«Мы должны найти путь к полной интеграции. Необходимо, прежде всего, создать основы для истинной интеграции. Однако мне представляется, что, в первую очередь, эти основы должны быть в другом секторе, в установлении согласованности в валютной политике. При этом следует исходить из установленного в экономической науке положения, что экономический строй не есть результат сложения

отдельных видов урегулирования по различным секторам, подобно тому, как народное хозяйство нельзя рассматривать как здание, построенное из отдельных «ящиков». Народнохозяйственный строй воплощает собой некую функцию, нечто целое и неделимое. Здесь дело касается разнородных отношений между людьми и отношений материального рода, связь между которыми не может быть нарушена или разорвана с тем, чтобы потом произвольным образом снова свести все воедино».

Нужно восстановить единое экономическое пространство, то есть реально действовавший, отлаженный за годы советской власти общий рынок товаров, ликвидировать таможенные заслоны и таможенные «поборы», восстановить в полном объёме единое энергетическое пространство и транспортные связи. Интеграция создаёт рынок для стран СНГ. Ведь страны Европы, если взглянуть попристальнее, делают именно то в смысле интеграции, что сделано было когда-то в Советском Союзе!

Второе. Не сочинять, не спешно в ударном порядке создавать некий мифический «средний класс», а опираться на реально существовавший средний класс в Советском Союзе. Это — научная и техническая интеллигенция (10-13 миллионов человек), это аппарат хозяйственного управления (10-12 миллионов), это высококвалифицированные рабочие и мастера производства (20-22 миллиона), врачи, учителя и т.д., то есть около 50 миллионов реально действующих людей. И если к ним добавить работников торговли, получивших свободу рыночного хозяйства, новых фермеров и новых торговцев, то мы увидим, что изобретать в тёмных кабинетах нечего. Дело в том, что под видом создания «среднего класса» произошло создание коррумпировано-мафиозных структур — агрессивной прослойки паразитирующих производителей.

Третье. Не торопливые, бессмысленные попытки формирования некой «идеи» для общества, а осознание и обозначение цели, а именно — создание и укрепление справедливого социального пути к всеобщему благосостоянию, ликвидирующему позорный, беспрецедентный разрыв между бедными и богатыми. Это достигается использованием разумной системы налогов (выше прибыль — выше налог), системы контроля над прибавочной стоимостью и обеспечением равных условий для всех и в конкуренции, и в производстве.

Всё это требует коренной смены губительного курса реформ, раздробляющих единый экономический механизм на мелкие фрагменты, что приводит к разграблению страны отечественными криминальными структурами при активной помощи иностранного спекулятивного капитала и банков-«валютососов». Итак, что делать?

1. Государство должно чётко обозначить своё место, роль и ответственность за состояние экономики, недопущение её дальнейшего развала и обеспечение нормального устойчивого функционирования. А это невозможно без создания гибкой плановой системы регулирования экономики, но при этом нельзя бездумно копировать прошлые формы и повторять допущенные недостатки. Иными словами, надо формировать механизм планового управления в свободном пространстве рынка.

Время требует безотлагательной разработки комплексного плана восстановления народного хозяйства как для России, так и пожелавших этого стран СНГ.

Плановая система, учитывая многоукладность экономики, обязана сочетать директивность планирования производства и поставки продукции оборонного и стратегического значения с методами индикативного планирования, прямого и косвенного воздействия на субъекты хозяйствования и прежде всего через финансовую систему, кредитную и налоговую политику. Многие элементы указанной выше системы экономического регулирования широко и эффективно используются за рубежом.

2. Официально и чётко признать, что в стране сохраняется многоукладная экономика. В ведении государства находятся отрасли и производства, которые являются общенациональной собственностью: топливная энергетика, оборонное производство, железнодорожный и воздушный транспорт, связь, научно-технические комплексы. В собственности государства должны остаться и крупнейшие заводы в других отраслях, в рамках которых может быть многоукладность, например, Норильский комбинат, Магнитогорский металлургический комбинат, Братский алюминиевый комбинат, «Уралмаш», ЗИЛ, ГАЗ, ЧТЗ, «Россельмаш», главные судостроительные и станкостроительные заводы.

А к тем предприятиям, что находятся в частной, акционерной или кооперативной собственности, должна быть повышена требовательность государства (технический уровень продукции, качество). Задача государства — обеспечить контроль (санитарный, по технике безопасности и т.д.) за их деятельностью, разработкой стандартов на продукцию и охраной окружающей среды.

Следует сохранить государственный сектор во внедрении передовых технологий, в организации научных исследований, обеспечивающих стратегические интересы страны, а также в семеноводстве и племенном животноводстве.

Нужно создать нормальные экономические и социальные условия

работы колхозов, совхозов, товариществ и фермерских хозяйств (наладить, в частности, выпуск техники для малых хозяйств); немедленно возродить Птицепром, обеспечив его сбалансированными кормами и компонентами, необходимыми для их производства.

3. Восстановить государственное регулирование цен на топливо, электроэнергию, минеральные удобрения, транспортные тарифы; усилить внимание к производству и качеству товаров широкого потребления и к ценам на них. И, конечно же, закрыть все пути разграбления народного достояния.

В сельском хозяйстве нужно обязательно сохранить централизованное регулирование цен на зерно, сахарную свёклу, подсолнечник, скот и птицу, молоко и яйца; установить нормальный паритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию; признать, что в интересах государства и населения сохраняется система государственных дотаций на отдельные виды продукции, особенно в сельском хозяйстве. Во всём мире предусматриваются дотации сельскому хозяйству, поскольку они неизбежны и экономически обоснованны с учетом специфики хозяйства на селе и природно-климатических условий.

4. Безотлагательно изучить проблему и выработать конкретные меры по поддержанию и развитию основных фондов и производственных мощностей, ведь в этой области положение просто катастрофическое, что может привести к необратимо пагубным последствиям.

5. Восстановить государственную монополию на экспорт основных, бюджетообразующих товаров: нефть, газ, цветные металлы, лес и лесоматериалы и т.п. Одновременно принять меры к защите внутреннего рынка от импорта некачественных товаров, а также ограничению завоза автомобилей, предметов роскоши и др.

Нужно организовать, и как можно быстрее, целенаправленную и хорошо скоординированную работу по развитию экспортного потенциала страны и производства продукции на экспорт, отвечающей требованиям мирового рынка, прежде всего — наукоёмких отраслей (электроника, гражданская авиатехника, новые виды материалов, биотехника, автомобилестроение). Также следует проводить на действующих предприятиях конкретные мероприятия по более глубокой переработке сырья и, конечно же, повышению качества выпускаемой продукции в соответствии с требованиями мирового рынка.

6. Наметить и осуществить широкомасштабные государственные меры как по спасению науки, ибо финансирование её развития сократилось с 1990 по 1995 год в шесть раз, так и по формированию квалифицированных

кадров инженеров, техников и рабочих. Найти пути восстановления престижности честного труда на производстве.

7. Навести элементарный порядок в деятельности банков и других частных финансовых структур, качающих деньги «из воздуха», направить их кредиты на реальное производство. Резко сократить их количество до цивилизованной нормы, создать крестьянский банк, предоставляющий кредиты сельскому хозяйству под небольшие проценты (как, в частности, предусматривалось Столыпинской реформой).

8. Остановить «бегство» национальной валюты в условиях лёгкого доступа к доллару, когда население предпочитает хранить сбережения в иностранной валюте. Эксперты установили, что в обороте находится до 20-22 миллиардов долларов, что равно половине денежной массы в стране. Вот где источник всех наших неплатежей по зарплате! «Кризис неплатежей в экономике, — говорится в докладе Международного фонда «Реформа», — резко увеличил случаи невозврата банковских кредитов». И далее там же о бюджетном кризисе: «Прирост внутренней задолженности выливается во всё большее выкачивание финансовых средств из инвестиционного сектора, что подрывает воспроизводственную базу отечественной экономики и ведёт к сокращению реальных ресурсов для пополнения государственной казны». Всё это привело к тому, что из 89 субъектов федерации только 13 дают доход государству. Такая система экономического «донорства» порочна и антирыночна.

9. Установить твёрдый курс рубля, обеспечив его реальным ценовым запасом. А для этого надо сократить до приемлемых норм разрыв в оплате труда, когда руководитель, например, получает в десятки раз больше, чем квалифицированный рабочий, ликвидировать многочисленные льготы на вывоз и завоз продукции; снизить на много грабительские кредиты банков производителям и т.д.

Ведь доля населения с доходом ниже прожиточного уровня к 1995 году составляла почти 25 процентов.

Анализ фонда «Реформа» в этой сфере привёл к тяжёлому выводу: «Когда от 1/3 до 3/4 основных потребляемых населением продуктов питания производится в личных подсобных хозяйствах, то ни о каких реформах рыночного типа говорить не приходится. Речь идёт не о развитии рыночных отношений (что предполагает в первую очередь углубление специализации и интенсификацию товаропотоков), а о натурализации производства, о своеобразном движении к феодализму» (подчеркнуто мной — Н.Б.).

10. Учитывая реальные укоренившиеся масштабы коррупции,

рэкетирства, очевидно, придётся пойти на то, чтобы все эти действия, совершённые до принятия нового курса государства, уголовной ответственности не подлежали. В то же время государство должно ответственно заявить, что оно впредь будет сурово карать за новые подобные действия.

Таковы, на мой взгляд, первоочередные меры по выходу страны из глубокой экономической и социальной пропасти.

Тем, кто усомнится в необходимости усиления государственных функций в экономике, я хочу напомнить такой факт: хотя государственный сектор и брошен на произвол судьбы все эти годы, он продолжал выполнять роль своеобразного «донора» в экономике для негосударственного сектора в ущерб своим интересам. Большинство предприятий, перешедших в частный сектор, малодоходны и закрываются как должники. Они не в состоянии принести новые инвестиции и повысить производительность труда.

Особенно это сказывается на фермерских хозяйствах, где жизнеспособны только те из них, которым помогают техникой, удобрениями и даже людской силой колхозные хозяйства, то есть фермеры по существу являются их захребетниками, — частный капитал, как и повсюду ныне в России, подпитывается государственным, общественным.

Поэтому, разоряя и разрушая государственные монополии, режим неизбежно разрушает мелкий и средний (полупаразитический) бизнес и нетрудно спрогнозировать: если дело и дальше пойдёт так, то неминуем ещё больший и страшный обвал производства, теперь уже — частного.

Государство создаёт само свою бедность, капитал не работает на экономику, переводится за границу, оседает в сейфах, — мёртвый, неподвижный, подлинно застойный капитал.

Генри Форд — отец массового производства (в частности, автомобилей), справедливо отмечает: *«Как только народ становится придатком правительства, вступает в силу закон возмездия, ибо такое соотношение неестественно, безнравственно и противочеловечно»*. И чуть позже делает весьма знаменательный вывод, который следовало бы знать нашим «творцам пьяной экономики»: *«Бедность в значительной степени происходит от перетаскивания мёртвых грузов»*. Омертвляется же то, что становится неимоверно дорогими, значит, затоваренным.

Реформаторы, как молодые, так и уже исчерпавшие свои возможности, ни за что не хотят признавать объективные законы экономики, прежде всего жизненную необходимость планового управления, в отличие от авторитетных учёных-экономистов, лауреатов Нобелевской премии

Василия Леонтьева и Дугласа Норта.

Учитывая фундаментальную значимость дилеммы «план-рынок», Василий Леонтьев установил, что план и рынок — вовсе не враги друг другу, а надёжные партнеры, которые, если они вместе, только усиливают эффективность экономики. Всем известно его знаменитое сравнение экономики с кораблём. Рынок и частная инициатива — это ветер в парусах, а план и планирование — это руль, направляющий движение корабля экономики к достижению нужной цели.

Значение текущего, оперативного и стратегического планирования, его всеобъемлющая роль в современной экономике велика, тем более что она являет собой открытую систему, увязанную в одно целое и прямыми горизонтальными и обратными вертикальными связями, которые могут развиваться успешно лишь при продуманном управлении ими как на макро, так и на микроуровнях.

Наша же, российская экономика — без руля, без парусов и без капитана отправлена плыть по воле безумных стихий.

Дуглас Норт, оценивая провальность российского реформирования экономики, предупреждал, что нельзя просто так отбрасывать прошлое, что когда проводишь реформы, необходимо неукоснительно считаться с тем, к чему привыкли, с чем срослись люди, ибо качество экономической и политической модели зависит не только от умения оценить ситуацию, но и от способности прогнозировать будущее. А это — одна из главнейших функций планового управления хозяйством.

Всё так. Но нынешняя официальная наука не развивается, а повторяет зады западной, притом не самой передовой.

А без передовой экономической науки в её корневой взаимосвязи с другими научными дисциплинами, — историей, политикой, техникой и т.д., нет и не может быть никакой системы управления, никакой рыночности и плановости.

Необходимость сочетания государственного управления с рыночными формами ясна каждому, кто болеет за судьбу России, а не за мифические реформы.

Я полностью согласен с утверждением Президента Белоруссии А. Лукашенко о том, что в сложный переходный период, который мы переживаем, роль государства должна усиливаться. «Мы категорически против ухода государства из экономики», — сказал А. Лукашенко в своём выступлении на Международном экономическом форуме, состоявшемся в Санкт-Петербурге в июне 1998 года. Основополагающая идея его выступления — рыночная экономика бессильна без патрона государства.

Лукашенко подчеркнул: *«Реформа — это совершенствование того, что создано, потому что сломать и создать новое у нас нет ни времени, ни средств. И нужно ли это делать вообще? Думаю, что в целом нет»*. По его мнению, хорошей будет та модель, которая приведёт к созданию эффективной экономики, обеспечивающей высокий уровень жизни.

Такую точку зрения я целиком поддерживаю.

«Шоковые» реформы множат не только все новые и новые беды, но и острейшие проблемы. Мы вошли в стадию, когда потребляем больше, чем производим; реальных «живых» денег в обращении в два раза меньше, чем нужно, что восполняется хроническими неплатежами, недоплатами и долларами, как второй валютой России.

«Мы сегодня имеем, — говорил в интервью «Правде» в 1994 году Валерий Зорькин, председатель Конституционного суда России, — с одной стороны обнищавшее и люмпенизированное население, рост преступности, а с другой — образование квазикласса богатых собственников, составляющих максимум 5 процентов общества. Эти собственники антиконституционными методами отобрали пирог у других. Они перераспределили в свою пользу общественное богатство, накопленное трудами многих поколений советских людей. Причём перераспределили они обманным путем... Теперь уже нет того, что народ имел, да и вся страна превращается в колонию, живущую за счёт производства и распределения сырья».

За этим следует здравый вывод В. Зорькина: «Нужна социально регулируемая рыночная экономика смешанного типа, в которой будут и социальная программа, и рыночная инициатива. Главное, чтобы началась модернизация, в которой бы активно участвовали сами трудящиеся». И самый главный вывод: «Должно быть союзное государство, а не союз государств. Остатки союзного государства ещё сохранились: границы, технологические, экономические, семейные и т.п.».

Так что люди, умно и дальнозорко мыслящие о судьбах России, имеются. Важно, чтобы они смогли и успели объединиться.

Одна из самых трудных проблем, возникших в результате разрушения Советского Союза, это устройство беженцев. На пространствах СНГ их десятки миллионов (из Армении, Азербайджана, Молдавии, Украины, Таджикистана, Казахстана) и делятся они преимущественно по этническому признаку. Основные потоки их направляются в Россию. В 1994 году, только по официальным данным, здесь их было уже свыше двух миллионов.

Проблема беженцев представляет собой проблему действительных

прав человека и прав народа на жизнь. Решая эту проблему, мы могли бы использовать опыт де Голля. Им был разработан план заселения городов беженцами из Алжира, созданы соответствующие службы и фонды.

Огромные, трудноразрешимые проблемы имеются в армии и военно-промышленном комплексе (ВПК). Бывший министр обороны И. Родионов в феврале 1997 года признавал, что через пять лет армия утратит свою боеспособность, включая и атомное оружие... Ибо армия технически почти не перевооружается, ВПК остановлен, армии не хватает людей и она сокращается сама по себе. Более того, из каждой тысячи подлежащих призыву молодых людей, по данным Минобороны России, психически нездоровы 180 человек.

Выход из тяжёлой ситуации видится только в создании нового высокотехнологического оружия, в разработке качественно новых форм организации войск, а не в увеличении их численности.

Однако падение высоких наукоёмких технологий в нашей стране продолжается, и мы обречены на пребывание в состоянии застоя. Обращаясь снова к опыту Китая, скажу, что там, например, планируется повысить уровень ассигнований на науку и технику с 0,7 процента ВВП в 1990 году, до 1,35 процента в 2000 году, то есть в 2 раза.

Между тем выход из кризиса — в создании именно высоких технологий, качественно новой техники и организации производства.

В заключение добавлю лишь одно — времени для выхода из катастрофы остаётся всё меньше и меньше, и людей, знающих правду, помнящих, как на самом деле строился социализм и что он фактически дал людям, — всё меньше и меньше. И долг каждого из нас — сохранить эту правду и передать её последующим поколениям.

Я прожил большую и сложную жизнь, много лет отдал нефтяной и газовой промышленности и вижу, что восстановление страны начнётся именно с этих отраслей. Писал я на страницах этой книги и о великом значении газа в будущем развитии прогрессивных технологий. И вот — новые «ласточки» этого: мы заключили в 1997 году крупномасштабный договор с Италией, Китаем, Турцией на строительство ряда газопроводов.

В развитии ТЭК и, прежде всего газовой отрасли — один из наших выходов из тупика, крепкая основа нашего будущего, тем более что число новых открытых месторождений газа нарастает.

Значит, есть свет в конце туннеля. Вот на этой оптимистической ноте хочется закончить последние страницы книги.

1998 год

С верой в доброе завтра

На дворе аномально тёплая осень 2005 года. Моя 94-я Осень. Что-то вновь заставило обратиться к этой книге. Внимательно перелистал страницы, сделал пометки, и вот о чём подумалось спустя шесть лет после выхода первого её издания: если бы пришлось всё писать заново, то книга вновь вышла бы именно такой, как она есть. Выходит, писал честно, не выбирая факты и не думая о сиюминутной конъюнктуре.

То, что произошло в последние шесть лет в родном Отечестве, вызывает неоднозначные чувства. С одной стороны, приход к управлению страной Владимира Путина, безусловно, укрепил нашу государственность и обороноспособность, заставил вспомнить о величии России. Наконец тезис о том, что топливно-энергетический комплекс является локомотивом отечественной экономики, стал одним из важнейших в государственной политике. И это правильно. С другой стороны, по-прежнему тяжёлые времена переживают сельское хозяйство, наука, ряд отраслей промышленности, остаётся актуальной проблема воспроизводства минерально-сырьевых ресурсов, идёт трудный диалог с партнёрами по бывшему Советскому Союзу.

И всё же я верю в добрый завтрашний день. Многовековая история развития нашего Государства позволяет говорить о том, что в самые трудные времена национальное единство и дух народа выводили из кризиса, а после смутного времени всегда наступал рассвет. Надо только быть социально активным, участвовать, по мере сил и возможностей в общественном обустройстве, приближая доброе завтра наших детей, внуков, правнуков.

Памятуя об этом, я совместно с видными государственными и общественными деятелями, представителями мира науки и бизнеса России, а также ближнего зарубежья учредил общественную организацию — Международный фонд содействия экономическому развитию. Его цель — всестороннее содействие поступательному экономическому росту России, внедрению передовых достижений науки и техники в различные отрасли народного хозяйства, социально-экономической и гуманитарной интеграции государств постсоветского пространства и др. Думаю, что колоссальный опыт людей, сотрудничающих с Фондом, поможет внести свою лепту в доброе обустройство нашей Отчизны.

Сегодня у России есть уникальный исторический шанс вновь стать

великой и процветающей державой, с которой будут учтиво общаться и на Западе и на Востоке, и каждый житель которой будет гордиться своей принадлежностью к Отечеству. И я искренне верю, что этот шанс мы непременно используем!

2005 год

И в заключение мне искренне хочется поблагодарить всех тех славных тружеников, с кем свела меня судьба на путях и перепутьях истории, с кем вершили мы славные дела на благо Отечества, не жалея ни сил, ни времени, тех, кто внёс весомый вклад в социально-экономическое развитие страны, в её могущество.

notes

Примечания

Это не совсем точная информация. Заградотряды появились за долго до приказа И.В. Сталина. Кто их организовал, и были ли они расформированы - неизвестно. Как указывает д.и.н. А.М. Плеханов:

К 20 июля 1941 года заградительные отряды и оперативные заслоны существовали на Северном, Северо-Западном, Карельском, Ленинградском, Западном, Брянском, Центральном, Юго-Западном, Южном фронтах и даже в Резервной армии.

До 10 октября 1941 года особыми отделами и заградительными отрядами НКВД было задержано более 600 тысяч военнослужащих. По постановлениям особых отделов и по приговорам военных трибуналов к указанному периоду расстреляно более 10 тыс. человек, из них расстреляно перед строем более 3 тысяч человек. (РГАНИ, ф.89. оп. 18, д. 8. л 1-3) — Прим. ред.

Роль "катюш" историками войны недооценивается. Особенно велико их значение в битве за Москву, при окружении немецких войск под Сталинградом, при штурме Берлина. — Прим. ред.

Эта рукопись опубликована в томе 2 настоящего издания.